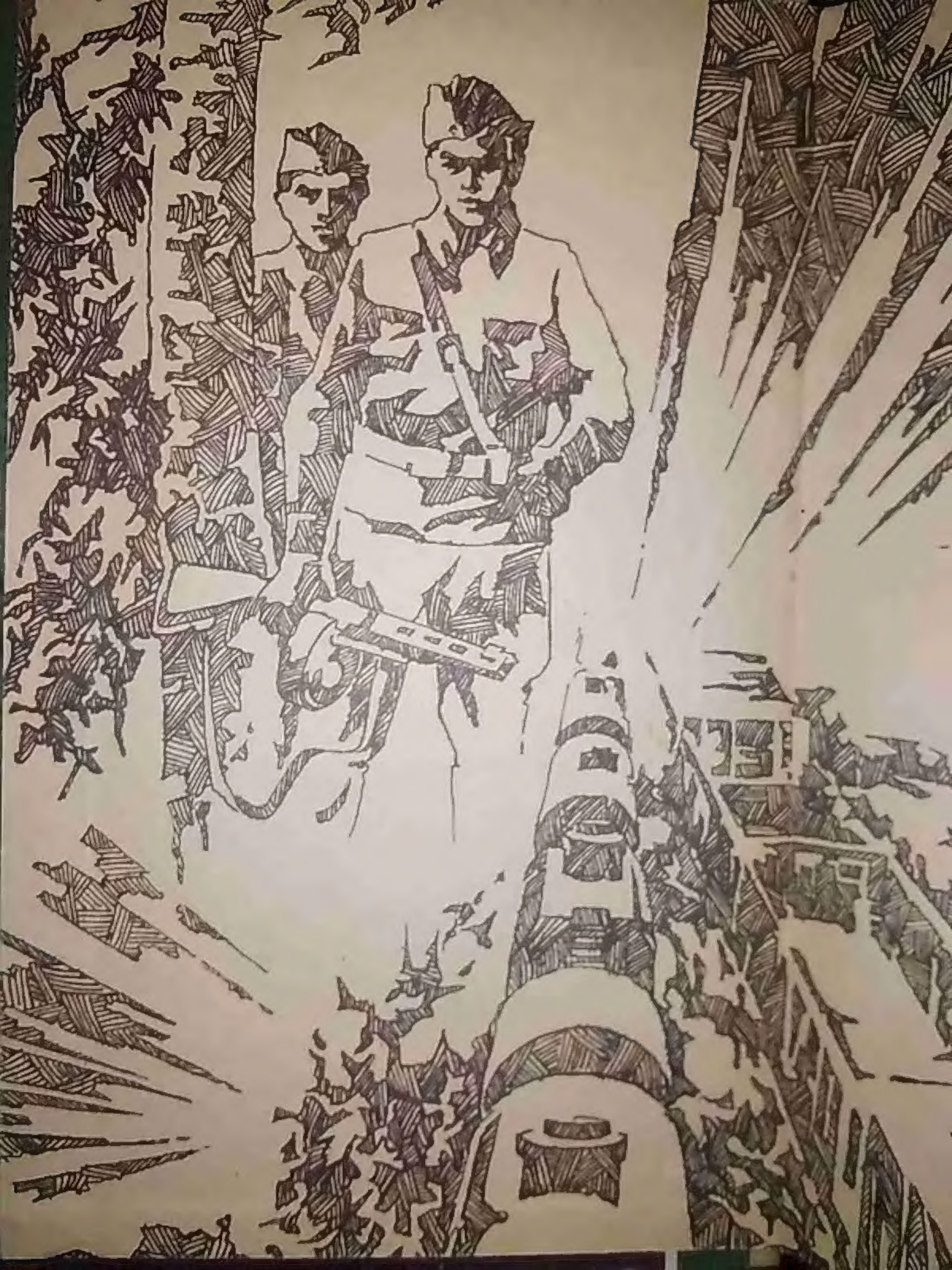
А.И. ОДИНЦОВ

НЕПОКОРЕННАЯ БЕРЕЗИНА



издательство

ДОСААФ СССР

SS 189

А.И. ОДИНЦОВ

НЕПОКОРЕННАЯ БЕРЕЗИНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1985

ББК 84Р7
О11

Рецензенты: В. К. Лужеренко, М. П. Савельев

О $\frac{4702010200-083}{072(02)-85}$ 75—85

ББК 84Р7
Р2

© Издательство ДОСААФ СССР, 1985

Первая военная зима

Стояли последние мартовские дни сорок второго года. Было не по сезону холодно. Казалось, суровая, многоснежная, с трескучими морозами и густыми метелями зима первого года войны бросила дерзкий вызов и теперь не намеревалась без боя уступать весне.

Глубокая тревожная ночь. На настольных часах в кабинете директора подмосковного Кунцевского завода, видимо, специально оставленных при эвакуации, чтобы отсчитывали время до возвращения хозяев в родные стены, уже третий час. Пора отдохнуть бы. За окном даже метель улеглась, перестала стонать, греметь куском жести, сорванным с крыши при бомбежке. Но офицерам одного из отделений разведотдела штаба Западного фронта не спалось. Сняв с себя меховые безрукавки, они стояли в жарко натопленных директорских апартаментах у огромной, во всю стену, оперативной карты и, уставшие, с набрякшими глазами, обсуждали ход военных действий, высказывали свои мнения, предположения, задумки, даже пытались заглянуть на полгода, а то и целый год вперед. Не курили, чтобы не затуманивать и без того перенапряженные мозги. Кому становилось невмоготу, выходили в холодный «предбанник» — небольшую приемную, задымленную до черноты. Общее впечатление об обстановке складывалось неплохое. Первые победы Красной Армии под Москвой, Тихвином и Ростовом укрепили дух народа и его веру в окончательную победу над врагом. Наступление Калининского и правого крыла Западного фрон-

тов все еще продолжалось, однако военные действия носили менее ожесточенный характер. Враг продолжал откатываться назад, оставляя много населенных пунктов, хотя Гитлер еще 8 декабря вынужден был отдать приказ о переходе своих войск к обороне на всем советско-германском фронте, любой ценой удержать районы, имеющие важное стратегическое и военно-хозяйственное значение. Немецко-фашистское командование рассчитывало, пополнив войска людьми и вооружением, отразить контрнаступление Красной Армии. Но им, разведчикам, лучше чем кому бы то ни было другому, было ясно, что вражеским замыслам не суждено осуществиться.

Еще трещали морозы, мели косые поземки. На фронтовых дорогах, ведущих на запад, все еще росли синие переметные сугробы. Их по-прежнему крушили гусеницы советских танков, колеса машин, конские копыта, сотни, тысячи солдатских валенок, сапог, угольники волокуш... Днем и ночью части Красной Армии, взламывая немецкую оборону, рвались вперед, на запад. Обойдя с севера и запада левое крыло группы армий «Центр», они создали угрозу тылу ее главных сил, нарушили взаимодействие с группой армий «Север». Вражеское командование срочно перебросило сюда более десятка пехотных дивизий и охранных бригад. Разгромить усиленную немецко-фашистскую группировку и освободить Ржев, Гжатск и Вязьму из-за отсутствия необходимых резервов советские войска не смогли и на ряде участков стали переходить к обороне. Южнее Вязьмы героически сражались воины 33-й армии и 4-го воздушно-десантного корпуса, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и партизаны Смоленщины.

Не затихал грохот канонады на всех участках советско-германского фронта. Под Ленинградом и Тихвином зимой 1942 года были нанесены сильные удары по гитлеровским войскам. На старорусском направлении войска Северо-Западного фронта разгромили три вражеских дивизии и зажали в Демянском котле еще семь. Но бои по уничтожению окруженных под Демянском войск 16-й армии Гитлера затянулись.

Огромная оперативная карта пестрела флажками.

— В общем неплохо потрудились наши войска,— как бы подводя итог обзору событий, заметил майор Можаров.— Но все же задача, поставленная перед нашим фронтом, выполнена далеко не полностью, товарищи. Скажем это прямо.

— А в чем причины, товарищ майор? Почему так и не удалось завершить все задуманные операции на основных направлениях? — спросил капитан Рогозин.

— Силенок у нас пока еще маловато. Полагаю, в этом главная загвоздка. Да и опыта еще не тово...

— Верно! — встал сидевший верхом на стуле и молча обнимавший его спинку старший политрук с орденами Ленина и Красного Знамени на груди.— Враг пока по-прежнему силен.

В комнату вошел в накинутом на плечи белом полушубке заместитель начальника разведотдела полковник Мильштейн. Почуяв тепло и уют, сбросил его на свободный у порога стул.

— Вы что же не спите? Ведь в вашем распоряжении осталось меньше двух часов! А прибавки на отдых не ждите.

— Да вот прикидываем, сколько еще Гитлеру трепыхаться... — ответил начальник отделения подполковник Шищенко.— Думаем-гадаем, как дальше развернутся события на фронтах.

— Я понимаю вас,— включился в беседу, присев у стола, Мильштейн.— Этой думкой живет сейчас каждый боец и командир, вся страна живет! Скажу одно: сегодня, конечно, трудно предвидеть и оценить все последствия зимней наступательной кампании советских войск, в особенности разгрома отборных фашистских войск под Москвой. Но посмотрите сюда, друзья! За четыре месяца враг драпанул на сто пятьдесят—четыреста километров. А? Звучит? Немецко-фашистское командование в глубоком трансе. Теперь уже ясно: план молниеносной войны провалился. С треском! Вы понимаете, что это значит!

Полковник подбросил полено в печку.

— Но все ли у нас самих хорошо было? Везде ли командиры твердо знали, каков впереди противник, какие у него резервы в ближайшем тылу и так далее. И мы с вами, друзья, давайте честно признаемся, просмотрели переброску вражеских дивизий из резерва в район Ржева, Гжатска и Вязьмы. А итог? Войска Ка-

[illegible] и Западного фронтов так и не соединились [illegible] Вязьмы. А трагическая судьба тридцать третьей армии генерала Ефремова? Почему целой армии не удалось вырваться из вражеского окружения под Вязьмой? Знал ли командующий, что придется пробиваться с боями на восток по территории, забитой войсками четвертой танковой группы противника? Если знал, то этот прорыв был бы заранее обречен на провал. Скорее всего, не знал. Но тогда где была разведка — армейская, фронтовая?

Мильштейн встал.

— Вот и я заговорился с вами. Словом, задачек перед нами много, друзья. Надо думать и думать. А пока — отдыхать! Завтра, а точнее уже сегодня, придется крепко поработать.

Встречая весну 1942 года, командование Западного фронта не сомневалось в том, что гитлеровцы вскоре попытаются перехватить инициативу и нанести решительное поражение Красной Армии. К тому же не совсем удачно сложилась конфигурация линии фронта перед войсками Калининского и Западного фронтов. Особенно сложная обстановка была в треугольнике Ржев—Вязьма—Смоленск. Перед разведывательным отделом штаба Западного фронта, естественно, встала задача разгадать замыслы врага на весну и лето, определить основные направления, на которых вскоре суждено будет разыграться главным событиям.

Еще не развеялись тревоги за судьбу родной столицы, испытавшей тягостные дни осени сорок первого года. Извлечены были первые уроки, сделаны соответствующие выводы. Постоянная забота о безопасности Москвы вынуждала военный совет Западного фронта усиливать не только войсковую, но и глубокую оперативную разведку.

В фашистский тыл выбрасывались с парашютами все новые группы опытных разведчиков, широко использовались разведывательные данные партизанских отрядов. Встала проблема координации общих действий. Поэтому в августе 1942 года решением командующего Западным фронтом была создана на временно оккупированной фашистами территории оперативная группа разведотдела штаба фронта.

В один из жарких августовских дней в кабинете начальника штаба фронта генерал-полковника Соколовского собрались четверо. Сам хозяин, начальник разведки фронта полковник Ильницкий, а также разведчики Спрогис и батальонный комиссар Огиевцев, имевшие большой опыт работы в тылу противника. Разговор начался не сразу. Соколовский подписал несколько срочных бумаг, ответил кому-то по телефону, убрал со стола в сейф папку с донесениями и только после этого, усевшись поближе к приглашенным командирам, заговорил:

— Положение на фронтах, надеюсь, вам хорошо известно. Оно не из легких. Особенно под Воронежем и на сталинградском направлении. На нашем фронте летом этого года враг крупных боевых действий пока не предпринимал, но тем не менее мы должны смотреть вперед. Наступит время, и фронты двинутся на запад,— генерал сказал это с непоколебимым убеждением.— Да и теперь нужен острый глаз за противником в его оперативной глубине. Не так ли, товарищ Ильницкий?

— Нами кое-что уже предпринято в этом направлении, товарищ генерал,— ответил начальник разведки.— Так, например, мы заслали для глубокой разведки ряд небольших разведывательных отрядов и групп. В частности, в районе Минска, Борисова, Бобруйска действуют группы Колесовой, Сороки, Букова, Вацлавского и другие. Правда, пока еще не все они активно питают нас нужными данными.

— Вот это как раз и беспокоит нас. Отряды действуют разобщенно, а потому малоэффективно, допускают срывы, а то и крупные провалы. Отмечаются случаи гибели разведчиков... С таким положением нам никак нельзя мириться.

В кабинете на минуту воцарилась тишина. Все помимо воли своей глубоко вдумывались в смысл сказанных слов и переживали их трагизм, не в состоянии избавиться от потаенного чувства и собственной причастности к происходящему и связанной с этим неосознанной вины. Хотя за каждым из присутствующих, конечно же, никакой вины не было.

Соколовский вышел из-за стола и шагнул к настенной карте со штабными пометками.

— Смотрите! Здесь, в глубоком тылу противника, в районе Минск, Бобруйск, Борисов и Могилев, действуют наши разведывательные группы и отряды. Через этот район пролегают главные артерии, питающие группу армий «Центр». Если мы срочно направим сюда, в леса юго-восточнее Борисова, оперативную группу и поручим ей координацию действий отдельных групп, то дело пойдет совсем по-другому. Находясь непосредственно во вражеском тылу, командование группы будет значительно лучше знать обстановку и, имея под рукой опытных разведчиков и диверсантов, сумеет точно координировать их действия, а также создать надежную разведывательную сеть, наладить диверсионную работу. Возглавит все это архиважное дело... — Соколовский посмотрел на стоявшего рядом ясноглазого блондина,— наш опытный разведчик Артур Карлович Спрогис.

— Слушаюсь! Есть! — вытянул тот руки по швам.

Соколовский подошел к Огнивцеву и взял его под локоть.

— А на ваши плечи, товарищ батальонный комиссар, возлагается комиссарская ноша. В штабе фронта вас помнят еще по первому рейду и надеются...

— Благодарю за доверие, товарищ генерал. Постараюсь оправдать,— ответил просто, но с достоинством двадцатидвухлетний парень с двумя боевыми орденами на груди, необычайно строгий и скрытный на вид, с постоянным напряжением прицеливающихся к собеседнику голубых глаз.

Соколовский оценил этот взгляд и едва заметно улыбнулся краешком губ.

— Вот и хорошо. Думаю, что помимо всего прочего вам будет интересно еще разок побывать в «гостях» у старых знакомых.

Генерал опять сел за свой большой рабочий стол, заваленный оперативными документами, картами, какими-то справочниками с пестрыми хвостами закладок. Лицо опять деловитое, решительное.

Сейчас он полностью отрешился от всего того сложного многообразия дел, связанных с ответственнейшими задачами, стоящими перед фронтом, которые он, начальник штаба, должен решать, и переключился целиком на одну, конкретную, но очень важную задачу... Сейчас он собирал в дальний путь оперативную группу!

— Нам думается, что работу вашу надо конкретизировать. Кроме исполнения общих обязанностей командира и комиссара надо взять на себя конкретные функции. Товарищ Спрогис возглавит диверсионную деятельность, а Огнивцев займется вплотную разведкой, поскольку более семи месяцев занимался ею в разведотделе штаба фронта, а стало быть превосходно знает обстановку в этом районе. Как мне доложил начальник разведотдела, в этом районе работают несколько разведывательных групп, подготовленных вами. Так, товарищ Огнивцев? Вот вам и карты в руки. Возражений нет?

Командир и комиссар молча встали. Соколовский скупо улыбнулся:

— Ну, раз возражений не поступило, давайте теперь обговорим все вопросы, связанные с организацией, материальным обеспечением, подготовкой и выброской оперативной группы в тыл врага.

Подбор людей

Оперативной разведывательной группе предстояло совершить бросок по воздуху через линию фронта, в белорусские леса, облегавшие город Борисов с юго-востока. Требовалось отобрать четыре десятка опытных и смелых мастеров своего дела, способных не только руководить уже действующими против врага разведчиками и диверсантами, но и самим организовать новые группы из местного населения. Нужны были рядовые и младшие командиры, волевые, натренированные, стойкие, смелые, смекалистые, находчивые, хорошо владеющие оружием, знающие подрывное дело, непременно побывавшие под вражеским огнем и доказавшие способность не дрогнуть перед тяжкими испытаниями, даже перед самой смертью.

Хотя в штабе фронта и указали, что группу лучше всего сформировать из числа разведчиков, вернувшихся с боевых заданий и находившихся в то время в резерве, в войсковой части, расположенной в живописном месте, на окраине столицы, но командир и комиссар понимали, что сделать это будет не легко. Загвоздка в том, что там не было сколоченных подразделений. Люди собрались из разных отрядов и групп, многие

командиры которых погибли при выполнении боевых заданий в тылу врага. У кого расспросишь о боевых качествах приглянувшегося бойца или сержанта? Действительно, пришлось на ходу изучать людей — на занятиях, тренировках, даже в столовой и клубе... По отношению к делу, по рассказам о стычках в фашистском тылу. Наметанному глазу командира и комиссара порой одной какой-то детали хватало, чтобы увидеть сокола по полету, уловить главную черту его характера, понять способности и настроения.

В один из душных августовских вечеров Огнивцев сунул в свою летную командирскую планшетку записную книжку и отправился в расположение резерва. Ужин только что кончился, кино в клубе еще не крутили и «резервисты» высыпали во двор под деревья скверика возле клуба студентов МЭИ. Одни прохаживались по дорожкам, другие толпились у газетной витрины, где висела вечерняя сводка Совинформбюро, третьи, усевшись на длинных лавочках, а то и прямо на жердочках цветников, весело балагурили, вспоминая фронтовые или довоенные приключения.

— А вот в нашей дивизионной разведке случай был, так случай,— заворожив с дюжину бойцов, услаждал их уши усач в форме старшего сержанта.— Приказывает как-то нам начальник разведки майор Бедин в одну ночь добыть «языка» под Селижаровым. А как его добыть, когда на дворе не май, а декабрь, и мороз жмет под сорок. Фашисты в прочных блиндажах отсиживаются, мундиры у жарких печей от насекомых освобождают, аж хруст идет... Попробуй, выкури такого курортника на мороз да утащи на своих же плечах. Дудки! И тогда мы на хитрость пошли. Подогнали к дзотам теленка, хвост ему накрутили как следует, а он как замычит! Мамочки родные! Мясо! Говядина! Фашисты и повыскакивали ловить заблудшую скотину. Видать, у них с харчами тогда не так богато было. Тут мы их и накрыли. Вот свят бог! Сразу двоих и сцапали.

— Брешешь, дружок. Как пить дать, брешешь,— воскликнул кто-то из скептиков.— Где же вы теленка на передовой взяли?

— Какого теленка? Разве я о нем говорил? Разве мы дураки скотину к фашисту гнать. Васька, наш самый шустрый разведчик, по-телячьи мычал. Василь Бондаренко из-под Чернигова. Разве не слыхал про такого?

Бойцы дружно хохочут, а комиссар тут же берет на карандаш усатого с двумя медалями «За отвагу» на груди.

Другой весельчак заливал совсем иное:

— Нет, братцы, что ни говорите, а наши курские девчата лучше всех.

— Это за что же им честь такая?

— А ты кумекай сам. Ваши калужские чуть темь — по сеновалам целуются, а наши всю ночь сидят на завалинках и так сердечно поют. Целый свет обойди — не сыщешь певуний таких. Ты думаешь, откуда взялось «курские соловьи»? Эх, мне бы теперь туда, посидеть под родимой ракитой!.. Да проклятый фашист дорогу загородил.

— А ты разгороди ее! Чего воздыхаешь?

— Погоди. Не все сразу. Придет черед... Ох, как разгорожу!

У соседней скамьи своя тема:

— Сколько жить буду, никогда не запамятую того проклятого «мессера» и очкастого фашиста в его кабине. Рыжий, плюгавый, тьфу, проклятый... В чистом поле он застукал нас, ни тебе куста, ни пня, ни деревца... Ни одной канавы, как на грех. Троих с первого захода, а за нами, кружившими по снежному полю, настоящую охоту развернул. До самой земли, гад, снижался, чуть не колесами давил. И такая у него звериная осклабина на роже. Я даже оспины разглядел. Рябой паразит... Настырный. Мы по нему из автоматов, а он... на нас напролом, аж позеленел весь. На третьем заходе, зараза, зажал так, что деваться вовсе некуда. Лежим распластанные, глядим, как он прет на нас прямо. Мой дружок Клюев Коля и говорит: «Эх, досада какая! Столько прошли невредимыми, столько смерти в глаза смотрели, проносило, а тут...» Погиб друг мой неразлучный. Пулеметной очередью разрезало. Да разве только его.

— Вы-то?.. Вы как спаслись, Сандыбаев?

— А на меня у рыжего шакала патрона не хватило. Ушел...

— Вот так-то ребята. Видать, наш Сандыбаев кем-то заворожен.

«Сандыбаев! Да это же лучший разведчик нашего Отряда особого назначения. Вот так встреча! Нежданно, негаданно. Как он здесь очутился? Ведь он с от-

рядом еще зимой ушел в леса западнее Сухиничей. А может, тот мессер помешал?» — встрепенулся Огнивцев и с ходу прорвался сквозь плотное кольцо бойцов. Широко раскинул руки.

— Алимхан! Как ты попал сюда? Откуда?

Они вышли из круга, тихо пошли по аллее. Сандыбаев рассказывал:

— Мы дважды ходили в тыл врага западнее Сухиничей. Оба раза с боевым заданием отряд справлялся.

— А как много бойцов и командиров из нашего бывшего отряда находятся сейчас в резерве? — перебил его комиссар.

— Тех, которых вы знаете, осталось совсем немного, человек десять—пятнадцать. Кое-кто еще после первого задания зимой сорок второго остался воевать в стрелковых частях на передовой, раненые и больные разъехались по госпиталям. Таких тоже хватало...

— Кто возглавляет группу бойцов вашего отряда в резерве?

— Как кто? Да наш же боевой командир — капитан Алексеев.

— А где он сейчас? — обрадовался Огнивцев.

— Да вместе с нами. Я его видел несколько минут тому назад на ужине. Разрешите, я его найду и приглашу к вам?

Минут через десять комиссар и капитан Алексеев, вернувшийся недавно с боевого задания и находящийся на отдыхе, после бурных объятий беседовали в курилке у входа в казарму.

— Сандыбаев мне рассказал о ваших боевых делах,— начал первым комиссар.— Рад я за всех вас и особенно за тебя, дорогой Николай Федорович. Доволен, что отряд, которым ты командовал, дал фашистам перцу. Долго помнить будут!

— Приходилось туго и жарко, товарищ комиссар,— с подчеркнутым уважением отвечал Алексеев.— Но боевую славу Отряда особого назначения мы не уронили. Были большие потери. Погибли старший лейтенант Брандуков, рядовой Нечаев, сержанты Кузнецов, Родионов, Метальников — да много их сложило головы... Отличные разведчики! Да вы их помните, конечно, смелые были ребята, надежные... Жалко. Ох, как жалко. Но война есть война... Зато немало ушло на тот свет

и фашистов от их метких очередей и взрывов на дорогах. Думается, что мы у них не в долгу.

— А сейчас чем заняты? Какие твои личные планы на будущее, Николай?

— Резерв, как сами понимаете... Немножко отдохнем. А что? Разве дело есть?

У Алексеева загорелись глаза. Как видно, дни вынужденного бездействия ему порядком поднадоели. Он ведь был весь в деле, в схватках с оккупантами.

— Да, есть кое-что.

— Сложное?

— Пожалуй, посложнее рейда под Велиж. Есть задумка двинуться в Н-ские леса и «поработать» в глубоком вражеском тылу.

— Товарищ батальонный комиссар. Да это же здорово! — воспрянул духом Алексеев.— Возьмите нас! Ей-богу, не пожалеете. Да мы за потерянных ребят хоть самому дьяволу хвост оторвем. Вы же нас знаете. А может, группа уже укомплектована? А?..

— Нет. Пока что ходим, присматриваемся к людям. По золотнику отбираем.

Алексеев уцепился за рукав батальонного комиссара:

— Не откажите! Сердцем прошу! Заверяю... Вы же меня знаете...

— Дорогой Алексеев. Да я тебя с превеликой радостью возьму. С такими людьми любому командиру воевать надежно. Более скажу, тосковал я о вас, как родной брат волновался. Все пытал себя: как вы там? Не попали ли в беду, не напоролись ли на засаду, не померзли в те жуткие морозы?..

— Всяко было,— горько улыбнулся Алексеев и спросил, чтобы уйти от неприятных воспоминаний: — Вы пока в штабе?

— Нет. Уже состоялся приказ о новом назначении. Командиром назначен подполковник Спрогис, я — комиссаром.

Алексеев остановился.

— Спрогис. Слыхал о таком. Если не ошибаюсь, командир войсковой части. А вот что за человек — не знаю. Разведчик?

— Да. И не плохой. Нравится мне в нем, Коля, многое. Энергичность, молодцеватость, строгость, скрытная хитринка, светлый ум... Словом, есть все, что надо раз-

ведчику. Артур Карлович — смелый, мужественный командир. Для нашего поколения он — как бы человек из легенды, представляешь, с четырнадцати лет с шашкой и наганом за беляками гонялся! За Советскую власть! Он уже с тех юных пор понимал сердцем коммунистические идеалы, верность долгу. И понимал, и принимал. В общем, с командиром, Николай Федорович, нам больше чем повезло.

Сидя на скамейке, во дворе института, комиссар подробно рассказал Алексееву о жизненном пути командира. Зрелых лет — вот только-только тридцать восемь исполнилось, отметили прямо в казарме... В 14 лет — разведчик Красного партизанского отряда, в 15 — разведвзвода 7-го латышского стрелкового полка. Уже красноармеец! Для Артура, сына батрака из имения немецкого барона под Ригой, а затем рабочего Рижского вагоностроительного завода, был единственный выбор: идти с теми, кто из нужды не вылезал, кто познал палку и плеть русских царей, немецких баронов, предательство собственных богатеев. Естественно и просто, что Карл пошел по пути отца, большевика и партизанского командира в гражданскую войну, полыхавшую в Прибалтике.

Юношу целиком увлекла борьба. Большевистские идеи воспитывали в нем подлинного интернационалиста. Он сражается плечом к плечу с русскими и украинскими братьями, такими же обездоленными, как и он.

1920 год. На юге орудует барон Врангель, в Белоруссии вершит расправу наемник панской Польши атаман Булак-Балахович, на Украине бесчинствуют Петлюра, Махно, Зеленый, Ангел, разные мелкие «батьки».

Латышские стрелки с частями Красной Армии идут громить интервентов на юге и западе. Перед отправкой на фронт шестнадцатилетнего пулеметчика курсантской роты Кремлевского военного училища имени ВЦИК принимают в партию большевиков. Будучи курсантом первых советских пулеметных курсов в Кремле (в те времена школа имени ВЦИК), самый молодой из товарищей Артур Спрогис частенько стоял часовым на посту № 27, у квартиры Владимира Ильича Ленина, с затаенным дыханием провожая глазами великого вождя, когда он, усталый, возвращался домой или по утрам шел на работу...

На фронте молодой пулеметчик, но уже опытный партизан становится полковым разведчиком, сотрудником особого отдела Юго-Западного фронта при сводном отряде. Под видом деревенского паренька, разыскивающего родителей, Артур пробивался из села в село, разведывал вражеские гарнизоны, склады оружия, выпытывал имена главарей контрреволюционного подполья. Уже позднее на Украине он даже проник в логово хитрого и коварного врага Махно и добыл ценные сведения о замыслах вожака анархистской банды, которые очень пригодились нашему командованию...

После гражданской войны Артур Спрогис остается на западных рубежах Родины, преследует вражеских диверсантов, контрабандистов, связников иностранных разведок. Летом тридцать шестого он, теперь уже выпускник Высшей пограничной школы ОГПУ, отправляется добровольцем на фронт в Испанию, горя желанием помочь республике подавить мятеж кровавого генерала Франко. В самую трудную боевую пору инструктор республиканской армии Испании Артур Спрогис становится командиром спецотряда разведчиков 11-й интернациональной бригады, действующего в основном во вражеских тылах. Под его руководством андалузские шахтеры, батраки латифундий, мадридские студенты овладевают искусством борьбы и успешно взрывают патронный завод в Толедо, надолго лишая немецко-фашистский легион «Кондор» боеприпасов. Затем уничтожают двадцать эшелонов с продовольствием и горючим. От их рук взлетают в воздух мосты и переправы. Наконец отряд захватывает под Гвадалахарой в дерзкой схватке группу старших офицеров мятежного штаба и ценные документы...

Почти два года провел в боях на Пиринеях Артур Спрогис. Орден Ленина и орден Красного Знамени заслужил он на испанской земле в первых яростных сражениях с фашизмом, нависшим зловещей тучей над Европой. Он стал испытанным большевиком-интернационалистом.

Артур Карлович Спрогис как бы вобрал в себя все те лучшие качества, что Коммунистическая партия воспитала у молодого поколения, которому суждено было своими руками строить социалистическое общество и защищать его от недругов. Это и высокая идейность, политическая страстность, великая, необоримая любовь

к Советской Родине, навсегда избавившейся от капитализма, это и классовое уважение и солидарность с угнетенными народами мира, сочувствие, органически связанное с желанием и стремлением активно помочь им избавиться от гнета, это и жгучая, неугасимая ненависть к врагам мира и социализма, готовность к борьбе с ними до победного конца.

С началом Великой Отечественной войны Спрогис снова на переднем крае — в разведке.

Рассказывая обо всем, что можно было рассказать верному боевому другу и что в сущности перестало уже быть секретом, Огнивцев не жалел красок и не сдерживал собственных эмоций. Он искренне уважал Спрогиса.

— Да-а, совсем вы меня доконали, Иван Александрович,— расстроился Николай Алексеев.— Как же теперь мне быть? Теперь же я спать перестану, пока не запишете меня в отряд. Скажите командиру, что я... что мы...

— Скажу, Николай, скажу,— обещал Огнивцев,— а теперь веди в казарму. Время к ужину. Самый резон с народом встретиться. Только о белорусских лесах ни слова.

— Все понятно, товарищ комиссар. Это можно и без предупреждения.

В казарме стоял полумрак — экономили электричество. Пахло крепким мужским духом. Возвратившиеся с занятий бойцы мылись, чистились, готовясь к ужину. Стоял сдержанный деловой шум.

Первым в казарме вошедших встретил сержант Сандыбаев. Видимо, он догадывался, что Огнивцев с Алексеевым обязательно зайдут сюда, чтобы повидаться с «резервистами», а раньше всего с бывшими участниками совместного рейда Отряда особого назначения. В его глазах горела неподдельная радость. А когда заговорили о новом деле, Сандыбаев встал по команде «смирно» и попросил:

— Возьмите, товарищ комиссар. Не подведу. Честное комсомольское!

Ну как не взять такого смекалистого, преданного делу, надежного, геройского парня. Его зачислили в отряд первым. Дальнейшее комплектование продолжалось без особых затруднений. Первые бои сами собой выявили кто на что способен, кто чего стоит. Эти парни

были перед командиром и комиссаром как на ладони. За три-четыре дня перебрали, прощупали несколько десятков кадровых сержантов и солдат, уже отмеченных вражескими пулями. Состоялось более чем приятное знакомство и с замечательными московскими комсомольцами-добровольцами, которые по призыву Центрального Комитета комсомола в первые же дни войны явились в столичные военкоматы и выразили согласие выполнять боевые задания в фашистском тылу. Многие из них успели не раз побывать за линией фронта и, как говорится, хорошо знали, почем фунт фронтового лиха. Свежие повязки свидетельствовали, что их владельцы буквально несколько дней тому назад вернулись с боевого задания, их раны еще не зарубцевались как следует, а они снова рвались в бой, горя ненавистью к наглому врагу. Вскорости в списках оперативной группы оказались московские комсомольцы-добровольцы: Болдин Владимир Иванович, Бубнов Анатолий Михайлович, Буташин Виктор Семенович, Дмитриев Дмитрий Маринович, Флягин Александр Петрович и другие.

Самым младшим по возрасту среди них был 16-летний Витя Ромахин. Он к этому времени уже успел окончить школу радистов. Поначалу Огнивцев засомневался — брать или не брать. Больно уж молод, тянется к романтике. А там — романтика совсем не романтическая — пули, болота, кровь, смерть... Не испугается ли? Не разочаруется? И только потом, много недель спустя, Огнивцев радовался, что поверил в парня. Витя оказался не только отличным радистом, но и на редкость храбрым солдатом.

Поздно ночью, подбивая «бабки», Огнивцев с удовлетворением подчеркнул красным карандашом несколько фамилий. Это были офицеры и сержанты, уже выполнявшие специальные боевые задания во вражеском тылу. В группу были отобраны Лебедев Николай Иванович, Соколов Игорь Мстиславович, Аристов Валентин Павлович, Докшин Владимир Николаевич, Базиров Кален Базирович, Виноград Григорий Иосифович, Маковец Владимир Романович, Желамский Георгий Казимирович, Дидора Алексей Ануфриевич, Кругликов Федор Петрович, Коробов Иван Федорович, Котельников Анатолий Петрович, Колюпанов Дмитрий Тимофеевич, Коротков Николай Александрович. Особенно придирчиво отбирали переводчиков. Взяли к себе Озола

[illegible] Колосвина и Юферова Дмитрия Владимировича.

Итак, есть сорок отважных командиров и красноармейцев. Сорок человек, готовых выполнить любые боевые задания командования. Это немалая сила! Если ею хорошо воспользоваться и распорядиться, то врага не ожидает ничего хорошего... Впервые Иван Огнивцев уснул глубоко и спокойно, с чувством исполненного долга.

Он проделал большую, ни с чем не сравнимую работу, смысл которой может понять только опытный, в совершенстве знающий свое многотрудное дело разведчик. Он верил и был уверен в том, что не ошибся ни в чем и не мог ошибиться, так как знал: малейший просчет даже в мелочи там, в глубине партизанских лесов, мог обернуться непоправимым злом.

Наутро его позвал к себе Спрогис. Долго смотрел в перепоясанное белыми бумажными полосками окно. Сказал мягко:

— Хороших людей мы подобрали, комиссар. Шестнадцать офицеров, остальные — сержанты и бойцы. За малым исключением, народ опытный, бывалый. С таким не страшно в самое логово зверя лететь. А? Как думаешь? Справимся?

— Справимся, командир. Не имеем права не справиться. Не теряя времени, в отряде надо создать партийную и комсомольскую организации, командир, как и полагается в воинском подразделении нашей армии.

— Ну, это уж по твоей части. А я и начштаба займемся программой подготовки к полету и высадке в тылу врага.

— Уж не думаешь ли, Артур Карлович, растянуть подготовку на несколько месяцев? Не жирновато будет по законам военного времени?

— Нет, конечно, на многое не надеюсь, но полагаю, несколько недель дадут.

— Вряд ли. Обстановка на фронте крайне сложная. Оккупанты прут к Волге, на Сталинград. Ой как нужен везде нам глаз за противником.

Спрогис тяжело опустился на лавку, снял фуражку, положил ее на стол, до хруста в пальцах сжал кулаки. В глазах его отразилась затаенная боль.

— Да-а... Трудно опять, броней берет, гад, самолетами. Висят в небе... Ты прав, комиссар. Глаз нужен.

Но острый. Безошибочный. Составляю расписание занятий. Включаю самое необходимое — стрельба, подрывное дело, приземление с парашютом, сбор, сигналы. Это лишь то, что непосредственно связано с десантированием нашей группы. Знаешь, сколько всего набирается? Пальцев на руках и ногах не хватает.

— О главном надо не забыть, командир.

— Что имеешь в виду?

— О единении, родстве сердец...

— Не понимаю.

— Ну, скажем, привели в дом невесту. В семье пятеро-шестеро. Вроде не много. Так... А невеста все дичится, к матери норовит... Сколько обживается, привыкает к семье? Бывает, и год, и два. А у нас времени с гулькин нос. Да и семейка дай тебе боже. Клоню к тому, что сколачивать отряд в единую семью, в один кулак надо каждую минуту, каждый час, на каждом занятии, при каждой встрече и беседе с бойцами и командирами. Думаю, что тут большую пользу принесут рассказы о себе, об участии в боях, показ своего мастерства...

— Что ж... Добрая мысль. Принимается. Только самому о себе как-то неловко... Может, что-нибудь придумают коммунисты и комсомольцы? Скажем, встречу организуют, вопросы зададут.

Подготовка людей шла с первого же дня формирования группы, но, к сожалению, продолжалась она, как и предполагали командир с комиссаром, не долго. Всего... одну неделю. Вскоре Спрогиса и Огнивцева срочно вызвали к начальнику штаба фронта.

— Знаем, что времени на подготовку было отпущено мало, что не все доведено до нормы,— сказал хмуро генерал Соколовский.— Но большего дать не можем. Обстановка заставляет торопиться. Да и осень надвигается. Пойдут дожди, сядут тума́ны, и десантироваться, обживаться в лесах вам будет куда как труднее. Так что, не взыщите. Слушайте боевую задачу.

Соколовский раскрыл на столе красную папку и, вынув оттуда отпечатанный на машинке приказ, положил его перед собой. Не садясь, заговорил:

— Оперативной группе высадиться в квадрате «Н» и вести активную разведку в районах Минск, Бобруйск, Борисов, Могилев. Систематически докладывать штабу Фронта о составе и нумерации частей противника, о

местах расположения штабов, различных складов, аэродромов, а также о перебросках боевой техники и воинского снаряжения по железным и шоссейным дорогам.

Второе. Диверсионными действиями на коммуникациях врага, дерзкими нападениями на штабы и комендатуры уничтожать его живую силу и технику, нарушая подвоз боеприпасов, горючего, продовольствия и резервов к линии фронта. Захватывать штабные документы, солдат и офицеров вермахта с целью получения разведывательных данных.

Третье. Осуществлять постоянное оперативное руководство и координировать действия ранее выброшенных разведывательных десантных групп и отрядов.

Четвертое. Информировать военный совет фронта о мероприятиях, проводимых немецким командованием на временно оккупированной территории...

Соколовский сурово чеканил строки боевого приказа, как бы видя перед собой летящие под откос воинские эшелоны, горящие склады, поднятые на воздух штабы противника. Закончив, он чуть задумался, как бы взвешивая, все ли учтено. Затем положил приказ в папку, захлопнул ее и резко отрубил:

— Все. Задача ясна?

— Так точно!

— Тогда прошу к карте,— генерал первым подошел к ней.— Высадиться вот сюда. В леса, километрах в пятнадцати—двадцати юго-восточнее Борисова, в районе деревни Гумны. Кто из вас двоих полетит первым рейсом — определите сами. Если все пройдет благополучно, примите другие рейсы с десантом и грузом. Все остальное — в зависимости от обстановки. Народ вы бывалый, смекалистый, как говорится, тертый... сами разберетесь, что и как. Об одном хочу предупредить особенно серьезно. Наши ранее выброшенные группы всерьез всполошили гарнизоны фашистов. По докладам командиров групп, на ликвидацию разведчиков и диверсантов брошены крупные силы врага. Будьте сами трижды бдительны и передайте об этом всем нашим товарищам. Вопросы?

— Ясно, товарищ генерал! Разрешите узнать, когда вылет?

— Завтра ночью. Ждите команду. Людям дайте хорошенько отдохнуть.

— Есть!

— Оружие, боеприпасы, взрывчатку, продовольствие на первое время, медикаменты, как мне доложили, вы уже получили.

— Так точно. Все готово.

— Тогда, как говорится, ни пуха ни пера. В добрый путь! Помните, товарищи, ваша работа нам чрезвычайно нужна.

До свидания, родная Москва!

Расставание всегда грустно, всегда тревожит грудь. И особенно когда ты вжился в обстановку, полюбил ее, когда в твоем сознании все так живо, свежо, памятно. Кажется, что ты прощаешься с самым дорогим, близким, без чего станешь беднее, сиротливее...

Много ли довелось пожить в Москве? Считанные месяцы. А уже так привязался к ней, так полюбил ее, что глаза невольно заволакиваются тоскою. Доведется ли вернуться сюда — в столицу? Куда уведут военные дороги?

А с улицы, как нарочно, будто чтобы еще сильнее разбередить душу, доносится песня уходящих по Ленинградскому шоссе маршевиков:

За столицу свою
Мы не дрогнем в бою.
Нам родная Москва дорога!
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага!

Десантники идут по бетонке Центрального аэродрома слитным строем, но без песни. Группа улетает незаметно, не привлекая излишнего внимания к себе. Гудит под сапогами бетон. В начале взлетной полосы горбятся, пластают крылья неказистые на вид, но надежные двухмоторные «Ли-2». Дверцы камуфлированных машин распахнуты. К ним поданы трапы. Туда идут десантники. Их немного. Всего 20 человек, группа, которой предстоит первой совершить прыжок в ночь, в неизвестность. Там — в белорусских лесах, у небольшой деревушки, никто их не ждет, не встретит. Разве что вражеская засада, эсэсовский пулемет. Впрочем, к чему такая трусливая мысль? По данным партизан, район

предполагаемой высадки не занят врагом. За первой группой пойдут и остальные. С первой летит комиссар, со второй — командир, далее грузы, взрывчатка.

Спрогис и Огнивцев прибыли на аэродром первыми и теперь беседовали у самолета с летчиками. «Летуны» — ребята бывалые, уже не раз пересекавшие линию фронта — к разведчикам и партизанам. В голосе каждого из них звучит уверенность в удачном исходе полета.

— Пойдем на Калинин, Селижарово, Торопец, Бешенковичи,— спокойно говорит командир экипажа, водя карандашом по плексигласу планшетки, хотя на аэродроме наступили уже сумерки и непосвященному трудно что-либо разобрать на карте.— Ну, а там бросок на юг — на озеро Лукомльское, по лесным массивам — и прямо к вам.

«К вам» звучит без иронии, как будто десантники и в самом деле уже давно находятся там, но загуляли в Москве и теперь торопятся вернуться к себе домой. В сущности, оно почти так и есть. Сердца их там, в лесах Белоруссии, уже с тех пор, как они получили приказ готовиться к десанту. Сколько раз за минувшие дни Огнивцеву мысленно пришлось побывать под Минском, Борисовым и Могилевым. Топографическая карта десятки раз развертывалась на столе, на траве, на коленях, и по ней совершались пешие и конные рейды по лесным тропам и тихим проселочным дорогам. Спрогис не высказывал открыто, что влечет его в стан врага. Он был скуповат на слово. Зато Огнивцев говорил прямо: «Манит меня удача первого похода. Здорово тогда получилось! Руки чешутся сделать что-то еще более весомое и побольше насолить гадам, схватить их за горло. Теперь сам вижу, что это вполне возможно. И не могу усидеть!»

— Товарищи! А почему мы летим не напрямую, скажем, Вязьма, Смоленск, Могилев? — спросил начальник штаба Алексеев.

Первый пилот засмеялся. Ответил грубовато, независимо:

— Прямо ворона летала да в кусты попадала. Кто же полезет на море зенитного огня? Кроме того, на этом направлении фашисты располагают ночными истребителями. От нашего самолета, если мы сунемся по этому направлению, одни щепки останутся. А вот через

Селижарово мы пойдем спокойненько. Разве что на переднем крае популяют по нас... А южнее — леса, леса до самой Березины. Жаль, что свет нельзя в салоне включать, а так бы можно и в подкидного сыграть. Впрочем, до Калинина можем и свет дать. Мы тут намедни трех радисток перевозили, до Калинина свет дали. Смотрю, а две уже штопают носки. Умора! Вроде не к черту на рога, а на рыбалку...

Пилот дружески обнял Алексеева. Рука его легла на плечо капитана.

— У тебя-то как? Московская подружка все заштопала?

Алексеев вежливо, но твердо освободился от объятий.

— Не завел, к сожалению.

— Чего же так? Парень, вижу и впотьмах, бедовый, представительный.

— На более подходящее время отложил. Когда косого фюрера угробим.

— А-а... Понятно. Нам тоже некогда особенно разгуливаться. Воздушные извозчики. Вашего брата все катаем — туда и обратно,— добродушно сказал пилот.

Подошли бойцы. Спрогис дал команду:

— В самолеты! По одному...

В две-три минуты распахнутые темные двери «горбунков» поглотили команду. Алексеев козырнул пилотам и поспешил в свою машину.

Прямо к самолету подкатила эмка. Из нее в сопровождении двух офицеров вышел генерал Соколовский. Спрогис тут же доложил:

— Товарищ генерал! Авангардная группа десантников во главе с комиссаром к полету готова. Погрузка десантников и грузов произведена.

— Хорошо! Как самолет?

Вперед вышел первый пилот одного из самолетов, вскинул руку к шлему:

— Экипажи двух самолетов «Ли-2» к полету готовы! Заправка туда — до цели, и обратно — до Калинина.

— Хорошо. Промежуточные фронтовые, на всякий случай, знаете?

— Так точно!

— Тогда в путь, товарищи! Будьте поосторожнее. Не мешки с припасом везете, людей. Да еще каких! Наверное, сами догадываетесь.

— Все понимаем, товарищ генерал. Разрешите занять места!

Соколовский протянул руку:

— Счастливого полета!

Экипажи повернули к своим самолетам. Начштаба фронта взял под руки командира и комиссара.

— Ну, а теперь пару слов вам. Как настроение?

— Отличное! — ответил комиссар.

— Боевое,— добавил командир.

— Это, считаю, главное. Если человек идет на трудное дело с хандрой, с плохим чувством, то, по народным приметам, удачи не жди, что-то тебя подведет. И наоборот, уверенность, хороший настрой сами по себе уже несут залог удачи. Александр Васильевич Суворов еще когда говорил: «Смелость города берет».

Отойдя несколько шагов от самолетов, Соколовский остановился.

— Да и хандрить собственно нечего. Не в первый раз «в гости» к фашистам летите. К тому же, это не те времена, когда выбрасывали людей и ждали от них вестей через связных. Нынче у вас новейшие радиостанции, и всегда можно связаться, почувствовать себя рядом с нами. В случае чего, поможем. Но только чтобы каждый доклад был объективен! Говорите обо всем без стеснений. Мы теперь стали чуток побогаче. Тыл больше нам дает. Начала поступать продукция заводов, эвакуированных в глубь страны. Исходите из реальных потребностей.

— Мы люди скромные, товарищ генерал,— сказал Огнивцев.— По пустякам беспокоить не будем. Чего не хватит — у Гитлера займем. Думаю, что по старому знакомству не откажет.

Соколовский засмеялся:

— Ну, если у вас такие связи, то излишне беспокоиться не станем. В добрый путь, товарищи! Родина ждет от вас ощутимых боевых дел.

Над беспокойной, продымленной гарью пожаров землею пласталась темная ночь. Под крылом самолетов ни огонька. Все укрыто, затемнено. Только кое-где беспокойно, тревожно шарили по небу прожекторы. Да и то на какие-то секунды. Вспыхнут, махнут вправо, влево своей длинной призрачной рукою и снова по-

меркнут. Ночь не летная, но самолеты потому и летят. Потоки воздуха, клочья облаков то бросают их вниз, то подкидывают, как на ухабах, вверх, то трясут так, что по телу пробегает дрожь. В салоне тускло горит лампочка. При свете ее все-таки можно увидеть всех бойцов. Они сидят по бокам фюзеляжа на железных лавках. Над их головами тянется железный трос. К нему перед прыжком в черную бездну будут подцеплены фалы с карабинами для автоматического раскрытия парашютов. Это облегчит десантирование. Ведь на тренировочные прыжки не было ни времени, ни средств для детальной отработки навыков...

Привалясь спиной к парашютам, десантники спят. Сон — это крепкие нервы, это лучшая разрядка. Доведется ли еще вздремнуть вот так — плечом к плечу при свете по-комнатному мирно горящей лампочки?

Комиссар тоже на мгновение забылся под монотонный гул моторов, но когда в салон вошел второй пилот и сказал: «Прошли Калинин», дрема начисто покинула его. Самолет шел сейчас над близкими сердцу селами и лесами, где в сорок первом действовал его разведотряд. Вспомнилась поляна, где они сидели с генералом Доватором, погибшим впоследствии под Москвой, его крылатые слова: «Жизнь короткая, а слава долгая». Как наяву увиделись старики и старушки, угощавшие последней краюхой хлеба, топившие бани и стиравшие заскорузлые рубахи и портянки солдат; девчата с Волги, встретившие в метельную ночь обессилевший отряд и не побоявшиеся проводить его через передний край. «Эти русские женщины и такое умели...» Запершило в горле, заволокло глаза, когда вспомнились те, кто навсегда остался в калининских, смоленских лесах. Заросли, поди, могилки травой, осели и некому их привести в порядок. Чепуха! Да многие же те села и леса освобождены еще зимой! И наверняка люди пришли к ним... Ведь почти о всех захоронениях сообщалось местным жителям, а там, где это не удавалось, оставляли надписи, не смываемые дождем и не выдуваемые ветрами.

Смахнув пелену с глаз, Огнивцев посмотрел в иллюминатор. На горизонте разливался огнем пожаров, вспышек ракет и залпов артиллерийских батарей передний край. Тревожен, кровав он с высоты птичьего полета, но еще тягостнее там — на земле. От него не

уйти, не увернуться в сторону. Там выручат только бревна, бетон и земля. И еще ум, находчивость, одоление невозможного и святая вера в неминуемую победу. На миг представилась землянка с накатом бревен и горстка бойцов на земляном полу. Кто-то из них, чутких на ухо, прислушивается к гулу над землей, тихо говорит: «Кажись, самолет летит. И вроде бы наш. По гулу чую. Ихний с надрывом, как зверь. А наш по мирному летит. Не заблудился ли пассажирский какой? Так и есть наш, чуете, как всполошился фриц? Палит из всех стволов. Мимо бы... Невпопад. А ну, милок, даааай уходи. Уходи поскорей, родной!»

Из пилотской кабины вышел увалистый штурман. Кожанка распахнута, на лбу капли пота, в глазах искры радости:

— Прошли, ребята... Пронесло,— говорит он, утирая лоб рукавом.— Теперь уж долетим, если...

Этим «если» сказано многое: ночной охотник «мессер», снаряд кочующей зенитной батареи, очередь крупнокалиберного пулемета... Да мало ли что может произойти с беззащитным грузовичком-самолетом на территории, занятой врагом. Но к счастью, все обошлось. Благополучно прошли район Бешенковичи. И вот команда:

— Приготовиться! Подходим к назначенному району.

Инструктор-парашютист лейтенант Борис Петров распахнул дверь. В салон ударило холодным сырым воздухом. Огнивцев шагнул к двери первым. Взглянул вниз и отшатнулся:

— Мы над озером. Там вода...

На плечо комиссара легла рука Петрова:

— Это туман над лесом, товарищ комиссар. Счастливого приземления!

На белорусской земле

Земля белорусская... Леса. Леса. Леса...

В тридцатых, сороковых годах в глухих лесных деревушках много было россказней о разных лешех и привидениях, заполонивших округу. То одни их будто видели и чуть ли даже не ручкались с ними, то другие. Кто-то им верил, а кто-то нет. В числе маловерующих долго держалась и степенная, не очень уж и богомоль-

ная бабка Пелагея из деревни Гумны. Но нет чуда без чудес — пришлось и ей с глазу на глаз встретиться с вполне нормальным привидением. А случилось недоброе свидание вот как.

В начале августа после долгих проволочек сдался на милость селян навестивший Гумны начальник Оздятической полиции. Выкушав несколько бутылок первача-самогона, он милостиво разрешил им накосить в редком березняке сена для буренок. Траву дед Ульян, по прозвищу Улей, скосил сам, а вот убрать не смог, заболел от переусердства — спешил, а вдруг полицай протрезвится... Помощи ждать, разумеется, было не от кого, и дальнейшие заботы по сенокосу легли на бабку. Она сено высушила, сгребла, скопнила и теперь охапку по охапке носила в полуразвалившуюся сараюху, поставленную еще в годы единоличного существования. «Все будет целее,— рассудила она.— Не каждая лесная животина клок ущипнет».

В ночь под успение бабушка Пелагея спознилась с уборкой сена и, чтоб не тащиться впотьмах, заночевала в сарае. Усталость укачала ее скоро, но настороженность к шуму ночного леса разбудила еще скорее. Где-то вблизи, вызывая жуть, кричала сова. Ветер, начавшийся с вечера, усилился и теперь разгульно шумел в березняке. Две половины ворот распахнулись, и в проеме смутно вырисовывались молодые гибкие березы. Их бросало из стороны в сторону, будто они испуганно шарахались от кого-то прочь.

— Разбудила-таки, окаянная,— проворчала бабка на сову, которая, угомонясь на минуту, защугукала снова.— Попробуй теперь усни при таком ветрище. И который сейчас час? Може, скоро рассвет?

Мимо ворот зримо проплыл клок густого, пахнущего болотом тумана, чуть посветлело, и бабка, враз обомлев от страха, вдруг увидела в стороне от сарая согнувшуюся дугой молодую березку, а на ней... О, мать-заступница!.. На ней на белесых веревках раскачивалось привидение, принявшее образ живого человека. «Свят, свят, свят...»

Как добежала до деревни, до родного дома, Пелагея не помнит. Влетела в избу, плюхнулась на лавку и, переведя дух, заговорила:

— Ой, лишеньки! Ой, мамонька! Ой, что я видала в лесу!?

С печки свесил босые ноги дед. Откашлявшись, поинтересовался для уточнения:

— Ну, что ты видала? С чего дрожишь, как осиновый лист?

— Привидение, дед. Привидение, там где сенокос.

— Глупости говоришь. Чего ему там быть, привидению-то? Кого пугать? Ты, часок, не того?.. Мож, уморилась?..

Бабка всплеснула руками:

— Да какие ж глупости, коли я видела его своими очами...

— И кого ж ты видела? — продолжал посмеиваться дед.

— Человека, дед. Человека, как есть, на березке качался на мутузках.

Тут уж дед не удержался, на лавку слез. Дверь потуже притворил.

— Рассказывай все по-порядку, не тарахти.

Пелагея пересказала обо всем, что послышалось и виделось в березняке. Дед поскреб лохматую бороду, положил граблистые пальцы на старухино плечо:

— Ты вот что, старая. Об сем привидении никому ни словца.

— Не понимаю тебя...

— Стихни, говорю! — вспылил дед.— Возьми рот на замок, коль не хочешь добрым людям беды.

— Каким людям? Об чем ты?

— Ах, какая ты недогадливая. Чует сердце, то был кто-то наш. Нечего привидениям на парашютах скитаться.

— А можа, немец? Ворог какой?.. — вдруг встрепенулась догадливая старуха.

— Ворогу нечего на березки сигать. Он на машине прикатит по большаку. Помнишь, как было уже? Примчались, постреляли курей, гусей, поросят и укатили. А ето определенно кто-то из наших.

Бабка перекрестилась и, кажется, в жизни первый раз.

— Господи. А я чуть не забежала было к куме... Хотела ей рассказать. Вот пошла бы кутерьма.

— Никаких кумушек и кумовьев,— круто отрезал дед.— У иных слишком длинны языки. Дойдет слух до полицаев — каратолей нашлют, спалят не токмо твой

сарай, а под застреху избы пустят петуха. Да и нам с тобой не сдобровать.

Пелагея понимающе кивнула, подперла подбородок рукой:

— А все ж кто это на березке висел?

— Цыц! Не твово ума дело! Ничего и никого ты не видала. Приснилось.

А на березку угодил приземлившийся в тумане капитан Алексеев. Со старого дерева помогли бы сучья слезть. Но молоденькая была больно уж гибка. Купол парашюта накрыл ее макушку, она мгновенно согнулась, и Алексеев закачался на стропах. Попробовал сорваться — не помогло. Пришлось ножом обрезать стропы. Земля была рядом — метрах в двух. Поскольку бросать парашют на виду категорически запрещалось, чтобы не оставлять никаких следов от выброски десанта, полотнище пришлось стащить с березы и упрятать в яме, забросав его листвой и землей.

Рядом прокричала сова. Капитан прислушался. Вроде бы «своя», но торопиться не стал. В лесу могла жить и настоящая птица. На голос «совы» невдалеке отозвался «дрозд», прострекотала «сорока»... Порядок! Перекликаются, значит, группа приземлилась компактно.

Первым, кого встретил начальник штаба, был радист Виктор Ромахин. Парень несказанно обрадовался. Капитан тоже. Ведь рация — это голос Москвы, это связь со штабом фронта, отрядами и группами.

— Как рация? — спросил Алексеев.— Не разбилась?

— Полный порядок, товарищ капитан. Я скорее сам бы разбился, чем разбить ее.

— Ну, молодчина. Давай собирать ребят и искать комиссара. До рассвета совсем мало времени. Тут, как будто, кроме нас никого.

По «птичьему коду» вскоре нашли комиссара, Буташина, Дмитриева. Маленький конфуз получился с переводчиком Юферевым. Десантники нашли его в кустах, кричащим по-коростелиному.

Ребята от души рассмеялись:

— Дмитрий! Да коростели-то в августе уже не кричат. И в кустах не гнездятся.

— А что делать, если вы не отвечаете? Я за всех птиц прокричал. Тут волком взвоешь...

К утру собралась почти вся группа, выброшенная с двух «Ли-2». Троих все-таки далеко отнес ветер. Не хва-

тало также двух мешков с грузом. На поиск ушли все. Остальные занялись круговой разведкой и подготовкой временной базы. В Москву улетела, благодаря мастерству Вити Ромахина, первая радиограмма: «Приземлились благополучно. Ведем разведку и изучаем район. Обживаемся».

Кольцо разведки за сутки расширилось до пяти-десяти километров. Стало известно, что десант «заякорился» в лесах между деревнями Узнаж и Гумны в 35—40 километрах севернее местечка Березино. Гарнизоны фашистов не так уж далеко — каких-нибудь 10—15 километров отсюда. К тому же немцы вместе с полицаями частенько навещают близлежащие деревни. Словом, ухо надо держать востро, а порох — сухим.

Вскоре отыскались запропавшая троица и мешки с грузом.

Два последующих рейса они принимали, можно сказать, с полным комфортом. Отыскали хорошую, большую поляну, зажгли костры, выставили боевое охранение. Десантники прямо с неба попадали в объятия друзей... Командир и комиссар обнялись тоже, пошли плечом к плечу к костру. Теперь они чувствовали себя Аяксами, связанными воедино пуповиной, и в этой связи — свою силу.

— С чего будем начинать, комиссар?

— Известно, по всем канонам военного дела — с изучения обстановки в районе, уточнения сил и средств противника, определения основного и запасного пунктов нахождения штаба оперативной группы. Чего еще не сказал?..

— Что думаешь о связи с местным населением, партизанскими отрядами?

— Без такой связи нам не прожить. Но и появляться в деревнях в нашей форме пока не следует. И вообще меньше надо бывать нашим людям в деревнях, особенно тем, которым предстоит организовать разведку. По-моему, поскорее следовало бы нащупать партизан и через них хорошенько все узнать. Нащупывать, конечно, сверхаккуратно — оккупанты могли понасажать своих агентов везде, куда только способны дотянуться своей лапой.

— Когда займемся подчиненными нам разведывательными отрядами и группами?

— Надо как-то дать знать командирам, что мы здесь. И вообще пусть активные действия пока приостановят. Не надолго — всего на пять-шесть дней, за это время явятся к нам. Надо же довести до них задачу, поставленную штабом фронта. Так я думаю.

— Правильно думаешь, комиссар. К тому же и нам надо выслушать их предложения по координации общих усилий. Вместе все обмозгуем, а там уж доложим свои соображения Центру.

— Еще одно существенное дополнение...

— Какое?

— Мы прибыли на территорию Советской Белоруссии. Здесь действует подпольный обком партии. Мы обязаны доложить о себе, установить деловые контакты с обкомом, подпольными партийными комитетами. Ты знаешь, как нам станет легче работать! Да и избавимся, кроме прочего, от непредвиденных случайностей.

— Дополнение принимается единогласно. Что еще?

— Что же еще? — пожал плечами в раздумье Огнивцев.— Работа только начинается. Забот — невпроворот. Идем к людям. Там ждет нас первый кулеш и первый разговор.

Уже подходя к костру, Спрогис спросил:

— Как думаешь, противник знает о нашей выброске или нет? Все-таки четыре самолета прошло...

— О! Об этом не торбуйся, как у нас говорят,— засмеялся Огнивцев.— Если знают, то оккупанты в ближайшие дни сами дадут нам об этом знать. На этот счет они аккуратисты.

Хозяева мнимые и истинные

В ту сентябрьскую ночь в старинном особняке Минска долго не гас свет. Гауляйтер Белоруссии Кубе диктовал стенографистке донесение Гитлеру в Берлин:

«Мой фюрер!

С великой радостью доношу, что наш новый порядок, преподнесенный Вами народам Европы, по плану «Остланд» устанавливается и на оккупированных землях Белоруссии планомерно и весьма успешно. Во всех городах и крупных населенных пунктах созданы наши

военные комендатуры, гебитскомиссариаты, полицейские участки и другая германская администрация, способная быстро и эффективно расправиться с актами саботажа и неподчинения. Всякое неповиновение и нападение на войска и администрацию жестоко караются. Жилища, убежища сжигаются, а преступники уничтожаются. Против лесных банд применяются танки, самолеты и карательные подразделения полиции и жандармерии. Евреи, коммунисты и комиссары истребляются поголовно.

Под особую охрану взяты основные коммуникации Минск—Смоленск, Минск—Могилев, Минск—Бобруйск и другие. В крупных городах размещены мобильные силы, обеспеченные транспортом для быстрой переброски карательных войск. На наиболее опасных местах создана надежная сеть агентуры. Поступающие сведения обобщаются, но не хватает раций. Проводная же телефонная связь, к сожалению, постоянно нарушается лесными бандами, отбившимися от регулярных войск солдатами и, так называемыми, партизанами.

Мой фюрер! Мне особое удовольствие доставляют операции наших сельхозкомендатур и их уполномоченных по заготовке продуктов и теплой одежды. В Германию угнаны тысячи голов скота, отправлено более ста эшелонов с зерном, салом, льно-волокном, картофелем, шубами, валенками, шерстью. К большому огорчению, несколько эшелонов по пути подорвано саботажниками. Но это нисколько не остановило нашего темпа заготовок и стремления выполнить Ваши директивы по обеспечению армии и самой Германии продовольствием и другими материалами и вещами. Понимая наши затруднения на фронте, охрану железных дорог в дальнейшем мы намерены организовать подразделениями армии Власова, для чего в районах Борисова, Орши, Бобруйска в ближайшее время будут размещены три усиленных батальона по 250—300 солдат в каждом. Пополняться они будут лицами, лояльно относящимися к Германии, из местных жителей и военнопленных. О завершении этой операции Вам будет доложено...»

На этом запись оборвалась. На круглом столике зазвенел телефон. Начальник тылового района генерал Бенске докладывал, что служба противовоздушной обороны засекла пролет с севера на юг через железную

дорогу Минск—Орша и шоссе Минск—Москва четырех транспортных самолетов. По докладу службы перелетов действий своей авиации и зенитных средств в местах перелета не было. А значит...

— А это значит, доннер-веттер, что во вверенном вам районе нет никакого порядка, генерал,— резко выговорил Кубе.— Русские самолеты забрасывают своих парашютистов куда хотят и как хотят. Нет? Почему бездействовали зенитные средства и ночные истребители, находящиеся на аэродроме в Орше? Я вас накажу за это! И вообще вы и вам подчиненные комендатуры, воинские гарнизоны, бургомистры и полицейские работаете омерзительно. Нет? Вы до сих пор не только не уничтожили партизан, но и не справляетесь с небольшими группами десантников, не можете их разогнать. Особенно плохо в районе Борисова и Крупки. Нет? Бургомистр города господин Станкевич, черт бы его побрал, и его сонная полиция бездействуют — пьянствуют и боятся высунуть нос из города. Гибнут бургомистры, полицаи, старосты, сотрудники сельхозкомендатур, наши солдаты... Хуже того, вас бьют нахальные русские девки. Нет? Я спрашиваю у вас, герр генерал, почему так до сих пор и не уничтожена выброшенная на парашютах в район Борисова десантная группа русских девушек? Где она? Где обещанная вами голова ее начальницы? Мы обещали за нее большую награду! Вам что? Этого мало? Прибавьте еще, обещайте что угодно, даже дьявола в кресле, но смойте свой позор, генерал, иначе я сниму вас с постов и отправлю на фронт. Все! Хайль Гитлер!

Кубе бросил трубку и задумался... Десант. Смешно и глупо. Что может сделать горстка людей против гигантской машины фюрера, брошенной на Россию? Неужели они не понимают, что Россия разбита и эти лесные бродяги, так называемые партизаны и десантные группы, не помеха новому порядку. В Белоруссии только один хозяин — он, гауляйтер Кубе, черт побери!

Так докладывал возлюбленному фюреру, думал и действовал, если верить свидетельству захваченных впоследствии советскими разведчиками документов и пленных, возомнивший себя царем и богом порабощенной Белоруссии гауляйтер Кубе. Но совсем по-иному думали и действовали сами непокоренные белорусы.

Пламя разгоравшейся борьбы с фашистами ярко свидетельствовало, что подлинными хозяевами на белорусской земле были отнюдь не фашистские оккупанты, а советские люди, которые с первых часов вторжения фашистских орд героически защищали каждую пядь родной земли. Тысячи из них полегли на пограничных рубежах, берегах Буга, Немана, Березины, Сожи, Западной Двины, защищая белорусские села и города, станции и полустанки, хлебные нивы и голубые поля льна. Но даже и тогда, когда защитников оставалось совсем немного, считанные штыки, то и тогда они стояли насмерть. Почти все взрослое население ушло в леса. Люди в отчаянных схватках с врагом добывали себе оружие, боеприпасы, били супостата нещадно, до полного истребления. Они верили и знали, что великая Советская Родина помнит о своих защитниках и придет на помощь.

И Родина делала все, что могла, чтобы помочь своим верным сыновьям, воодушевить их и повести к победе. Партия прозорливо и твердо руководила все разрастающимся партизанским движением, всей вооруженной борьбой с оккупантами. Люди чувствовали твердую руку партии, и это вдохновляло их.

30 июня и 1 июля Центральный Комитет Компартии Белоруссии принял директивы, в которых предписывалось заблаговременно создавать на местах подпольные партийные организации и формировать партизанские отряды. Улучшилась организаторская работа партийных комитетов, их связи с населением. Призыв партии к народу выступить с оружием в руках против немецких захватчиков незамедлительно и весьма положительно сказался на размахе партизанского движения.

Уже к 1 августа 1941 года в Белоруссии сражались свыше 12 тысяч партизан, а к осени сорок второго вся Белоруссия пылала огнем партизанской войны против гитлеровских захватчиков. Особенно активно действовали партизаны в Минской, Витебской, Полесской и Могилевской областях. Летели под откос воинские эшелоны, пылали разгромленные комендатуры, рушились мосты. Борьба ширилась и не только в Белоруссии — в тылах оккупантов на всем советско-германском фронте. Она сковывала силы фашистов. Достаточно сказать, что для борьбы с партизанами немецко-фашистское командование вынуждено было летом и осенью сорок

второго года использовать более двадцати пехотных и охранных дивизий.

Родина с первых дней войны слала подмогу героям лесных троп. В глухие урочища под Витебском, Минском, Борисовым, Могилевым, Пинском, Гомелем темными осенними и зимними ночами шли советские самолеты с радистами, минерами-подрывниками, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами. Для оказания помощи партизанским отрядам и организации разведывательной и диверсионной работы было выброшено с парашютами в Белоруссию много небольших десантных групп и отрядов. Часть таких групп пробиралась через линию фронта в тыл врага дремучими лесами и топкими болотами пешком.

Те группы и отряды, которые были выброшены весной и летом, уже осмотрелись, обжились и успели показать себя. Те, что попозже,— только начинали лесную жизнь. Но были они по-прежнему разобщенными. Усилия и планы их следовало объединить и скорректировать. Об этом сейчас и пеклись Спрогис с Огнивцевым, а также их боевые друзья.

В густом сосновом бору весело потрескивал костер. Перед усевшимися вокруг него десантниками деловито и немного взволнованно выступил Спрогис.

— Товарищи разведчики! — начал он.— Мы прибыли на землю многострадальной, героической братской Белоруссии по заданию Родины и велению партии и собственных сердец. Цель и задачи свои вы знаете. Но я хочу особо подчеркнуть лишь одно. Мы не в командировке в чужом краю, не временные здесь люди, пробравшиеся в стан врага с узкой служебной задачей. Зарубите себе: мы прибыли в собственный дом, воротились на свою родную землю, чтобы навести здесь порядок, а для этого сперва избавить ее от врага. И пусть трепещет от нашего появления враг! Пусть под ним горит земля! И не будет ему нигде спасения! Это, товарищи, первое.

Второе. Мы находимся в лесах, на левом берегу Березины. Река эта тихая, мирная. Но в грозный час — бурливая и гневная. Не раз и не два топила она в своих водах иноземных захватчиков. Сейчас на ней хозяева — партизаны Белоруссии, белорусский народ. Нам предстоит плечом к плечу с ним биться против ненавистного врага. Но у нас свои специфические задачи...

Спрогис обстоятельно перечислил их, показал место каждого офицера, сержанта и солдата в строю, рассказал, кому что, когда и как делать. Его уверенность и спокойствие передавались людям. Они чувствовали себя сплоченным коллективом, боеспособным подразделением.

Потом Спрогис предоставил слово Огнивцеву, который только что возвратился с группой товарищей из разведки.

— В Гумны я ходил с тремя десантниками: Дмитриевым, Сандыбаевым и радистом Аристовым в сопровождении партизанских разведчиков,— начал комиссар.— С собой мы захватили московские газеты и радиостанцию. Как и должно, шли осторожно, опасаясь, как бы не напороться на фашистскую или полицейскую засаду. Но наше опасение оказалось напрасным. Гумны — село ничейное: нет там ни полицейских, ни партизан. Население настроено по-партизански, патриотично. Мне трудно передать ту атмосферу торжества и радости, с которой нас, одетых в полную форму бойцов Красной Армии, там встретили. Когда мы появились, на улицу высыпал и стар и млад. Люди трогали нас за рукава, ощупывали одежду. «Свои! Родимые! Красные воины! Счастье наше...» По рукам пошли газеты... А когда включили радио и раздалось: «Говорит Москва» — поднялось ликование. Люди обнимали друг друга, от радости плакали... Ведь до этого немецким оккупантам и их прихвостням удалось в какой-то степени внушить иным жителям, что Москва занята немецкими войсками и Красная Армия разбита.

Огнивцев чуть помолчал и тут же отметил про себя общее нетерпение — услышать поскорее продолжение.

— Из толпы ко мне протиснулась старушка, а следом за ней хромоногий старичок,— сказал он далее.— «Сынок,— обратилась она,— прости меня. Надысь, коли на березе кто-то из вас повис, подумалось мне, что это привидение. Плохим словом я обозвала вашего малого. Прости...» Обнял я старушку, к плечу прижал. «Прощаю, бабушка,— говорю.— Потому что как раз на той березе висел на парашюте Коля Алексеев, командир Красной Армии». Тут вперед вышел дед, под ручку бабку взял: «Ну, что ж, старая, коль узнала про свое «привидение», то зови-ка в гости их, молоком угости,

сметаною. А може, и еще кое-что достанешь из сидор-ка. Раскошеливайся».

— Ну и как же? Раскошелилась? — спросил с улыбкой помощник командира по хозяйственной части лейтенант Паучок.

— Пир горой не состоялся. Ну, уж молока и разных блюд из картошки ели вдоволь,— подмигнул комиссар.— И между прочим, рекомендую, лейтенант, бабку Пелагею на заметку взять. Наказывала, коль ранен кто будет или занеможет, за молоком и хлебом, разными лечебными травами гонца присылать.

Ужин в новом ведре, тронутом первым дымом костра, закипел. Комиссар сосновой палкой сдвинул его на край перекладины и продолжил свой бесхитростный, но такой нужный всем рассказ:

— К чему я все это клоню? А к тому, чтоб подтвердить слова командира. Мы действительно у себя дома, среди своих, советских людей. Партизаны и местное население — это наша опора. Народ ничего не жалеет для нас и просит, я бы сказал, слезно молит: «Как можно быстрее изгоните врага, верните нам мирную жизнь! Спасите свое будущее — наших детей!» Народ ненавидит оккупантов. Чувство, которое испытывает к нам население от мала до велика,— это любовь и надежда.

Комиссар замолчал. Потом встал и принял стойку «смирно», оправив на себе обмундирование.

— Поклянемся же, товарищи,— вдруг зазвеневшим голосом воскликнул он,— поклянемся беспощадно истреблять фашистов! Не сложим оружия до полной победы над заклятым врагом!

— Клянемся! — ответили все, тут же поднявшись во весь рост.

— Пусть людская мольба звучит в наших ушах.

— Так будет, товарищ комиссар!

После этого разговора у костра, окончившегося клятвой, командир и комиссар отделились от общей массы и пошли к натянутой из трех солдатских плащ-палаток палатке.

— Как скоро, Артур Карлович, мы сможем собрать совещание командиров десантных и разведывательных групп? — спросил по пути Огнивцев.

— Затягивать по времени не будем. Как только установим радиосвязь с ними, тут же и пригласим.

— Добро. Однако нам следует поторопить начальника связи лейтенанта Короткова. Что-то долго копается, а мы так и не связаны еще с нашими людьми. А нам надо побыстрее и получше подумать о координации усилий отрядов и групп по разведке и диверсионной работе. К моменту встречи с ними нам совершенно необходимо иметь конкретные предложения по выполнению приказа генерала Соколовского.

— Ну и беспокойный же ты, комиссар,— Спрогис обнял Огнивцева.— Представь себе, что и меня одолели твои заботы. С Коротковым я уже говорил. Есть первые ласточки. Я потом тебе расскажу подробнее. Есть кое-какие думки и предложения — давай соединим с твоими... Но это завтра. Утро вечера мудренее — гласит народная поговорка,— сказал Спрогис.— Что-то я сегодня чертовски устал. Давай вздремнем пару часов.

Встреча с командирами десантных отрядов и групп

Усилия начальника связи оперативной группы лейтенанта Николая Александровича Короткова увенчались полным успехом. Наконец удалось установить радиосвязь с командирами отрядов и групп. Совещание созывалось в лесах левобережья Березины в районе деревни Гумны. На него были приглашены командиры групп Леля Колесова, а также Бухов Алексей Андреевич, командиры десантных отрядов Сорока Григорий Яковлевич, Вацлавский Борис Николаевич и некоторые другие. Все они уже не раз выполняли боевые задания командования в тылу фашистской армии, и их боевые дела отмечались орденами и медалями.

За несколько дней до общего сбора Спрогис решил посоветоваться с начальником штаба, помощником командира группы по хозяйственной части лейтенантом Паучок и другими.

— Ну что, товарищи, к нам едут гости. Давайте раскошеливайтесь,— пошутил он.

— Сколько их, товарищ командир?

— Да этак человек десять—двенадцать.

Лейтенант Паучок озадаченно поскреб под околышем фуражки. Лицо его погрустнело. Спрогис спросил:

— Что озадачился? С чего тревога?

— Сами знаете, запасы у нас небольшие, склада вблизи нет. А у населения чего приобрести — и думать не смей. Фашисты всех обобрали и все пожрали. Небось, читали на стенах крестьянских изб ихние приказы: «Выявленные в прифронтовой полосе и в тыловых областях продукты питания, имущество бытового и личного потребления, одежда поступают в распоряжение военно-хозяйственных отделов, за невыполнение приказа — расстрел». Вот и поди угости...

— Что ж... Все это так. Да только кормить людей надо. Думать тоже надо, как это сделать.

Спрогис понимал, что решить эту простую задачу здесь, в тылу врага, далеко не просто. За год оккупации фашисты ограбили Белоруссию, особенно села и города вдоль железнодорожных и шоссейных магистралей, в районах размещения немецких гарнизонов. Но были и такие места, где фашисты еще не появлялись или боялись там появляться. Многое, конечно, и припрятано, невзирая на угрозу смертью. Так что народ поделится, если что. К тому же самое необходимое — такое, как соль, сахар, шоколад и кое-что другое — было захвачено из Москвы с запасом и можно было устроить неплохое чаепитие. Теплилась надежда и на то, что отряд к тому времени получит и «подкрепление», доставленное самолетами из Москвы. Видимо, командир и сказал неунывающе:

— Скупиться не будем. Гостей надо принять хорошо. Как-никак мы только что из Москвы, а они, бедолаги, здесь на лесном грибном довольствии кто два месяца, а кто уже и полгода. Запасы свои давно исчерпали. Так я говорю, комиссар?

— Да все так. Куда ж денешься от народного обычая. Если гость пришел — ставь все на стол. Но нужно не только подготовить хороший обед, мы просто обязаны поделиться с ними солью, мылом, сахаром, махоркой...

Хозяйственники все еще артачились и жались.

Итог разговора подвел Спрогис:

— Итак, решено. Гостей принимаем по-братски. Устроить место для ночлега... Подготовить в Гумнах хорошую баню, со сменой белья...

— Сколько дней будут находиться у нас гости? — спросил Паучок.

— Совещание продлится день. Но товарищам надо отдохнуть, поговорить с нами просто, по-дружески, по-товарищески, посоветоваться...

Спрогис, сидевший все время на вывернутой бурей коряге, хлопнул себя по коленям кожаных брюк и отрубил:

— Все свободны. Комиссар, садись рядом.

Огнивцев, сбросив с плеч плащ-палатку, лег на нее боком, сломал сухую былинку метлюги, сунул ее в рот, откусил. Сейчас его занимала дума не столько о том, как угостить измотанных в лесах боевых товарищей, сколько о том, кто остался в живых, каково настроение людей в отрядах, как они живут и воюют с врагом... Опытным, коварным, беспощадным. Большие гарнизоны расположены в Борисове, Орше, Могилеве, Бобруйске. В каждом районном центре гитлеровцами созданы полицейские гарнизоны. Малейший промах—и немедленно следует облава карателей. Сколько их было, этих облав! Вспомнилась Леля Колесова. Какие только муки при ведении разведки в тылу врага под Москвой она и ее подруги не вынесли! Голод, холод, ранения, уход от преследования гестапо... Казалось бы, вернувшись к своим, Леля скажет: «Всё, товарищи. На большее нет сил». Но подлечилась, окрепла — и снова во вражеский тыл. Сама рвется. Отважная девушка. Много таких чудесных московских комсомольцев героически действовало осенью сорок первого года во вражеском тылу в Подмосковье. Сколько бесценных сведений они своевременно добыли командованию!

Раздумья Огнивцева прервал Спрогис:

— Как мыслишь начать работу после, когда проведем совещание, комиссар?

— Чего ж тут мыслить? Формы и методы нашей работы вытекают из тех конкретных задач, которые перед нами поставил штаб фронта,— пожал плечами Огнивцев.— Первая и, на мой взгляд, главная задача — организация надежной постоянной разведки. Я бы сказал, активной разведки. Это означает, что мы должны вести ее не только в районах Минска, Бобруйска и Борисова. Глазами наших людей нам архиважно заглянуть дальше на запад, ну, скажем, в Западную Белоруссию и Польшу, а на востоке, по меньшей мере, в район Смоленска. Так ведь, командир? А если так, то всю работу начнем с подбора надежных людей, под-

готовки их как разведчиков, обучению работе на радиостанции. Да с таким расчетом, чтобы они были способны поддерживать устойчивую связь по радио не только с нами, но и с Центром. Правильно я говорю? А самое главное — их легализовать, то есть устроить на работу в различных учреждениях, предприятиях оккупационных властей в интересующих нас районах. Это, брат, такое сложное дело, что мураши по спине бегают, как подумаешь. Потребуется немало времени, выдержки и умения, конечно, но задача для нашей группы, прямо скажу, вполне реальная и выполнимая. Как мне представляется, этим делом будут заниматься наши командиры-разведчики, имеющие опыт организации такой разведки. Что же касается второй задачи,— продолжал комиссар,— диверсий — так чем больше набедокурим на коммуникациях, чем больше отправим на тот свет фашистов и их боевой техники, чем больше разгромим военных комендатур, складов и прочего, тем лучше. Это тоже по плечу нашим группам и отрядам. Сами их командиры в состоянии наладить дело. Не зря щи хлебали и кашу ели на Большой земле. Но и в первом, и втором случаях нам надо внимательно изучить противника и наметить объекты для наших действий, тут с кондачка не получится. Надо правильно расставить наши силы, организовать взаимодействие всех отрядов, согласовать их действия с местными партизанскими отрядами. Неплохо было бы побывать у них, поговорить, поучиться. Тут всякий урок впрок. Как-никак, а уж они-то знают верных нам людей в оккупированных городах и селах. К тому же эти ребятки уже имели не одну стычку с гадами и научились им морду мылить! Их опыт и нам пригодился бы. Творчество нужно, творчество, командир! По шаблону нам ни мыслить, ни действовать нельзя.

— Дело говоришь, комиссар,— обнял друга Спрогис.— Как командир сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь тебе по этой твоей линии. Ты не можешь представить себе, Ваня, как мне хочется сделать что-то такое, что сторицею отплатило бы фашистам за их злодеяния на нашей земле. Сколько зла натворили сволочи... Не давать им покоя ни днем, ни ночью! Все наши действия должны быть активными и значительными по своим масштабам. Нам нужны громкие дела, чтобы о них заговорила Москва, вся Родина! Чтобы все люди

подняли головы, и те, что здесь, присоединялись к нам!

Огнивцев всецело разделял глубокие чувства друга. Но он был опытным разведчиком и привык стократно выверять свои действия и поступки. Ведь малейший промах грозит бедой...

— Хорошо, Артур, все правильно,— мягко возразил он.— Допустим, что мы совершили «громкое дело». К примеру, ночью разгромим небольшой вражеский гарнизон и овладеем каким-нибудь небольшим городом или там крупной железнодорожной станцией. Для этого привлечем все силы наших отрядов и нашей оперативной группы. О нем, несомненно, могут заговорить и в Москве. Ну а дальше что? Что последует за этим? Как поведет себя противник? Он что, будет сидеть и аплодировать нам?! Нет, дорогой! Немецкое командование только и ждет, когда мы сгруппируемся. Оно среагирует на такой акт нападения быстро и оперативно. Немедленно против нас будут брошены крупные силы карателей и регулярных войск с танками и артиллерией. И мы будем раздавлены. Потеряем опытных наших разведчиков и командиров, растеряем всю нашу уже существующую разведывательную сеть в своем районе и не выполним главную боевую задачу, поставленную перед нами генералом Соколовским.

Спрогис не ожидал такого резкого поворота их беседы. Он помнит себя как разведчика по Испании. Вот там они давали перцу франкистам! Весь мир следил за ними затаив дыхание.

— Ой как и мне хочется одним ударом нокаутировать гадов. Но имей в виду, что против нас действует более чем опытная контрразведывательная сила. Против германских фашистов, их тактики, дорогой Артур Карлович, мы должны выставить нашу гибкость и, я бы сказал, неуловимость, внезапные засады против небольших вражеских колонн, железнодорожных составов, дерзкие продуманные нападения на их комендатуры, учреждения и штабы с основной целью — добыть ценные разведданные. Пойми меня правильно. Я не сторонник штурма крупных населенных пунктов, железнодорожных станций — они очень хорошо укреплены. В рейде по тылам врага под Велижем в сорок первом году нас в основном спасала наша подвижность. Мы не сидели на одном месте. Нанесем чувствительный удар — и исчезнем. Помню, на шоссе под Велижем мы

разгромили колонну фашистских карателей. Вокруг тянулись огромные леса. Ох как не хотелось уходить оттуда... Велик был соблазн остаться на старой, хорошо укрытой и обжитой стоянке. Тем более, что она значительно удалена от ближайших гарнизонов противника. Но мы не поддались искушению и все-таки ушли. И во время. Как после стало известно, фашисты бросили против нас большие подвижные силы с легкими танками, артиллерией и даже авиацию. Урочище окружили, окольцевали со всех сторон да так пробомбили и прочесали, что живого места не осталось. Кинулись туда — а нас там нет... Били по пустому лесу. Вот такая тактика и нам здесь нужна, командир!

— Я учту твой боевой опыт, комиссар. Первое слово в этих делах за тобой. Но... шуму, переполоху на коммуникациях и в близлежащих гарнизонах противника мы должны наделать. Население ждет грома! Ждет, понимаешь!

— Ждет, Артур Карлович! Ох как ждет. И дождется! Честное слово. Но пусть потерпит еще. Не время пока. И все-таки это — дело партизан. Наши отряды и группы, командир, не обычные, а диверсионно-разведывательные. Поэтому они не только должны истреблять захватчиков. Еще и еще раз хочу, чтобы ты до конца понял главное: в ходе боев путем захвата штабных документов и пленных военнослужащих, особенно офицеров вермахта, мы должны и будем добывать ценные разведывательные данные о противнике... На это меня и нас с тобой вместе нацеливал генерал Соколовский.

Спрогис спрыгнул с коряги, заложил руки за спину, зашагал взад и вперед по протоптанной в траве тропке. Среднего роста, крепкого телосложения, угрюмо суровый, в наброшенной на плечи шинели. Чувствовалось, что он чем-то взволнован. Глядя на него, комиссар невольно подумал, что ему, пожалуй, придется сдерживать командира. Он горяч, упрям. По всему сегодняшнему поведению было видно, что ему что-то не понравилось в высказываниях комиссара, что он сам что-то уже твердо решил...

Так оно и было. Пошагав немного, Спрогис остановился и сказал:

— И все-таки «громкое дело» будем готовить, Иван Александрович. Хочется мне, поверь, с большого дела

начать. Нет, нет, не пугайся. Очертя голову не полезем, но и прохлаждаться не будем. Наш долг — отсюда, из белорусских лесов, хотя бы немного сталинградцам помочь. Представляешь, гробануть тот эшелон, что к Сталинграду идет! Сколько бы спасли мы наших бойцов! И мы гробанем его. Верь, комиссар!

Комиссар сощурил всегда настороженные свои глаза, хитро улыбнувшись, ответил:

— Ну вот мы с тобой почти и договорились, на какие объекты будем нападать в первую очередь. Ты думаешь, у меня сердце не болит за сталинградцев? Да если мы не допустим туда, к ним, несколько эшелонов с живой силой и боевой техникой врага, да если к этому благороднейшему делу подключим и местное население, создадим, например, из числа работающих на железных дорогах наших людей диверсионные группы, то это и будет самое «громкое дело» из всех «громких дел». И самое «тихое», потому что никто не узнает, что натворили беды врагу именно мы. Будем снабжать взрывчаткой и минами верных людей — будут лететь под откос фашистские эшелоны. Будем учить технике и тактике нашей работы — сохраним силы. И не только сохраним, а и приумножим.

Подошел помощник по хозяйственной части, помялся, спросил:

— Какие будут указания по части выпивки, товарищ командир? Угостим наших гостей или нет? В запасе у нас кое-кто имеется...

Лицо Спрогиса вмиг побагровело. На переносице легла хмурая складка.

— Вы где находитесь? На фронте или у тещи? Никакой выпивки! Ни грамма! Спирт беречь железно. Впереди бои, зима... Голову надо на плечах иметь. Идите!

— А вот за эту отповедь спасибо, командир,— сказал Огнивцев.— За пьянку в бою не за понюх табаку отдашь голову свою. И наоборот. Трезвым быть — врага крепко бить. В нашем фронтовом разведотряде за три месяца похода не было ни одного случая не только пьянки, но и выпивки. В то же время я видел, что делает шнапс с фашистами. Бывали случаи, когда они лезли на пулеметный огонь, как мошкара на свет. За наших десантников можно поручиться: строгие, крепкой дисциплины ребята. Нам и поберечь их. Что ни говори,

а даже малейшее угощение в наших условиях — уже развращение. Так?

— Еще бы,— довольный такой оценкой, улыбнулся Спрогис.— Да они же у нас почти все коммунисты и комсомольцы.— Он посмотрел на часы:

— Пойдем-ка чаю попьем. Уже вскипел, наверно.

— Да, не худо бы погреться. Пошли...

Еще на подходе к костру командир и комиссар услышали веселый шутливый говор:

— С самолета прыгать — это, други, не с милашкой кувыркаться со стога сена.

— А разве доводилось и это?

— Еще бы! Побарахтаться в валках на сеновале — это в деревне первое дело. Помню как-то...

— Может, постоим, Артур Карлович? Пускай ребята отведут душу.

— Конечно. Подойдешь — растеряются, не тот разговор будет.

Остановились. Спрогис прислонился спиной к березке, комиссар присел на пенек. А боец тем временем продолжал рассказывать:

— И вот пригласил я из соседского дома девчонку помочь сено с телеги в сарай занести. Ну, снесли и не заметили мы, как под самым князьком сарая очутились. Высоковато. Надо слезать, а лестницы нет. Снял я с пояса ремень — и в руки ей: «Спускайся, Наденька, я тебя поддержу». «Хорошо,— говорит,—Феденька. Только покрепче держи». А я, медведина, вместе с охапкой сена вслед загремел. И прямо на шею к ней. Ухватился, глянул в лицо и вижу в глазах ее такое...

— А что? Что именно? — раздались нетерпеливые голоса.

— Известно, что в девичьих глазах. Любовь!

— Еще какая,— подтвердил кто-то.— Видел я глаза твои, когда в самолете раздался сигнал «пошел»!

Все захохотали. Рассказчик сконфуженно умолк. Но в ту же минуту заговорил второй:

— Нет, что ни говори, а сигать с парашютом трудно, особенно в темное время. Я когда провалился в тартарары, признаюсь, обмер. Душа куда-то в пятки скользнула. А жизнь, ну, как есть вся вспомнилась: и как в речке раков ловил, и как гусей пас, и как ходил на вечеринки, влюблялся, женился...

— Это сколько же ты к земле летел?

— Да разве вспоминалось порознь? Оно, брат, как-то вдруг все в один клубок свернулось и враз размоталось. Но самое потешное впереди. Не перебивай ты. Подлетаю я к земле и думаю: «Вот сейчас грохнусь — и останется от меня мокрое место». И точно. Оглянулся, гляжу, а подо мной оно — это мокрое место. Черт возьми,— думаю,— я эту мокреть образовал или она тут сама была? И вообще вроде бы многовато для моих личных возможностей. Попробовал воду на вкус и просиял: «Мать моя! Да я же попал в дождевую лужу!»

— Понятно! — воскликнул все тот же оппонент.— Мы на том историческом месте, Федя, памятную доску поставим: «Здесь сел в лужу десантник Федор-десятый».

Опять взрыв хохота. И вдруг разговор сам собой утих. Можно было идти на чай. Но тут подбежал посыльный от начальника штаба.

— Друзья, командира не видали? Да вот же он... Товарищ командир! Прибыли вызванные вами командиры: старший лейтенант Сорока, капитан Вацлавский, старший лейтенант Бухов.— И добавил:— Еще девушка! Очень красивая, при орденах.

— Ну что ж... Пойдем знакомиться, комиссар.

— Надо. Тем более с красивой девушкой.

На лесной поляне у костра собрались прибывшие на совещание командиры отрядов и групп. Капитан Алексеев доложил Спрогису, что командиры отрядов — капитаны Наумович и Алисейчик прибыть на совещание из-за боевой обстановки смогут лишь через неделю. Было решено вызвать их и поставить им задачу отдельно.

Старший лейтенант Сорока

Внешне все они были разные, совершенно не похожие один на другого. Но нечто неуловимое сближало, роднило их. Огнивцев наблюдал за ними исподволь, внутренним взором профессионального разведчика, стремясь найти характерные индивидуальные черты в каждом.

Хорошо, когда знаешь человека. Ты встречаешься с ним, как с товарищем, которому всегда рад, и веришь,

что эта встреча не принесет тебе неприятности. Ну а когда не знаешь?.. Приходится осматривать человека с ног до головы, заглядывать ему в глаза, а чаще всего в его душу. На все обращаешь внимание: и на внешний вид, и на манеру поведения, и даже на маленькие, еле уловимые черты и детали.

Одним из тех, кто первым привлек внимание комиссара, был старший лейтенант Григорий Сорока. Огнивцев отметил про себя, что Артур Карлович уже знал Сороку. Позже он рассказывал, что впервые встретился с ним в тяжелом сорок первом где-то на опушке леса под Смоленском. Тогда особоуполномоченному военного совета Западного фронта майору Спрогису, занятому формированием групп разведчиков и диверсантов для работы в тылу врага, нужен был смелый и волевой командир. Ему нашли и представили такого в лице Григория Яковлевича.

«Где воевали»? — спросил Спрогис.

«Топал от самой границы из-под Бреста. В боях под городом Лида был ранен и контужен. Товарищи помогли добраться до Смоленска...»

«Специальность?»

«Сапер, подрывник. Окончил полковую школу в инженерных войсках Московского военного округа до войны».

«Прекрасно. Такие люди нам как раз и нужны».

«Разрешите узнать, товарищ майор, кому, куда?»

«Играть в бирюльки не будем. Говорю сразу. Группа в составе двадцати пяти человек засылается в тыл врага. Вас сватаем на должность заместителя командира этой группы. Согласны?»

Сорока дал согласие и с того дня стал фронтовым разведчиком. По словам Спрогиса, Сороке везло. Много раз пересекал он линию фронта, не единожды попадал в тяжелые положения, но всегда благополучно выходил из них.

Огнивцев сейчас изучающе посматривал на этого «везучего» человека, оседлавшего пенек на лесной поляне и сидевшего на нем полусогнувшись, печально скрестив на коленях руки, и не хотел верить высоким оценкам Спрогиса. Перед ним был угрюмый, с тяжелыми складками на переносице, одетый в защитного цвета фуфайку и брюки человек, в глазах которого светилось столько горя и страданий, что, казалось, на

одного человека их больше, чем достаточно. Чудилось, будто в нем отразилась вся боль, все страдания Родины. Вместе с тем в его глазах полыхала лютая, неуемная ненависть к тем, кто принес на эту мирную, в зелени берез и сосен, землю огонь, смерть и разрушения.

Представляясь командиру и комиссару, Григорий Сорока говорил тихо, отрешенно, будто не особенно верил, что все, про что он рассказывает, кому-то нужно и интересно.

— Родился я в семнадцатому году в Донбассе, на руднике Тошковка в семье рабочего. По окончании семилетки закончил горнопромышленное училище и до призыва в армию работал на шахте электрослесарем. Службу начал на севере, а затем был переведен в Московский военный округ заместителем командира взвода полковой школы в инженерном полку. Ну а в мае сорок первого направили в Белорусский Особый военный округ, под Брест. Тут и принял боевое крещение....

Григорий Яковлевич, как бы сокрушаясь, будто последующее, о чем он расскажет, в чем-то винит его, почесал за ухом под высокой из черной смушки кубанкой, на которой поблескивала маленькая звездочка, продолжал, понизив голос:

— Под городом Лида задела меня вражеская пуля, одновременно тяжело контузило. Товарищ, с которым мы воевали, с риском для себя вынес меня с поля боя и посадил в эвакопоезд. Так я доехал до Смоленска. Вскоре с помощью врачей очухался и попал вот под ваше начало, товарищи командир и комиссар. Вот и вся моя военная автобиография.

— Нет, не вся, дорогой,— возразил Спрогис.— Под Смоленском сколько раз ходил в тыл противника?

— Два.

— Под Москвой?

— Пять.

— А выброска с парашютами в Дорогобужский район под Смоленском, по-твоему, не считается?

— Так то ж опять под Смоленском в сорок втором году, когда уже наши дали по мозгам фашисту под Москвой.

— Вот и расскажи, что вы там делали, на земле Дорогобужской. Не свататься же вас туда посылали, наверное, на ответственное дело?

— Да, задание выпало трудное. Нашей небольшой группе приказали взорвать в районе Орешина склад с боеприпасами. Вылетели. Приземлились. Двигались по лесным массивам днем и ночью. Очень торопились. И время поджимало, и руки чесались... До цели добрались благополучно. Сразу же стали изучать расположение складов и охрану. Дошли до мелочей. Потом сняли часовых. За это дело взялись три наших отчаянных разведчика. Ребята сработали чисто. Помогли бесшумные винтовки. Я и мой друг Михаил бросились к складам, заложили заряды, подожгли бикфордов шнур и, как говорится, деру назад. Склады охраняло крупное подразделение фашистов. Очухаются, думаем, не избежать преследования. Но все шло гладко. Взрыв был такой, что небу жарко. А мы уже далеко в лесу! Это нас немного расхолодило. Пошли медленнее. Но немцы озверели. Бросили на поиски диверсантов серьезные силы. Конечно, вскоре нас обнаружили. Завязался неравный бой. Дрались мы до последней возможности. В самый последний момент, пользуясь непогодой, группами по два-три человека стали ускользать в разных направлениях. Несколько славных наших ребят остались там навечно... Нам троим — Мите Гавришу, Борису Тульчинскому и мне — удалось оторваться от фашистов и укрыться в лесу. Пролежали, закопавшись в листву, целый день. С наступлением темноты двинулись по азимуту на восток. Шли от деревни к деревне, от леса к лесу. Шли очень долго. Измотались до чертиков. Наконец приняли отчаянно рискованный вариант — двинуться по шоссе в открытую. Раздобыли в одной деревеньке коня, телегу, сделали в ней двойное дно — положили туда оружие. Под видом военнопленных поехали...

Сорока вздохнул. Продолжал с унылой неохотой:

— Конечно, если бы мы двигались не на восток, а на запад, подозрений было бы меньше, а так... Неожиданно мы оказались в окружении конницы. Фашисты что-то кричали, почему-то хохотали, а потом подогнали крытую брезентом машину и бросили нас в кузов. В нем сидело еще несколько схваченных красноармейцев. Не стану рассказывать, как нас везли, сколько мы в пути надругательств натерпелись. Жуть! Пригнали нас к городу Слуцку. Прямо в чистом поле, там за колючей проволокой, томились сотни таких, как мы.

Многие на наших глазах умирали от голода, ран, болезней. Питания почти никакого. Раз в сутки бурда из корнеплодов. Но и ту получить невозможно. У кухни возникала толчея, давка, и тогда по толпе стреляли. Выбирай любое. Либо ковш бурды, либо смерть. Обошли весь лагерь. Возможности к побегу никакой. Всюду вышки с пулеметами. У ворот сильная охрана...

— И как же вам удалось вырваться, Григорий Яковлевич? — спросила, тяжко вздохнув, Леля Колесова, сидевшая среди мужчин — командиров отрядов.

— Солдатская находчивость. Русская смекалка... — ответил Сорока.— А дело было вот так. С большим трудом увели у повара для своей задумки буханку хлеба, достали банку мазута...

— А мазут-то зачем? — не утерпела Леля.

Сорока пропустил мимо ушей ее вопрос и продолжал рассказывать короткими рублеными фразами:

— Мы узнали, что фашисты берут из лагеря военнопленных на работу. За проволокой, совсем рядышком, чаходились ремонтные мастерские. Работавшие там иногда приходили в лагерь за пищей. Вот тут-то и была зацепка для побега. Раздобыв буханку хлеба, мы вымазали свое обмундирование мазутом и все трое отправились прямо к воротам. Часовой остановил нас. Мы стали объяснять, что приходили в лагерь за хлебом и теперь идем на работу в мастерские. Это был единственный шанс на спасение. Стоим и ждем, что скажет огромный рыжий верзила, наставивший на нас автомат. А он не торопится. Зыркает глазками. Казалось, прошла не минута, а целая вечность. И вдруг как гаркнет: «век», значит, проходите быстрее. Клюнул все-таки! Первый пост пройден. Но дальше еще два. Неужели и там будет такой же осмотр? Но, к счастью, там поверили первому часовому и нам открыли шлагбаум. Это было в десять утра, а через несколько минут мы уже сидели в огромном чане из-под капусты на бывшем городском овощехранилище. Фашистам, конечно, и в голову не пришло заглядывать в вонючий чан...

— Странный часовой вам попался,— удивился кто-то из командиров.— Доверчивый какой-то.

— Слишком верили они в свою легкую победу на первых порах. Это сейчас их на мякине не проведешь,— заключила Леля.

Сорока, кажется, впервые улыбнулся:

— Вот и вся история. Нам просто повезло. Рассказывать же, как уходили, где скрывались, думаю, не интересно, да и долго. У других хлеб отыму...

— Верно,— сказал Спрогис.— Обо всем не надо, а вот о том, как белым днем на виду у гитлеровцев вы всей группой в лес ушли, рассказать надо. Это поучительный пример. Так что, давай выкладывай.

— Так там тоже все просто было,— сказал Сорока.— Зима. Рассветает. А мы, двадцать вооруженных автоматами десантников, кукуем в чистом поле меж двух деревень. Оглянулись — батюшки! Рядом с нами по дороге топает эскадрон фашистов. Вот они, миленькие, на автоматный выстрел от нас. Что делать? Обратно в лес — не успеть. Принять бой — гибель. Перебьют, порубят... Единственное спасение — полное спокойствие. Даем кавалерии понять, будто мы ихние, «свои», значит, идем на задание и потому нам плевать на все и вся. И это нас спасло. Фашисты легкой рысью проскакали по дороге и спрятались в деревне, где топились избы. С ночного задания, видать, возвращались. Замерзли, бедолаги, торопились обогреться.

Огнивцев засмеялся:

— Они, как видно, просто не захотели вступать с вами в бой. Кому охота по глубокому снегу лезть под русские пули, когда рядом теплые избы и пахнет жареным мясом да шнапсом.

— Вот именно,— кивнул Сорока.— Одежонка на кавалеристах фюрера была паршивая. Легкие шинельки, платки и конские попоны.

— А вы-то в чем шли?

— Мы — в теплом белье, свитерах и ватниках, шапках-ушанках.

— Как же они вас не опознали?

— А мы ребята ушлые. Еще при выходе из леса на их собственный манер повязали головы разными тряпками, платками...

— Видали? — кивнул Спрогис.— Учись у Сороки, ребята! У него находчивость и хитрость на каждом шагу.

— Смотри, командир, не захвали его. Сглазишь — зазнается,— осторожно сказал Огнивцев, которому все больше нравился Сорока, по мере того, как он раскрывался.

— Ладно. Не будем. Конец войны еще далеко, встреч разных будет немало. Доложи-ка лучше, Григорий Яковлевич, что у тебя сегодня? Как приземлились? С кем установили связь? Что разведали?

— Приземлились благополучно, только у Михаила сапоги в воздухе слетели.

— Нашел?

— Нет. Лапти выпросили у сельского деда.

— Плохо. Дальше?

— А дальше разыскали ребят из группы Бориса Николаевича Вацлавского и отправились на поиски Лели Колесовой. Искали долго, по всем окрестным деревням расспрашивали, но никто о девушках-десантницах ничего не знал.

— Стали бы мы себя афишировать,— сказала Леля.— Кино в сельском клубе, что ли?

— Да-а,— вздохнул Сорока.— Девушкам не повезло. Трое разбились. Не раскрылись парашюты.

Как потом расследовали командир и комиссар, девушки выбрасывались с самолета на малой высоте с парашютами, которые открывались не автоматически. Это требовало большого самообладания и натренированности. Этой подготовки, к сожалению, у них не было. Ни одна из них до этого даже ни разу не прыгнула с парашютом с самолета. Некогда было.

Огнивцев ужаснулся, услышав это. Он вскочил, надвинул на глаза фуражку и побрел между берез.

— Что это с ним? — спросил Сорока.

— Не трогайте комиссара,— ответил Спрогис.— Переживает. Он ведь знал их всех наперечет...

Огнивцев не мог знать, кто именно те трое... Глупая смерть. Он помнил всех двенадцать в лицо, потому что не раз видел их в военном городке — там, в резерве. Такие жизнерадостные, нежные, милые... Завидев их, бойцы останавливались, заламывали пилотки, вздыхали. В простеньких красноармейских гимнастерках, юбчонках «хб», в аккуратно отутюженных пилотках они были изысканно нарядны и привлекательны. Кто из них, двадцатилетних парней, не мечтал дружить, а то и соединить сердце с такою?! И вот... могильные холмики на белорусской земле в деревне Липовщина.

Как же так?.. Почему и кто халатно отнесся к подготовке девушек к прыжкам с таким парашютом, на-

перед зная, что их будут выбрасывать с малой высоты? Почему не было специальных тренировок вплоть до прыжков с самолета?

Сердце окатило горячей кровью, когда комиссар на миг представил себе глаза тех троих, на которых неумолимо надвигалась земля, и свист ветра заглушил последний вскрик «ма-ма-а!»

Плечо комиссара уткнулось в холодный ствол березы, кулак тяжело опустился на корявую кору. Придя в себя, он вернулся.

— Нет! Этого простить нельзя! Виновных нужно разыскать и спросить с них по законам военного времени! Все недоделки, всяческую халатность при исполнении своих обязанностей, тяжелые проступки и преступления списывать на войну нельзя. Особенно когда от того гибнут люди и страдает дело. Об этом мы сегодня же сообщим в штаб фронта и попросим, чтобы должностные лица, коим предписано заниматься десантной подготовкой, занимались ею по-настоящему. На нас с вами все это сказывается!

— Прав комиссар,— подтвердил Спрогис.— Вместе доложим.

Этот неожиданный эмоциональный всплеск на минуту всех выбил из колеи. Но разведчики быстро взяли себя в руки. Деловой разговор продолжался.

— Сделано пока мало, но без работы не сидели,— докладывал Сорока.— За июнь и июль пущено под откос всего двенадцать фашистских эшелонов. Уничтожено, правда, немало вражеской техники и живой силы противника. Повреждены несколько десятков километров проводной связи.

— Хорошо! Молодцы! — похвалил Спрогис.— Не прибедняйтесь.

— Могли бы сделать и больше, да фашисты всполошились сразу же после гибели второго их эшелона. На железной дороге появилась охрана. Из конца в конец постоянно шныряла дрезина с автоматчиками. По обе стороны начали вырубать лес. Скорость движения поездов была значительно снижена. Хуже того, для охраны дороги фашисты начали выгонять население. На девушек и бабушек да на детишек переложили гады ответственность за подрыв нами воинских эшелонов. Это, конечно, осложнило дело, но все же мы ухитрялись обводить фашистских негодяев. Выходили в чистое

поле, где не было населения, и расправлялись с поездами там.

— Вот это особенно благородно! — похвалил комиссар и встал нахмуренный.— Мы не имеем права подводить местное население. По многим фактам известно, что фашисты берут заложников и расстреливают их пачками. А ведь это безвинные люди. Под дулами пулеметов они наверняка кричат: «За что же? За что?» Помните об этом, товарищи. Прошу вас... И требую! Продолжайте, Григорий Яковлевич.

— Установили связь с жителями окружающих селений, а также с некоторыми путейцами железной дороги Минск—Москва. Надо сказать, встречали нас братья-белорусы радушно. В деревне Прудок мы, в частности, познакомились с семьей Кришталь. Глава семьи Алексей Филиппович, его жена Клавдия Васильевна и дочь Нина приняли нас как родных. Когда я вошел первый раз в их избу в полной военной форме с орденом Красного Знамени на гимнастерке, они не знали, где нас усадить и чем получше угостить. Тут и расспросы о Москве, и слезы радости... А когда зашла речь об их помощи, нам в ответ были слова: «Готовы помочь всей семьей». По моей просьбе Алексей Филиппович на другой же день ушел в местечко Крупки, а Нина — в Толочино. Выполнили наши поручения — лучше не пожелаешь. Семья рисковала, но всегда смело шла на любые задания. Большую помощь в нашей работе оказывают белорусские партизаны, в частности, из отрядов Свистунова и Изохи.

— Какие группы были организованы в отряде и кто именно был в группах? — вставил слово Огнивцев, привыкший всегда к точности и хорошему знанию людей.

— В подрывную группу входили Федор Чугунов, Леша Рухов, Валентин Северов и Ира Соловьева. В разведгруппу — Дмитрий Сережин, Клава Мирорадова и Миша Питраев. Все они оказались преданными нашей Родине, смелыми и отважными воинами.

В заключение своего доклада старший лейтенант Сорока сообщил, что с начала сорок второго года оккупационные власти начали усиленно создавать полицию в крупных населенных пунктах, насильно заставляли мужчин, из числа местных жителей, служить в ней. В последнее время даже сам бургомистр города Бо-

рисова рьяно взялся за это дело и самолично включился «в вербовку» местных жителей в полицию.

Огнивцев был доволен докладом Сороки, но чувств своих не выражал. Надо еще присмотреться к этому разведчику. Кажется, он способен на более серьезные дела. Но это все еще впереди.

А Сорока, достав из кармана то ли кусок полотенца, то ли обрывок простыни, служивший ему вместо носового платка, отчаянно тер лоб и шею, мокрые от напряжения.

Девичий «атаман»

Колесная дорога, поросшая на обочинах подорожником. Колеса. Колесово... Не та ли удалая, лихая, бесстрашная в нужде и горе некогда колесная, всегда вечная и бесконечная Русь породила всей историей своей эту светло-русую миловидную отчаянную девчонку на радость своему народу и на погибель врагу? Не этой ли дочерью повелела ты, мать-Россия, поколениям своим гордиться во все времена и всем поколениям?

Как же ты попала сюда, в стойбище врага, в края, сожженные войной, Леля Колесова? Нужда какая-то заставила тебя или ты сама, несмотря на слезы родных, по зову чистого сердца своего ушла из отчего дома и взяла в руки оружие отмщения?

Да. Она, двадцатидвухлетняя девчонка — уроженка самой коренной Руси, родилась и выросла в деревне Колесово, затерявшейся где-то в Ярославской области. По имени той деревни ей — Елене, по прозвищу Леле — и досталась отцовская фамилия Колесовых. Она хорошо помнила ту старинную колесную дорогу, по которой в первый раз ее повезли на Волгу, в Ярославль, покупать первое ситцевое платье в школу. Так и началась ее дорога — от школы. Потом, уже много лет спустя, уже в военной гимнастерке и кирзовых сапожках, сшитых по ноге военным умельцем, она приезжала из Московского военного городка навестить родную деревню перед самой отправкой на фронт. А до этого Леля три года жила в Москве, в 39-й квартире дома номер семь на Метростроевской улице и рабо-

тала учительницей, а затем пионервожатой в 47-й школе.

В октябре сорок первого, когда враг подошел к Москве, Леля Колесова простилась со своими мальчишками и девчонками и ушла добровольцем на фронт. Туда, где денно и нощно гремело, гудело, ухало. И это совсем близко от Москвы.

В добровольческом полку говорили, что она не боится ни пуль, ни снарядов, а во время бомбежек ходит по траншее и подсмеивается над теми, кто, как страус, прячет голову в песок. Все это и правда, и неправда. Она боялась смерти. Но выше страха за свою молодую жизнь у нее была ответственность за землю русскую, за ставшее родным Подмосковье, за тех первоклашек-трехклашек, которые остались в школе, где она работала, проводив ее со слезами навзрыд на войну.

Смелую, не по годам серьезную и отчаянную девчонку заметили командиры разведчиков, она показалась способной на их трудные дела. Велика ответственность быть рядовым разведчиком. Но во сто крат ответственнее и труднее быть командиром разведчиков. А она стала им. Как ей доверили такое дело? Глядя на молодую девушку, не имеющую ни заслуг, ни воинского звания, не относящуюся хотя бы к категории младшего комсостава, не трудно было отмахнуться от нее. Мол, куда там тебе! Не женское это занятие быть разведчицей. Но кто-то из умных и проницательных начальников увидел в Леле Колесовой прекрасные задатки характера, которые можно было развить и упрочить. Ее, не колеблясь, назначили командиром разведгруппы девушек, уходящей за линию фронта, в тыл врага.

В ту пору в Подмосковье было тесно от оккупантов. Снега пестрели от лягушачьего цвета шинелей гитлеровских солдат. В каждой избе, в каждом обогретом месте их было как клопов. На каждой дороге, тропе злые выкрики «хенде хох». Но разведчицы под командованием девушки из Ярославля просачивались, протискивались, пробивались огнем сквозь вражеские заслоны, добывали сведения и уничтожали все то, что им было приказано уничтожить. И не случайно в январе сорок второго года в клубе войсковой части, где они тогда находились, под бурные аплодисменты бойцов и

командиров Елене Федоровне Колесовой, а попросту славной разведчице Леле, был вручен орден Красного Знамени. В наградном листе для представления ее к этому ордену было написано:

«Отважная московская комсомолка Колесова Е. Ф. с октября 1941 года в качестве командира разведывательно-диверсионной группы принимала активное участие в разгроме немецких войск на подступах к столице. Выполняя боевые задания, героически сражалась с фашистами, минировала шоссе и железную дорогу в тылу врага, нарушала линии связи. Возглавляя группу из девушек, совершала неоднократно нападения на мелкие группы противника, поджигала его склады с боеприпасами и продовольствием. В качестве командира отделения девушек сражалась на линии фронта в составе стрелкового подразделения. Уже в 1941 г. Колесова Е. Ф. своими героическими подвигами в тылу у противника стала известна всей стране».

Весной сорок второго года, когда в Москве растаяли последние валы снега и просохли мешки с песком на баррикадных заслонах, Леля Колесова и ее одиннадцать подруг (теперь она возглавляла группу разведчиц-девушек) пришли на Красную площадь. Они сразу же привлекли внимание военных парней. Завязалась полушутливая перебросна словцами:

— Оставьте адресок, красавицы!

— Давайте познакомимся!

— Опоздали, ребятки!

— Вас уже засватали?

— Да. Мы просватанные.

— Тогда другое дело. На свадьбу приглашайте.

— Пригласим, дайте срок...

Из группы военных парней к девчатам подошел младший лейтенант с орденом Красной Звезды на гимнастерке.

— Вижу, вы, как и мы, тоже пришли попрощаться с Красной площадью?

— Да. Угадали. Уезжаем.

— На фронт?

— Куда же еще...

Они пошли с ребятами вместе, плечом к плечу, притихшие, торжественно-молчаливые, думая о своем, рассматривая и запоминая очертания Мавзолея Владимира Ильича Ленина и величественной площади.

— На какой фронт, простите, если не секрет?

— На невидимый...

— Мы тоже...

Да. Они улетели на невидимый фронт — в леса Белоруссии, на Березину. Их было двенадцать. Двенадцать отважных, на все готовых во имя своей Родины советских девушек-патриоток, комсомолок, преисполненных ненависти к врагу и жажды мести. Вот их имена: Алевтина Лапшина, Зинаида Морозова, Нина Шинкаренко, Надежда Белова, Тамара Маханько, Вера Ромащенко, Татьяна Ващук, Ариадна Фанталова, Анна Минаева, Сима Лисова, Анастасия Алексеева и их командир Елена Колесова.

Они не получили должной парашютно-десантной подготовки. Однако это их не остановило. Они смело бросились из самолета навстречу неизвестности в темную апрельскую ночь 1942 года. Они знали одно: Родина в опасности! И если бы понадобилось пожертвовать двумя жизнями за нее, они сделали бы это так же беззаветно.

Группе была поставлена конкретная задача: систематически вести разведку, добывая сведения о силах и средствах фашистских войск, расположенных в Борисове и близлежащих районах, организовать диверсии на железной и шоссейной дорогах Борисов—Крупки. Перед отлетом друзья тепло поздравили их с получением важного задания командования и пожелали благополучного возвращения с победой.

Они верили в свою звезду, надеялись выполнить трудные задачи и вернуться опять к родимым очагам. Но... безжалостная военная судьба распорядилась по-своему. Три подружки: Тамара Маханько, Таня Ващук и Тася Алексеева разбились. Погибли. У них не раскрылись парашюты. Сима Лисова и Аля Лапшина во время первой же разведки в районе Выдрицы попали в лапы карателей.

— Что известно сейчас о них? — спросил Спрогис у Лели.

— Несмотря на то что мы ни на день не прекращали разведку в Борисове и деревнях, как ни пытались выведать через местное население — никаких следов. Точно в воду канули. Я на днях сама была в Борисове, разговаривала с надежными людьми — никто ничего не знает. По пути содрала с заборов несколько прика-

зов и объявлений оккупационных властей. Некоторые из них представляют интерес. Вот они.

— Вникай, Иван Александрович,— кивнул Спрогис.— Наверняка пригодится для воспитательной работы с личным составом. Да и местным населением тоже. Теперь мы и за него в ответе.

Огнивцев взял у Колесовой листовки со следами засохшего клея, начал читать:

«Приказ полевой комендатуры г. Борисова об усилении оккупационного режима в г. Борисове.

Пункт первый. Для охраны города и объектов, имеющих военное значение, приказывается следующее:

— Запретные часы для гражданского населения устанавливаются с двадцати до пяти часов утра. Отдельные лица, имеющие пропуска, должны иметь при себе удостоверения от военной комендатуры. Лица, не выполняющие вышеизложенное, будут расстреляны. Пасти коров между военными учреждениями и в лесу строго воспрещается.

Пункт второй. Каждый гражданин, несущий трудовую повинность, должен в 7 часов утра быть у здания городского управления для распределения на работу.

Военный комендант — полковник

подпись».

Заинтересовало командира и комиссара и **«Объявление германского командования».**

В нем говорилось:

«Первое. Кто будет захвачен при повреждении линий связи и других военных приборов — будет расстрелян.

Второе. За хранение боевого оружия, а также охотничьего, всякого рода радиоаппаратуры — расстрел. Все вышеупомянутые предметы должны быть немедленно сданы местным немецким властям.

Третье. О людях, не принадлежащих к городу, деревне, а также о бывших красноармейцах должно быть немедленно донесено. Кто этого не сделает и будет скрывать — будет расстрелян. Поддержка и помощь партизанам будет наказываться виселицей.

Четвертое. Покидать места жительства, сбор грибов, ягод и заготовка дров в лесах запрещаются. Кто будет встречен в лесах — будет расстрелян».

Комиссар с отвращением скомкал грязные листки. Вытер руки о траву.

— Вот так. За все только расстрел да виселица. И глас вопиющего в пустыне: «Помогайте немецким войскам — и вам будет лучше житься!» Сволочи, хамы! И они смеют говорить о лучшей жизни. Вот послушайте: «С сего числа для поставок в Германию вводятся следующие обязательные налоги зерна, мяса, молока, яиц, масла, кожи, шерсти, раков, грибов, овощей, ягод, а также вводится налог на кошек и собак».

— Мерзавцы! — выругался Спрогис.— Раков захотели! Погодите, мы вам покажем, где русские раки зимуют. По-кажем!.. — И тут же обратился к Колесовой: — Подведем итог. Ваша группа понесла весьма ощутимые потери в первые же дни. Хотелось бы знать, какие боевые действия вели оставшиеся девушки? Не растерялись после таких бед, которые выпали на вас?

— Пока сделано немного. Мы устроили на шоссейной дороге засады, сожгли две автомашины и убили восемнадцать фашистов. Пустили под откос четыре вражеских эшелона с боевой техникой, при этом вывели из строя четыре паровоза, свыше пятидесяти вагонов и платформ, два танка, восемнадцать автомобилей, шесть бронемашин и восемь противотанковых орудий. Ведем непрерывную разведку в городе Борисове, наблюдаем за бывшим военным городком в местечке Печи.

— Да это же здорово! Молодцы, девчата! — не удержался от похвалы Спрогис.— Древнегреческие амазонки позавидовали бы вам, честное слово.

— Позвольте мне, товарищ командир,— поднял руку, как на собрании, старший лейтенант Сорока.— Хочу кое-что поведать о нашем «девичьем атамане».

Участники совещания узнали такое о делах самой Лели Колесовой, что ахнули...

В июне 1942 года в одной из засад, устроенной девушками на шоссе Борисов—Орша, Леля метким огнем из автомата в упор убила сидевших в кабине автомобиля вражеского офицера и солдата, а месяц спустя днем бесстрашно пустила под откос большой эшелон.

Это ей поддало боевого азарта. Но подрывать поезда на перегонах Борисов—Крупки—Толочин становилось все труднее и опаснее. Фашисты все ужесточали, усиливали охрану полотна и мостов. Если раньше на

каждом километре патрулировал лишь один охранник, то теперь, после целой серии взрывов воинских эшелонов, там стали вышагивать четверо. Два — в один конец, два — в другой. Ночью полотно железной дороги в опасных местах беспрерывно освещалось ракетами. Фашисты установили охрану и на переездах дороги. Здесь, как обычно, дежурили полицаи, которые знали в лицо жителей деревень и пропускали их на те или иные сельхозработы. Но изобретательный Ленин ум ухитрился найти щель.

В этот день на переезде было тихо. Прошла всего лишь старуха с девочкой лет десяти. Полицай по кличке Хведька ее и обыскивать не стал. Какая из нее диверсантка? Толкни пальцем — и повалится. Да и шла она не в лес, а на опушку, пособирать тут, рядышком, на вырубке, ягод. Она-то и хорониться не будет.

Хведька пропустил ее и строго приказал далеко от будки не уходить. «Иначе я тебя, беззубая, прикончу»,— сказал он ей. И старуха исправно блюла свое обещание — ходила по вырубке туда-сюда, наклонялась, терла поясницу и охала от боли. Полицай некоторое время присматривал за ней, а потом отмахнулся: «Кому она нужна, трухлявая? Никого не поджидает». Однако спустя немного, полицай увидел, как из леса вышла женщина с запеленатым ребенком на руках. Она подошла к старушке, о чем-то с ней поговорила и, укачав ребенка, положила его под куст, а сама тоже принялась собирать ягоды. Хведьке это показалось подозрительным. Он решил проверить, кто такая, но женщина упредила его. Подбежав к нему, она, задыхаясь, прошептала:

— Там... в лесу, партизаны. Они готовятся взорвать дорогу. Бегите скорей на станцию и сообщите в Борисов.

— Врешь, дура! — воскликнул полицай.

— Свят бог,— перекрестилась женщина.— Сама видела. Их много—торопитесь! Только не бегите. Увидят — убьют.

— Спасибо... От Хведьки,— козырнул побледневший с перепугу полицай и поспешил к железнодорожной станции, расположенной в одном километре от переезда.

А женщина, обождав, когда полицай отойдет подальше, подхватила своего «ребенка» и бросилась на полотно железной дороги. Из байкового одеяла тут же извлекла маленькую лопатку и солидный заряд тола. Несколько ловких движений — и смертоносный груз улегся в лунку. В один из кусков тола быстро вставлен взрыватель. В руках снова лопата. Грунт возвращается на место. На него укладываются обрызганные мазутом камни. Все готового для встречи эшелона, спешащего на восток. Уже гудят рельсы и подпрыгивает полотно. Надо уходить, но Леля Колесова спокойна и придирчива. Спина уходящего полицая растаяла вдали. Можно проверить, все ли сделано, как надо.

Леля подхватилась, взглянула с насыпи. Волосы у нее зашевелились под платком, по спине пробежали мурашки. «Что же это я?.. Как можно допустить такое?.. Там же старуха с девчонкой. Они вмиг погибнут под обломками вагонов, а если и выживут, то немцы все равно их расстреляют».

Она скатилась с насыпи, ухватила за руку старуху и девчонку, крикнула:

— Бабушка, бежим! Скорее, бабуся! Поезд идет... Сейчас взорвется.

— Чур! Чур тебя!.. Чего ему взрываться? Свихнулась ты, что ли?

— Ах, старая! Да бежим же... Бежим!.. Погубишь девчонку,— и потащила их к лесу.

Старуха пробежала несколько шагов, тяжело дыша, остановилась.

— Нет мочи. Не могу... Бегите вы... А мне все равно помирать.

Она поставила корзинку с ягодами, села около нее. Девочка присела перед ней на колени:

— Бабуся, идем!.. Идем же!..

— Иди... Уходи, внучка... Я тихонько пойду... Одна... А коль догонють... Што же. Какая же с меня партизанка?.. Отпустють.

Эшелон приближался. Его шум, похожий на шум ливня, стремительно надвигался на лес. Колеса вымолачивали что-то тревожное, стремительное.

К Леле подбежали девушки — ее боевые подруги:

— Ну что, командир? Как?..

— Все в порядке. «Дите» подложено. Сейчас крикнет: «мама»!

— Обстреливать будем?

— Нет. Отходить. Живо!! Помогите старушке!

— Есть!

Густой ельник едва успел укрыть отходящих от железной дороги. Лес всколыхнулся от сокрушительного взрыва. Эхо понесло по болотам и пущам грохот и скрежет падающего железа.

Девчата обняли Лелю. Загалдели, как на именинах:

— Лелька! Милая! Да ты у нас герой. Ура тебе! Ура, Леля!!

В тот же час, да и многими днями позже, никто еще не знал, что это был последний Лелин взорванный эшелон, ее последний личный победный салют Родине. Больше на железной дороге она не появлялась. Но еще долго будут ее искать оккупанты, суля в награду за ее голову десятки тысяч марок, шикарных дойных коров, десятки гектаров земли. Еще дольше будут жить легенды о ее дерзких вылазках и умопомрачительно смелых нападениях на оккупантов. За героические деяния ее благодарная мать-Родина назовет ее почетнейшим именем — Героем Советского Союза.

А пока девчата, возбужденные и радостные, шли знакомой тропой в свой лесной лагерь. Чавкала в сапогах болотная вода, шуршали о сухие камыши полы плащ-палаток, покрывала девичьи плечи, как парчой, золотая листва осин и берез. Красными огоньками горели вокруг гроздья спелой калины.

Леля на ходу сорвала одну веточку с крупным багрянцем соплодия, протянула ее подругам:

— Угощайтесь, девоньки. С кислинкой... Слепой проглянет.

— Эх, конфеток бы... «Ласточек» или «Мишек». Не худо бы и «Чио-чио-сан».

— Ох, девчонки, а мне хотя бы простых помадок!..

— Зачем они тебе? Ты сама помадка,— пошутила Леля.— Выйдешь замуж, муженечек не раз назовет помадкой. Попомни мое слово.

— Ах, Лелька! О чем ты заговорила? Неужто думаешь, что доживем до свадеб?

— А почему бы и нет? Мечтайте, девчата! Мечта даже смерть прочь гонит.

Они вышли на суходол. Леля сбросила с плеч плащ-палатку. Предложила:

— Садись, девчата. Передохнем...

Сели. Отдышались, вылили из сапог воду, пожевали сухарей, тихонько заговорили.

— А мне, подружки, почему-то больше что-то особое на думку идет,— призналась первой Вера.

— Это что же тебе такое особое припоминается? — спросила Нина.

— Грицко из нашего села не выходит из моей головы. Помню, мы с ним у криницы под луной одни. В первый раз такое довелось. Взял он меня за руки, нарядный такой, в белой вышитой рубашке, чубатый. Потупил свой взор и спрашивает, люблю ли я его? Мне бы признаться ему, сказать хоть намеком, кивком головы... А я сорвалась с места, как угорелая, как спугнутая птаха, и улетела, через край счастливая. Думалось: сколь дней еще впереди! Сказать про то еще успею. Не успела вот... Ушел мой милый парубок в могилу. Так и не узнал, что я его любила.

— Что же с ним? — спросила Белова Надя, вытянув в напряжении тонкую белую шею.

— Погиб в первых боях где-то под Перемышлем.

Рассказ оказался некстати грустным, и Леля поспешила его перевести.

— А в меня, девоньки, до войны заведующий магазином было влюбился. Солидный такой. Каждый день с коробками конфет приходил. Надоел до чертиков. Пришлось показать от ворот — поворот.

— Вот, дуреха! И зачем же?

— Развелся со своей женой. Старик — на целых десять лет старше меня. Да и конфеты носил не свои, а из магазина. Да. А потом я познакомилась с пареньком со стройки Дворца Советов. Хороший кавалер был, мечтательный. Мечтал подняться со мной на шестидесятый этаж, чтобы Москвой полюбоваться...

— А почему говоришь: «был»?

Леля грустно вздохнула:

— Погиб под Москвой. Фашистская пуля срезала.

Леля поняла, что вот и она в грусть впала, и потому поспешила встать. Властно приказала:

— Пошли, девчата. Солнышко садится. А нам еще одно болото пройти надо.

В лагерь они вернулись поздно вечером. Боевые товарищи не спали. Они сидели у костра и, прислушиваясь к шорохам ночи, ждали отважных девчонок во главе со своим «атаманом».

Слушая доклад Елены Колесовой, комиссар заинтересовался разведкой объектов противника в Борисове.

— Товарищ Колесова. Как вам удается при строгом пропускном режиме посещать город Борисов? Ведь это очень трудно?

— Нелегко, конечно. Но ходила туда. И не раз. Расскажу о своем последнем визите. Сижу я в кусточках недалеко от моста через Березину, по которому прогуливаются немцы и полицейские, и гадаю, как бы мне их обхитрить. Вдруг катит по дороге телега. Везет такой сухонький дедок флягу молока в Борисов. Я к нему: «Дядечка, подвези, тороплюсь в больницу». Глянула на него и опешила, не знаю, что делать. То ли садиться, то ли нет? На рукаве у него повязка полицая. Смотрю, остановил коня. «Садись,— говорит.— Подвезу. Только не знаю, провезу ли. Вить в Борисов никому дорогу не дают и из него никого не выпускают. Особливо женщин».— «Это чего ж у них такое неуважение к нам»? — спросила я.— «Да, говорят, бабу одну ловят, бандитку. Так что гляди сама, как бы тебя не сцапали. Мне что?.. Я не баба. К тому же пропуск имею молоко доставлять. На рукав нацепили повязку. Это значить, чтоб свои, стало быть, ихние, молоко у меня не отнимали и не лакали по-собачьи прямо из фляги. Так что гляди, девка. Гляди. Могут и ссадить».— «Дяденька, родненький. А вы скажите им, что я ваша родственница». Старичок покачал головой. «Ишь ты! Родственница какая нашлась. Горазда ты, скорая на выдумку. А ежели проверют? Вить петля и тебе и мне. Ну да ладно, поехали, род-с-твенни-ца... За живот хоть ухватись. Охай, будто занемогла». Я так и сделала. Полицай у въезда на мост все одно остановил: «Чья краля? Кого везешь?» — Возница замахнулся кнутом на полицая: «Не вишь, харя! Больной человек. В больницу срочно надоть».— «Ладно, езжай. Да не забудь на обратном пути пачку махорки». Только съезжаем с моста, опять проверка. Тут трое гитлеровцев стоят с автоматами. Возница взял из корзинки одну из трех банок простокваши и сунул проверяющим. Обрадовались, залопотали, банка из рук в руки пошла...

— Голодны, значит, господа арийцы,— заметил Спрогис.— Вы продолжайте, продолжайте, товарищ Колесова.

— Обратно из города вывез этот же старичок, и как только въехали в лес, соскочила с телеги да тут-то и была такова. Нет, вру. С опушки крикнула: «Спасибо, папаша!» Возница остановил телегу и долго смотрел вслед, махая кепкой.

Леля заправила под берет выбившуюся прядку волос, увлеченно продолжала:

— На том мое похождение не кончилось. Иду я лесной дорогой, себя веселю, что удачно прошла и вырвалась, и вдруг окрик: «Стой! Кто такая?» Глянула и обмерла. На дороге стоят полицаи, вооруженные немецкими винтовками. Один из них, рослый, откормленный здоровяк с немецким автоматом, подходит ко мне. Я по приметам сразу его узнала. Начальник полиции Станкевич — племянник Борисовского бургомистра. Душа загорелась выхватить из-под платка пистолет и прикончить гада. Но набралась терпения, стою. А он обошел вокруг меня, осмотрел с ног до головы и с вопросом: «Откуда, бабонька, идете?» — «Из Борисова».— «Чего ходила?» — «Табачку разжиться, соли».— «Ну, и как? Разжилась?» — «Выменяла, но все на мосту отобрали. Вот такие, как вы, с нарукавными повязками».— «Да-а,— растянул с ухмылкой Станкевич.— Там стоят еще те живоглоты. Мы вот вежливо обращаемся. И тем более с такой кралечкой. Только вот одного не пойму. Как же ты по лесу шла, и тебя не сцапали партизаны? А может, ты и сама партизанка?» — «Какая я партизанка? Мне не до этого. На моем иждивении больная мать и две маленькие племянницы, мать которых погибла при бомбежке. Вы меня сильно оскорбили этим словом, господин офицер, не знаю какого ранга, но, кажется, высокого».— «Ну, ну, не обижайся. Нечего злиться. Мы тут бабу ловим одну. Бандитку, атамана женского отряда. Здоровенная такая, мужиковатая. Из Москвы прислали ее сюда. Вся грудь в орденах... Сколько она нашего брата порешила! Ну, ничего. Все одно попадется. Словим». Я пожелала, как говорится, поймать кота за хвост и пошла. Но не тут-то было. Опять остановили: «Послушай-ка, красавица. А ты, случайно, нигде не видела ту московскую бабу?» Мне вдруг показалось, что он узнал меня. Рука снова потянулась под платок. Но нет. Гляжу, по другому делу остановил, заигрывать начал. Не отбиться. И тогда меня осенила хитрость. Делаю вид, что устала, и прошу ука-

зать избу в близлежащей деревеньке, где отдохнуть можно. Смотрю, обрадовался, засиял, завертелся, как гадюка. Сам дом указал и пригрозил своим собутыльникам: «Ежли кто сунется в хату поперед меня, убью сразу. Гляди у меня!» И ушли. А я, не заходя в дом, на огород — и в лес...

Леля чему-то улыбнулась.

— Вот теперь вся история со мною на этот раз.

Она не любила рассказывать о себе. Зато о своих подругах, их боевых делах говорила взахлеб, боясь упустить даже малейшую подробность. На совещании первой, кого она назвала, была Нина Шинкаренко, верная ее помощница. Леля полюбила Нину сразу, с первой встречи. Полюбила беззаветно за смелость, расторопность, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке и принимать удивительно своевременные и верные решения.

Тем более, что они ровесницы. Биография, конечно, у нее, как и у остальных девушек, короткая. Родилась в Краснодаре, в семье рабочего-железнодорожника. По национальности украинка, кандидат в члены ВКП(б). В октябре 1941 года по призыву ЦК ВЛКСМ, будучи студенткой третьего курса Центрального ордена Ленина института физической культуры, добровольно ушла в армию и в качестве помощника командира группы девушек неоднократно выполняла боевые задания в тылу фашистов. В составе группы Колесовой была выброшена в район Крупки. Неоднократно участвовала в засадах против немцев и полицаев. Вот и все, что можно рассказать. То есть, написать на анкетном листке для личного дела.

Никто из девчат группы Колесовой, кроме командира, не отважился взорвать вражеский эшелон днем. А вот она, Нина, в том же сорок втором году после глубоких раздумий, анализа наблюдений и сопоставления фактов решилась на это. Ставка у нее была на людскую привычку в жаркий летний полдень после обеда отдыхать. Господа фашисты это уважали. Они забирались в тень под навесами или в прохладу каменных железнодорожных будок и, оставив на полотне дороги по одному часовому, ложились почивать. Много дней никто не тревожил их блаженные полдни, так чего ж смущаться. Но однажды...

У полотна железной дороги, где лениво ходил, позевывая, разморенный зноем плечистый фашист, появилась женщина в черном траурном платке с маленьким веночком на руках. У нее было что-то завернутое в черное одеяло, похожее на запеленатого ребенка. Печальная, убитая горем, она шла прямо к охраннику. Тот хотел было выкрикнуть свое обычное «хальт!», но в будке путейца спали собратья, и он не стал их будить своим рыком, чего доброго, можно было и по шее получить от фельдфебеля. Было бы из-за чего тревожить их сон... И потому гитлеровец молча подпустил женщину к себе, брезгливо пихнул стволом автомата в одеяло.

— Вас ист, дас, матка?

— Ребеночек... Мой мертвый киндер,— сказала и заплакала женщина.— Разве не видно...— она погладила ботиночек на мертвой ножке. Хоронить несу на кладбище... Ванюшей звали. Гансиком... Скончался от холеры... Холера... Очень плохая болезнь — холера!

Охранник шарахнулся в сторону.

— Шнель, шнель, матка! — и повел автоматом, чтоб скорее сматывалась.

А женщине в трауре этого только и надо было. Она перебежала через дорогу и, прикрываясь кустарником полосы снегозадержания, пробралась к повороту железной дороги. Там под рельсом быстренько «схоронила» своего «Гансика» — десять килограммов взрывчатки. Нина успела пробежать под окрик «шнель!» обратно в лес, а тут и поезд в пятнадцать набитых солдатами вагонов подоспел к месту «захоронения».

Двенадцать из них превратились в обломки. Из трех уцелевших прибывшая из Борисова зондеркоманда извлекла и увезла в Оршу раненых. Железная дорога на этом участке была выведена из строя более чем на двое суток.

Нина проявила себя и наблюдательной разведчицей. Она неоднократно ходила в Борисов и другие крупные населенные пункты, где располагались немецкие гарнизоны. В ее наградном листе в 1944 году будет записано:

«В качестве помощника командира группы неоднократно выполняла боевые задания в тылу врага под Москвой. 30 апреля 1942 года в составе группы Колесовой была выброшена на парашюте в глубокий тыл фа-

шистов и пробыла там 26 месяцев безвыходно. Принимала активное участие в многочисленных боях с оккупантами. Лично ею на железной дороге Минск—Орша подорвано два железнодорожных эшелона противника с живой силой, артиллерией и танками. Принимала участие в восьми боевых операциях на железной дороге против вражеских эшелонов. В боях и засадах вместе с товарищами уничтожила до 25 автомобилей и 30 вражеских солдат. Большую работу провела по ведению разведки в г. Борисове и в других гарнизонах противника».

Леля могла рассказывать еще и еще... Огнивцев особенно заинтересовался ее группой и пообещал встретиться с девушками при первой же возможности. После совещания он, уединившись, еще долго расспрашивал Колесову о деталях обстановки, столь важных для профессионального разведчика. Но там, на совещании, Спрогис молчаливым движением руки усадил ее на место и поднял очередного докладчика.

Борис Вацлавский

Даже видавшего виды Огнивцева удивила та бесстрастность и сугубо деловитый тон, с которыми докладывал очередной командир — Борис Вацлавский. Кратко, без эмоций, только о том, что представляет конкретную практическую ценность. Наверное, так отчитываются предколхозов на бюро райкома: сделано то-то и то-то, способствовало то, мешало это...

О Вацлавском Огнивцев знал только то, что его путь в разведку начался по призыву комсомола в октябре сорок первого года. Во Дворце пионеров Бауманского района столицы представитель разведотдела штаба Западного фронта майор Спрогис тщательно отбирал из числа лучших комсомольцев тридцать человек в отряд десантников и уже тогда обратил внимание на этого серьезного молодого человека. Впрочем, он уже был не очень молодым по тогдашним понятиям — двадцать семь лет! Кандидат в члены партии. Успел окончить Московский авиационный институт. Словом, не из желторотых школьников. И в военном деле не новичок: без отрыва от производства окончил

планерную, парашютную и даже летную школу Осоавиахима, работал инструктором парашютного спорта на общественных началах. Родом — «почти» харьковчанин — из города Изюма. Но последние годы жил в Москве. И хотя желающих попасть в десантники было более чем достаточно, его взяли в отряд охотно.

Спрогис страшно обрадовался, что нашелся человек, который может помочь подучить и потренировать будущих десантников. Но тут же уточнил:

— С вышки прыгал или с самолета?

— И с вышки, и с ТБ-три,— ответил Борис.

— Великолепно! Видимо, с ТБ-три вам и придется прыгать.

Так впоследствии и получилось. Они спрыгнули с ТБ-3 на смоленскую землю, занятую тыловыми и резервными частями группы армий «Центр». Приземлились сравнительно удачно, но были обнаружены врагом и вынуждены были немедленно уходить в соседние леса.

У десантников началась жизнь и работа, полные тревоги и опасностей, с длинными переходами и короткими, но бурными, как майская гроза, схватками с группами и группками противника. Вести разведку и устраивать засады на виду у вражеских гарнизонов было безмерно трудно. Если в отдаленных, так называемых «тихих», местах немцы чувствовали себя сравнительно спокойно и позволяли себе порой благодушничать, то в ближайших тылах группы армий «Центр» и на главных коммуникациях передвижения войск их настороженность была куда острее. В узде крепко держало высокое начальство, которое устраивало в гарнизонах внезапные проверки и разгоны за ротозейство. А так как вражеские гарнизоны были натыканы где только возможно, то передвигаться десантникам с места на место было далеко не безопасно.

Однако даже в таких жестких условиях десантники Вацлавского, обосновав в надежном лесу лагерь, занимались своим делом. И довольно успешно. Каждый день в строго установленные часы в эфир летели позывные, и морзянка выстукивала:

«В сторону Смоленска проследовал воинский эшелон. На открытых платформах — сорок два средних танка. В пяти теплушках — личный состав».

«Из Смоленска на Оршу проследовал санитарный поезд. В десяти пассажирских вагонах — раненые офицеры. В теплушках — солдаты».

«На железной дороге между Смоленском и Оршей пущен под откос эшелон, идущий на запад с награбленным зерном. Уничтожено 20 вагонов зерна».

«На железной дороге Витебск—Орша, южнее Богушевска, взорван эшелон противника с живой силой. Уничтожено 12 пассажирских вагонов и до 150 фашистов».

И так изо дня в день мстили врагу бойцы группы Вацлавского за горе и лишения своего народа, за Родину.

Однажды у Вацлавского возникла мечта побывать поближе к Смоленску и разузнать поподробнее о ставке Гитлера в Красном Бору. Добраться до этого волчьего логова было заманчиво. Но заветная мечта разлетелась в пух и прах, когда дошло до реального воплощения. Во-первых, подступы к Смоленску были безлесные, прикрывались вражескими гарнизонами и были под тщательным наблюдением. И, во-вторых, верные люди сказали, что все это — камуфляж, а фактически ставка под Смоленском Гитлером заброшена. Он перебрался в другое место, куда-то восточнее Смоленска. Это сразу же поставило перед Вацлавским массу вопросов. Куда перебрался? Зачем? Что его вынудило? И есть ли возможность все-таки найти ставку и «познакомиться» с нею поближе?..

Мало-помалу восстановились и некоторые подробности из истории создания красноборской ставки бесноватого фюрера. На ее строительство было согнано до шестисот военных строителей, главным образом пленных. К ним фашистское командование подошло с большим «вниманием»: обещало после завершения всех работ освободить из плена и выдать пропуска для проезда к избранному месту жительства на оккупированной территории. Мол, работайте только побыстрее и старательнее.

У людей теплилась какая-то надежда выжить, вырваться из ада каторжных работ за колючей проволокой. Они, изнемогая от голода и усталости, работали. В короткий срок были возведены подземный бункер с трехметровым перекрытием, подсобные наружные и подземные сооружения, благоустроены окрестности:

меж смолистых сосен проложены красивые дорожки, разбиты клумбы. Была также подведена колея железной дороги для стоянки вагонов, оборудованы автостоянки...

Фашистский генерал, руководивший инженерными работами и обещавший освобождение, «сдержал» свое слово. Как только на очередном объекте завершалось строительство и уполномоченные фюрера принимали его, пленных выстраивали со всеми их скудными пожитками и под звуки оркестра отправляли восвояси. Шли весело, поротно и повзводно — как же, ведь «домой»! Но ни один из них так и не вышел из Красного Бора. Все строители полегли под пулями автоматов и пулеметов. Варвары-фашисты очень боялись, что координаты местонахождения ставки Гитлера станут сразу же известны и партизанам, и советскому командованию. Но тайное так или иначе стало явным. Слух о кровавом злодеянии разнесся по земле. Подпольщики и партизаны, разведчики, действующие в тылу врага, первыми узнали о преступлении. Они еще крепче сжимали оружие. Летели под откос на железных дорогах фашистские эшелоны, горели военные объекты в Орше, Борисове, Могилеве...

Разведчики Вацлавского пробрались на аэродром в Орше, обнаружили там много самолетов и немедленно передали о них необходимые сведения в Москву. А когда пришли ночью наши бомбардировщики, то навели их на цель осветительными ракетами. Было уничтожено на земле более двух десятков гитлеровских воздушных пиратов.

Фашисты понимали, что все это дело рук партизан и особенно десантников. Им казалось, что развернула свои действия не какая-нибудь маленькая группа, а по меньшей мере целый батальон. Коменданты гарнизонов в городах Орша, Богушев и Рудня собрали имеющихся в их распоряжении солдат, охранников и полицаев и начали прочесывать леса. Каратели шли густой цепью и, не видя цели, беспрерывно стреляли в белый свет, как в копеечку. Им было приказано: «Патронов не жалеть. Если не удастся перебить всех, кто попадется под руку, то хотя бы запугать местное население и партизан, чтобы впредь к Орше никто из них и близко не подходил».

Десантники и партизаны, разумеется, в открытый бой не вступали. Оставляя на пути карателей небольшие заслоны, они отходили в леса, плотным кольцом окружающие Витебск. Как потом им стало известно из показания пленного, между руководителем этой операции и непосредственными исполнителями произошел такой диалог:

— Постарайтесь прижать банду десантников к реке Днепр, вытеснив их из леса в чистое поле,— наставлял карателей их командующий.— В безлесье им всем капут!

И каратели старались изо всех сил, оставляя преследуемым, как они думали, единственный свободный путь — к Днепру.

— Я не сомневаюсь, что успех операции за нами,— потирал руки довольный генерал.— Я глубоко уверен, что партизаны и десантники кинутся туда, где не стреляют. Их поведет инстинкт самосохранения.

— Логично, господин генерал,— подобострастно отвечал начальник гарнизона.— Кому же хочется умирать. Особенно молодым. Им все время мерещится веселая жизнь, хорошенькие девушки. Даже этим русским аскетам.

— Насколько мне известно, их командир — Вацлавский тоже не старик.

— Всего двадцать семь, господин генерал.

— Невероятно. Откуда в этом мальчишке столько ловкости и прыти...

— Не понимаю, господин генерал.

Генерал бросил цветной карандаш на разостланную на столе топографическую карту и вдруг осерчал:

— Что понимать? Тут и бременскому ослу все понятно. Он безнаказанно прошел по нашим тылам двести километров! Хорошо изучил нашу дислокацию, знает все входы и выходы. Это позор! Это черт знает, что такое! Скажите спасибо, что об этом пока не знает командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Бок. Он содрал бы с нас с вами погоны вместе со шкурами, доннер-веттер!

— Этому не бывать,— сказал как можно увереннее собеседник, вдруг ставший белее стены.— Партизаны и десантники будут уничтожены, господин генерал.

Но операция гитлеровцев провалилась. Партизаны и десантники на юг, к Днепру, в безлесье, не пошли. Они

с боями прорвались именно на север — в леса, примыкающие к Витебску.

За те умелые, мастерски проведенные от начала до конца боевые действия в 1941 году, за проявленные при этом мужество и самоотверженность Борис Николаевич Вацлавский был впоследствии удостоен ордена Красного Знамени.

12 апреля 1942 года диверсионно-разведывательная группа Бориса Вацлавского в составе 35 человек высадилась неподалеку от деревни Денисовичи, в 15 километрах южнее Крупки. Ее задачей было уничтожение вражеских эшелонов с живой силой и техникой, разрушение железнодорожного полотна, чтобы нарушить регулярное движение эшелонов по железной дороге Минск—Орша на этом участке. Группе предписывалось также вести непрерывную разведку противника и из засад истреблять фашистских оккупантов, следующих на автомобилях.

Вот собственно и все, что стало известно о Вацлавском и его группе участникам совещания. А всем хотелось знать о нем куда больше. Поэтому командир подсел к нему поближе и продолжил расспросы:

— Ваша группа, Борис Николаевич, находится здесь, в районе Крупки, более четырех месяцев. Вы могли бы поконкретнее доложить, что именно проделано вами за это время?

Вацлавский ответил сразу же, не задумываясь:

— Кроме ведения разведки в районах Борисов, Крупки, Толочино бойцами отряда пущено под откос десять железнодорожных эшелонов с живой силой, различной техникой и грузами. Сожжено также двадцать пять автомобилей. Убито и ранено в разное время более ста оккупантов.

Командир одобрительно хлопнул в ладоши.

— Конкретнее не скажешь. Сальдо приличное и явно в нашу пользу. А теперь припомните, кто из бойцов отряда отличился в этих дерзких действиях больше других?

— Если честно, то все. Делить не хочу. И все-таки самых отчаянных назову: сержанта Филиппова Василия Яковлевича. Как-то я его похвалил за храбрость в одном бою. А он мне в ответ: «У нас на Смоленщине все такие». Представляете, с тремя солдатами подорвал в Крупском районе два железнодорожных эшелона, а в

засаде уничтожил автомобиль с девятнадцатью фашистами, в том числе обер-лейтенантом. Не хочет отставать от него и «орловский мужик», как он сам себя именует, сержант Гальчин Алексей Пантелеймонович. Родом он из Красинского района. Может, слыхали? В засаде с двумя бойцами этот орловец сжег автомобиль и в упор расстрелял двенадцать фашистов вкупе с офицером и фельдфебелем. В мае месяце он же между станциями Крупки и Бобр пустил под откос два эшелона. Один из них включал шесть классных вагонов с пассажирами, то есть солдатами и офицерами, и двадцать платформ с артиллерией и тягачами.

— А какие потери понесла сама ваша группа во всех этих стычках с оккупантами? — спросил молчавший все время до этого Огнивцев.

— Три красноармейца убиты, трое легко ранены. Потери, на мой взгляд, небольшие. Но и их можно было бы избежать. Вся беда в том, что не все наши товарищи имеют достаточный опыт диверсионной работы на железной дороге. Точнее, теперь уже «имели»...

— Какие у вас взаимоотношения сложились с местными партизанскими отрядами? — опять спросил комиссар.

— Самые хорошие, братские. Партизаны оказывают нам большую помощь в организации разведки, диверсий на железной и шоссейной дорогах. Особенно тесно связаны мы с отрядами Виктора Свистунова и Сергея Жунина. В свою очередь, мы сами, по мере возможности, помогаем им. В мае, например, передали двум партизанским группам двенадцать трофейных винтовок с боеприпасами, ручные гранаты, взрывчатку. Научили их обращаться с этим оружием, минировать железную дорогу.

— Ну, что скажешь, Иван Александрович? — обратился Спрогис к комиссару.— Не скучали ребята, правда?

— На мой взгляд, отряд товарища Вацлавского неплохо выполняет приказ командования Западного фронта. Многие бойцы, да и сам командир заслуживают не только благодарности, но и представления к правительственным наградам.

— Ну что ж... Подумаем после совещания,— заключил командир.— Кто у нас на очереди для доклада? Выслушаем всех, откладывать не будем.

— Алексей Бухов,— сказал начальник штаба Алексеев,— по кличке «Добрый».

— Ничего себе «добрячок»,— пошутил кто-то, обратив внимание на хмурого на вид высокорослого, плечистого командира, который с достоинством, без излишней торопливости встал перед участниками совещания.

Все заулыбались, но тотчас приняли серьезность, как только Бухов, кашлянув в кулак, стал докладывать о своих делах.

Алексей Бухов

Наш народ богат талантами. Но проявляются они, его таланты, во всем своем блеске не сразу, не вдруг, а набирают силу, как ручей от ключа, пробившегося сквозь пласт земной, а потом река от тех ручьев.

Алеша Бухов рос в своей рязанской деревушке Пустошино незаметным, тихим, скромным пареньком. Как и все его ровесники, пас скот, работал с родителями в поле, на огороде, гумне, гонял тряпичный мяч по выгону, ловил в речушке пескарей, лазил по деревьям, царапая до крови живот, ходил с холщевой сумкой в начальную школу, бегал в избу-читальню слушать удивительные передачи «из ящичка» — по радио, внимать речам приезжих из Кораблино партийцев, агитирующих селян в колхоз... Он как губка впитывал в себя все, что видел и слышал. Мало-помалу формировался, потом и проявлялся его характер. Он одним из первых вступил в пионеры. С пионерским отрядом ходил в колхоз, собирал в поле колоски, мотался с ребятами по дворам и тащил в телегу нужное стране утильсырье, помогал неграмотным учить азбуку, шефствовал над колхозным сельхозинвентарем, помогал радиофицировать дома, разучивал новые песни... И как-то само собой получилось, что он стал признанным заводилой среди своих ребят. Вокруг него толпилась детвора, ждала от него новых интересных игр и дел.

После окончания семилетки он активно включился в комсомольскую работу в своем районе. Даже в Красную Армию Алексей ушел на год позже своих сверстников — его, комсомольского вожака, смышленого парня, попридерживали в районе, прочили руководя-

щий пост в райкоме комсомола. Сам Бухов тоже мыслил навсегда остаться в своем районе. Об армейской службе, схватках с врагом, да еще в качестве разведчика, он и в голову не брал. Какой из него командир? Командир Красной Армии в его глазах — это человек, который обязательно должен иметь не только недюжинные знания, но и военный талант. Однако война распорядилась по-своему.

В 1941 году его призвали в Красную Армию и направили в учебный полк. Так он становится старшим сержантом. В должности командира стрелкового взвода Алексей принимает активное участие в обороне Москвы. За умелое командование своим подразделением, личный героизм и отвагу, проявленные в боях за столицу, он награждается правительственной наградой. Вскоре ему присваивают звание «младший лейтенант».

Летом 1942 году Бухов добровольно изъявляет желание отправиться в тыл фашистов на специальное задание. Разведотдел штаба фронта назначает его командиром группы под кличкой «Добрый».

Узнав об этом решении от батальонного комиссара, Бухов тогда всерьез задумался о себе, о своих делах. «Значит, что-то я делаю лучше, чем другие, и командование увидело у меня задатки командира, разведчика. Это хорошо. Но справлюсь ли я, сумею ли оправдать такое большое доверие? Лучше сейчас получить на этот вопрос честный ответ, чем потом подвести себя и других».

О своем сомнении Алексей откровенно сказал комиссару. А тот по-братски обнял его и сказал:

— А ты думаешь, я родился профессиональным разведчиком или меня долго учили в школе? Ничего подобного! Партия велела, командование приказало, а мудреную нашу науку преподнесла сама боевая жизнь. У тебя, Алексей Андреевич, уже есть боевая закалка. Неплохо воевал под Москвой. Смел, глазаст, хладнокровен, находчив, физически развит хорошо, отлично владеешь оружием — основа прекрасная! Без этих качеств разведчика не будет. Что же касается специальной подготовки, то мы с вашей группой займемся вплотную. Не беспокойся. Потерпи малость. Все придет, что нужно для победы над врагом.

— Мне бы получше изучить обстановку в тылу у фашистов, поглубже познакомиться с основами органи-

зации разведки. Да и топографию основательнее изучить. Я пока в ней ни бум-бум...

— Вот этими вопросами мы и займемся.

— С большой ли группой придется идти в тыл?

— Нет, группа небольшая. Радист и две девушки-разведчицы. Радист будет с вами на нелегальном положении, а девчата по замыслу должны устроиться на работу в немецкой администрации и оттуда передавать вам необходимые сведения. Мы вас познакомим с ними. Готовиться будете вместе. Идти пешком в тыл врага вам, конечно, не придется, в нужный район мы вас доставим на самолете и выбросим с парашютами.

Вскоре начались занятия. Девушек и радиста представил Бухову, командиру группы, сам комиссар, работавший в то время в разведотделе штаба Западного фронта.

— Прошу любить и жаловать,— начал он с шустрого семнадцатилетнего паренька в поношенной, но чисто простиранной и тщательно отглаженной гимнастерке.— Радист Валентин Васильевич Девяткин. По легенде Оленев Виктор Васильевич, а в эфире «Абрам». Запомнили?

— Да, запомнил, товарищ комиссар.

— Хорошо. А теперь познакомимся с представительницами прекрасного пола. Вот эта черноокая — Аня Куликова. А эта блондиночка — Настенька Лисина. Но это только здесь, только для нас. Там, в фашистском тылу, Аня уже не Аня и не Куликова, а Бирюкова Ольга по кличке «Белка», блондиночку наречем Коваленко Любой —«Горностаем». Красиво звучит? А? На этом романтика кончается и начинается большой серьезный и опасный труд.

— Рад познакомиться,— протянул руку Алексей.

— Мы тоже,— ответили девушки и чуть растерянно улыбнулись.

— Что вас смутило? — спросил комиссар.

— Да, так... Думали, что командир наш будет постарше возрастом, с усами.

— А он, наверное, еще ни разу не брился,— пошутил комиссар.— Не знает, как бритву держать.

— Ничего, девчата,— посмелев, сказал Алексей.— Вот возьму и отращу...

— Подождем.

— Ну вот знакомство и состоялось,— подвел итог батальонный комиссар.— А теперь прошу садиться.

Начнем наши занятия. Поговорим о том, что вас ждет в белорусских лесах и что нужно будет сделать для выполнения боевой задачи. Да вы подсаживайтесь ближе к столу, к карте... Все, все, не стесняйтесь.

Разведчики окружили стол. Рядом с комиссаром примостился Бухов.

— Так вот, товарищи,— начал комиссар.— Борисов, стоящий на правом берегу Березины, небольшой городок. Но в планах немецкого командования он важен. И даже очень. Как видите по карте, он прикрывает собой Минск с востока на случай наступления нашей армии. Река Березина — важный водный рубеж, который может быть использован как оборонительный. Правый берег на большом протяжении крут. Левый — низменный, заболоченный. Город стоит в сосновом лесу. На окраине города, в Печах, в полной сохранности остался бывший военный городок нашей кавалерийской дивизии. Все это и дает возможность оккупантам держать там значительный гарнизон, состоящий из частей и подразделений разных родов войск. Через город проходят важнейшая железнодорожная магистраль, автодорога Минск—Москва. Не исключено, что именно здесь, в лесах, размещены и укрыты склады с боеприпасами и горючим. Но это все предположительно. А конкретно, что там, какие войска и техника, их численность,— мы не знаем. Поэтому первая задача вашей группы — установить состав гарнизона в городе Борисове и его окрестностях, номера частей, рода войск, расквартирование, количество боевой техники, транспорта... Ну и, само собой понятно, следить за передвижением войск по железной и шоссейной дорогам Минск—Москва.

Батальонный комиссар умолк и выжидательно поднял глаза на своих подопечных.

— Понятно-о,— проговорил Бухов.— Задача не из легких...

— Да. Мы это понимаем. В один заход ее не решить. Потребуются дни, недели, возможно, месяцы, прежде чем вы проникнете в стан оккупантов. Знаем, вам будет очень трудно и очень опасно. Но проникнуть надо. Всю надежду мы возлагаем на вас, Аня и Анастасия.

— Мы готовы на все,— ответили девушки и встали.

— Спасибо. Сидите. Приказ еще не отдаю. Нам с вами еще предстоит серьезная работа по подготовке

группы. А сейчас идет просто разговор, предварительное знакомство с малой толикой того, с чем вам наверняка придется встретиться. Мы достали вам, девушки, надежные документы, подтверждающие вашу легенду. Однако это еще полдела. Вам надлежит по этим документам, проявляя собственную хитрость, смекалку, напористость, войти в расположение, доверие местной администрации и устроиться на хорошую работу. На такую, которая давала бы вам возможность многое самим видеть и знать. Больше того, выезжать из города и передавать через надежных людей разведывательные данные своему командиру — вам, товарищ Бухов.

— В чем же тогда суть моей работы? — удивился Алексей.— Сидеть и ждать сведений?

— Ваше поле деятельности, Алексей Андреевич, более чем огромно. Взгляните на карту. Только на линии Минск—Орша пять крупных точек: Смолевичи, Жодино, Крупки, Славное, Толочин... А севернее и южнее... И везде надо иметь глаза и уши. Постарайтесь раскинуть разведывательную сеть, найти надежных людей для разведки и диверсий. Установите связь с местными партизанами и подпольем... Разыщите в лесах юго-восточнее Борисова группы Сороки и Лели Колесовой. Они много знают и уже хорошо освоились. Вы летите не на пустое место. Первым было гораздо труднее.

Группа Бухова вылетела 14 июля 1942 года и благополучно приземлилась в лесах южнее Крупки. Ночь надежно укрыла четверку отважных. Собрались быстро. Помогли хорошо отработанные условные сигналы. Выбрали лес погуще и потемнее, позавтракали. Бухов предложил отдохнуть, а с утра заняться разведкой и поисками групп Сороки и Колесовой. Радист с удовольствием улегся на сухой траве под елью. Аня и Настя отказались.

— Не уснем, товарищ командир. Мы лучше подумаем, как в дорогу будем собираться. Куда и как пойдем.

— Сборы у солдата короткие. Винтовку на ремень, ложку за голенище — и все сборы,— сказал полушутя Бухов.— А вот разведать путь-дорогу, узнать, нет ли где вражеской засады, изучить местную обстановку

надо. Без этого я вас не пущу. Не надейтесь. И пойдете вы не одни. Найдем надежных провожатых.

На другой день, к вечеру, нашли группу Сороки. Обрадовались друг другу несказанно. Обговорили все вопросы, и прежде всего, как пробраться в Борисов. А еще через три дня разведчики тихо прощались с девушками на опушке леса, у безымянной речушки.

— Ну, подруженьки, ни пуха ни пера! — пожал Бухов руку каждой из них.— Желаю благополучно устроиться. Жду добрых вестей в установленном месте.

— А я на каждой заре буду припадать ухом к росной земле,— сказал радист.— За семь верст ваши шаги учую.

«Белка» и «Горностай» ушли. Минуло более десяти дней, но от них не было никаких вестей. Напрасно запрашивал Центр о них. Разведчицы молчали.

Меж тем «Добрый» занялся подбором надежных людей в группу подрывников. От станции к станции пробирался он темными ночами. К нужным и верным людям вели его партизанские связные да еще наши десантники. Они и собирали небольшие группки то где-либо в отдаленном доме, то на опушке леса, а то и в каком-нибудь потайном закутке железнодорожных строений.

Однажды человек в форме путеобходчика принес в условленное место добрую весть. В маленьком, с четвертушку школьной тетради, письме было написано:

«Дорогой дядюшка! Не беспокойся, нас приняли хорошо. Аня уже устроилась, а сестре подбирают работу. Немного плохо с питанием, но нас согревает теплое отношение к нам. Хозяин нас не бранит, разрешает даже ходить в клуб гарнизона на танцы. А скоро будет отпускать и домой. Тогда и навестим вас. Не болейте. Ждите. Скоро навестим. Ваши племянницы».

— Мы очень обрадовались этой записке и в тот же день дали знать об этом Центру,— оживленно рассказывал на совещании командиров групп Бухов.— Дела у нас пошли слаженнее, веселее. Мы не только оперативно получали сведения о прибытии эшелонов на станцию Борисов, но и знали, что делается на других станциях, в самом Борисове. Верные люди «Белки» и «Горностая» регулярно передавали нужные нам данные.

Воспользовавшись тем, что Бухов замолчал, переводя дух, Спрогис обратился к Огнивцеву:

— Как оценим работу Бухова, комиссар? Удовлетворительной?..

— Я думаю, Артур Карлович, оценку его работы надо повысить,— произнес комиссар.— Как говорится, мал золотник, да дорог. Самое главное — наши разведчицы внедрились.

— Это немаловажный факт. Теперь мы можем ожидать от них гораздо большего.

— Спасибо за высокую оценку,— поклонился Бухов-Ковалев.— Одно у нас пока плохо. Никак не можем проникнуть за забор военного городка в Печах. «Белка» несколько раз пыталась туда пробраться, но безуспешно.

— Ладно. Не огорчайтесь,— сказал комиссар.— Этим таинственным забором мы займемся особо. Как и что надо сделать, чтобы попасть в военный городок «Белке», подскажем.

После того как были заслушаны доклады всех приглашенных на совещание, слово для подведения итогов и постановки задач взял командир.

Спрогис начал свое выступление не сразу. Он окинул взглядом сидевших на длинных лавочках, сооруженных из колотых бревенчатых половинок и березовых жердей, всех прибывших на совещание товарищей и на минуту задумался: «С чего же начать? Что главное, волнующее всех сегодня? Ну, конечно же, положение на фронте, судьба Родины. А что приятного, радостного случилось на фронтах в последние недели? Пока нет ничего утешительного. Трудное лето второго года войны выпало для Отчизны. Враг вторгся далеко на Кавказ и, захватив Моздок, не считаясь с потерями, рвется к бакинской нефти. Ожесточенные бои идут на горных перевалах Главного Кавказского хребта. На сталинградском направлении гитлеровцам удалось на отдельных участках выйти к Волге. Напряженные бои и днем и ночью не затихают в самом городе. Можно ли об этом умолчать? Нет. Пусть суровая горькая правда обожжет сердца, зато они, подобно закаленному металлу, станут еще прочнее».

Артур Карлович без утайки рассказал обо всем этом людям, нетерпеливо ждавшим его слова. Еще больше потемнели лица командиров, глубже легли складки над переносицами. Чувством тонкого психолога Спрогис понимал, что сейчас как раз и настали те минуты, когда

надо зажечь людей на большие дела, на удары по врагу, на активную разведку в его тылах. В этом сейчас и только в этом может быть личный вклад каждого из них в дело победы над фашистами. Так и только так они могут облегчить своими делами судьбу Родины.

— Мы здесь, в лесах Березины, не многочисленное войско. Нас — группы, то есть десятки, а кое-где не больше сотни воинов в каждой. Но сегодня Родина ждет от каждого воина-патриота конкретных дел, подвигов, помощи тем, кто сейчас проливает кровь, отстаивая Сталинград и Кавказ. И мы, безусловно, ответим конкретными боевыми делами на призыв Родины. Славными делами! Но для этого нам надо прежде всего глубоко продумать и скоординировать свои действия, уточнить задачи и районы наших операций, наладить тесное взаимодействие с партизанскими отрядами, воюющими с оккупантами в здешних лесах.

Спрогис подошел к развешенной на рейках между двумя деревьями оперативной штабной карте:

— Наши леса на севере пересекают две главные магистрали, питающие группу армий «Центр»,— железная и шоссейная дороги Минск—Смоленск. Сами они и расположенные на их пути города, станции, а также гарнизоны врага будут объектами нашего основного внимания — разведки, захвата пленных и штабных документов, подрыва мостов и железнодорожного полотна, станций, уничтожения вражеских эшелонов и автоколонн, складов горючего и боеприпасов... Словом, беспощадное истребление врага и добыча важных разведывательных данных для штаба нашего Западного фронта — вот главная цель нашего пребывания здесь.

Командир взял в руки указку, сделанную из орехового прута.

— А теперь слушайте конкретную задачу, товарищи. Отряду старшего лейтенанта Вацлавского дислоцироваться вот здесь — в лесах, что южнее на двенадцать—четырнадцать километров станции Славное. Вести активную разведку в районе Коханово, Толочин, Славное. Во взаимодействии с партизанским отрядом Сергея Жунина уничтожать живую силу и технику противника. Методы: диверсии и засады. В затяжные бои не ввязываться. Всем ясно?

— Понятно, товарищ подполковник! — встал, вытянувшись в струнку, Вацлавский. Было видно, что он го-

рит нетерпением быстрее приступить к организации дела.

— Боевая задача вам, товарищ старший лейтенант Сорока. Своим отрядом совместно с группой Елены Колесовой располагаться в лесах, в восьми-десяти километрах южнее Крупки. Действиями ваших подрывников взрывать вражеские железнодорожные эшелоны на участке Славное—Нача. Во взаимодействии с партизанскими отрядами Виктора Свистунова и Семена Ероцкого уничтожать живую силу и боевую технику врага на коммуникациях и в его гарнизонах.

Следующей ставилась задача группе Алексея Бухова. Она была гораздо сложнее, чем первым. Ей было приказано создавать на станциях легальные группы из рабочих-железнодорожников для уничтожения паровозов и эшелонов с горючим, а также проникнуть в Борисов, Печи и вести там непрерывную разведку.

Бухов выслушал приказ стоя, как должное, но при упоминании Борисова и Печи вздохнул и погрустнел. От внимательного взгляда Спрогиса это не ускользнуло, и он спросил суховато и несколько настороженно:

— Что вас обеспокоило, товарищ Бухов?

— Задача трудная,— ответил Бухов.— Добраться в Борисов и особенно в Печи почти невозможно. Там крупные гарнизоны врага и строгий пропускной режим. Я просил бы нам помочь.

— Помощь будет,— заверил командир.

Спрогис положил указку на дощатый стол, за которым стояли комиссар Огнивцев, парторг Колюпанов и начальник штаба Алексеев, продолжал:

— Вот, кажется, и все. Отрядам майора Наумовича и старшего лейтенанта Алисейчика действовать в прежних районах: соответственно западнее Могилева и севернее Бобруйска. Ввиду их отсутствия на этом совещании боевую задачу им поставить отдельным распоряжением. Наш штаб располагается в двух километрах южнее деревни Гумны; запасной район — высота с отметкой 172.0, севернее деревни Дмитровичи.

Рассматривая на карте районы своей дислокации и действий, командиры оживленно беседовали между собой. Потом собрались расходиться, но Спрогис задержал их.

— Не все, товарищи, погодите. Эка вас как к себе, «домой» тянет. Не торопитесь. В течение двух дней мы

проведем с вами занятия по топографии, тактике, организации разведки и диверсий, изучению переговорной таблицы и сигналов взаимодействия... Да и вообще хочется поближе познакомиться с каждым из вас, подружиться, если не возражаете. Ну, и у товарища комиссара по партийной работе к вам вопросы есть.

— Да, товарищи,— встал Огнивцев.— Нам предстоит обсудить совместными усилиями вопросы политико-воспитательной работы с нашими воинами, организации работы партийных и комсомольских организаций в наших подразделениях в особых условиях. Обменяемся накопленным опытом, обсудим что и как. Партийная, комсомольская жизнь не должны затухать ни при каких «неблагоприятных» обстоятельствах. Больше того, чем сложнее обстановка, тем она должна быть активнее, непрерывнее и действеннее.

В тот же день командиром были поставлены задачи перед офицерами штаба по организации активной разведки в городах Могилеве и Бобруйске. В этих целях в район Могилева был направлен старший лейтенант Кругликов Ф. П., в район Бобруйска — лейтенант Котельников А. П. В городе Борисове все задачи решались группой Алексея Бухова.

На том и порешили. Двухсуточная стоянка в лесу под Гумнами превратилась в большую практическую школу совершенствования теоретических знаний и практических навыков командного состава отрядов и штаба оперативной группы. Впервые за долгое, по меркам военным, время командиры разобщенных между собой групп почуяли властную руку, способную корректировать, направлять и оценивать их боевую работу. Они больше не испытывали томительного чувства одиночества и оторванности от Большой земли. Они жаждали активности и теперь получали ее. И не просто так, а из рук высокого командования, приславшего сюда, в логово врага, сильных и опытных, вместе с тем облеченных большими правами людей. Есть с кем посоветоваться, есть у кого поучиться. Люди почувствовали крепкую организацию, далекую от кустарщины. Они ожили душой и телом, собрали волю в кулак.

Погода благоприятствовала занятиям. Над лесом только по утрам держался туман, а к полудню распогоживалось, землю согревало солнце, плыла, цепляясь за кусты, паутина. Приближалось бабье лето.

После занятий, организованных Спрогисом и Огнивцевым, командиры разъехались, если так можно сказать, по своим «местам». Какое-то время стояла тишина. Потом она взорвалась. По округе пошли слухи о делах, похожих на легенды.

Бургомистр Станкевич «вербует» полицейских

Бургомистр города Борисова — спесивый и свирепый человечишка Станкевич — был у самого гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе на первом счету и потому лез из кожи вон, чтобы оправдать его доверие. Получив приказ о создании полицейских участков в крупных населенных пунктах и постов на железной дороге Минск—Орша, Станкевич решил: если создать, то уж не какую-нибудь захудалую, а самую образцовую полицию, которая бы верой и правдой служила своим немецким хозяевам. Желающих идти добровольно служить в ней, как того и следовало ожидать, набралось с гулькин нос, и господин Станкевич решил «вербовать» таковых. То есть, насильно хватать и тащить крепких мужчин из городов и деревень на службу в полиции. Первым объектом для такой работы подвернулась деревня Выдрица, расположенная на берегах реки Бобр, в двух десятках километров от Борисова.

Станкевич, опасаясь партизанской засады, выехал из Борисова в Выдрицу в сопровождении полусотни вооруженных до зубов эсэсовцев, возглавляемых офицером. Чтобы нагнать страху на жителей деревни, фашисты решили провести эту «операцию» под флагом вылавливания партизан и десантников.

Эсэсовцы нагрянули в деревню на туманном рассвете, когда в домах еще все спали. Тихо, крадучись, они установили на улице и в огородах пулеметы и принялись колотить прикладами в двери:

— Партизанен! Десант и партизанен, выходи! Шиссен будем.

— Нет у нас партизан. Нет никакого десанта,— заголосили женщины.— Сон вам худой приснился, что ли?

— Молчайт! Вся, вся житель на площадь! — орал офицер.— Мы имейт к вам вопроса.

Вскоре жители, подгоняемые прикладами, столпились на колхозном дворе. Старики, женщины, дети... Набралось и с десяток мужчин. Их сразу же отделили и поставили в ряд. К ним подошел в мокром от росы черном кожаном реглане офицер, похожий своей длинной фигурой и очками в золотой оправе на выползшую из воды склизкую гадюку.

— Кто из ваша знайт десанта? — спросил он, свободно обходясь без переводчика.

— Никто,— ответили мужики.— Откуда ему тут взяться?

— Это есть ложь! Мы есть точно знайт: ваша деревня часто бывайт бандит-баба Элен Колесова.

— Но мы есть ничего не знайт,— передразнил кто-то, рискуя быть тут же застреленным.

— О! Вы есть опасный пособник. Вы помогайт эта преступный баб и будете строго отвечайт.

— Помилуй бог! И в очи не видели,— ответил бородатый старик.— Хотя б побачить, яка она, та сама, что доняла вас и в ночь ваши светлости хуже волкив погнала...

Старик не закончил речь.

Офицер подошел к нему, схватил его за бороду и, подтянув к своему пропахшему духами и спиртом лицу, прохрипел:

— Старый шельм!.. Хитрый собак! Я оторву тебе язык!

Он резким толчком в грудь сбил старика и метнулся к сгрудившимся у забора в скорбном молчании женщинам.

— Если вы не будем сказайт, где десант, где Колесова Элен, мы будет их всех убивайт. Из пулемета та-та-та-та... — и показал, как это произойдет.

Женщины заголосили:

— За что же... людей безвинных? Какие ж они десантники? Они же калеки да старые...

— Гут. Я есть согласно, что он не десант, не партизанен. Тогда мы принимайт их в полицай.

Станкевич, среднего роста, крепкого телосложения, лощеный, одетый в летнее синее пальто, гармонирующее с велюровой синей шляпой, молчал до этого момента. Теперь же подошел ближе к обер-лейтенанту и молчаливым поднятием руки попросил слова:

— Уважаемые господа, граждане! — с ленивым презрением протянул он.— Немецкая армия освободила нас от большевистской чумы. Отныне вы свободны и можете заниматься любым предпринимательством, строить свою счастливую жизнь без колхозов и принудительной работы. Но нам мешают лесные бродяги, уголовные элементы и большевистские бандиты, выброшенные в наши края на парашютах прямо из Москвы. Нам всем нужен порядок и покой. Вот для этого господин обер-лейтенант и приглашает вас на почетную службу в полицию. Я как ваш земляк и соотечественник также прошу вас добровольно записываться на службу. Подумайте, а то хуже будет! — сверкнул он глазами.

Очкастый тотчас обернулся к мужикам.

— Эй, вы! Все слыхал наш приглашений? Милость просим к нам в полицай.

— Из нас полицаи,— отозвался скрюченный на земле старик,— прости меня всевышний, как...

— Значит, отказ? Вы не желайт?

— Нет! — угрюмо раздалось в ответ.

Офицер захлопал в ладоши, туго обтянутые кожаными перчатками.

— Браво! Браво, господа большевики! Вы сам себя выдал. Если вы не желайт ходить полицай, значит, вы есть пособник десант и партизанен! В сарай их под охрана!

Станкевич, понимая, что здесь ему не наскрести надежных людей, лениво зевнул, перекрестив рот, и сказал:

— Думайте, думайте, господа. У вас есть немного времени, пока господин офицер изволит покушать.

Очкастому поставили перед входом в сарай стол, стул, принесли еду, выпивку, и он, усевшись лицом к воротам, подсунул под бороду салфетку. Он не опасался нападения, поскольку рядом стояли солдаты с автоматами наизготовку и пулемет на треноге, готовый плеснуть смертельным огнем, а деревня была оцеплена его солдатами. Со смаком выпивая рюмку за рюмкой и нарочито медленно отрезая от большого куска сала тонкие ломтики, обращался к узникам через полуоткрытую дверь, подпираемую плечами часовых.

Развалившийся на стуле опьяневший фашист снова наполнил рюмку и, подняв ее над плешивой головой, воскликнул:

— Ваше здоровье, господа полицай! Я думал, мы с вашими земляками договоримся.

— Больно скоро ты нас записываешь в свои святцы, господин начальник,— заговорил старик, усевшись на порожке.— Мы, конечно, не знаем, яка буде нам зарплата, харч, обмундировка... и опричь того дадут ли нам кресты, как у вас на мундире.

— О! Это все будет... Надо только верно служить Германия. Мы разрешайт вам любая дом все пил и кушайт...

— Грабить, значит, разрешаете. В любом доме. Спасибо за объяснение. Мы, ваше благородие, до этого не додумались еще, не докатились. И не докатимся! Забитый мы народ, отсталый... Ну а одежду какую вы на нас наденете? Мундиры нам дадут али казенные рубахи?

— Шинель. Черная шинель и белый повязка на рукав. О! Это отшень красиво! Шён!

— А, извиняюсь, чего же черная? Вроде бы могильщики какие...

Фашист постучал ножом о треногу пулемета:

— Ну, ну, ну!.. Старая бродяг. Не зарывался. Знал своя мерка. Фюрер далеко видно, какой форма красит полицай.

Старик понял, что шутки с фашистом плохи, и удалился в сарай. Но вскоре опять вышел. Его, как видно, так и подмывало поиздеваться над этим, невесть откуда взявшимся, барином, нагло рассевшимся на виду у полуголодных людей, выпивкой и закуской дразня свою «челядь». Увидев старика, офицер вздрогнул.

— Один вопрос, господин начальник. Только один,— старик показал палец.— Скажите, бога ради, а женский пол в полицию не берете?

— Зачем это тебе знайт, глюпый скотин? — тупо уставился на старика офицер, и сало повисло у него на вилке.

— Да все ж к тому же... Чтобы побольше людей набрать для службы в полиции. Мужиков-то не хвата... на фронте воюют.

— Если надо, мы будет заставляйт всех служить великая Германия. Все будет стоял на коленях перед фюрер! Весь мир! — вскочил обер, все более свирепея.

— Так-то оно так, господин начальник,— продолжал

старик.— Задумка ваша звестная. Да только жалкую я о вас, господа. Силенок у вас на весь мир не хватит. Надорвете животики. А они у вас уже потончали, хоть и жрете в три горла...

Офицер нажал на гашетку. Пулемет, содрогаясь, захлебнулся длинной очередью, затрясся на треноге. Пули секанули по крыше сарая, и с нее посыпалась рубленная в крошево солома. Потом строчка прошлась по решетчатой стене. Из сарая донеслись крики детей и женский вопль.

Станкевич, стоявший неподалеку от обер-лейтенанта, почувствовал большую неловкость перед ним, офицером великого вермахта. Ведь не кто иной, как он сам, вчера горячо убеждал начальника гестапо города в том, что население района весьма доброжелательно относится к немецким войскам, только того и ждет, чтобы добровольно пойти на службу в полицию. Припугнуть еще пару раз, может, что и вышло бы из «вербовки», да вдруг этот паршивый старый пес испортил все. Чтобы как-то сгладить неприятный инцидент, он обратился к гестаповскому выкормышу:

— Господин обер-лейтенант! Мы этого старика давно знаем. Он больной человек и, как у нас говорят о таких людях, у него не все дома. Даю вам честное слово, он ничуть не выражает мнения и настроения своих односельчан.

Станкевич говорил больше «на публику», чем офицеру. И тот понял игру.

— Хорошо. Будем проявляйт гуманный, благоразумный,— надменно согласился он с бургомистром.— Я будем отпускать больной старик. Но вы все обязан пойти в полицай и давал мне гарантия за старик.

— Даем! Даем! — посовещавшись, зашумели крестьяне.— Отпускайте нашего деда.

— Выходи, старый хрыч,— угрожающе шевельнул бровями Станкевич.— Ну? Быстро!

Старик, поддергивая на бегу короткие, выше щиколоток, брючки, неохотно вышел и молча побрел в поле. Станкевич, дождавшись, когда он скроется из виду, смягчил истинное выражение своего лица и обратился к сельчанам:

— Думайте, господа, думайте. У нас с вами он-чень мало времени.

Через час в соседнюю деревню Прудок примчался верхом на коне мальчишка и подскакал к дому Кришталей. На крыльцо выбежала, на ходу застегивая легкую шерстяную кофточку, пятнадцатилетняя сестренка его Нина.

— Что случилось? Что ты?

— Дедка повелел сообщить куда надо: в Выдрице каратели с бургомистром. Всех мужиков похватали. Держат в сарае. Угонять будут для работы в полиции. А то постреляют...

— Все поняла. Скачи! Нет, стой! Назад не смей. Убьют по дороге. Брось коня на выпасе, а сам — к нам. Переждать надо.

Мальчишка поскакал на луг. А Нина, вбежав в дом, бросила маме несколько слов о событиях в Выдрице и пустилась в лес через огороды. Разразилась гроза. Хлынул проливной дождь, но Нина забыла обо всем, о себе самой. В голове у нее было одно: успеть, во что бы то ни стало успеть сказать Сороке о карателях и спасти выдрицких мужиков.

— По какой дороге каратели могут повести захваченных? — спросил Сорока у запыхавшейся Нины.

— Из Выдрицы в Борисов они пойдут через Крупки, так как по лесным дорогам прямо в Борисов для них опасно — партизаны кругом. А там две дороги. Одна — ближе к вам, другая — по ту сторону реки. По какой пойдут — не знаю.

— Сделаем так. Я буду наблюдать с опушки леса, а ты смотри с крыши дома и, как только увидишь, помаши платком в ту сторону, куда повернут.

— Хорошо. Я побежала.

— Давай, Ниночка! Да слишком не торопись. Пока идет дождь, они не пойдут. По сухой дорожке потопают гады.

По ближней дороге вышел конвой в восемь карателей. Остальные во главе с офицером и бургомистром отправились по дальней. Господа очень дорожили своей жизнью. Та дорога хоть и длиннее, да безопаснее — с одного фланга ее прикрывает река...

Сорока выбрал для засады кустарник, вплотную прилегавший к ближней дороге. Но сразу встал вопрос: как стрелять в конвоиров? Ведь можно попасть в безвинных людей. Договорились метким стрелкам стрелять по охране одиночными выстрелами, а очереди

давать вверх и, выскакивая на дорогу, разоружать и добивать охрану.

Нина подала сигнал: идут.

Глянул залп. Пятеро из карателей были сразу убиты наповал, остальные кинулись врассыпную. Мужики попадали на дороге и стали уползать в кусты. Теперь можно было стрелять очередями из автоматов по оставшимся в живых карателям. В считанные минуты все они полегли замертво. Ни один не ушел.

— Ну, а вы, православные,— сказал Сорока освобожденным, собрав их на дороге,— марш по домам!

— Нет! Не пойдем,— воспротивились выдричане.— Хватит... Насиделись. Воевать будем. Пиши в отряд!

— Ну что ж... Это хорошее дело. Берите оружие убитых фашистов и подавайтесь с нами в лес. Благословляем вас на подвиг во славу Родины!

Тут же избрали командование новым отрядом. Командиром стал бывший работник лесхоза Кирилл Шинкевич, а комиссаром — писарь сельсовета Степан Шутько.

Подъехал на низкорослой лошаденке и старик, дерзивший у сарая. Увидел, что мужики с оружием стоят в строю, всполошился:

— Братцы! А я-то як же? Рази я не вояка! Рази я не защитник?

— Становись в строй, дед,— строго сказал Шинкевич.— Спасибо тебе, защитил от поганого и честь нашу, и сами головы. Спасибо, добрая душа. Теперь и пули твои пусть так же метко разят врага, как разил язык. Но... с командирами полегче... Ведь теперь ты — красный партизан!

Девичий «атаман» в городской управе

Об этом дерзком походе в Борисов Леля Колесова на совещании у Спрогиса не рассказала. Побоялась, что ей попадет за слишком рискованный и смелый замысел зайти в городскую управу и застрелить ненавистного палача города — бургомистра Станкевича. Она утаила все, сделала вид, что больше в город не ходила. А между тем этот поход был. И состоялся он вскоре же после первого.

На этот раз Леля в город не пошла через населенные пункты. Она минула их лесом, болотами. В руках у нее снова была корзина с бутылками простокваши. Она знала, что немцы любят простоквашу и с жадностью набрасываются на нее. Да и убыток не такой уж большой, если и выпьют всю — пускай подавятся.

Как и раньше, она вышла на шоссе вскоре после рассвета километрах в трех от Борисова. Только теперь не пошла по нему, а спряталась на обочине среди молоденьких елок и стала ждать того самого дедка-молоковоза, который каждый день по приказу старосты доставлял молоко в Борисов. Она надеялась опять упроситься на телегу и переехать мост с ним. Но увы! Дедка не было.

Томительно долго тянулось время. В приболотном лесу уныло чирикали малые птахи, где-то на сухой верхушке дерева монотонно стучал дятел. С елок опадала роса. Сидя на старом, полусгнившем пне, она от усталости задремала. И снилась ей грибная пора в родном ярославском лесу. Она шла, держась за руку бабушки, с полной корзиной белых грибов. А у бабушки краснели в корзинке подосиновики, темнели боровики. Идти было тяжело. Болели ноги, хотелось сесть, отдохнуть, но бабушка торопилась домой и торопила ее: «Смотри, внучка, не засиживайся. Скорее домой надо, на печку. А печка наша теплая, горячая... А в печке щи с наваркою, каша пшенная и молоко топленое с пенкою... Да вот же оно стоит на загнетке. Давай кружку, налью тебе». Бабушка подхватила кувшин и, охнув, обронила его. Кувшин с треском раскололся...

Леля очнулась. По лесу катилось эхо далекого взрыва. И едва оно растаяло, как до ее слуха долетело тарахтение повозки. Она выглянула из елок. По шоссе трусил мелкой рысью, таща телегу, ушастый воронок. Леля обрадовалась. «Только бы не другой молоковоз, а с прежним как-либо договоримся. В крайнем случае дам пачку махорки».

Увидев старую знакомку с поднятой рукой,— просит, значит, подвезти,— дедок придержал коня, сердито заворчал:

— Вы опять со своей негодной простоквашей? Ну, нет. Боле не подвезу. Я за вас в тот раз натерпелся страху. Шутка ли, везу, не зная, кого.

— Ну, как кого? Мы же договорились — родственницу.

— Какая ты мне к шутам родственница? Семьдесят пятая вода на киселе. А мож, девяносто восьмая, кто те знает. Проверят, а тут липа... Что тады? Хворменная петля или в затылок пуля. А за что? За копеечную твою простоквашу. Тоже нашла продажу.

— Дык больше нечего продавать, папаша. Хоть на кусок хлеба заробить.

— А-а, шут с тобою,— отмахнулся возница.— Садися! Навязалась ты на мою погибель. Чужим-чужая, а жалко тебя, куды ж денесся.

Леля поставила в задок телеги корзину, быстро села сама.

Сказала воркующе, успокоительно:

— Не бойтесь. Поверят. Скажите, на повторный прием к доктору везу.

— Повторный, расповторный,— ворчал дедок.— А коль пойдут в больницу да проверят? Была там? Не была. Что тады?

— Скажу, у частника лечилась.

— А дом где его? Хватера? Знаешь? Да они не отвяжутся, пока все наизнанку не повывернут. Что тады?

— Нет, не запомнила я дом, дедушка.

— То-то и оно. «Не запомнила». В гестапо все вспомнить заставят. Даже чего не знаешь.

— А вы там были?

— Чего мне там быть-то? Я не партизан и не из коммунистов. На мне вот могильная повязка. «Полицай».

— А вы в самом деле полицай?

— А тебе-то зачем? Ишь какая шустрая! Может, и полицай, может, я у тебя выпытываю, кто ты такая.

— Зачем?

— А затем, чтоб три коровы за тебя получить, дом да много тыщ ерманских марок.

— Так уж за каждую бабу коров и раздают.

— Зачем за каждую. Им только одна надобна. Московская баба, которая их убивает. Ходит от села к селу и кокошит. Боятся, как бы в Борисове не заявилась.

— Вот это баба,— всплеснула руками Леля.— Зверь какой-то, а не баба. И много она их побила?

— Да, видать, немало, коль столько за нее обещают.

— И вам не жалко было бы ее выдать?

— А чего жалеть? Теперь никто никого не жалеет. Вот вы меня жалеете? А? — спросил он, вдруг обернувшись.— Ни капли. Знаете же, что мне первому каюк будет, ан все одно ездите на мне. Ну чего вас несет туды, скажите вы мне, бога ради?

— Нужда гонит. Я же вам сказала. Хлеб нужен, соль... К тому же я больная, а жить охота! Не старуха же я, небось.

— То-то и оно,— покачал головой дедок.— Помирать никому не радостно. А смерть, она вот, рядом. Вишь, опять стоят на мосту, поджидают. А кого? Нас с тобою. Только я, коль что, коль сдрейфишь, за тебя помирать не стану, потому как не знаю и не ведаю, кто ты такая.

— Я же сказала — родственница.

— Сиди уж да молчи. В нос посапывай, родственница сыскалась. Сам знаю, что сказать надо.

— Стой! С кем едешь? Кто с тобой такая? — закричал один из полицаев.

Старик огрел коня кнутом:

— Не видишь? Ослеп? Та, самая, какую ищуть. Атаман-баба.

Полицаи покатились со смеху. В телеге сидела тихая понурая бабенка. А та, которую ловили, по описанию, рослая, гром-баба, с большими, как цыбарки, грудями. У этой же и зацепиться не за что...

Без задержки и откупной простокваши телега проскочила и пост с немцами. Сегодня все они были чем-то возбуждены и о чем-то жарко спорили. Старик придержал было коня на проверку, но они досадливо махнули рукой — «езжай».

На тихой улице возница остановил коня, спросил, заботясь:

— В обрат поедете али тут останетесь?

— Поеду,— сказала она, слезая.— Обождите меня там, где в прошлый раз садилась. И скажите, пожалуйста, где тут фельдкомендатура и городская управа?

При упоминании фельдкомендатуры старик закусил обвислый ус и сердито тронул коня:

— Не знаю. Пшол, воронок! Пшол!..

Телега укатила. Из палисадника, заросшего малинником, выглянул вихрастый худенький мальчишка.

— Тетенька! Комендатура там, на Смоленской. Но вы не ходите туда. Там каждый день убивают. И вас убить могут...

Она смело пошла туда, куда указал мальчишка. Ей нужен был дом, где убивают, ее сейчас интересовали именно те люди, которые убивают.

Возле дверей двухэтажного каменного дома журавлем вышагивал с автоматом наизготовку длинный поджарый эсэсовец. Оставив на лавочке у палисадника свою корзину, Леля направилась к двери. Часовой преградил ей автоматом дорогу.

— Хальт! Найн матхауз!

— Мне к господину бургомистру. На айн минута, Ферштейн?

Часовой нажал кнопку звонка. Из двухэтажного дома вышел человек в гражданском.

— Что вам? К кому? — спросил он по-русски.

— Я с жалобой на господина бургомистра.

— С жалобой? — усмехнулся мужчина.— На господина бургомистра? Да вы с ума сошли! Еще никто не осмеливался жаловаться на него. Никто! А вы?.. Да как вы можете?!

Леля понимала, куда она пришла. Она и не помышляла искать какой-то правды в этом распроклятом фашистском стойбище. Ее привело сюда лишь жгучее чувство мести. Она поставила перед собой одну-единственную цель — убить палача-бургомистра, отомстить за гибель замученных гестаповцами двух ее подружек. А в том, что они попали в лапы палачей именно из этого дома и бесследно исчезли из его подвала, она нисколько не сомневалась. Рассказы очевидцев, сопоставленные факты и выводы сходились именно на этом. Она стояла перед известным чиновником управы и молила:

— Ну, пропусти, уважаемый начальник, чего тебе стоит. Не на него самого — на его помощников...

Чиновник же продолжал уточнять:

— Так я вас спрашиваю: какая жалоба, за что?

— У нас в деревне все сгорают от желания помочь германской армии хлебом, салом, яйцами, молоком. Но до каких пор нам ждать, когда к нам станут приезжать за продовольствием? Почему сборщики сельхоз-

комендатуры сидят в норах, как суслики, и не показывают свой нос в деревне? Это трусость! Это безобразие!.. Это...

Войдя в азарт, «жалобщица» Леля размахивала руками и обещала, что она дойдет до гауляйтера Кубе, будет писать жалобу в Берлин, что она заставит обленившихся господ ездить по селам...

Видя, что дело принимает скандальный характер, и поняв, что упрямая баба от своего не отступит, чиновник, а это был личный переводчик бургомистра, развел руками.

— Хорошо. Я сейчас о вас доложу,— сказал он примирительно.— Хотя ваш вопрос и серьезен, но не знаю, примут ли вас. Господин бургомистр весьма занят.

Леля вернулась к корзине, села на лавочку. Из открытого окна до нее донесся чей-то властный голос:

— Восстановление порядка в России злостно саботируется преступной деятельностью, направленной против германских войск и оккупационной администрации. В последнее время участились взрывы воинских эшелонов, подрыв мостов, нападения на удаленные от Борисова гарнизоны. Гибнут доблестные солдаты фюрера, исчезают бесследно наши друзья — старосты и полицаи... Но самое ужасное и недопустимое, господа, что им несут гибель русские солдаты в юбках. Нам доподлинно известно, что в окрестностях Борисова орудуют бандиты, которыми командует женщина! Там, где они бывают, не остается ни солдат, ни старост, ни полицаев. Они сеют смерть и панику. Панику и смерть.

— А чего ж ее досель не изловили? — раздался чей-то голос.

— Она остается пока неуловимой. Но мы ее поймаем. Слово бургомистра!

Леля встала. Сердце ее, закипая от прилива гнева, учащенно застучало. Бургомистр Станкевич, палач Станкевич на месте. О, только бы к нему пропустили. А там будь, что будет. Она понимала, что это безрассудство, что, выстрелив в него, она погибла — ее мгновенно схватят. Но она была готова на все.

Из дверей вышел человек в гражданском, подошел к ней и развел руками:

— Ничем помочь не можем. Господин бургомистр занят. Он ведет совещание бургомистров городов и старост, начальников полиций.

— А как же мне с жалобой-то? — растерянно спросила Леля, не зная о чем дальше говорить.

— Ступайте домой. Я доложу о вашем беспокойстве бургомистру города. Полагаю, он примет меры. Сборщики налогов к вам приедут.

— Благодарю вас,— кивнула Леля и, подхватив корзину, пошла к месту встречи с возницей. Телега стояла там же. Старик беспокойно поглядывал по сторонам. Увидев спешащую пассажирку, сказал:

— Ну вот что, родственница дорогая. Боле с вами я не ездок. Буде! Натерпелся. Последний разочек. Последний, дорогая...

И всю дорогу до леса угрюмо молчал. Только когда подъехали к тому месту, где она в прошлый раз слезла, спросил:

— Тута слезешь али поедешь дале?

— Здесь сойду. Остановите...

Первые удачи

Несмотря на то что летом 1942 года главные действия на советско-германском фронте развернулись на сталинградском и ростовском направлениях, немецкое командование по-прежнему не ослабляло группу армий «Центр», нацеленную против войск Западного фронта. Здесь по-прежнему были сосредоточены отборные войска.

Пополнение группы личным составом, подвоз боевой техники и боеприпасов, снабжение ее горючим и продовольствием в основном осуществлялось по тем двум основным магистралям, о которых так много говорил на совещании Спрогис. Он-то и направил усилия всех диверсионно-разведывательных групп и партизанских отрядов на срыв регулярного движения вражеских эшелонов и колонн по железной дороге и шоссе. Причем основные усилия сосредоточивал на участках железной и шоссейной дорог между городами Борисов—Толочин—Орша, где планировался ряд диверсий. Для усиленной же разведки определялись города Борисов, Орша, Могилев, Бобруйск.

Первой большой удачей явился разгром эшелона противника в районе деревни Осово, в 10 километрах

западнее станции Крупки. Вот как это произошло. Захваченные пленные и документы помогли восстановить не только картину самой диверсии, но и значительную часть ее предыстории.

В предместьях Варшавы, в бывших казармах Войска Польского, где размещался запасной артиллерийский полк вермахта, формировался дивизион 155-миллиметровых орудий для отправки на Восточный фронт.

Пушки были отлиты на заводах Круппа по спецзаказу немецкого командования. Новенькие. Из особо прочной стали. С увеличенной дальностью стрельбы. Заказчики и получатели торопились. На Восточном фронте, особенно на его южном участке, где развернулось огромное сражение, каждое новое орудие, по мнению немецкого командования, было на вес золота. Потому что оно, несомненно, ускоряло победу.

Наступил день отправки дивизиона на фронт. Был плотно загружен эшелон. На платформах упокоились со всеми удобствами 16 тяжелых орудий с гусеничными тягачами. Прицепили вагоны с боеприпасами. В центре эшелона зеленел пассажирский вагон для офицеров, рядом с ним теплушки для низших чинов. Были тщательно укреплены на площадках колесные машины, походные кухни и прочая утварь, необходимая для боя.

Личный состав дивизиона был весьма неоднороден. Тут были солдаты и офицеры, прибывшие из госпиталей после выздоровления, а также и те, которые прошли всего лишь короткую подготовку в школе. Артиллерист-полковник из вышестоящего штаба, прибывший на проводы дивизиона, остался весьма доволен погрузкой и только сокрушался по поводу того, что одеты артиллеристы, отправляющиеся на фронт, были совсем не так, как в сорок первом. На многих канонирах поношенные, в заплатах, мундиры. Стыд, позор... Ведь почти у каждого героя-фронтовика — Железные кресты, медали, нашивки за ранения...

Выражения лиц тоже не однородные. На одних — у тех, кто только еще едет за крестами, глуповатый восторг, на других — уныние, на третьих — отрешенное безразличие, которое полковник отнес за счет хронического недосыпания. Вполне возможно, многих подня-

ли по тревоге с постели и сегодня. Цепко держалось еще подернутое сентябрьским осенним туманом утро.

К полковнику подбежал командир дивизиона щеголеватый майор в новеньком, пахнущем дорогими дамскими духами мундире.

— Эшелон к отправке на Восточный фронт готов!— доложил он, вскинув руку к высокой тулье щегольской фуражки.

Полковник в кожаном реглане, прихрамывая и скрепя новыми сапогами и ремнями, вышел на середину строя, застывшего на платформе.

— Солдаты фюрера! Сегодня вы отправляетесь на Восточный фронт, туда, где идет битва за наше жизненное пространство. Не исключено, что вы окажетесь там, где решается главная судьба войны,— на Волге, в армии генерал-полковника фон Паулюса. Радуйтесь! Гордитесь! Быть там — великая честь. Фюрер верит, что вы сокрушите красных фанатиков Сталина и перешагнете через Волгу. А там рядом Урал! Рядом победа. Хайль Гитлер!

— Зиг хайль! — вразнобой ответил строй.

— И последнее,— заключил, подняв руку, полковник.— Вам доверена новая боевая техника. Ни одна из этих пушек не должна попасть к русским. Ясно?

Полковник обернулся к командиру дивизиона:

— Требую организовать надежную охрану эшелона в дороге. В путь! Волга ждет вас. Хайль!

Уже перед самым отправлением эшелона с офицерами разговаривал крупный специалист по перевозкам войск на Восточный фронт. На его новеньком мундире красовался Железный крест.

— На польской территории вы можете встретить отдельные разрозненные нападения, подложенную мину, одиночный выстрел, разведенные рельсы... А вот в Белоруссии могут быть непредвиденные нападения крупных банд, численностью порой до батальона. Нападения совершаются, как правило, ночью. Но они могут быть и днем. Особо опасные районы прошу отметить на картах: Береза—Барановичи—Столбы—Негорелое—Борисов —Орша, брянские леса, ну, а дальше пойдут степные места. Там можете спать спокойно.

Знаток партизанских зон сложил карту, сунул ее в новую планшетку.

— На каждой узловой станции требовать, чтобы прицепили перед эшелоном две-три платформы с балластом. У меня все. В добрый путь, господа! Вас ждут!

Офицеров провожали расфуфыренные с заплаканными восторженными глазами молодые дамы. Они размахивали шляпками, слали воздушные поцелуи и сыпали наказы: «Вернуться с победой», «Прислать из России черную икру, бобровые воротники, медвежьи и верблюжьи шкуры...»

В рюкзаке у каждого офицера лежали коньяк, шнапс, французское вино и головка голландского сыра. Это здорово помогало будущим окопникам веселиться, и они горланили ободряющие песни, пока эшелон грохотал, пересекая Польшу. К вечеру изрядно притомленные спиртным господа угомонились. Кто захрапел, развалясь на полке, кто, уронив голову на стол или рюкзак, дремал... Но вот по вагону разнесся крик: «Россия! Белоруссия! Новая территория фатерлянда!» — и оргия разразилась с новой силой. Грянула песня:

Россию мы перевернем,
К черту, вверх ногами.
И дальше с фюрером пойдем
Топтать все сапогами.

На станцию Борисов эшелон прибыл перед рассветом. Обер-лейтенант, комендант станции, поздравил майора с благополучным прибытием. Поинтересовался, как ехали, и страшно удивился, узнав, что в пути от Варшавы до Борисова по эшелону не было произведено ни одного выстрела. На лицах у офицеров и солдат дивизиона, с помощью коменданта осознавших этот знаменательный факт, появились улыбки и даже маленькое разочарование: столько говорили о лесных бандитах, их диверсиях на железной дороге и вдруг ничего... Вот уж поистине у страха глаза велики!

Но их радость была преждевременной... Переворачивать Россию этим воякам не посчастливилось. У деревни Осово, что в 10 километрах западнее Крупки, Россия вдруг сама перевернула их вместе с пушками, автомобилями, боеприпасами и заявками на черную икру, медвежьи и верблюжьи шкуры.

Диверсионная группа подполковника Спрогиса ровно за два часа до рассвета заняла удобное положение в густом кустарнике у железной дороги. Никто и не догадывался, конечно, что группе предстоит скорректировать маршрут эшелона с новыми пушками и претендентами на земельные наделы в России. Она просто вышла на первую свободную охоту. В ее состав входили Сандыбаев, Дмитриев, Буташин, Болдин, Маковец, Виноград, Жуков, Нина Шинкаренко, старший лейтенант медицинской службы Михайлов и другие.

Соглашаться с решением командира самому идти на железную дорогу комиссару очень не хотелось, так как не было сколько-нибудь полных разведданных об охране железной дороги на перегоне Борисов—Крупки. Никто также не знал толком, где и когда лучше подойти к ней. Однако уговорить решительного, темпераментного и даже дерзкого в полемике Спрогиса оказалось делом несбыточным. Он доводы выслушал, покивал согласно и... ушел с ребятами.

Путь к железнодорожной магистрали был нелегким. По лесам и болотам Можи, Бобра, Велятича бойцы прошли около тридцати километров. Притомились изрядно. Однако отдыха не позволили себе. По прибытии в район действий они незамедлительно заминировали полотно железной дороги, идущей из Борисова на Крупки, подключили подрывную электрическую машину и начали ждать подходящий для подрыва «объект». Несколько разведчиков во главе с сержантом Виноградом заняли удобное место для наблюдения. От них время от времени поступали осторожные сигналы: «Идет маневровый паровоз», «Миновал с балластом». «Прокатило пять вагонов с каким-то грузом»...

Спрогис лежал за пнем, слушал неутешительные доклады и чертыхался про себя:

— Мелкотня... Дохлая рыбешка... Фашистское дерьмо. Нам нужна крупная дичь. Черт побери, куда же все девалось? Не придумал же Гитлер свернуть Восточный фронт. Значит, должны же дождаться!

Никакой связи с подпольщиками, работающими на железной дороге, у Спрогиса пока не было. Вся надежда сейчас возлагалась на своих же разведчиков, и они проявили поразительную ловкость и изобретательность. Один из бойцов, облачившись в захваченную с собой одежду рабочего, занятого ремонтом путей, с лопатой

в руках вышел на насыпь, где свободно расхаживал среди других рабочих на железнодорожном полотне и внимательно наблюдал за дорогой.

Несколько пропущенных без происшествий дрезин и поездов с небольшим количеством вагонов убедили охранников, что ничего страшного нет, работа идет нормально и происшествий, кажется, не предвидится. Два немецких солдата прохаживались по путям, оживленно балагурили и хохотали, время от времени для острастки покрикивали на выбившихся из сил путейцев.

Но вот на полотно выскочила еще одна пара охранников и криками, а также ударами прикладов в спины живо согнала всех рабочих с полотна дороги.

Спрогис обрадовался: значит с минуты на минуту жди эшелона с чем-то очень важным.

По цепи пошла команда: «Приготовиться!» Полтора десятка хорошо вооруженных бойцов-десантников залегли в 25—30 метрах от железной дороги в густом кустарнике, на опушке леса. В утреннем тумане показался эшелон с артиллерией и прислугой. Впереди паровоза — две платформы, нагруженные мешками песка и прочим балластом.

— Прекрасно! Как раз то, что надо,— обрадовался Спрогис и тут же скомандовал: — Рвать заряд под паровозом, пропустив платформы!

— Есть! — доложил боец-подрывник Дмитриев.

В тот же миг грянул взрыв под паровозом, и он, окутанный паром, рухнул под откос. За ним закувыркались, как игрушечные, вагоны с солдатами, платформы с пушками и тягачами. В середине эшелона мощно рванул, осыпая небо искрами, вагон со снарядами. Разлилось море огня.

— Огонь по оккупантам! — скомандовал Спрогис.

Очереди из пулеметов и автоматов резанули в упор по непрошенным гостям, которые всего четверть часа тому назад оживленно мечтали о том, как прекрасно и счастливо они заживут в российской колонии где-нибудь на Волге или Днепре. Как превратят богатейшие черноземы в тучные нивы и озолотятся на них. Русских батраков, ленивых и неумных, они плетьми заставят пошевеливаться и приносить своим хозяевам доход, они научат этих свиней трудиться!..

Под обломками штабного автобуса, рухнувшего под откос вместе с платформой, десантники нашли тяжело

раненных капитана и ефрейтора. Оказав им помощь, тут же узнали, что 87-й артиллерийский дивизион направлялся на пополнение 87-й пехотной дивизии, выведенной в резерв командующего группой армий «Центр» в район Брянска. В конце октября дивизию должны перебросить на сталинградское направление. Как позже выяснилось, это были весьма ценные и вовремя добытые разведывательные данные.

Оба пленных оказались баварцами, побывавшими в боях под Москвой, оба ранены осколками русской «катюши» и обморозили себе уши. Всю зиму и лето пролежали они в госпитале и теперь, признанные годными к дальнейшей военной службе, снова отправились в пекло Восточного фронта. Обоих интересовал один и тот же вопрос: «Когда же все это кончится?» Им говорили: конец войны — взятие Москвы. Но Москва не взята, война продолжается. Не война, а бойня. Из России мало кто возвращается. Родным приходят лишь похоронные извещения и бляхи от мундиров.

— Но где-нибудь победа все же ждет нас. Не станет же фюрер обещать ее попусту. Это было бы слишком жестоко...

Их ждала могила. Они умирали оба, раздавленные своими же, немецкими, тягачами.

Десантники разделались с эшелоном за каких-нибудь 10—15 минут. Близость Борисовского и других гарнизонов противника заставляла их вовремя, не мешкая, отойти в леса южнее железной дороги. Забрав документы убитых, автоматическое оружие и боеприпасы, группа Спрогиса болотами и лесными тропами благополучно вернулась в лагерь отряда Сороки.

Узнав о случившемся, фашисты в Борисове подняли по тревоге весь гарнизон. Ярость их не знала предела. Такого еще никогда не было, чтобы в светлое время суток на виду у всей охраны был пущен под откос военный эшелон и по существу уничтожен целый артиллерийский дивизион вермахта, да еще вооруженный новыми пушками.

Вскоре по всей округе разнеслась радостная весть о диверсии на железной дороге и потерях среди оккупантов. Народ ликовал. Его уверенность в нашей неизбежной победе над врагом укреплялась.

Вернувшись на временную стоянку в лесу в районе высоты 180.0, Спрогис долго не мог уснуть. Он встал с постели, вышел из палатки и возбужденно ходил меж сосен. Бойцы тоже не спали, шумно обсуждая операцию. Участники диверсии припоминали ее детали и особо врезавшиеся в память картинки.

— А как здорово кувыркались вагоны! — услышал Артур Карлович из одной палатки, смонтированной из солдатских плащ-палаток.— Ну, прямо, как в кино. Один за одним — бум, бум... А фашисты вместе с вагонами и со всеми своими цацками — под откос кувырк, кувырк... Славное зрелище, скажу я вам.

— Братцы! А что с паровозом? Взорвался али скопытился? — донеслось из другой палатки.

— Разве то не все одно? Отвозился.

— А я как чесанул по дверям пассажирского вагона из пулемета,— узнал Спрогис голос старшего сержанта Завьялова в третьей палатке,— гляжу, в одном исподнем прыгает грузный офицер и прямо на меня. «О, майн гот! — кричит.— Спаси меня, фюрер!» Ну, я его в исподнем — в преисподнюю очередью из пулемета...

— А вот и врешь,— послышался голос переводчика Озола.— Он этого вовсе не кричал, про фюрера-то.

— А что же?

— Ругал на чем свет стоит охрану железной дороги, ему не до фюрера было. «Сволочи! — кричит.— Тыловые крысы! Вас всех повесить, расстрелять! Куда смотрит фюрер?»

— Вот видите: звал же фюрера. А говорите «нет».

— Тут уж не взывал к нему, а вроде бы упрекал. Это не одно и то же. Это уже звучит по-новому. За такие слова гестапо по головке не гладит никого.

— А я видел, браток, что и ты побледнел, когда толстяк-немец кинулся на тебя,— заметил кто-то из этой же палатки.

Бойцы захохотали. Завьялов смущенно отбивался:

— Ну, чего хохочете? А если бы на вас такого борова?.. Помотрел бы я... Небось и про пулемет бы забыли, бросились бы в кусты. Страх, он,— как дед мой говорил,— завсегда рядом с солдатом ходит, так и норовит прыгнуть в твою душу, а потом добраться и до пяток. Только вовремя надо его остановить». Вот я и остановил. Чего ж смеяться?

Бойцы умолкли. Но вскоре опять заговорили, припоминая каждый свое. Кто-то попросил переводчика Озола рассказать, о чем кричат фашисты, когда их бьют, и тот с готовностью заговорил:

— Разное приходит им перед смертью. Одни зовут маму, другие — господа бога, третьи — фюрера, надеясь, что он им поможет, последних, правда, немного. Больше таких, что клянут себя и Германию за то, что сунулись в Россию. Один из тех, кого мы вчера отправили на тот свет, перед смертью шептал: «О, если бы я знал! О, если бы предвидел такое!» И это, друзья, не случайно. Немцам вскружили голову легкие победы в Западной Европе, вот и полезли на нас. Надеялись, что их ждет тут легкая прогулка. А когда их встретили свинцом, когда получили кулаком в скулу, заныли: «О, майн гот!»

Спрогис слушал все эти разговоры с радостным чувством. Обойдя лагерь, он вернулся к своей палатке. Бойцы, однако, все еще не спали. Разговор постепенно сместился в будущее:

— Эх, братцы, рвануть бы еще эшелончик! — мечтательно вздыхал Толя Бубнов.

— Так тебе его и подставили: «Подрывайте, геноссе Бубнов. Милости просим». Впрочем, какой ты для них «геноссе». Бандит!

— Да... Теперь на то место и не показывайся. Между прочим, мне наплевать на то, как меня, хозяина своего дома, величают настоящие бандиты.

— Мне тоже.

— И мне...

— Зачем ходить на то? Разве к другим местам нет подхода? — вставил кто-то.

— Ну, конечно же, есть, братцы. Я знаю их!

— А не врешь, Березка? Ты сугубо гражданский человек, в армии не служил, соврешь — не дорого возьмешь,— пошутил кто-то.

— И что с того, что я не военный? Зато все тропки тут мои. Все знакомо. Скрытно проведу хошь на Славное, хошь в саму Оршу. А насчет вранья — у нас не принято. Не как у вас...

— До Орши нам, друг, далеко, а вот относительно станции Приямино надо подумать, так что ли, Буташин?

— Спрогису надо намекнуть о Приямино. Благо, и проводник есть — наш Березка.

Артур Карлович размышлял над услышанным целых два дня и принял негласное предложение. По его приказанию тщательно изучались подходы к станции, расположение охранников, огневых точек, маршруты движения. И не только в Приямино. Разведка велась и близ железнодорожного моста через реку Нача, у деревни Клади. Было решено нанести удар одновременно на станции Приямино, с целью вывода из строя станционных сооружений, и взорвать мост через реку Нача. Подготовка шла успешно и вскоре была завершена.

В Приямино и Клади вышли затемно, задолго до рассвета. Со Спрогисом отправились те же бойцы, которые участвовали в подрыве эшелона с пушками,— Сандыбаев, Буташин, Жуков, Болдин, Нина Шинкаренко, Бубнов, Маковец, Виноград и другие, а также взвод партизан из отряда Свистунова. С ними к этому времени наладилась настоящая боевая дружба.

На реку Нача подрывников Дмитриева и двух бойцов повел старший лейтенант Михайлов.

Удар на оккупантов обрушился в раннее предрассветное время. Из бесшумных винтовок были сразу же сняты часовые. Дорога к объектам оказалась открытой. В казармах безмятежно спала охрана. Десантники и партизаны перебили не сдавшихся в плен и приступили к главному — уничтожению основных объектов станции и взрыву железнодорожного моста. Как выяснилось, охрана станции Приямино и моста через Начу была небольшая, так как подходы к станции из-за отсутствия лесов были весьма трудными и рискованными, а мост находился под носом полицейского гарнизона. Немцы и не мыслили себе подобных дерзких действий десантников и партизан.

Спрогис и Сандыбаев заскочили на минутку в помещение дежурного по станции. Того на месте не оказалось, но сигнализация работала, телефоны были в исправности.

Через несколько минут начали ухать взрывы на станции. В дежурку вбежал разгоряченный Буташин:

— Товарищ командир! Стрелки взорваны, семафоры тоже, что делать дальше?

— Кончайте с водокачкой, мастерскими... Как было сказано!

— Есть!

Зазвонил телефон-запасник, висевший на стенке дежурки. Спрогис взял трубку. Говорил немец. Спрогис немного знал немецкий язык и по отдельным словам понял: в Борисове беспокоятся — почему молчит станция?

— Приямино занято. Капут! — ответил Спрогис по-русски.

— Вер ист дас? Кто ест капут?

— Фашистская Германия капут! Адольф Гитлер капут! И всех вас ждут только капуты, мерзавцы окаянные...

Разбитая о стенку трубка разлетелась вдребезги. Спрогис выбежал на перрон. На станции там и сям горели станционные постройки. От водокачки бежали, размахивая руками, трое бойцов.

— Ложись! Ложись! Счас грохнет! — кричали они встречным.

Спрогис упал меж рельсов, но глаза не закрыл, а смотрел из-под руки на гигантский кулак водокачки, устремленный в небо. Вначале водокачка вздрогнула, будто хотела подпрыгнуть, горячо обжегшись. Но вдруг под ней громыхнуло, взметнулся серый дым, смешанный с землею, и водокачка, кренясь набок, тяжело рухнула, взметнув тучи дыма и пыли. Бойцы и партизаны шумной толпой повалили к командиру.

— Сработали, как в аптеке!

— Молодцы, ребята! А теперь отходить немедленно, пока еще не наступил рассвет.— И он дал условный сигнал ракетой.

Нападение на станцию, сверх ожидания, удалось. Группа не потеряла ни одного человека, не считая трех легко раненных. Охранников же полегло более десятка. Еще не успели бойцы далеко отойти, как на подорванных стрелках с ходу свалился под откос товарняк, шедший из Крупки на Борисов. Более тридцати вагонов с различными грузами, награбленным зерном, лесоматериалами и скотом кувыркались у всех на глазах.

Станцию покидали с хорошим настроением. Перед этим Сандыбаев взобрался на крышу вокзала и водрузил небольшой Красный флаг.

— Пускай знают! — кричал он с князька.— Наша земля — всегда советская земля! Народ пускай порадуется — все равно им, гадам, капут!

По пути в лагерь на лесных рóстанях встретились с группой Михайлова. Бойцы счастливо улыбаясь, доложили:

— Мост взорван. Охрана перебита. Казарма сожжена.

На шоссе Минск—Москва

Вскоре после совещания командиров отрядов и групп в штаб явилась Леля Колесова. Не успела как следует осмотреться,— сразу к Спрогису:

— Товарищ командир! В группе осталось мало девушек-десантниц. Самостоятельно действовать в тылу врага мы вряд ли сможем. Поговаривают, что вы нас скоро вольете в один из отрядов. Так разрешите нам напоследок сходить на шоссе Минск—Москва. Очень уж хочется посмотреть, кто по нему едет, как и зачем. Да и поохотиться за немчурой...

— Когда планируете свой «поход»? — без обиняков спросил Артур Карлович.

— Через два дня.

— Маршрут продумали?

— Да. Полпути пройдем лесными дорогами. А дальше — лесом, болотами, по бездорожью. На шоссе выйдем между населенными пунктами Крупки и Бобр.

— Проводник есть?

— Мы сами хорошо знаем эту местность и подходы к шоссе.

— Строго предупреждаю: действовать только из засады, и в затяжной бой не ввязываться! Вас мало. В два счета перебьют. Не унесете ног. Кстати, советую надеть все штатское.

— Выполним непременно ваши указания, товарищ командир.

— Ну, что ж... Как говорится, ни пуха, ни пера!

Леля Колесова, Нина Шинкаренко, Вера Ромащенко и Аня Минаева достигли шоссе благополучно. Правда, выбрались из лесов и болот мокрыми до нитки. Кое-где им довелось вообще шлепать по воде, хотя осенний лес и так набух до предела. Не опавшая с ночи роса сыпалась с кустарника и елового лапника дождем. Пришлось выбрать небольшую поляну и малость обсушиться на солнышке. А шоссе было совсем рядом. Уже слышал-

ся гул тяжело груженных машин и рокот быстро мчащихся легковушек.

Было еще раннее утро, но по магистрали уже двигалась масса машин. Заночевавшие из страха перед возможными ночными нападениями партизан в Борисове и Орше водители теперь спешили наверстать упущенное драгоценное время. Длинные лобастые грузовики шустро катили по серой безлюдной глади дороги. В кабинах позевывали водители и офицеры сопровождения. В кузовах погромыхивала поклажа — бочки с горючим, ящики с патронами, тяжелыми снарядами, мотки колючей проволоки... Все это текло мутным потоком на восток.

А на запад — в Германию — ускользали мешки с зерном, мукой, картошкой, ящики с награбленным чужим добром, тюками овчины, шерсти... На одном из больших грузовиков везли шесть коров степной породы по три в ряд. Вслед за ним катил сбшарпанный, изрешеченный пулями автобус с ранеными. На свежих бинтах у некоторых темнела кровь. Эти, как видно, получили свою порцию русского угощения, не доехав до фронта.

Леля сняла с руки черненькие трофейные часы и протянула их своим помощницам:

— Засечь время и сосчитать количество машин, проходящих на восток за четверть часа.

— А на запад?

— Не нужно. Какой смысл? Пускай бы их, паразитов, всех ветром сдуло на свой запад.

— Ветром не сдует, а вот чесануть по ним из автоматов — помогло бы... — сказала Нина Шинкаренко.

— Подождите! Надо выбрать цель покрупнее. Да и о безопасности не нужно забывать.

Девушки залегли на опушке, выбрав удобные места для стрельбы из автоматов, а Леля забралась на усыпанный скудными осенними цветами, обросший густым кустарником бугорок, достала из-за пазухи бинокль и уставилась на шоссе.

После 10 часов утра, как по команде, поток движущихся автомобилей по магистрали резко сократился. Изредка с интервалом в 20—30 минут на шоссе появлялись лишь одиночные грузовые машины местных немецких гарнизонов с различным хозяйственным скарбом. Девушки даже начали упрекать Лелю за то, что

с утра они упустили несколько грузовых автомобилей с солдатами. Но вдруг Леля схватила рядом лежащий на пне бинокль и пристально вгляделась в дорогу.

Окуляры бинокля уловили необычную машину, идущую из Борисова на восток. Это был комфортабельный средний автобус, разделенный на две части: в передней, за кабиной водителя, оборудован салон с удобствами, в задней — место для охраны. В кабине рядом с плюгавеньким шофером сидела важная персона в кожаном реглане. На остром носу поблескивали очки. В зубах дымила сигарета. По всему было видно, что приложаловал довольно высокий чиновник.

Как покажет потом допрос пленного, чиновник из Берлина действительно ехал осваивать восточные земли в одном из районов Смоленщины. В кармане фашиста обнаружили немецко-русский разговорник. В нем были такие фразы: «В каком районе области лучшие земли?», «Где можно набрать специалистов по возделыванию льна?», «В каких водоемах можно разводить карпов?», «На каких фабриках и где можно ткать льняное полотно?», «Какой лучший дом отдыха на Смоленщине?», «Какая самая красивая актриса в городе?»... Судя по этому разговорнику, чиновник ведомства по освоению русских земель всерьез думал обзавестись на Смоленщине хозяйством по выращиванию и обработке льна.

Совсем неожиданно он увидел на шоссе женщину в поношенном синем плаще с корзиной в руках. Она появилась как из-под земли и, став на середине проезжей части, тревожно, предостерегающе размахивала руками, показывая на асфальт.

Машина резко затормозила. Чиновник высунулся из кабины, спросил по-немецки: «Что там, на шоссе? Какая опасность?» Женщина не ответила. Тогда он, подбирая ранее заученные слова, спросил по-русски:

— Вы есть кто? Кто есть на асфальт?

Женщина подошла к кабине:

— Я есть русский партизан! Смерть оккупантам! — и выстрелила в упор.

В то же мгновение по машине хлестнули автоматы девушек. Пять немецких охранников были убиты наповал. Уцелел только один, легко раненный ефрейтор, которому удалось выскочить и влезть в водосточную трубу. Девушки вытащили его за ноги и увели в лес.

На шоссе ярко пылала машина с барахлом чиновника и рюкзаками тех, кто ехал «осваивать» русские земли и расстреливать непокорных русских людей. Важный чиновник, правда, успел выкатиться из машины, но уже мертвым. Он даже не увидел тех, кого мечтал превратить в рабов.

Это была последняя самостоятельная засада отважных девушек под руководством девичьего атамана Лели Колесовой. Перед боем в Выдрице решением командования группы они были зачислены в отряд Спрогиса.

Это случилось в Выдрице

В лесном массиве в 16 километрах южнее Крупки, на берегу реки Бобр, раскинулась деревня под названием Выдрица. До недавнего прошлого она ничем особенным не отличалась от других белорусских деревень. Немцы и полицейские до весны 1942 года туда почти не наведывались, опасаясь партизан и десантников, которые были частыми гостями в ней. И не только гостями. Деревня Выдрица и окружающие ее леса являлись своего рода базой для диверсионной работы на железной и шоссейной дорогах на участке Борисов-Толочин. Через нее проходили проселки и тропы, соединявшие лесные массивы с железной дорогой. Там же сохранился единственный мост через реку Бобр. Население Выдрицы и маленьких лесных деревушек Липовщина, Прудок, Чернявка, Литвинка, Узнаж всячески помогало партизанам в борьбе с оккупантами, снабжало их продовольствием, вело разведку во вражеских гарнизонах и само принимало участие в боевых действиях.

После ряда удачных боевых вылазок партизанских групп и десантников положение в этом районе резко изменилось. Фашистское командование было крайне обеспокоено бесконечными крушениями воинских эшелонов, потерями автомобилей и солдат вермахта на автостраде. Оно решило закрыть подступы к железнодорожной магистрали и шоссе с юга сильными гарнизонами в Велятичах, Выдрице, Ухвале. Довольно крупные силы были сосредоточены в Выдрице — укрепленном опорном пункте с дзотами, окопами, ходами сообще-

ния По замыслу оккупантов, гарнизон должен был не только оборонять опорный пункт, но и во взаимодействии с соседними вести активные контрпартизанские действия, устраивать засады на лесных тропинках и дорогах. И этот замысел в первое время фашистам удался. Несколько групп подрывников из партизанских отрядов напоролись на их засады и понесли потери.

Гарнизон в Выдрице стал серьезной помехой для диверсионных групп, настоящим «бельмом в глазу». Вставала острая необходимость разгромить Выдрицкий гарнизон и расчистить путь к магистрали. Посоветовавшись с командирами партизанских отрядов, Спрогис решил эту операцию осуществить совместными усилиями десантников и партизан. Командовать предстоящей операцией взялся он сам.

На сложную, опасную и ответственную операцию уходило около ста человек — воинов Красной Армии и партизан, хорошо вооруженных автоматическим оружием, взрывчаткой и гранатами. Как условились заранее, отряд был разбит на три группы. Ударную, основную, возглавлял Артур Спрогис, две другие — командиры партизанских отрядов Виктор Свистунов и Василий Изох.

Ночью перед выходом еще раз проверили оружие, боеприпасы и снаряжение, распределили людей по группам. Все участники предстоящего боя встали в строй. Тут же оказалась и Леля Колесова, которая не должна была участвовать в налете. Самовольство десантницы возмутило Спрогиса.

— А вы тут зачем? — спросил он строго.

— Хочу идти на Выдрицу, товарищ командир!

— А кто разрешил? Вы же оставлены в лагере старшим.

— Пока никто... Не могу, товарищ командир.

Спрогис подпер кулаками свои перехваченные ремнем бока:

— Ну, вот что, голубушка. Если в армии каждый будет считать себя командиром и станет сам собой командовать, то такому человеку в армии делать нечего. Да и армия эта наверняка развалится. Так что — марш из строя! И прошу выполнять то, что вам приказано! А вам, как я знаю, приказано остаться в лагере.

Колесова, выйдя из строя, разрыдалась.

— Ну, почему?! Почему я должна сидеть сложа руки? Выдрицкой полицией были схвачены мои девчонки... Там сидит их палач, мой личный враг. Я должна отомстить!.. Это мой долг подруги и командира. А меня отстраняют... Где же ваша справедливость, Артур Карлович?

Спрогис подошел к Сороке.

— Что будем делать, Григорий Яковлевич?

— Решайте сами,— умыл руки Сорока, косясь на Лелю.— Я считаю ваше первоначальное решение правильным. Отряд ее понес большие потери. Мало их осталось... В бою она горяча, все знают. А тут еще кровная обида за подруг... Слепая месть может кинуть ее черт-те куда. Надо поберечь девчонку.

— Да-а... Ты прав. И все-таки надо взять. Но глаз с нее не спускать! Понять нужно человека....

Потом, спустя несколько часов, Спрогис будет жестоко ругать себя, проклинать за допущенную минутную слабость, за то, что поддался на слезные уговоры. А пока он резко обернулся и скомандовал:

— Станьте в строй! Утрите слезы. Позор! В бою глаза должны быть сухими.

— Есть стать в строй! — радостно встрепенулась Леля Колесова и птицей влетела в строй.

Спрогис тут же забыл об этом инциденте и предался главному, что его занимало уже третьи сутки. Он лично ходил с Сорокой на рекогносцировку, часами просиживал у карты, чертил и перечерчивал план боя на площадке песка, изучал разведданные. Все было им обдумано, обговорено и переговорено с товарищами до мелочей. Пора ставить отряду боевую задачу.

Расположив людей под могучим вязом, он начал:

— Противник, силами до полутора рот, вооруженный пулеметами и легкими минометами, занимает опорный пункт Выдрица — важный узел дорог с мостом через реку Бобр, длительное время терроризирует местное население, устраивает засады на лесных тропах. От рук фашистских палачей погибло несколько наших боевых товарищей, в том числе и две наши девушки-десантницы. Фашистский гарнизон расположен в основном в центре деревни. Наиболее укреплены местность в районе моста и северная окраина Выдрицы. Подготовлены к бою два дзота и траншеи... Наша задача внезапным ударом перед рассветом уничтожить

дзоты, захватить мост и, ворвавшись в центр деревни, уничтожить фашистов. Основная группа наступает в обход деревни с юга и с юго-запада, вторая группа — с востока, третья группа — с севера, обходя опорный пункт с северо-запада. Смерть за смерть! Кровь за кровь! Ясно, товарищи?

— Ясно! — отозвались командиры.

— Тогда — в путь! Отдельные детали боя уточним непосредственно на месте.

Было еще темно, когда отряд подошел к Выдрице. Деревня еще не просыпалась. Только в доме, где размещалась вражеская кухня, топилась печь. Оттуда тянуло густым аппетитным запахом кофе и жареной свинины, поскрипывали двери, звякали не то ведра, не то кастрюли.

— Сытно живут, гады,— выругался один из десантников.

— Известное дело. Грабители,— отозвался другой.

— Кончилось... Отграбились.

— Не спеши с итогами.

— Не спешу, а заверяю. Первым на кухне буду! И тебя приглашу: милости просим, товарищ Атапин, на чашечку кофе после свиной отбивной.

— Тише вы, кофевары! — цыкнула на разговорившихся Леля Колесова, лежавшая в цепи бойцов недалеко от дзота.— Сначала надо дзот взять, а потом думать о завтраке.

— Возьмем. Чего там. Фриц, небось, спит и сосиски с капустой во сне жует.

Фриц в дзоте, к сожалению, не спал. Он знал, что в окрестных лесах полно партизан и десантников. Они разбили уже несколько гарнизонов. Выдрицкий пока бог миловал. Сюда они нос не сунули. «И не сунут,— заверил своих вояк накануне комендант.— Нас прикрывает река с запада; с севера, востока и юга — траншеи с дзотами, а вокруг — молитва фюрера». Однако молитвы молитвами, а погибать кому охота! Доктор Геббельс обещал недавно: «Наши войска уже в центре России, в Сталинграде, на Волге. Еще немного — и победа! Падение Сталинграда — это конец войны». А раз это так, надо себя поберечь. Зорче глаз, фриц!

Для устрашения невидимых русских дежурный солдат уцепился за ручку тяжелого пулемета и на всякий случай дал в темноту длинную очередь.

— Ту-ту-ту-ту,— покатилось в заречье тяжелое эхо.

Потом он выстрелил в амбразуру из ракетницы, осмотрел при свете падающей желтой люстры безлюдную околицу и, убедившись в полной безопасности, зашагал от стенки к стенке.

Где-то близко сухо хрустнула сломанная жердь. Дежурный солдат кинулся к амбразуре и выстрелил из ракетницы. Ракета описала крутую дугу и рассыпалась над огородами. И тут у дежурного оборвалось и юркнуло в пятки сердце. Он увидел то, чего всегда боялся до ужаса: по огородам, луговине ползли и бежали, ныряя в молочный туман, они... Те, кто ввергал его одним именем своим в холодный пот днем и ночью. Некоторые из них были еще за жердевым барьером, а трое уже ворвались на улицу и залегли с автоматами за толстым бревном.

— О, майн гот! — вскрикнул дежурный и кинулся к пулемету. Холодное тяжелое оружие лихорадочно затряслось в его руках.

— Ложись! — скомандовал бойцам Спрогис.— Ложись, кому говорю! Не лезь на огонь. Ползком в обход, давай! А затем короткими перебежками, прикрываясь домами!..

Но до домов еще порядочно. Ближе всех к ним оказались только трое, залегшие за бревном, которые для пулемета гитлеровцев были уже недосягаемы. Да еще несколько человек ползком продвинулись вдоль забора.

Впереди главных сил теперь лежала со своим штурмовым отделением вездесущая Леля Колесова. Дав очередь из автомата по хлещущей огнем амбразуре, она махнула бойцам рукой и громко крикнула:

— Вперед!

Бойцы ползком обтекли дзот слева и справа и кинулись на штурм его с тыльной стороны. Леля вскочила, пробежала несколько шагов и тут же упала. Пуля ударила ей в плечо, окатила его нестерпимым жаром.

Рядом с Лелей у бревна затаились ее боевые товарищи — десантники. При свете утренней зари они увидели бледное лицо командира штурмового отделения и поняли: произошло непоправимое.

— Что случилось, Леля?

— Ничего. Так себе,— ответила она хрипло, закусив губу.— Кажется, плечо задело.

— Ах, господи! — вырвалось у одного из десантников.— Куда лезла? Кричали тебе: «Лелька, не лезь на рожон! Лелька, остановись!» А ты... Отползай назад! Там, за домом, перевяжут.

— Нет! — ответила она.— Из боя не выйду. Я еще смогу...

Она взяла автомат, но он выпал у нее из рук. Рана оказалась тяжелой. Пуля попала в легкое. Дышать становилось с каждой минутой все труднее. Однако Леля еще цеплялась за жизнь. Под огнем врага Сандыбаев и Дмитриев оттащили ее в безопасное место за сараем. Там ей сделали перевязку. Она попросила:

— Оставьте меня, ребята. Идите... Бейте гадов! Там вы нужнее. А я здесь... полежу как-нибудь одна.

Они ушли. Около нее осталась лишь военфельдшер Савенкова Валя. Она видела, что минуты Лели сочтены. Леля быстро угасала, впадала в забытье. Уложить бы ее немедля... на операционный стол. Но где он, этот стол? Так далеко отсюда до Большой земли! Да и как увезешь, когда кипит бой, свистят ошалело пули, храпают мины, вспыхивают то и дело крики «Ура!», «Хох! Хох!»

Выдрицкий гарнизон оказался крепким орешком. Фашисты знали, что они занимают в данной местности ключевую позицию, и укрепили ее как могли. Грянувший внезапный бой лишь на какое-то время посеял панику в их стане. Но вскоре они опомнились. Из всех щелей гремели выстрелы. Многие солдаты и офицеры, не успев одеться, отбивались лишь в нижнем белье, понимая, что за все содеянные злодеяния пощады им не будет.

Особенно яростен был помощник коменданта — обер-полицейский. На последнем совещании старост и полицейских бургомистр города Станкевич прямо сказал: «Защищайся, мой дорогой родственничек, до последнего, коль придет час. Если сдашь Выдрицу, милости не проси. Если не партизаны повесят тебя за ноги, то сделает это с удовольствием гестапо. Выдрица для тебя — это дорога в Борисов, на повышение».

И родственничек Станкевича защищался, как мог. Грохот взрывов гранат, трескотня пулеметов и автоматов застали его в перине в крестьянской горнице. Накануне вечером он нализался первача и сквозь сон ему казалось, что в его честь звучит дробь барабанов,

будто он въезжает на белом коне в Борисов, и толпы народа валятся перед ним на колени. «Наконец-то мое рвение, преданность Германской империи замечены, меня производят в офицеры вермахта, пожалуй, еще и Железный крест дадут»,— бурел он от счастья даже во сне...

Сказывались треволнения пережитых дней. Втайне желая после Станкевича-старшего занять кресло бургомистра, он несколько раз заставлял хозяйку дома погадать ему на картах, заглянуть в его судьбу. Выведенная из терпения старуха, не глядя на разбросанные по столу карты, ворчала: «Въедешь, въедешь, дай срок. С барабанами встренут».

Когда он наконец очухался, то понял, что это совсем не та «встреча». Он вскочил с постели, выхватил из-под подушки «парабеллум», схватил со стенки ручной пулемет и бросился к окну, сорвав тюлевую штору. Старуха, возившаяся у печки, поняла намерения квартиранта, схватила его за рукав нательной рубахи:

— Цыц, аспид! Что ж ты делаешь? Зима подходит...

Квартирант отбросил старуху и ударил ногой по раме. Зазвенели разбитые стекла. Ствол пулемета шмыгнул в оконный проем и затрясся, как в диком ознобе. Старуха, заткнув уши, кинулась вон. Квартирант однако сгреб ее за волосы и отбросил от дверей.

— Цурюк! Назад! Будешь подавать мне патроны. Живо! Убью!

Старуха сунулась за печь от беды подальше. И в это время в избе громыхнул сопровождаемый пламенем взрыв. Квартиранта отбросило к порогу. Он рванул на себя половицу и шмыгнул в подполье, где давно прорыл тайный лаз. Станкевич-младший строил его,— как хвалилась соседям старуха,— «цельный месяц». Она не знала, что́ там, куда ведет этот лаз. Ей было строжайше запрещено лазить в подпол, потому как там, мол, мины. Но сейчас она испугалась не на шутку: вдруг этот аспид рванет и избу, и ее вместе с избой...

Как ни отчаянно сопротивлялся гарнизон, через час с ним было покончено. Засевших в здании школы, в центре деревни, гитлеровцев и полицаев десантники выкурили гранатами и термитными шарами, а партизаны добивали тех, которые укрылись в отдельных домах, у моста и на северной окраине деревни.

В избу, где квартировал старший полицейский Станкевич, вскочило сразу трое десантников со звездочками на пилотках.

— Где он, подлец? Говорите быстрее!

— Касатики родные! Да в подполе он, в подполе же! Туды шмыгнул, как крыса. Лаз у него там... из бетону.

— Базиров, во двор! — крикнул десантник в звании старшины.— Возможен выход из лаза в траншею. Перекрой его.

— Есть!

Загрохотала крышка подпола.

— Сдавайся! Вылазь, сволочь! — крикнул сержант Маковец.— Твоя карта бита, господин Станкевич.

В ответ секанул автомат. Пули пришлись по печи. Посыпались куски битого кирпича. В ту же минуту из подпола повалил едкий дым. Это он зажег там деготь, чтобы воспользоваться переполохом и выйти в траншею. Но удрать ему не удалось.

Бой затихал. Озаренная пламенем и тихими лучами занимавшегося утра, Леля умирала на руках у боевых товарищей. На ее гимнастерке горели ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

— Как тяжело погибать, зная, что ты сделал для Родины так мало! — тихо сказала она.

— Да что ты, Лелечка! Что говоришь такое! — успокаивали ее товарищи.— Не погибнешь, будешь жить... И сделала ты немало — вон сколько! Дай бог каждому мужчине свершить на войне такое. Девчонка ты родная наша! Да ты многих из нас, мужчин, за пояс заткнула.

— Помолчите. Слушайте меня... Мою просьбу. Поклон всем нашим... Похороните меня вместе с подругами... Что там... у Миговщины... Слышь?..

— Все слышим... Все исполним, Лелечка!..

11 сентября 1942 года ее увозили в лесной лагерь на крестьянской телеге, застланной плащ-палаткой. Телега катила по дороге еле-еле... Поскрипывали колеса, шуршала под солдатскими сапогами опалая осенняя листва. Бойцы шли, опустив головы, и у каждого на глазах блестели слезы.

Могилу вырыли там, где и просила Леля,— на взгорке, близ деревни Миговщина, под кронами могучих

деревьев. У гроба стояли венки из скромных осенних цветов и зеленой хвои. Были скорбные речи. Говорили представители всех отрядов. Последним сказал Спрогис:

— Пройдут годы, зарастет травой-муравой могила... Но подвиг простой ярославской девушки-комсомолки никогда не будет забыт. Он вечен. Родина-мать, советский народ навсегда оставят ее в золотых списках героев — верных своих сынов и дочерей. Прощай, Леля! Мы отомстим за тебя... Гарнизон в Выдрице разбит. Но этим месть наша врагам не кончается. Мы пойдем дальше! Мы дойдем до полной победы над заклятым врагом. Клянемся тебе в этом, Лелечка!

Гремели залпы прощального салюта, сыпались на гроб солдатские горсти земли. Шумели опечаленные сосны и ели.

Родина не забыла боевые дела отважной патриотки. Указом Президиума Верховного Совета СССР за боевые подвиги, героизм и бесстрашие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Колесовой Елене Федоровне посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Допрос карателей

Комендант Выдрицы обер-лейтенант Бух и его ретивый помощник обер-полицейский Станкевич очень крепко дружили между собой. Вместе делили добычу, вместе пьянствовали, а насытившись, сообща истязали арестованных, в которых никогда не было недостатка. Сейчас они сидели перед переводчиком Озолом тоже рядышком. Но уже ненавидящими друг друга волками, готовыми вцепиться друг другу в горло. Причина такой метаморфозы — падение Выдрицы. Обер-лейтенант считал, что в разгроме гарнизона виновата всецело полиция Станкевича, которая в канун нападения диверсантов и партизан изволила напиться самогонки и преступно проспала, а когда начался бой, вообще трусливо сбежала из траншей, оставив на произвол судьбы своих благодетелей. В свою очередь, Станкевич нещадно клял гестаповцев, только то и знающих, чтобы гнать в Германию чужое добро.

Сейчас они сидели у стола на одной лавке, отворотясь друг от друга, как бы подчеркивая этим, что они

почти что незнакомы, а если и встречались когда, то просто так.

Допрос вел Спрогис с помощью переводчика Юрия Озола.

— Я прошу учесть следующее,— заявил перед допросом молодой, но уже оплешивевший Станкевич.— Этого толстого борова я не знал и знать не желаю. Я к нему питал, питаю, как и все мы, русские люди, большую неприязнь.

— Хорошо,— кивнул Спрогис.— Только насчет вашей принадлежности к русскому народу вы хватанули через край. Россия не нуждалась и не нуждается в таких, как вы, господин Станкевич.

Обер-лейтенант Бух, видимо, немного знал русский, потому что тут же сказал через переводчика:

— Вы это правильно заметили, господин офицер. Великая Германия тоже невысоко ценит товар этого рода. Наш большой специалист по делам восточных областей господин Розенберг остерегал нас: «Хотя они и служат нам, но доверять им нельзя. Завтра при удобном случае они продадут и нас».

— Молчи, боров! — набросился на коменданта с кулаками его невыдержанный помощник.

— Прошу прекратить грызню и соблюдать порядок,— строго осадил допрашиваемых Спрогис.

Пленные с помощью часового охраны утихомирились и еще дальше отодвинулись друг от друга.

— Вот и прекрасно! — одобрил Спрогис добровольное разъединение сторон.— Приступим к делу. Вопрос к вам, господин Бух. При каких обстоятельствах возникла необходимость в создании Выдрицкого гарнизона? Чья была идея, кто вас назначил?

Обер-лейтенант встал, ворочая толстой красной шеей, расстегнул мундир.

— Господин офицер. На ваших плечах военная форма. Кто вы? Офицер регулярной армии или партизан?

— Это для вас так важно? — поднял брови Спрогис.

— Да, это принципиально. Если вы партизан, то отвечать на ваш вопрос я не буду. Партизаны воюют не по правилам. Для нас они вне закона.

— Я подполковник Красной Армии. И от ее имени веду допрос. Вам этого достаточно?

— О, да! Одного я не понимаю: как вы здесь оказались?

— Я нахожусь на родной земле, господин Бух. А вот как и зачем вы оказались здесь, на чужой территории?

— Я выполняю приказ моего фюрера. А он нам сказал: «Наша территория простирается до Урала».

— Ваш фюрер идиот. Ему не видать Урала, как свинье неба,— вдруг вспылил Спрогис и тут же извинился: — Простите за резкость. Прошу отвечать на вопрос.

Бух, подумав, заговорил:

— Кто подал идею о создании гарнизона в Выдрице, к сожалению, не помню. Но причину вы сами знаете. Нас вынудили.

— Кто?

— Вы. И ваши лесные бандиты, варвары, из-за угла убивающие солдат фюрера, воюющих только по закону, только по правилам военного искусства.

— Говорите точнее: захватывающих чужие земли, чужое добро, сеющих смерть по своему грабительскому закону, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков.

— О! Это спорный вопрос.

— Спор с бандитами, ворвавшимися в чужой дом, не имеет смысла. Продолжайте отвечать на поставленный вопрос,— сурово оборвал фашиста Спрогис.

— Я уже сказал: нас вынудили. Из южного леса было несколько нападений на Борисов, железную дорогу, на солдат при заготовке ими леса, дров... Наша главная коммуникация стала работать плохо, с перебоями. Нас ругало начальство, и мы дали слово навести покой и железный порядок.

— И как вы это делали?

— О! Вы военный человек. Зачем спрашивать об этом? На войне как на войне. Здесь только кровь и огонь, огонь и кровь. Мы имеем строгий приказ убивать в лесной зоне всех, кто попадется там без специального разрешения.

— Говорите точнее: не «имеем», а «имели». На продолжение разбоя вам теперь надеяться нечего.

Обер-лейтенант побледнел. На его лбу выступили капли пота.

— Вы расстреляете нас?

— Это решит суд.

— Чей?

— Наш. Военно-полевой.

— Я надеюсь на справедливость. Я буду просить. У меня старенькая мама, жена, дети... И много доказательств того, что я вынужденно исполнял приказы. Как солдат.

Спрогис брезгливо поморщился и, еле сдерживая ярость, спросил обер-лейтенанта:

— Какие деревни вы ограбили и сколько безвинных людей уничтожили?

— Этого я не скажу.

— Боитесь?

— Мы просто не вели учета...

— Грабили мирное население и стреляли в него без суда и следствия...

— Жалость и милосердие нам запретил фюрер. Иначе партизан было бы еще больше...

— Значит, во всем виноват фюрер? Только он? А где была ваша собственная человеческая совесть? Вы лично сами осознали свою ответственность перед человечеством? — спросил Спрогис.

— О! Человечество — это мы! Народ великой Германии. Миром будем править только мы — арийцы,— вдруг спесиво заговорил фашист.

Спрогис кивнул головой и тихо положил на стол карандаш.

— Вот теперь вы весь, как на ладони, господин Бух. Стоите на краю могилы, а разглагольствуете о мировом господстве. Идея-фикс. Довольно! Отвечайте по существу. Что вам известно о десанте московских девушек?

Бух опять съежился, стал серењким, незаметным.

— О! Они доставили нам и администрации Борисова большие хлопоты. Особенно ваша Элен Колесова.

При произношении фамилии Колесовой Станкевич-младший вздрогнул. Он вспомнил молодую, миловидную девушку, шедшую из Борисова лесной дорогой. «А ведь это была Колесова»,— сказал один из смиренного вида полицаев, когда пошли искать Лелю в дом, где она остановилась отдохнуть по его указанию, и там, конечно, никого не нашли. «Почему сразу не сказал, скотина?!» — закричал тогда он на полицая. «Извините,— ответил подчиненный.— Кому охота умирать? Она наверняка уложила бы на месте и меня, и вас».— «Сволочь! Из-за тебя я упустил такую награду!» — взбесился обер и в упор застрелил полицейского.

Тогда Станкевич очень убивался, что из собственных рук упустил Колесову. Но теперь вдруг странно обрадовался этому. Да, это соломинка, за которую можно ухватиться и, чем черт не шутит, спасти шкуру.

— Нам было известно о десанте московских девушек,— пробормотал Бух.— Немецкое командование поручило полиции изловить их всех.

— Врет он! Следы путает мерзавец! — закричал Станкевич.— Он сам искал ее... Гестапо назначило за поимку Колесовой награду в тридцать тысяч марок, обещало еще дом, три коровы, земельный надел. Он самолично хотел урвать такой куш. Колесова случайно не попала к нему в руки. Ее спас я! Да, да, я!

Станкевич упал на колени и забился в истерике.

— Вы? Спаситель?! Ну-ка, расскажите о своей роли христа-спасителя. Слушаю вас. Очень любопытно, как это вам удалось,— безмерно удивился Спрогис.

Станкевич обрадованно подхватился и, захлебываясь, ища глазами глаза Спрогиса, заговорил:

— Она шла из Борисова и попала к нам в засаду. Я сразу узнал ее, вернее догадался, что это она, потому что по лесным дорогам ходить было запрещено, и никто не решался нарушать этот запрет. «Этот вызов могла сделать только Колесова»,— подумал я тогда и скомандовал: «Ко мне!» Она подошла, не моргнув глазом, остановилась и посмотрела на меня в упор. «Колесова,— окончательно убедился я.— Откуда вы идете?» — «Из Борисова!» — «Как вы прошли через лес? Вас могли убить партизаны».— «Да вот не убили, прошла».— «Колесова, Колесова»,— затрясло меня, как в лихорадке. Вначале мне очень хотелось ее арестовать и получить за поимку вознаграждение. Но жалость к симпатичной девушке, безмерно храброй, взяла верх. Я сделал вид, что не узнал ее, и отвел на отдых в дом.

Спрогис вздохнул:

— Рассказ ваш близок к истине, но...

— Нет! Нет! Не верьте ему!.. Не надо! — закричал обер-лейтенант.— Он нагло врет. Он сдал бы ее в гестапо в один момент, как он сделал с двумя другими женщинами. Уж я-то знаю этого варвара!

Спрогис понял, что речь идет о без вести пропавших девушках-десантницах Але Лапшиной и Симе Лисовой, исчезнувших во время разведки близ Выдрицы.

— Станкевич, сядьте! Господин Бух, продолжайте, говорите все, что вы знаете о тех двух девушках.

— Я все скажу. Дайте мне лишь гарантию, что буду жить.

— Повторяю: все решит суд. Но я скажу о вашем добровольном признании. Говорите.

Обер-лейтенант проглотил горькую слюну и продолжал:

— Их выследил у деревни он, Станкевич. Он сам их схватил, связал веревкой и привел к нам. Он требовал от меня много марок, сала, колбасы, вина. Но у меня не было столько марок. Я попытался дать ему гарантию. Тогда он начал вилять, всячески уклоняться от выдачи десантниц, морил их голодом, а потом тайно на телеге отвез в Борисов, где и получил за них большое вознаграждение.

— Станкевич, встаньте! — приказал Спрогис.— Так это было или нет?

— Брешет сука, проклятый фашист. Я не морил их голодом! Напротив, я хорошо их кормил, вымыл в бане, хотел отпустить, но они заболели, и я в гуманных целях свез их в Борисов, в больницу.

— Какая больница?! — возмутился Бух.— О, майн гот! Он сдал их в гестапо. Там их много били, жгли горячим железом, лампой... Я это видел сам, о, майн гот!

— Как вели себя те девушки?

— О! Они ничего не сказали. Они плевали шефу гестапо в лицо.

— Что с ними? Какова их судьба?

— Этого я не знаю.

— Станкевич, встаньте!

— Слушаю вас...

— Где вы содержали схваченных?

— В сарае. Вполне приличном... Ей-богу! Вот святой крест! Там были солома, сено...

— Чем кормили? По показаниям жителей, вы морили их голодом и били плетью и кулаками.

— Да боже упаси. Чтобы я?! Да женщину!.. Ни-ни!

— Лжете! Установлено достоверно, что сами лично били девушек, издевались над ними, глумились.

— Один раз только и было. Ей-богу, лишь один раз, это когда одна из них сунула мне под нос кукиш и сказала: «Вот тебе! Поди сосчитай, сколько нас приле-

тело». И то для острастки. А больше избиений не было. Видит бог,— он набожно троекратно перекрестился.

— Последний вопрос. К вам обоим. Вспомните, не просили ли что у вас девушки? Правдивый ответ будет учтен при определении вам меры наказания.

— Я, к сожалению, ничего не знаю,— пожал плечами обер-лейтенант.

— А я вспомнил. Ей-богу вспомнил! Они просили передать...

— Что передать? — весь подался вперед Спрогис.

— Они просили одного из служащих, которого считали... как вам сказать... ну, в общем передать жителям села, что они «не предали своих товарищей и честно умрут за Родину».

Спрогис встал. В глазах его горела нескрываемая ненависть к фашисту и его прихвостню. Зато душа ликовала — он гордился теми, кто до конца своей жизни остался верен великой Советской Родине.

— Уведите их,—кивнул он часовому.— Больше мне не о чем с ними говорить.

Последняя дерзость Спрогиса

За первые двенадцать дней после десантирования отряд Спрогиса на участке Борисов—Крупки пустил под откос два вражеских эшелона, взорвал железнодорожный мост через реку Нача. Кроме того, совместно с партизанами уничтожил небольшой гарнизон и взорвал служебное сооружение и постройки на станции Приямино. На шоссе Минск—Москва, западнее деревни Клада, он уничтожил грузовик с десятком фашистов. Захваченный в плен раненый фельдфебель показал, что в Борисове, кроме подразделений 403-й охранной дивизии и батальона власовцев, располагается 27-й пехотный полк 129-й пехотной дивизии, о чем тотчас было доложено в Москву.

Словом, оккупанты понесли ощутимый урон в живой силе и технике, плюс к тому — нарушено нормальное движение по железнодорожной магистрали Минск—Орша. Десантники наладили надежное наблюдение за железнодорожными перевозками врага. Обобщенные

данные один раз в пятидневку передавались в разведотдел штаба фронта. Настроение бойцов отряда улучшалось с каждым днем.

Каждый из них понимал, что он не отсиживается в лесах, а активно помогает воинам Красной Армии, сражающимся на советско-германском фронте. Однако тяжелый бой в Выдрицах, гибель Колесовой и еще нескольких партизан оставили осадок в сердцах воинов. Артур Спрогис вернулся в штаб оперативной группы мрачный, молчаливый. Чувствовалось, что он тяжело переживал потерю боевых товарищей, с которыми успел сжиться, как с родными. Да и потеря каждого активного бойца многого стоила.

Надо было подвести некоторые итоги проведенных боев и внести поправки в тактические действия отрядов и групп.

— Пора временно оставить в покое железную дорогу, Артур Карлович,— говорил комиссар Огнивцев вошедшему в азарт подрывных действий подполковнику Спрогису.— Фашистам наша дерзость колом стоит в горле, и они наверняка подкараулят нас. Что получится? Мы потеряем опытных людей и не выполним главную свою боевую задачу.

Спрогис и сам хорошо понимал, что дальнейшие вылазки, конечно же, безнаказанно не пройдут. Но что делать? Никак не мог он унять в себе жажду мести фашистским оккупантам.

— Ну, ладно, ладно,— поспешно, с ощущением вины согласился он.— Вот схожу в последний раз, грохнем на прощание и уйдем... На новые места подадимся, где фашистам еще не подсыпáли жару. А пока не отговаривай, пожалуйста, комиссар. Я уже и местечко выбрал подходящее для последнего концерта.

— Где?

— А вот посмотри,— Спрогис раскрыл на коленях топографическую карту.— Вот тут, у торфоразработок, близ деревни Брище.

— Артур Карлович! Да тут же и леса-то нет. Лишь малая гривка. Подойти — подойдешь, а как уходить будешь в случае погони?

— Темнота прикроет.

— На тьму есть ракеты.

— В эшелонах их не возят.

— А охрана дороги?

— Постараемся обмануть. Нам, главное, скрытно подойти. А в успехе я уверен. Во-первых, со времени последнего подрыва прошло более десяти суток, и немцы успокоились. Да и в этом месте наши еще ни разу не появлялись. Во-вторых, у торфоразработок место безлесное, и нас там не ждут. Вот и прикинь. Все элементы внезапности у нас налицо!

Комиссар долго отговаривал командира от опасной затеи, но безрезультатно. Снарядив группу в двадцать человек, Спрогис утром следующего дня ушел на железную дорогу. На телеге повезли большой заряд взрывчатки.

К торфоразработкам подошли во второй половине дня, остановились на опушке лесного загривка провести разведку, передохнуть и уточнить задачу на местности. Над черными валами заготовленного торфа низко плыли серые тучи. Моросил нудный осенний дождь. На одиноких засохших деревьях каркали к непогоде вороны.

— К беде орут,— заметил Сандыбаев.— Плохая примета.

— Какая там беда,— отмахнулся проводник Березка.— Брехня все эти твои приметы. Подойдем, свят бог, незаметно. Я и тут, в болоте, все тропки знаю.

— Откуда осведомленность такая?

— Дык я в молодости работал пастухом. В разных деревнях коров пас.

— А-а... Ну, тогда понятно. Веди, Сусанин.

Оставив подводу с ездовым и проводником Березкой на опушке леса, Спрогис повел подрывников, автоматчиков и пулеметчиков к полотну железной дороги. И надо сказать, несмотря на то, что было еще светло, вся группа прошла по перелеску без происшествий, незаметно. По команде Спрогиса десантники заминировали колею дороги, по которой мчались поезда с запада на восток, залегли в густом кустарнике, быстро установили пулеметы и приготовились к встрече «гостей».

Командирский замысел был прост: взорвать идущий на восток эшелон, а затем огнем из пулеметов и автоматов добить оставшихся в живых фашистов. А если их не окажется, взорвать уцелевшие вагоны. Но случилось непредвиденное. По каким-то непонятным причинам по-

езда на восток не шли. Зато на запад катили один за другим. Вот проследовал эшелон с дровами, за ним с бревнами и тесом. Заманчиво было поднять все это на воздух и загромоздить дорогу. Но Спрогис знал, что у немцев для расчистки дорог достаточно специальной техники и заранее снаряженных команд, и трогать ни тот, ни другой состав не стал. Он ждал «крупную рыбу». И она пришла нежданно-негаданно для десантников.

На запад катил эшелон с новенькими пассажирскими вагонами. В таких вагонах, как знал Спрогис, возят только офицерский состав. Куда их везли: на совещание к начальству, на отдых, переформирование, латание ран?.. Спрогис не знал. Да и что гадать, разбираться? Вот же они плывут, в слезящихся окнах вагонов, лоснящиеся лица тех, кто вел на восток, на его Родину, матерых грабителей, насильников и убийц. Трое сидят с поднятыми бокалами. Приятного аппетита! Это ваш последний тост за фюрера.

— Огонь! — скомандовал Спрогис и сам резанул из пулемета по окну головного вагона, по тем, которые наслаждались, подняв бокалы.

Восемнадцать автоматов, три пулемета разом ударили по составу. Из окон со звоном посыпались стекла, полетели щепки вагонных обшивок. Кое-где от зажигательных пуль вспыхнул огонь. В распахнутые двери с воплями в панике сигали спесивые господа офицеры, ища спасение за колесами вагонов. Но и там их находила смерть. Спрогис с группой автоматчиков первым подбежал поближе к составу и уже в упор уничтожал фашистов, пытавшихся отстреливаться.

— Круши их! Громи, ребята! — кричал он, воодушевляя бойцов.

Он слишком увлекся стрельбой по окнам вагонов, откуда изредка раздавались хлопки отдельных пистолетных выстрелов. Из поля его зрения как-то само собой уплыло поле боя с его быстро меняющейся обстановкой. И это всем дорого обошлось.

Пока группа расстреливала фашистов в первых шести вагонах, из двух хвостовых теплушек незаметно на противоположную сторону дороги высыпала охрана — около тридцати автоматчиков, усиленных пулеметами. Десять гитлеровцев залегли у железнодорожной насыпи и открыли бешеный огонь по десантникам. Осталь-

ные короткими перебежками, используя складки местности, стали обходить их позицию слева, пытаясь зажать группу в кольцо. Спрогис крикнул: «Всем отойти в загривок леса, откуда мы вышли к железной дороге!» Но и оттуда чесанули фашистские автоматы. Ездовой-партизан из отряда Свистунова и проводник Березка были убиты. Лошадь тоже. Увидев на повозке тол, немцы поняли, с кем имеют дело, и осатанело нажали с тыла.

Спрогис всю глубину опасности понял не сразу. Собственно, уже тогда, когда немцы приближались к торфоразработкам, не боясь, во весь рост, с криками:

— Русь капут! Партизанен, сдавался! Капут!

Сердце Спрогиса дрогнуло. В голове его мелькнула мысль: «конец!» Но слабость продолжалась какую-то долю минуты. Мобилизовав волю, он приказал организовать круговую оборону, надеясь продержаться с полчаса, пока стемнеет, а затем под покровом мглы выйти из ловушки. Завязалась яростная перестрелка. Немцы несколько раз переходили в атаку, но пулеметы старшего сержанта Завьялова, старшины Винограда, огонь автоматов рядовых Дмитриева, Буташина, Нины Шинкаренко, сержанта Маковца, старших сержантов Сандыбаева и Базирова, старшины Докшина и других бойцов каждый раз прижимали их к земле. В этом бою особенно отличился старший сержант Завьялов. Получив ранение в ногу, он продолжал отбивать атаки противника. Огонь его пулемета нещадно косил фашистов, пытавшихся подойти вплотную к торфоразработкам.

Медленно текли минуты, почему-то не торопилась сгущаться темнота...

— Товарищ подполковник,— прибежал к Спрогису старший лейтенант Михайлов.— Патроны на исходе. Какие будут указания?

— Патроны расходовать экономно. Вести прицельный огонь одиночными выстрелами. Подготовить ручные гранаты. Еще продержаться 8—10 минут, а затем отойти к торфоразработкам, замаскироваться в них в готовности, если придется, вступить в рукопашную с фашистами.

— Есть! — отчеканил Михайлов и побежал к десантникам передать приказ командира.

Наконец мглистые сумерки размыли очертания предметов. Бойцы, отстреливаясь, начали отходить к

торфяному полю. Согнувшиеся их фигуры таяли в густых сумерках. На болоте их укрыла спасительная темнота.

Переводчик Дмитрий Юферев не спешил, однако, отходить. Он искусно замаскировался в штабелях свежего торфа и изготовил к стрельбе пистолет. Ему, переводчику, сейчас важно было послушать, о чем станут немцы говорить в сложившейся обстановке, выведать их замысел. Он изредка поднимал голову, вглядывался в сторону леса, вслушивался в наступившую тишину.

Ждать пришлось порядочно. Как оказалось позже, в темноте врагов задержали трясины, которых они боялись пуще самого дьявола. Тропинок они не знали и долго блуждали меж канав и мочажин. Но вот подошли двое. Постреляли. Из одного автомата, из другого. Покричали: «Русь капут! Сдавался!» Заговорили:

— Никого... Видать, убежали,— сказал один.

— Куда их леший понес в этом аду? — отозвался другой.

— Он, леший, и знает... Как сквозь землю провалились. Поискать бы?..

— Поищи пулю в лоб... С меня хватит. Видал, сколько наших в вагонах полегло? Тишина. Наверное, мы их всех положили. Пошли. Остальные, если и уцелели, сами сдохнут. Я промок до нитки. Продрог... Еще пневмонию схватишь. Идем!

— Подожди. Дай еще попугаю. Вдруг какой да и выскочит с поднятыми руками.

— Железный крест хочешь заработать?

— Хочу! И что?

— Ничего. Оставайся. Получишь. Деревянный. С каской...

Искатель крестов оказался настырным, остался один. Постреляв из автомата, он направился вдоль штабеля, у которого лежал Юферев. Все ближе и ближе его шаги...

«Вот гад,— подумал Юферев.— Чего доброго, наткнется на меня. Выдам всю группу стрельбой. Налетят сюда, как шакалы».

Опять очередь — тр-р-р, срывающийся на фальцет крик:

— Русь капут! Хенде хох!!

«А пулю в брюхо не хотел? — подумал Юферев, сжимая в руке пистолет. — Иди, иди ближе, чтоб навер-

няка, не промахнуться. Ну, чего ж стоишь? А-а... Испугался!..»

Немец стоял в шести шагах. Юфереву показалось, что он слышит даже его вздохи и чувствует, как от страха у него дрожат колени. Верно, так оно и было. Сгустившаяся тьма дикого болота дохнула на фашиста адом, и он в смертельном ужасе завопил: «Ганс, Ганс! Подожди!» — и кинулся бежать к лесу.

С наступлением темноты немцы прекратили преследование, но в покое торфяное болото не оставили. Они подтянули к нему несколько пулеметов и подвергли сильному перекрестному огню с близкого расстояния каждую кочку. Били целых полтора часа без роздыха.

Десантники выходили из болота ночью под командованием старшего лейтенанта Михайлова в сложных условиях. Наконец уцелевшие собрались в ранее установленном месте — на опушке леса, в километре северо-восточнее деревни Негновичи. Не вернулись двое...

Оказались ранеными еще два десантника, в том числе и старший сержант Завьялов. Подполковника Спрогиса принесли на плащ-палатке. Пуля угодила ему в живот. Артур Карлович изредка стонал, просил побыстрее доставить его в основной лагерь, ближе к поляне, где можно было посадить самолет.

Кто-то сбегал в Приямино, нашел там и подогнал подводу. Командира и Завьялова положили на телегу и тронулись в путь. Все спешили до рассвета перейти реку Нача у деревни Заполье, чтобы затемно углубиться в леса юго-западнее Крупки. Сандыбаев горько вздохнул:

— Я же говорил! Накаркал паршивый ворон беду. Не поверили. А Сандыбай всегда прав. Он народную мудрость знает...

— Отстань ты со своими воронами, мудрец народный,— отмахнулся от него Жуков.

Его поддержал Дмитриев:

— Не нам они накликали беду, а тем, кто в вагонах ехал. Понял? Их там не один десяток лежит. Да кто? Офицеры вермахта!

Сандыбаев умолк. Молчали и его друзья. Скорбно шли они за телегой. Жалко было своих боевых друзей. И тех, которые погибли, и тех, что сейчас на пороге смерти. Утешало лишь одно: люди честно выполнили свой долг перед Родиной, перед народом.

О ранении Спрогиса комиссар Огнивцев немедленно доложил Центру. Через день, в ночь на 7 октября, на лесной поляне, западнее деревни Дмитровичи, приземлился знакомый партизанский спаситель Ли-2. Без опозданий, как и было сказано в телеграмме Центра. С его прибытием оборвались и тяжкие думы комиссара о растаявших запасах медикаментов, продовольствия, боеприпасов. Из самолета при блеклом свете луны быстро выгрузили ящики с патронами, гранатами, толом, магнитными минами, тюки с консервами, медикаментами, мешки с сухарями, сахар и соль. Медики поднесли к трапу носилки с командиром. Комиссар обнял его:

— Ну, ни пуха, ни пера, дорогой друг Артур! Счастливого полета и быстрейшего возвращения. Мне будет горько без тебя, родной мой побратим.

Вместе со Спрогисом отправили остальных раненых десантников и партизан.

Летчики заняли свои места, инструктор-парашютист, помахав прощально рукой остающимся, захлопнул дверь. Взревели моторы, но в ту же минуту дверь распахнулась, и из нее просунулась рука пилота с пакетом:

— Извините, чуть не забыл... Лично вам, товарищ комиссар, из Центра пакет.

Самолет, слегка подпрыгивая на бугорках, сделал небольшой пробег и плавно поднялся над сонным тихим лесом. Только на линии взлета на какую-то минуту очнулись березки, прощально помахали своими золотыми кудряшками и снова погрузились в дремоту.

При тусклом свете угасающего костра комиссар вскрыл пакет и прочел: «Благодарим за первые удары по врагу и разведывательные данные. Продолжайте наносить удары с нарастающей силой. Сведения о передвижениях противника обязательны и немедленны. Желаем новых удач!»

Новые удачи. Будут ли они? Думай, комиссар. Думай. Ведь теперь ты за все в ответе. Один-одинешенек. Теперь в твоем лице — и командир, и комиссар.

Телеграмма из Центра

Тоскливо стало на душе Огнивцева после отлета командира на Большую землю. Опустив голову, сидел он у погасшего костра и думал о дальнейшей работе. Первый раз он остался без командира, главы воинского коллектива и души войскового товарищества. В тот первый поход к Велижу командир тоже был ранен, но легко, и не покинул отряд. Да если бы он и согласился эвакуироваться, то не на чем было бы вывезти из вражеского тыла. С командиром всегда куда легче и веселее, чем одному, со всех сторон вольготнее. И посоветоваться, и обговорить предстоящие действия, и пошутить. А теперь...

На плечо Огнивцева легла рука Алексеева. Первый раз он ее так положил по-свойски, по-братски.

— Не тужите, товарищ комиссар. Не пропадем. Теперь мы не пасынки у судьбы — есть кое-какой опыт. Да с орлами такими!.. Столько коммунистов, комсомольцев! Силища! Идите-ка, дорогой наш друг и товарищ, отдохните, вздремните. А я подумаю насчет разведки Борисова.

— Нет, спать мне никак не охота, Николай Федорович. Ты тут разбирайся с последними разведданными, а я еще раз подумаю о наших возможностях, сроках и способах выполнения поставленной Центром задачи. Хочу остаться один. Иди, иди, дорогой.

Ночь прошла неспокойно. Самые разные мысли, предположения и планы лезли в голову комиссара. Под утро в его палатку залез начальник связи лейтенант Коротков.

— Товарищ комиссар! На ваше имя получены две телеграммы. В одной из них сообщается, что Центр вас назначил командиром оперативной группы вместо Спрогиса, а приказом командующего Западным фронтом вам присвоено очередное воинское звание «подполковник». Поздравляю, товарищ командир! Вторая — закодирована вашим шифром..

— Спасибо, Николай Александрович, за приятное сообщение. Эту, вторую, телеграмму оставьте. Я сам займусь ею.

Сообщение о назначении командиром оперативной группы и присвоении очередного воинского звания взволновало Огнивцева. С одной стороны, он был до

глубины души растроган вниманием и высоким доверием военного совета Западного фронта, с другой стороны, он понимал всю ответственность, которая возложена на него с этого дня. Тяжелая ноша легла на молодые коренастые плечи Огнивцева. «Хватит ли сил и умения, чтобы нести эту ношу с достоинством до конца? Впрочем, никаких сомнений не должно быть. С нашими орлами будет исполнен любой боевой приказ командования»,— уверил он себя.

«По имеющимся данным,— указывалось в шифровке,— в военном городке Печи располагается штаб резервной армии группы армий «Центр». Незамедлительно организуйте разведку и доложите результаты. Активизируйте работу по созданию легальных диверсионных групп на железной дороге Минск—Орша и использование ими магнитных мин для уничтожения эшелонов с горючим и паровозов противника. В ближайшее время забросим в большом количестве магнитные мины».

Задача была не из простых. Военный городок Печи был опоясан колючей проволокой в три ряда кольев и охранялся усиленным караулом. Существовал там строжайший пропускной режим. Подходы к нему контролировались подвижными патрулями подразделений СС. Чувствовалось, что за колючей проволокой располагалось что-то весьма важное. Но что? Неоднократные попытки наших людей проникнуть туда кончались неудачей.

Да и работа по созданию диверсионных групп на железной дороге была не закончена. Предстояло найти какой-то новый, еще не испытанный, способ проникновения в военный городок и как можно быстрее наладить работу диверсионных групп на железной дороге. Кто может решить эти задачи? И как их решить?

Он вызвал к себе Алексеева, коротко изложил ему суть новых задач. И надолго замолчал, уйдя в себя.

— Товарищ командир, решение этой задачи надо поручить «Доброму»—Бухову,— прервал его раздумья Алексеев.— Он хорошо знает обстановку в районе. В этом нам поможет также «Белка» — Куликова Аня.

— Я с тобой вполне согласен. Нужно «Доброго» с «Белкой» вызвать к нам. Как можно скорее. Времени у нас в обрез.

— Есть! Они будут у нас через день.

Вскоре «Добрый» с «Белкой» прибыли в штаб оперативной группы. «Белка», которая проживала с надежными документами в Борисове, рассказала, что фашисты обосновались в Печах капитально. Многие с женами. Вечерами слышна музыка, видно, весело проводят время. По рассказам местных жителей, снабжение продовольствием там неважное.

— А как вы считаете, Аня,— начал исподволь подводить ее к главной мысли Огнивцев,— можем мы «помочь» оккупантам продовольствием, ну, скажем, маслом, свежими яйцами, молоком? Нуждаются они в них или же обходятся сухими порошками, различными эрзацами, присланными из Германии?

— Думаю, что нуждаются. Любой из них предпочтет съесть вместо эрзац-порошка натуральное куриное яйцо,— несколько смутившись, ответила Аня.

— Хорошо. Допустим так. Но почему же тогда они не наладили снабжение этими продуктами?

— Стараются, но им никто ничего не дает. Все ближайшие деревни уже давно обчищены до нитки. Где возьмешь?

— Раз не хватает, придется помогать злодеям, Аня,— хитро улыбнувшись, сказал Огнивцев.

— Я вас поняла. Яйца, масло и молоко — это предлог для проникновения в логово врага. Но ведь туда никого из местного населения и близко не пускают. Я интересовалась этим. Некоторые женщины пытались торговать у проходной, но их прогнали, а все принесенное ими отобрали.

— Может, все же попробуем? А? Русская пословица гласит: «Испыток — не убыток». Ну, прогонят, ну, отнимут десяток-другой яиц, черт с ними. А назавтра опять надо идти, может быть, не ожидая, когда прогонят, самой вручить какому-либо чину эти продукты. Пусть лопает! Понравится угощение — завтра сам же начнет посматривать: а не пришла ли та русская баба? Разве нам нужны их паршивые марки? Нам важно в гарнизон забраться, заглянуть, что и кто там, за забором. А главное, найти из числа проживающих там советских людей верных помощников.

— Все это так, но где мы возьмем столько масла, яиц, молока? За один-то раз знакомство с фрицами не заведешь.

— За это не беспокойся. Это наша забота.

— Ну если так, тогда собирайте. Я к походу в Печи готова.

— Так уж и готова. Нет, милая. Вначале все обдумаем, взвесим, а тогда в путь. Тут даже мелочь может подвести. Нельзя наскоком.

Да, Аня Куликова была готова на все во имя Родины. Родилась она в 1917 году и выросла в Москве. С началом войны через Таганский районный военный комиссариат добровольно вступила в РККА. В октябре 1941 года по призыву Центрального Комитета ВЛКСМ вступила в партизанский отряд. Много раз принимала участие в боях с оккупантами под Москвой. В ее боевой характеристике в 1944 году будет записано:

«Неоднократно участвовала в боевых действиях с фашистами. В июле 1942 года для ведения диверсионной и разведывательной работы была выброшена в глубокий тыл врага. Вместе с боевыми товарищами ею убито 10 фашистских солдат и офицеров. Громадную работу провела по организации и ведению разведки в Борисове, Бобруйске, Могилеве. Проявила себя смелым и опытным разведчиком, всегда готовой к самопожертвованию, выполнению любого порученного ей задания. В 1943 году награждена орденом Красного Знамени».

Через три дня у проходной военного городка под старой сосной расположилась женщина в марлевой косынке и белоснежном, аккуратно отутюженном фартуке. У ног ее на чистом полотенце были аккуратно разложены яйца, нарезанное порциями сало, головки чеснока, лука. Тут же дымила кастрюля с отваренной картошкой.

Из проходной будки вышел в сопровождении двух солдат дежурный офицер и подошел к торговке.

— Кто разрешаль? Никс торговля. Никс! — залопотал он.

— Битте, битте,— с реверансом поклонилась женщина.— Сало, яйко, лук, господа, милости просим,— и протянула на вилке кусок сала.

Офицеру это ничтожное подношение не понравилось. Глупая русская баба! Да он может не только забрать все продовольствие, но и убить ее, потому что подходить к гарнизону русским строго запрещено.

— Взять! — скомандовал солдатам офицер и кивнул на корзину и все разложенное на полотенце.

Солдаты шустро кинулись к лакомству. Женщина уцепилась за корзинку и, прикрыв собой разложенные на полотенце продукты, завопила:

— Да что ж это? Разбой... Грабеж, господи!

У сосны остановилась сверкающая черным лаком легковая машина. Дверца распахнулась, и из нее выглянул офицер в чине полковника:

— Что здесь происходит, господин офицер? — спросил он у дежурного.

Дежурный не успел подняться, так как он стоял на коленях и пеленал в полотенце сало и яйца, а женщина уже стояла у машины.

— Господин начальник! Ваше благородие! Я от души... для вас... Ваших фрау... Свежее сало, свежие яички... Все свеженькое. Гут! — она протянула полковнику большой шмат сала и десяток яиц.

Полковник покосился на руки женщины. Они были идеально чистыми. Ногти аккуратно обрезаны. Интеллигентная, культурная женщина. Знает, к кому идет торговать. Но что у нее в душе? От чистого ли сердца тянет она ему сейчас свое подношение?

Полковник перевел взгляд на лицо женщины. Оно не озлоблено, а искренне обижено. И это понятно. Солдаты у нее отнимали продукты. Конечно, они имели на это право. В Борисове и окрестных деревнях давно развешены приказы о сдаче излишков продовольствия германской администрации. Значит, она утаила, не сдала. Надо реквизировать.

— Где вы взял это? — спросил полковник, ткнув пальцем в белой перчатке в кусок сала.— Мы излишка не разрешайт.

Женщина протянула справку:

— Да вот же... Мне разрешили. Сам господин староста послал. Вези, говорит, господам, их фрау... Ты сдала весь налог.

Полковник взглянул на справку.

— О! Гут, матка. Гут! Вы есть гут женщина. Шпашибо,— и сунул сало в лежавший на коленях портфель. Потом обратился к дежурному, застывшему неподалеку столбом.

— Все вернуть! Пусть торгует и передает в деревне, что мы уважаем тех, кто помогает германской армии.

Офицер и солдаты, успевшие рассовать яйца и куски сала по карманам мундиров, послушно стали возвращать ей все отнятое. Но женщина не стала их брать обратно. Замахала руками.

— Битте, биттe! Кушайте, угощайтесь. Я еще принесу.

Аня вернулась в город уставшая и расстроенная.

— Зачем? Зачем я ходила? Кому носила эти бесценные для народа продукты? Хамам... Хоблам. Фашистским ублюдкам. Они все сожрали. Все порасхватали. А за что носила, била ноги? За «матка, гут, давай еще»?! Нет! Не пойду больше. Не хочу видеть их рожи. Все одно в городок не прорваться.

Вскоре сцена у контрольно-пропускного пункта стала известна Огнивцеву. Он передал Ане очередную порцию продовольствия и похвалу ее действиям. Устно связник от его имени передал «Белке»: «Два-три дня появляться в Печах не следует. У тебя не склад с продовольствием. Немцы хорошо знают о хозяйских запасах крестьян и базарных днях. Пойти нужно в воскресенье».

Во второй раз Аня, подавив в себе протест, ушла, как и было приказано, в воскресенье, с тем расчетом, чтобы пораньше быть на облюбованном месте. В корзине у нее опять лежали сало, яйца и вдобавок две банки сметаны. В лесу, близ Печей, Аня присела, чтобы нарезать сало кусочками, но, подумав, от этой затеи отказалась. «Нет. Садиться опять под сосну и торговать не следует. В гарнизоне размещено гестапо. Будет кто-либо идти, прицепится — не отмотаться, хотя и в порядке документы. Надо рискнуть попытаться пройти в городок под видом доставки продуктов господину полковнику. Ах, если бы на проходной дежурил тот же офицер...»

Ане повезло. У проходной она, к огромной радости, увидела прохаживающегося в ожидании начальства старого «знакомого». Но радость ее оказалась преждевременной. Офицер огорошил ее словами:

— О, фрау! Мы вас так ожидаль! Господин полковник дал нам приказ закупайт у вас все сало, яйки. Он ему ощень гут кушайт,— и достал из кармана пачку оккупационных марок.

У Ани все оборвалось в душе. Сейчас эта тощая гадюка сунет в руки марки, заберет корзину — и прощай удача. За ворота не пройти. «Чтоб тебя разорвало вместе с твоим полковником,— выругалась про себя Аня.— Подавиться бы вам этим салом. Но нет! Я еще покапризничаю, поторгуюсь».

Она сунула руку под дугу корзины и, еще крепче прижав ее к себе, сказала:

— Найн! Я вам не отдам. Найн! Вы возьмете и скушаете все сами. Вы будете сыты, а господин полковник голодный. Я сама снесу сало вашему полковнику. Ведите меня. Шнель!

Офицер не стал возражать. Что в том плохого, если фрау пойдет и посмотрит, кому он вручит покупку. Ему даже льстило в известной мере доказать этой русской женщине, видать по всему, интеллигентной, как честны немецкие офицеры.

Они шли по гарнизону. Он впереди. Она следом, украдкой посматривая по сторонам, стараясь все увидеть, запомнить, сосчитать, прикинуть, что к чему. Под легкими, наспех сооруженными навесами стояли танки. Одни под брезентом, другие открыто. У танков стояли щиты со схемами, описанием деталей моторов. Рядом — тренажеры для занятий по вождению и стрельбе. По улицам строем маршируют в поношенных мундирах солдаты в форме немецких танкистов. Бросалось в глаза большое количество военных разных чинов и возрастов с танковыми эмблемами на мундирах. Не трудно было догадаться, что здесь воинская часть по подготовке танкистов.

Заглядевшись, «Белка» чуть приотстала. Офицер оглянулся, задержал шаг и, когда женщина подошла, улыбнувшись сказал:

— Если вы будет приносил нам плохой продукт, мы будем вас отдайт в гестапо, а возможен, и господин прокурор. Это у нас все ест. Тут рядом,— и указал рукой на группу двухэтажных зданий в лесочке за ручьем.

— Спасибо,— ответила тихо Аня, но не за предупреждение, а за сведения, которые услыхала.

Длительное время разведчики не знали, где находится управление по освоению оккупированных районов Белоруссии. Теперь «Белка» напала на это учреждение. Оно оказалось здесь, в кирпичном двухэтажном здании. Об этом говорила вывеска на стене у главного входа.

Увидела она и мастерские по ремонту подбитых танков. Танков было стянуто много. Аня успела насчитать сорок восемь. Дальнейшему подсчету помешал офицер. Он остановился у приличного особняка с маленьким балконом. На балконе стоял седовласый мужчина в белой сорочке. Аня узнала в нем полковника. И он узнал ее.

Куликова отдала офицеру завернутое в белую салфетку содержимое из корзинки и, поклонясь, повернула назад. Но офицер остановил ее:

— Айн момент! Я вас проводил. Айн момент...

«Чуть не упорола глупость,— подумала Аня.— Меня могли бы задержать на обратной дороге. Пропуска-то в военный городок нет».

Офицер явился быстро и обратился к ней:

— По дороге один вопрос, фрау. Господин полковник просил узнать ваш адрес. Он считал, что вам ходил трудно. Он мог бы посылать за сало солдат на машина.

На какую-то минуту Аня смутилась, растерялась. Ей показалось, что ее заподозрили и хотят допытаться откуда она, кто такая. Но она тут же нашлась с ответом.

— Спасибо, господин офицер. Вы видели в прошлый раз, что я показывала господину полковнику документ. В нем был мой адрес. А насчет приезда за салом я не возражаю, но мне надо посоветоваться с фатер, мутер. Смогут ли они продавать продукты и дальше?

По пути к проходной навстречу ей попадалось много пеших солдат и офицеров, мотоциклистов, одетых в форму СС. И все они направлялись в лесочек, за ручей, к двухэтажным зданиям.

«Белка» невольно подумала: «Прав был офицер, говоря о наличии гестапо в городе». Но какое именно ведомство из гестапо? Чем оно занимается? Пока она этого не знала. Нужные сведения ей удалось получить несколько позже через красивую девушку Тамару, которая работала официанткой в офицерской столовой в Борисове и вечера коротала в обществе немецких офицеров. Она хорошо знала немецкий язык. Подслушивая разговоры офицеров, она вскоре узнала, что в городке находилось одно из управлений гестапо по борьбе с партизанами в Белоруссии, созданное по велению фюрера, по личной просьбе гауляйтера Кубе. Возглавлял его Зигфрид фон Федер, который непо-

средственно подчинялся начальнику войск СС и полиции при гауляйтере Кубе Карлу Ценкеру. Там же, в Печах, находился и учебный танковый полк, которым командовал полковник Кребс.

Офицер вывел «торговку» за ворота КПП и довольно любезно сказал ей:

— Ми ожидайт вас, фрау...

Но Аня в городе больше не появлялась. После удачной бомбардировки советскими самолетами учебного танкового полка фашистов и управления гестапо, в городке Печи была проведена серьезная чистка. Заподозрили в этом «Белку», а вместе с ней и тех, кто покупал у нее сало, яйца, сметану... Многих офицеров и низших чинов из охраны военного городка за плохое несение службы услали на Восточный фронт.

Созданием диверсионных групп из рабочих и служащих, работающих на железной дороге в Борисове и Крупках, вплотную занялся сам «Добрый». Явившись в штаб группы в конце октября, он обратился к новому командиру:

— Разрешите доложить об обстановке на железной дороге Минск—Орша?

— Давайте, товарищ «Добрый», докладывайте.

— В Крупках создана и уже работает подпольная диверсионная группа. Руководит ею Синяков Семен Петрович по кличке «Старик», бывший машинист водокачки. В Борисове подпольной группой руководит Микульчик Владислав Станиславович, по национальности поляк, рабочий железнодорожной станции, по кличке «Боевик». Обе группы снабжены магнитными минами, хорошо проинструктированы...

— Они уже успели «насолить» оккупантам?

— Да. Первые эксперименты прошли блестяще. При помощи магнитных мин взорвано три эшелона с горючим, направляемых на восток. Причем два из них в районе станции Приямино и один — западнее станции Славное, где нет лесов, на открытой местности.

— А что фашисты?

— Пока ломают голову. Гадают, как это могло произойти. Ведь в тех местах в те дни партизан не было.

— А как настроение у «Старика» и «Боевика»?

— Хорошее настроение. Магнитные мины им очень понравились. Без большого риска и труда, а горят целые вражеские эшелоны с бензином!

— Как без риска и без труда?

— Делается это просто. Станционные рабочие из группы «Старика» и «Боевика» под видом осмотра исправности колес и тормозов незаметно прикладывают магнитные мины под цистерну. Эшелон уходит со станции и в пути взрывается ровно через столько времени, на сколько запрограммирован взрыв.

— А как с минами? У нас они в резерве имеются, и можно пополнить запасы. И еще. Передайте всем товарищам благодарность от имени Красной Армии и предупредите о мерах предосторожности. Скажите, чтобы не частили со взрывами, желательно, устраивали их в ночное время и в разных местах. Иначе засекут — и все рухнет.

— Обязательно передадим ваши указания.

— А что сделано для уничтожения паровозов?

— Для этой цели в этих же группах, кроме магнитных мин, налажено изготовление угольных. В куски антрацита вставляется взрывчатка и засыпается с углем в тендер. Кочегар-немец забрасывает ее в топку, и паровоз через несколько минут взрывается.

— Результаты были?

— Да. Таким путем уничтожено уже несколько паровозов.

— Хорошо! Чувствительные удары. Я говорю об этом потому, что немцы испытывают большую нехватку в паровозном парке. Да и машиниста не сразу-то подготовишь.

Понадобилось менее месяца, чтобы выполнить поставленные Центром в телеграмме срочные задания. До подробностей оказался раскрыт фашистский гарнизон в Печах. Больше того, усилиями Бухова и Куликовой в Борисове была создана крепкая разведывательная группа, которая добывала важные разведывательные данные не только о гарнизонах оккупантов в Борисове и Печах, но и далеко за их пределами. Большая заслуга здесь принадлежала советской разведчице — официантке офицерской столовой в Печах. Успешно начали действовать на железной дороге группы «Старика» и «Боевика», за что многие их участники были награждены высокими государственными наградами.

Переполох в Борисове

— Господа! Терпению германского командования и гражданской администрации пришел конец. Мы не можем больше допустить нападений партизан и десантных отрядов на наши воинские эшелоны, колонны войск и тылы, следующие по железной и шоссейным дорогам, и, наконец, на гарнизоны, несущие службу по наведению нового порядка и умиротворению. За допущенную преступную медлительность в ликвидации лесных банд, гибель многих сотен солдат рейха и чиновников германской администрации с занимаемых постов сняты начальник гарнизона города Борисова и шеф гестапо. Оба они отправлены на фронт. Так распорядился сам фюрер. Он сказал, что только в окопах они поймут, как нужны на фронте солдаты рейха, патроны и снаряды, пушки, которые слал он и которые попали в руки русских или ими уничтожены.

Так начал секретное совещание по разработке операции по уничтожению партизан и десантников, действующих в лесах между реками Березина и Друть, южнее магистрали Минск—Москва, командующий карательными войсками в Белоруссии генерал Штернеке.

— Преступная халатность этих лиц,— продолжал он,— нам стоила слишком дорого. По скромным подсчетам военных специалистов мы потеряли в районе Борисов—Орша и особенно на железной и шоссейной дорогах Минск—Орша и в лесах южнее столько солдат, техники и оружия, сколько их хватило бы на укомплектование хорошей дивизии.

В кабинете задвигались стулья, послышались вздохи. Кто-то нервно закашлял. Генерал меж тем продолжал:

— Господин гауляйтер Белоруссии и командующий группой армий «Центр» приказали разработать и как можно быстрее осуществить операцию под кодовым названием «Берта» по уничтожению банд, скопившихся в лесах.

Штернеке подошел к стене и резким движением сдвинул штору с карты, взял со стола указку.

— Во исполнение этого приказа мною разработан следующий план предстоящей операции. Как нам известно, основные силы противника находятся в лесах между реками Березина и Друть и между магистралью Минск—Орша и шоссе Березино—Белыничи (с севера

на юг). Как видим, сам бог послал нам удачу. Не допуская продвижения противника через реки Березина на запад и Друть — на восток, ударом с севера от линии шоссейной дороги Минск—Орша мы прижмем бандитов к шоссе Березино—Белыничи и устроим для них настоящее побоище с помощью танков, бронемашин и доблестных солдат фюрера. Ни один бандит живым не должен перейти эту дорогу на юг. Считаю этот вариант удачным и приемлемым. Но мой начальник штаба разработал свой вариант. Он исходит из того, что гнать противника по болотам с севера на юг нашим солдатам, не имеющим практики их преодоления, будет крайне трудно и потому его вариантом предлагается следующее...

Штернеке опять вооружился указкой.

— Расположив наши войска на берегу реки Друть, мы начинаем гнать противника с запада на восток. На этом направлении меньше болот и местность более доступна для действий артиллерии и даже танков. Пытаясь уйти от преследования и не зная о нашей ловушке, противник отходит к реке Друть, чтобы ускользнуть на левый берег, но натыкается на нашу засаду и уничтожается. Вариант в принципе не плох. Но пойдет ли противник в направлении Белыничи—Могилев? Трудно сказать. Хотел бы я услышать мнение присутствующих.

Первым заговорил новый шеф гестапо — молодой штурмбанфюрер.

— Опыт показывает,— сказал он,— что в большинстве критических ситуаций окруженные части Красной Армии и их разрозненные группы имеют тенденции к отходу на восток, поближе к линии фронта, к своим. Но они кидаются на восток лишь в том случае, когда на пути к своим имеются лесные массивы или тогда, когда нет иного выхода. Я не думаю, что партизаны и десантники, возглавляемые опытными кадровыми офицерами, оставят леса и пойдут на восток к Оршанскому безлесью. Они скорее попытаются уйти на юг в лесной массив, южнее шоссейной дороги Березино—Могилев. А следовательно, ваш план, господин генерал, более реален. Гестапо готово включиться в его реализацию.

Сидевший у стола все время молча начальник штаба бросил реплику:

— Не думаете ли вы, господин штурмбанфюрер, сами пойти в лес и выгонять партизан из болота?

— Я рад выполнить любой приказ фюрера,— с высокомерием ответил шеф гестапо.— Но у меня функции, как вам известно, другие. Мы облегчим вашу миссию, господин генерал. Нами разработан план засылки в партизанские отряды и к десантникам наших людей. Агентам предстоит установить точную их численность, намерения и регулярно докладывать об их действиях.

— Это надо сделать как можно скорее,— попросил генерал, стуча костями сцепленных пальцев по столу.— До первых сильных дождей, ибо болото есть болото. Оно не замерзает. Шагать по холодной топкой грязи нет никакого удовольствия. Так я говорю, господин штурмбанфюрер?

— О, да! Не хватает того, чтобы в болотах тонули солдаты фюрера. Это слишком дорого для Германии. Я предложил бы, по опыту прошлого, поставить в первую цепь местную полицию. Это вызвано двумя соображениями. Первое. Местная полиция лучше знает леса и болота. И второе. Нам следует беречь своих людей.

Выступивший за шефом гестапо новый начальник Борисовского гарнизона также поддержал вариант операции, разработанный генералом Штернеке.

Последним нижайше попросил слово бургомистр Борисова господин Станкевич. Старательно промокнув цветным платком лысину, шею и нос, он начал:

— Бургомистрат горячо одобряет ваш план уничтожения лесных банд, господин генерал. От них действительно нет никакого спасения. Все наши усилия по наведению нового порядка летят прахом. Мы потеряли множество замечательных старост и полицейских. Вечная им память. Мы также готовы горячо благодарить германское командование за помощь в очищении наших земель от большевистской скверны.

— Благодарить пока рано, господин бургомистр,— сказал по-русски генерал.— Врага нужно разбить.

— Мы не сомневаемся... Нисколько не сомневаемся в вашей, а значит, и нашей победе, господин генерал,— залепетал Станкевич.— И помочь готовы вам всем, чем можем.

— Чем будете помогать? — спросил генерал, уставившийся стеклянными глазами на бургомистра.— Гово-

рите конкретно. Нам не нужны общие слова. Их, как говорят русские, с кашей не едят.

— В вашем распоряжении все силы нашей полиции... Можем также выделить потребное количество загонщиков.

— Что есть «загонщик»?

— Это крикуны, господин генерал. Как на облаве на зверей, они будут двигаться цепью и кричать, стучать палками, чтобы заставить лесных бандитов уходить в нужном для нас направлении.

Генерал нахмурился. Тяжелая складка легла на его переносице. Кадык качнулся вверх-вниз.

— Вы... вы слишком плохо знаете тех, кто волком живет в лесах, господин бургомистр. Неужели вы думаете, что партизаны и десантники Сталина побегут от вашей палки и крика? Это все-таки люди, а не волки. Их придется выжигать огнем, железом, свинцом. Никакой пользы не дадут ваши загонщики. Реальная сила — это солдаты великой Германии. С их могучей боевой техникой.

— Но где их взять? — спросил по-немецки начальник гарнизона.

— Не сокрушайтесь! — выкрикнул бодро генерал.— Фюрер разрешил нам взять из резерва группы армий «Центр» ни много ни мало три дивизии! Вы удовлетворены?

— Так точно! О, да это просто замечательно! Вот теперь-то бандитам прямая дорога — на тот свет.

Генерал понимающе и самодовольно улыбнулся: Один он знал, сколько унижений пришлось ему претерпеть, пока фюрер дал эти силы.

— Вот так, господа! Наш фюрер ничего не жалеет для скорой победы,— заключил он бодро и с надеждой.

Что-то шепнув начальнику штаба, он встал.

— Подведем итог. Общее мнение сходится на том, что необходимо все банды, орудующие в лесах южнее шоссе Борисов—Орша в междуречье Березины и Друти, выжать из болота на юг или на восток и уничтожить. Оставим пока в силе два варианта операции. Какой из них лучше — покажет дополнительная разведка и время. Всю подготовку к облаве держать в строгом секрете. Для дезориентации противника использовать ложные слухи, подброс фальшивых прика-

зов, засылку агентуры. Окончательная дата начала операции и порядок ее проведения будут сообщены дополнительно. Прошу исподволь готовить солдат и боевую технику. Воинским частям, которым предстоит наступать по болотам, улучшить питание и выдать специальную одежду и обувь.

Штернеке захлопнул черную папку с планом.

— Все, господа! Совещание окончено. По местам... Хайль!

Семь чиновников и десять военных вытянулись столбами. С портрета, висевшего за спиной генералов, на них зверем смотрел чем-то рассерженный фюрер.

А через пару дней подробный отчет об этом совещании лежал на столе Огнивцева.

На партизан и московских десантников надвигалась тяжелой грозовой тучей опасность. Обо всем этом никто, кроме командира, пока еще не знал. Горели костры в лесах, шла подготовка к зиме. В назначенный час радисты слали в Центр разведывательные данные и добрую весть: «У нас все в порядке». Однако Огнивцев днями и ночами думал, как быть, как уйти от этой грозы.

К концу октября обстановка в лесах междуречья Березина—Друть, севернее шоссе Березино—Могилев, складывалась далеко не в пользу расположенных там десантников и партизан отрядов Жунина, Свистунова, Ероцкого и других. В штаб оперативной группы один за одним приходили разведчики, докладывали:

— С запада вдоль правого берега реки Березина концентрируются каратели, прибывшие из Борисова и Минска.

— На востоке, у реки Друть, появились части пехотной дивизии, прибывшей из района Орши. Дивизия направлялась на фронт, но была высажена из вагонов и перенацелена на уничтожение партизан. Отмечается сосредоточение войск противника вдоль шоссейной и железной дорог Минск—Орша.

И уж совсем тревожную новость принесли разведчики с шоссейной дороги Минск—Могилев:

— На шоссе, ранее не контролируемом немцами, появились танки, броневики... Часть из них закапывается

на позициях, другая занята патрулированием. Особо перекрываются дороги и тропы, ведущие из леса.

— Вот это «игра» уже по большому счету,— сказал начальник штаба капитан Алексеев, выслушав разведчиков, прибывших с шоссе.— Похоже, что господа фашисты задумали загнать нас в «котел». Что скажете по этому поводу, товарищ командир?

— Да что ж сказать. Вывод ваш правилен. Я этого давно ждал.

— Окружения ждали? — пошутил Алексеев, нанося на карту последние разведывательные данные.

— Ответа на наши действия, товарищ Алексеев. Если хотите, то и окружения. Советую вам запомнить, что плох тот командир, который не ждет ответных действий со стороны противника. А партизаны и мы изрядно навредили фашистам. В такой обстановке беспечность, а хуже того, зазнайство губительны. Пора нам выпутываться из густых сетей.

Закончив переобувать сапоги, Огнивцев подошел к столу, на котором лежала топографическая карта.

— Ну-ка показывай свой пасьянс, Николай Федорович. Что тут получается? Значит, говоришь, они уже сосредоточились?

— Пока не все, как мне кажется. Да вот смотрите сами. Железная и шоссейная дороги на севере, река Березина на западе, Друть на востоке, а на юге — шоссе Минск—Могилев. Все это плотно перекрыто оккупантами... Кольцо, товарищ командир.

— Да... Широко закинули невод. Но будет ли улов? Вот в чем вопрос.

— А почему же не быть? Силенок-то у нас мало для прорыва. А у них, по неточным данным, уже до двух дивизий сосредоточено против нас плюс полиция.

— Это правда. Но на участке, где мы будем прорываться, будет их не так уж и много. Все дивизии они туда просто не поместят. Помнишь, в сорок первом Щучье озеро, советы генерала Доватора? Там тоже была целая дивизия, зарытая в землю, а мы прошли под ее носом без потерь.

— Так-то оно так... Но все же какие силы бросаются против нас! И к тому же еще не исключена добавка. Возможно, даже солидная,— озадаченно почесывая затылок, отвечал Алексеев.

Огнивцев не хотел пока говорить ему, что у него есть давно уже подготовленный план противодействия немцам. Рано, рано пока открывать все карты. Пусть враг полностью сосредоточит свои силы.

— Все понимаю. Нелегко придется. Но не робей, начальник штаба. Из всякого безвыходного положения есть выход. Найдем и мы его. А сейчас вызови-ка ко мне Сандыбаева и еще одного разведчика.

— Ай в разведку решили?

— Нет. Пойду-ка я на прощанье в Гумны, к знакомым старичкам. Чайку попью, потолкую... Чувствую, что скоро нам придется с ними расстаться.

— Понимаю... Вы всегда так. Когда трудно, то тянетесь к старикам, мудрым советам...

— Это не мной придумано, Николай Федорович. Самой жизнью.

Шли по заброшенной лесной дороге. В осеннем лесу было тихо и грустно. Уныло попискивали малые пичуги, с берез, ольх и осин неслышно осыпалась последняя листва. На придорожных травах пестрела седина.

Сандыбаев украдкой вздыхал. Огнивцев спросил:

— Что вздыхаете, Сандыбаев?

— Тоскую, товарищ комиссар,— он по старой привычке иногда его комиссаром звал.— По дому... По нашим степям, горам... У нас теперь золотая богатая осень... Барашка режут, жарят шашлык. Свадьба гуляют...

— Да какие же теперь свадебные гулянья?

— А почему не быть? Жизнь есть жизнь. Ее никакой огонь не возьмет. Я ведь тоже о том мечтал. А теперь...

— А что теперь?

— На душе что-то неспокойно. Давит какая-то непонятная тоска. Какое-то нехорошее предчувствие.

— Это бывает. Пройдет.

— Я тоже так думал... Да вот не проходит.

— Хандра, значит, напала. Хандру — прочь. Это болото. Засосет — пропадешь. А вам пропадать никак нельзя. Вас ждет невеста, степь... Праздник Победы!

— Дожить бы...

— Доживем! С цветами, музыкой нас будут встречать. А пока лес, глушь... Схватки с врагом. Встречи с друзьями, просто хорошими людьми. Сколько мы их встречали на своих трудных дорогах! Помнишь моло-

дайку на Калининщине? Какими глазами она смотрела на вас!

Сандыбаев застеснялся:

— Ах, товарищ командир! Да она же на вас смотрела, на ваш орден...

С придорожного брусничника сорвался глухарь, шумно зашлепал крыльями, мелькая меж сосен, скрылся. Сандыбаев успел только поднять автомат.

— Хотел стрелять? — удивился Огнивцев.

— Нет. По привычке... Думал, фашист. А птица пусть живет. Хорошая птица... Красивая, сильная. А помните старика и старуху, у которых мы оставили раненого сержанта Ивлева, что из Омска? Там, на Валдае? Как он? Остался ли жив?

— Не знаю. Война оставит после себя много тайн. Будут ли они разгаданы?

Перед десантниками распахнулась довольно большая лесная деревушка Гумны с неказистыми, рубленными из бревен, крытыми соломой и тесом избами, подслеповатыми баньками, жердевыми заборами, тихой речушкой меж ольх и ракит.

— Побудьте тут, на лужку, у дома,— сказал командир Сандыбаеву.— А я зайду потолковать со своими стариками.

Он вскинул ремень автомата на плечо и зашагал по убранному картофельному полю к приземистой избушке под старой развесистой ракитой.

Хозяева — старик со старухой — встретили гостя радушно, как своего близкого родственника, которого давно не видели. Бабка сняла с припечной жерди полотенце, подступила к лавке, чтоб вытереть ее, но дед упредил ее — смахнул крошки просяной мякины ладонью и, препроводив их в лохань у порога, пригласил:

— Сидайте. Милости просим. Совсем вы нас забыли, стариков. Думал, не случилось ли чего недоброго?.. Ань, слава богу, живехоньки...

— Некогда было, папаша. Все дела, дела...

— Слыхали мы кое про что. Слыхивали. Земля-то, она слухами полна, хотя и немая. Знаем и про вашего командира, что он раненый и вывезли его в Москву и что вас назначили вместо него. Как там на Волге-матушке? Что слыхать-то?

— Вы про Сталинград спросили? — сев на лавку и положив автомат на колени, уточнил Огнивцев.

— Дюже волнуется люд. Об нем и речь.

— Держится Сталинград. Воюет. Стоит!

— Небось, все порушено, побито?..

— Да куда ж денешься, не без того. Ничего. Все встанет заново.

— Так-то оно так, да только жалко каждого кирпича. Таким трудом все досталось!

Дед увидел, что бабка стоит у печки, горестно подперев щеку пальцем, в сердцах напустился на нее, будто она в чем-то виновата:

— Ах, господи, твоя воля! Да что ж ты к печке прилипла, старая? Ай не знаешь, как встречают гостей? Лезь в подпол, доставай харч из своего спрятка.

— Не надо. Кушать не хочется, сыт. Потолковать пришел на минутку.

Услышав такое, бабка остановилась у приподнятой половицы, но уловив сердитый взгляд деда, шустро полезла в подпол. Дед сел за стол, скрестил руки на нем:

— Я всегда рад, коль есть в моих речах толк.

— Скажите, папаша. Здешние болота замерзают в ноябре?

— В редкость. Как обычно, в декабре, а иные лишь в январскую лютынь.

— Жаль,— вздохнул командир.— Ну, а приметы погоды как?

— Журавель рано подался на юг. Вроде бы к холоду, а держится покель середа. То есть не холод и не тепло.— У деда понимающе загорелись глаза.—А може, нужен проводник? Так я живо... Мне тут все стежки-дорожки знакомы.

— Спасибо, отец. Мы уже и сами тут все исходили.

— Ну, глядите. Коль что — ко мне... Проводник — большое дело! Без проводника ни птица, ни зверь, ни человек... Улетает птица, кто ее ведет? Вожак, проводник. Вывелись волчата, лисята — кто их наставляет? Опять же старшой, который опытный. А возьмите вы пчелу. Кто отыскивает жилье новому рою, кто ведет туда? Разведка, так называемый пчелиный иск. В природе-матушке все устроено мудро, хитро.

Дед помолчал, почесал за ухом:

— Вы извините, что вас вроде бы хитрости да мудрости своей лесной учу. Вы и сами, как говорится, не лыком шитые.

— Нет, нет, что вы! Говорите, говорите! Ваша наблюдательность очень поучительна.

— Да нет уж... Что говорить? Вижу я, покидаете вы нас. Уходите, стало быть, из наших лесов.

— Откуда вы это взяли, отец?

— Откуда взял? Да вить не один десяток лет прожит на земле... По глазам вашим определил, по расспросам... Я не спрашиваю, куда уходите, зачем. Одно хочу знать: как звать-то вас, скажите, чтоб знали внуки, кого благодарить.

Командир Огнивцев встал, назвал свое имя, отчество, заключил:

— Ну, а благодарность ваша — всем, кто сражался на вашей земле, и тем, кто освободит вас. Полное освобождение, верю, уже не за горами. Прошу передать сердечную благодарность всем братам-белорусам вашего села за тепло сердец, за хлеб-соль.

Огнивцев в пояс поклонился старику и старухе.

Гибель переводчика Озола

По лесному берегу Березины от самого Борисова тянется длинная цепочка белорусских деревень. Река издревле манила к себе крестьян. Они мочили здесь пеньку, сплавляли лес, ловили рыбу, поили скотину, косили в приречных лугах и заливах сено, выращивали на удобренных природой землях бульбу, свеклу, лен, коноплю, подсолнух, бобы...

Не оставили без внимания приречные деревни и оккупанты. Они насадили здесь своих послушных холуев — старост, полицейских и с их помощью начисто разграбили добро колхозов и крестьян. В деревне Оздятичи немцы создали сильный гарнизон, состоящий из роты солдат и полусотни полицаев. Из этого гарнизона фашисты совершали налеты на деревни Чернявка, Манча, Прудок, Орешковичи. Особенно активизировали свои действия они перед блокадой лесов в октябре месяце.

С появлением фашистских войск на Березине десантники и партизаны усилили разведку. В третьей декаде октября группа из четырех человек, в том числе переводчика — тихого, скромного лейтенанта Озола Юрия Карловича, вела разведку на левом берегу Березины у деревни Орешковичи. Никто не заметил, как Озол оторвался от ядра разведчиков и ушел к деревне. Он подошел к ней совсем близко и залег в кустарнике, на небольшом пригорке. Отсюда хорошо просматривалась околица и огороды — уже убранные и заново перекопанные, очевидно, в поисках остатков картофеля.

Жизнь в деревне извечно однообразна. Дымятся трубы печей, бабы носят воду на коромыслах из колодцев, мужики заготавливают на зиму дрова, латают пробитые дождями и временем крыши, укрывают стожки сена... Как это близко и знакомо Юрию Карловичу по хуторам родной Прибалтики! Там у крестьян по осени такие же точно дела и заботы. Вспомнились родители. Отец Карл Озол — активный участник Октябрьской революции — боролся за Советскую власть в родной Латвии. Боролся с кулачьем отчаянно, не на живот, а на смерть. В году индустриализации он возглавлял крупный машиностроительный завод. Затем находился на дипломатической работе в ряде стран. С началом Великой Отечественной войны командовал бригадой. Погиб на фронте.

Отец дома бывал редко и мало. Зато ласковое, заботливое отношение матери крепко держалось в памяти. Особенно запало в душу ее последнее напутствие перед его полетом в тыл врага, в Белоруссию. Она пришла на аэродром в Москве и, уцепившись за руку, словно предчувствуя, что видит его, держится за него в последний раз, все повторяла одни и те же слова: «Береги себя, сынок. Помни, что ты у меня один и я одна. Если что — на белом свете сиротинушкой останусь».

А Юрий себя не берег. Кровь непоседливого, ко всему причастного отца, лютая ненависть к фашистским захватчикам толкали его в самые горячие точки и схватки. Вот и теперь. Зачем он полез к деревне один, без разрешения старшего, проявляя никчемное любопытство? Кому нужны были такое ухарство, неосторожность? Вернуться! Сейчас же повернуть назад!

Но нет. Озол не повернул. Грива из кустарника и густой полыни была удобным прикрытием для подхода к крайнему дому деревни. И он подошел к нему. В деревне было тихо. По открытому обнесенному частоколом двору туда-сюда расхаживала сухонькая старушка, на крыше соседней избы сидел, постукивая молотком о дранку, мужчина средних лет. Озолу эта тишина вначале показалась подозрительной, и он решил было продолжать наблюдение за деревней, поджидая своих товарищей. Но терпения не хватило. Поправив ремень автомата так, чтобы удобно было стрелять, он по огородам стал продвигаться к центру деревни.

Внезапные автоматные очереди фашистов, находившихся в засаде за сараем, свалили парня. Горячая боль резанула по обеим ногам. Одна пуля ударила в плечо. Воздух с шумом вырвался из легких. Юрий закрыл грудь ладонью. Кровь хлынула через пальцы. Унять бы ее бинтом. Но когда? Где силы? К нему уже бежали, обгоняя друг друга, немцы и полицейские. Их было много против одного. И все-таки Озол нашел силы дать очередь из автомата. Бил в самое скопище, но упал ли кто из врагов подкошенным, так и не увидел. Сознание покинуло его.

Первым к тяжелораненому подбежал обер-лейтенант с окровавленным лицом. Пуля избороздила ему щеку, навсегда обезобразив лицо. Уже за одно это русский десантник заслуживает смерти.

Обер-лейтенант выхватил из кобуры пистолет:

— Швайн! Капут!!

Неожиданно тяжелораненый в бреду заговорил по-немецки. Это привело офицера в смятение.

— Исчадие! Немец убивает немца. Откуда он взялся? Может, это свой? Наш разведчик, возвращающийся с задания?

— Все может быть, господин обер-лейтенант,— щелкнул каблуками стоявший рядом фельдфебель.

— Перевязать его! В телегу — и в штаб! — приказал обер-лейтенант и позволил забинтовать себе окровавленную щеку.

Захваченного в плен везли по деревне на крестьянской телеге. Следом, шумно разговаривая, шла толпа солдат и полицаев. Для них это была первая большая удача перед блокадой. Пленный мог рассказать многое из того, что им было неизвестно и что их так ин-

тересовало. Для жителей деревни боец оставался сыном советской земли, которого они молчаливо, со слезами на глазах провожали на муки и смерть. Старуха, чья изба ближе всех стояла к лесу, что-то шептала и крестилась. Она просила бога облегчить страдания безвестного воина.

Пленного привезли в деревню Прудок и положили на стол перед медиками.

— Лечить! Привести в чувство! — строго приказал офицер.— И сейчас же! Немедленно!

Ему не терпелось поскорее узнать, кто это перед ним, почему было поднято оружие против своих же, если это немец?

Два военных фельдшера быстро обрабатывали раны, бинтовали ноги, плечо, растирали спиртом виски, потом они сунули под нос почти бездыханного тела нашатырный спирт. Не помогло. Пленный лишь тяжело простонал.

— Не очнется,— сказал один фельдшер.

— Отойдет на время,— добавил другой.— Но потом умрет.

Офицер набросился на горе-лекарей с кулаками:

— Лечить! Заставить его очнуться!! Я требую!!!

Лекари принялись бить пленного по щекам, трясти его за уши. Под нос снова потянули ватку, смоченную в нашатыре. Раненый открыл глаза, растянул слова:

— А-а-а... Это вы, фрицы!

Офицер радостно захлопал:

— Браво! Он ожил! Мы будем с ним говорить по-свойски. Немец с немцем всегда находит общий язык.

— Вы лжете, обер-лейтенант,— ответил тихо, тяжело дыша, пленный.— Немец немцу рознь. Есть немцы Гитлера и его шайки и есть немцы Эрнста Тельмана.

— Не будем заводить долгих политических споров на пороге у смерти. У нас мало времени. Вам остались считанные минуты, а нам надо о многом у вас спросить. Начнем же.

Офицер сел за стол, раскрыл перед собой записную книжку:

— Итак, вопрос первый. Кто вы?

— Я советский военный разведчик.

— Вы? Разведчик? Это вздор. Немец не может быть советским разведчиком. Это моему уму непостижимо. Это позор Германии!

— Позор Германии... Это... Это... Подойдите поближе... мне тяжело говорить.

— Яволь! Слушаю вас...

Озол поднял голову, глянул на офицера с испепеляющим проклятием:

— Позор Германии — это вы! — и плюнул кровью офицеру в лицо.

Офицер отшатнулся. Неслыханное оскорбление! Ему влепили плевок в лицо. Часть плевка попала в глаза, и он долго брезгливо протирал их носовым платком. Другая рука его судорожно тащила из кобуры пистолет, который за что-то зацепился и никак не поддавался. От ярости у обер-лейтенанта дрожала рука. Хотелось заставить его ползать у ног, молить о пощаде, хотелось упиваться его страхом и унижением. Однако этого не случилось. Наградив врага плевком, пленный скончался от потери крови. Он принял смерть совсем спокойно, будто исполнил давно задуманное.

— Куда его? — спросили лекари офицера.

— В Прудках не закапывать. Могила этого проклятого красного диверсанта должна остаться неизвестной.

Тело Юрия Карловича Озола оккупанты бросили в лесу. Но советские патриоты похоронили его в деревне Чернявка в саду крестьянина Федора Науменко.

Забегая вперед скажем, что Юрий Карлович посмертно был награжден орденом Отечественной войны II степени, а тело воина-героя в 1944 году по решению ЦК ВЛКСМ было перевезено с Березины в Москву, на Новодевичье кладбище. И встал над могильным холмом во весь рост гранитный солдат-десантник в развевающейся на ветру плащ-палатке.

Решение на выход из ловушки

В штабе оперативной группы командира ждали важные новости. Разведчики привели с шоссе Минск—Могилев, что протянулось южнее гуменских лесов, пленного ефрейтора.

— Допрашивали? — спросил командир.

— Нет. Ждали вас,— ответил Алексеев, разворачивая карту на столе у землянки.

— Где его взяли?

— Вот здесь,— указал карандашом на карте Алексеев,— где кончаются леса и начинается поле. Короче говоря, вблизи местечка Погост. Гусь подвел ефрейтора — гусятинки захотелось сердешному...

— Какой гусь?

— Разведчик прокричал в кустах на лугу гусем, и ефрейтор кинулся на крик, как хорошо натасканный пес. Инстинкт...

— Молодцы разведчики! Надо поощрить их за находчивость. Ефрейтора — на допрос! Переводчик Юферев здесь?

— Здесь. На месте. Сейчас позовем.

Ефрейтор появился в сопровождении разведчика Буташина. Это был грузный немец, которому наверняка не хватало солдатского пайка и до зарезу нужна была дополнительная подкормка. Гусятина оказалась роковой иллюзией, и теперь он грыз кем-то щедро преподнесенный сухарь.

— Куда они направлялись?

— Все туда же — на Восточный фронт. Служил при штабе дивизии в охране. Это пока все, что я узнал по пути к вам. Разговорчив.

— Прекрасно! Приступайте к допросу.

После уточнения места рождения, даты мобилизации на военную службу, выяснения семейного положения пошли вопросы командира и начальника штаба.

— Где высадили вашу дивизию и ее номер?

— 39-я пехотная дивизия. Высадили в Минске.

— Причина?

— Нам сказали, что нужно денька три-четыре размяться, помочь минскому гарнизону навести в лесах «новый порядок».

— Ну и как? Навели?

— Да... Наших там много погибло. Но леса восточнее Минска все-таки мы очистили! Правда, вместо трех дней провозились восемь. Никто не думал, что в лесах так много партизан.

— И много вы уничтожили и взяли в плен партизан?

— Очень немного. Пока мы собирались их уничтожить, они вовремя ушли в другие леса, ловко применяя засады и минируя пути подхода к ним.

— Как вы оказались на шоссе Минск—Могилев?

— Мы получили приказ занять здесь оборону и не пропустить ни одного русского с севера на юг через это шоссе.

Переводчик Юферев повернулся к примолкшему на минуту командиру.

— О чем спрашивать дальше?

— Спросите, на сколько дней рассчитаны действия против партизан на шоссе?

Юферев перевел вопрос Огнивцева. Немец тут же ответил:

— Нам срок не указали. Но я слышал от офицеров, что тут в лесу очень много партизан и десантников и что за три-четыре дня нам не справиться.

— Когда ожидаются боевые действия на шоссе?

— Из разговоров мне известно, что партизаны и десантники будут на шоссе через три дня.

— Какие потери в лесах восточнее Минска понесла дивизия?

— Техники мы потеряли мало. А вот живой силы много. В некоторых ротах осталась всего половина солдат. Сказались умелые действия партизан и отсутствие боевого опыта у наших пехотинцев. Дивизия-то не воевала, а сидела в виноградниках на юге Франции. О! Там мы хорошо жили. Вино, сигареты, виноград, жареные цесарки... Если бы не ужасный Сталинград, мы бы и до сих пор загорали меж виноградных лоз.

— Спросите у него, какая техника прибыла и размещена на шоссе?

Ефрейтор, попросив разрешения закурить, охотно, как давним приятелям, отвечал на все вопросы. Сопоставив его ответы с прежними разведданными, десантники пришли к заключению, что фашисты заняли все шоссе от Березины до реки Друть. Танки, бронемашины вкапываются в землю. Через каждые сто—двести метров — пулемет. На перекрестках — орудия. «Считаю своим долгом заметить, что мало кухонь, и вообще готовят пищу отвратительно. Вместо натуральных жиров — эрзац-жир, да и тот пахнет рыбой»,— заключил пленный.

— Прервите его разглагольствование насчет жиров,— сказал Алексеев.— Спросите у него, где штаб дивизии, штабы полков? Какова их охрана — днем, ночью?

— Дайте мне вспомнить названия населенных пунктов. Я все расскажу.

— И вы не боитесь нарушить присягу? — спросил Юферев.

— А чего бояться? Мои сведения никакого вреда фюреру, рейху все равно не принесут. Вас разобьют. Что вы можете сделать против целой дивизии? Генерал так и сказал: из нашей клетки не выпорхнет ни одна лесная пташка. Большевикам капут.

— Но все же, где штабы? Уточните!

— Я знаю только одно. Штаб дивизии — на восточной окраине города Березино. Штабы полков тоже расположились было в деревнях, но генерал их выгнал в лес, ближе к солдатам.

— Еще вопрос. Ваш генерал имеет боевой опыт?

— Да. Нам говорили, что на линии Мажино он взорвал каземат с французскими солдатами. А в России, под Минском, спалил две деревни.

— Значит, он храбр?

— Да, но только днем.

— Почему днем?

— Ночью он очень боится. Всё партизаны мерещатся...

— Назовите нам время работы штаба, смены часовых?

— Офицеры штаба больше всего работают ночью. Так приказал господин генерал. Он боится ночных диверсий партизан. Часовые и днем и ночью сменяются через каждые два часа.

— Показания пленного весьма ценны,— резюмировал командир.— Особенно о дислокации штабов, расположении войск, распорядке дня... Надо все это довести до партизанских командиров нашей зоны.

Показания пленного ефрейтора окончательно убедили, что не сегодня-завтра немцы начнут карательные действия по варианту номер один, выработанному генералом Штернеке. Для обсуждения сложившейся обстановки в лесу, близ Гумны, собрались командиры партизанских и десантных отрядов, расположенных в лесах южнее Крупки.

— Товарищи командиры! Обстановка в наших лесах сложилась такова, что нам надо немедленно уходить. Я говорю это на основании данных разведки и сведений, имеющихся у меня лично. Сопоставление их с по-

казаниями пленного ефрейтора из пехотной дивизии, переброшенной на шоссе Минск—Могилев, подтверждает намерение гитлеровцев. Наши леса, товарищи, практически окружены,— сказал Огнивцев.

— Откуда же у карателей нашлось столько сил? — спросил Сорока.— Ведь лесок-то наш не мал: сорок километров на шестьдесят!

— Командование группы армий «Центр» и гауляйтер Белоруссии не пожалели ничего для уничтожения нас. С колес сняты даже две боевые дивизии. Одна будет наступать с севера, а другая обороняться на шоссе на участке Березино—Белыничи. На реках Березина и Друть занимают оборону войска местных гарнизонов с полицейскими. Преднамеренно оставлено лишь одно окно — на восток, в районе Белыничи, но туда мы не пойдем. Там, за рекой Друть, почти до самого Смоленска нет лесных массивов. Там нас перебьют. Это западня.

— Где же выход? Куда идти? — спросил обеспокоенно командир партизанского отряда Семен Ероцкий.

— Вот за этим мы и собрались здесь. Надо посоветоваться, как выходить.

— И куда уходить,— добавил Сорока.

— Вопрос о том, куда уходить, не стоит,— сказал командир.— Новый район действий десантников нам указан Центром. Я оставляю его пока в тайне для всех вас без исключения. Речь будем вести пока что о выходе из сети, расставленной фашистами. Прошу высказаться по этому вопросу.

— Разрешите мне? — начал Семен Ероцкий.

— Пожалуйста. Прошу!

— Я предлагаю совершить рывок по прямой через шоссе Могилев—Минск и дальше — в Усакинские леса. Я исхожу из того, что до шоссе всего шестнадцать километров. Это один лишь переход. Люди будут не измотаны, и мы легко перемахнем через шоссе.

— Я против! — поднял руку Сорока.

— Почему? — вскинулся уязвленный Ероцкий.

— А потому, что надо помнить пословицу: «Прямо ворона летала, да в кусты попадала». На твоей короткой прямой каратели столько боевой техники понаставили, что и носа не просунуть. Взгляните-ка на карту, что на ней начальник штаба намалевал. Танк на танке, броневик на броневике.

— Что же вы предлагаете? — спросил Огнивцев.

— Рывок на восток, к реке Друть, в безлесье, не занятое противником, там перейти шоссе и резко повернуть на юго-запад, в Усакинские леса.

— Заманчиво,— постучал пальцами по столу командир.— Но не забудьте, что на вашем пути Друть. Она не мелка. Да теперь и не лето. По утрам кое-где появляется уже ледок. К тому же, пока вы будете совершать маневр по полям, наступит день и начнется погоня. По шоссе противник сразу же перебросит танки и пехоту, а если будет погода, то и авиацию. Так что думайте.

— Да-а,— крякнул Сорока.— И вправду есть о чем подумать, ешь те корень!

Командир окинул взглядом сидевших в землянке.

— А что молчит наш «Добрый»? О чем думка у него? Вижу, что он все посматривает на северные леса, что за железной дорогой Минск—Смоленск.

— Угадали, товарищ подполковник. Не лежит что-то у меня сердце к южным лесам. Ведь я северные вдоль и поперек исходил. Там раздолье! Да и к фронту через них ближе, в случае чего.

— Понимаю вас. Мне тоже довелось побывать в тех краях. Но то пройденный этап. Центр требует от нас новых боевых дел на новых направлениях. На севере, кроме всего прочего, я не вижу объектов, по важности годных для нашей работы в будущем. Нам нужны вражеские коммуникации, еще не тронутые фашистские гнезда в больших городах. А лесное раздолье на юге тоже не маленькое.

— Да разве ж я возражаю? — вздохнул Бухов.— Просто тоска по былым местам заедает...

— У него, наверно, зазноба там осталась, в северных лесах,— намекнул Виктор Свистунов.— Любушка-голубушка.

— Угадали. Самую любимую там оставил,— опять вздохнул Бухов.— Но об этом я только товарищу подполковнику доложу.

— Ловлю на слове,— кивнул Огнивцев.— После совещания продолжим наш разговор, товарищ Бухов.

Он знал, что Бухов не из тех, кто увлекается сомнительными знакомствами с женщинами, у него припасен какой-то особый разговор. «Дождемся удобной минуты...» — решил он.

— А сейчас слово предоставляю начальнику штаба капитану Алексееву.

— Замысел немцев,— начал Алексеев,— состоит в том, чтобы нас, партизан и десантников, загнать в болото или прижать к шоссе Минск—Могилев на небольшой территории, а затем окружать и уничтожать, применяя танки, броневики и артиллерию. Поскольку мы не имеем средств борьбы с танками и бронемашинами, штаб оперативной группы предлагает противопоставить противнику свою, партизанскую, тактику: действовать на широком фронте и переходить шоссе Минск—Могилев на нескольких направлениях силами не более чем отряд. К шоссе двигаться по трем-четырем направлениям скрытно, через лесные массивы, имея связь между отрядами.

— А сколько бойцов, примерно, будут действовать на каждом напразлении? — уточнил Огнивцев.

— Сто—сто двадцать.

— Что скажут партизанские командиры по предлагаемому варианту предстоящих действий?

— Это единственно правильное решение,— ответил за всех Семен Ероцкий.

— Коли так, будем собираться в путь,— отрубил Огнивцев.— Это наиболее целесообразный вариант. Направления выбрать против самых слабых заслонов. На участках, затрудняющих или даже совсем исключающих для карателей быстрый маневр силами и средствами. Изгибы шоссе, близко подступающий лесной массив, более или менее крутые подъемы или спуски. Все эти места на шоссе тщательно разведать и создать многократное превосходство в огневой мощи. Будем таким образом прожигать себе дорогу, товарищи. Иного не остается. Пусть каратели останутся со всеми своими танками и броневиками в дураках. Они надеются на эту силу — она их и подведет. Так?

В штабе оперативной группы были тщательно уточнены время выступления, маршруты выдвижения к шоссейной дороге и выделенные на каждый из них подразделения. Особенно внимательно изучены силы врага на участках прорыва через шоссе.

Огнивцев и Семен Ероцкий были большими друзьями. Не раз их отряды объединяли свои силы против гитлеровцев. На этот раз они также решили быть рядом.

Через шоссе — в южные леса

Лесной лагерь, расположенный между деревнями Гумны и Красное, десантники и партизаны отряда Ероцкого оставили задолго до рассвета, чтобы незамеченными уйти от мест стоянок. Они двигались к шоссе Минск—Москва через деревни Красное и Коронец, затем по лесу западнее Кукорово. Густые лесные массивы и днем надежно укрывали их от воздушного наблюдения противника, а сейчас оставались совершенно непроницаемыми.

Протяженность маршрута была относительно невелика, но отряду предстоял нелегкий марш-бросок и еще более тяжелый прорыв через усиленно охраняемый фашистами рубеж. По расчетам штаба бойцы в этих условиях должны были пройти по лесисто-болотистому бездорожью со всеми мерами предосторожности семнадцать-восемнадцать километров и в светлое время затаиться в лесах неподалеку от деревни Кукорово. Вся вторая половина дня ушла на тщательную разведку шоссейной дороги — важно было точно выбрать участок прорыва.

Команда «В путь» быстро подняла бойцов с земли. Они построились в густую цепочку. И вновь замелькали тени в осеннем бору. Шелестят под ногами сухая трава и мох, хруста не слышно. Люди идут, как тени. Впереди, справа и слева — охранение. А еще дальше — на удалении зрительной связи от непосредственного охранения — действует разведка. Связь только сигналами. Радиостанции есть, но включать их нельзя — фашисты сразу запеленгуют и — пиши пропало. Несколько раз над лесом пролетала «рама» — самолет-разведчик, но осенняя дождливая погода и лес надежно укрыли бойцов от ее фотообъективов.

После полудня десантники и партизаны Ероцкого сосредоточились в назначенном месте. Густой лес. Рядом шоссе. Оно дает о себе знать гулом машин, трескотней пулеметов.

— Нервничают.

— Запугивают.

— Себя подбадривают,— поговаривали бойцы.

— Видать, и днем им темно и страшно,— заключил лейтенант Паучок.

— Время обеда. Интересно, будут фашисты спать на сытый желудок? Они педанты, когда дело касается собственного здоровья.

— Вот бы и шандарахнуть по ним после обеда. Все равно подремывать будут.

— Поперед батьки не лезь в пекло. Командирам виднее.

Но командирам пока тоже не было ясно, где и как прорываться. Разведчики шныряли туда-сюда, но лазейки на шоссе так и не обнаружили. Алексеев беспокоился. Командир же помалкивал, изредка шепотом переговариваясь с Ероцким. О чем он думал — никто не знал. Казалось, он просто прохаживается по лесу и любуется густым еловым лапником.

Вдруг он подошел к Алексееву и махнул рукой:

— Отрядам отдыхать до сумерек. Усилить посты наблюдения и разведку, особенно у моста на шоссе через реку Клевица. Восточнее местечка Погост.

— А может, все же воспользуемся полднем? — предложил Алексеев.

— Не то время, дорогой начальник штаба. Не летний зной, который морит. Осень. Изморозь. Не тот сон у фрица сейчас. Не тот! Да и обстановка не позволяет им отдыхать.

Что возразишь — командир прав. Но на что же все-таки он рассчитывает? А командир пока, к сожалению, ни на что не рассчитывал: все еще искал оптимальный вариант. Лежа под плащ-палаткой, он почему-то все чаще вспоминал слышанную когда-то побасенку о хитрой лисе, которая прошмыгнула возле самой собачьей будки так ловко, что даже не разбудила ее хозяйку. Потом мысли перенесли его на Западный фронт, к озеру Щучьему. Там тоже произошло нечто подобное: отряд ускользнул под самым носом фашистов. А что если?.. Нет, надо дождаться разведчиков, выслушать их, а потом уже окончательно решать. В народе не зря говорят: «Не зная броду — не суйся в воду». А лучше всего с наступлением темноты самому с разведчиками подойти к шоссе. Там все и прояснится — где будка, а где сторожевой фашистский пес и как лучше его миновать.

А шоссе гудит, грохочет. Видать, оно усиленно патрулируется танками и бронемашинами. Изредка гитлеровцы наугад палят в лес. Даже из пушек. Нервы ще-

кочут. Один снаряд разорвался недалеко в бору. Другой глухо шмякнулся в болото и затонул. Орудийные выстрелы и очереди из пулеметов уходили, затихая, на восток. Там сейчас сосредоточивались партизанские отряды. Как у них?

С наступлением темноты подполковник Огнивцев с разведчиками выдвинулся на опушку леса, подступившего к местечку Погост. Между селом и лесом, где проходит шоссе, примерно километр. Но странно: по всему шоссе почти беспрерывно взлетают осветительные ракеты, а близ Погоста, на безлесной местности, ни одной! Что бы все это значило? Хотят показать, что в местечке войск нет? Но из домов доносились звуки аккордеонов, губных гармошек, хмельные голоса... Видать, пленный ефрейтор говорил правду: господа офицеры бодрствуют всю ночь. Им не до сна сейчас.

Командир подозвал разведчиков и приказал:

— Группе выдвинуться к шоссе, в район моста через реку Клевица, и уточнить, есть ли огневые точки между местечком и опушкой леса, где мы находимся. Особенно внимательно наблюдать на этом участке за шоссейной дорогой.

Разведчики бесшумно растворились в темноте. Пошел дождь, зачастил нудно, настырно. Капли его шелестели по плащ-палатке. Крепко пахло полынью, осокорем, лебедой. Унылый запах. Совсем не тот, который сопутствует доброй крестьянской осени.

Вернулись разведчики.

— Товарищ командир! На опушке леса и шоссе, там, где вы указали, ни танков, ни пушек нет. Мы были на окраине Погоста. Фашистов, правда, полно. Пируют.

Командир удовлетворенно подумал: «Вот тут мы и будем прорываться. Это и есть та самая будка, где дремлет беспечный гитлеровский пес! Он уверен, что мы на его голос не пойдем — побоимся. Да и погода, мол, дрянь. А если и пойдем, то он успеет подтянуть по шоссе танки и бронемашины. А нам надо так, чтобы он не успел!»

Огнивцев вызвал Алексеева.

— Будем переходить шоссе по безлесной местности рядом с местечком Погост, у моста через Клевицу. Затем резко повернем на юго-восток. В течение ночи

прошагаем десяток километров и углубимся в Усакинские леса. Шоссе проскочим в колонне по четыре, как тогда, у озера Шучье, на Валдае. Справа и слева по шоссе выставим регулировщиков в немецкой форме, с красными фонарями — пусть думают, что пропускают своих... Переодеть в немецкую форму наших переводчиков.

И вот десантники и партизаны уже идут в колонне. Тихо, без шума. Шаг приглушен и осторожен... В голове колонны за боевым охранением — командир с начальником штаба и Семеном Ероцким. Они уверены в своем решении, в надежности избранного маршрута. Случалось такое не в первый раз. Только не было бы фашистских машин на шоссе и слишком экспансивных офицеров — провожатых...

— Быстрее, быстрее, ребята. Шире шаг!

Придорожный бурьян кончился. На пути — канава, залитая водой.

— Не прыгать. Вброд! Бесшумно. Здесь не глубоко!

Осталась позади канава. Ни один котелок не звякнул, не лязгнула винтовка или автомат. Огнивцев сам перед маршем проверил у каждого приторочку солдатской амуниции.

Под сапогами асфальт. Точнее, под носками сапог. В ночи земля гулка... Крадучись, перемахнули шоссе. Ступили на тихий луг, поросший кустарником.

— Все перешли? Никто не отстал?

— Все. Никто.

— Значит, ищи теперь ветра в поле!

Вышли на заросшую лесную дорогу. Поджидавшие колонну разведчики доложили:

— Путь в Усакинские леса свободен!

Как покажут спустя несколько дней захваченные партизанами пленные, командир пехотной дивизии генерал Дрекслер проснулся в то утро, несмотря на моросящий осенний дождь, в приподнятом настроении. Сегодня с утра части вверенной ему дивизии заняли позиции на линии шоссе Минск—Могилев. Они готовы уничтожить лесные банды, которые вот-вот будут прижаты к шоссе войсками, наступающими с севера. Черт побери, все-таки удачно складывается его судьба в России! Не успел доехать до фронта, а уже первый серь-

езный успех. За карательные действия в лесах восточнее Минска сам гауляйтер Белоруссии выразил ему благодарность и обещал доложить фюреру об успехах дивизии. В свою очередь, представитель штаба группы армий «Центр» клятвенно заверил его, что по возвращении в штаб он непременно доложит командующему о личной доблести офицеров дивизии и ее командира. Теперь же, с полным уничтожением крупной партизанской группировки, о нем, генерале Дрекслере, наверняка узнает сам фюрер!

Наскоро размявшись и умывшись, генерал выпил за будущие победы бокал французского шампанского и приказал начальнику штаба доложить обстановку.

Полковник докладывал, застыв на вытяжку у стола, на котором лежала топографическая карта.

— Полки, занимающие позиции вдоль шоссе, готовы к полному уничтожению лесных банд, отступающих с севера, герр генерал.

— Где обнаружены передовые группы партизан?

— Пока нигде, герр генерал.

— Кого же собираются уничтожать наши полки, господин полковник, если перед ними никого нет?

— Но они вот-вот будут, герр генерал. Потому что общая операция развивается успешно и им просто некуда деваться. Я поддерживаю постоянную связь со штабами наступающих частей. Их сведения благоприятны. Наступающие с севера углубились в лесные массивы на восемнадцать—двадцать километров южнее шоссе Минск—Орша и заняли населенные пункты Узнаж, Ухвала, Шепелевичи. Кольцо окружения сужается с запада на восток.

— Где мой резерв?

— Ваш резерв в составе двух пехотных батальонов на машинах, с танками, артиллерией и подразделением служебных собак расположен в центре обороны — деревне Василевщина, в ожидании появления противника на любом направлении.

— Противника не ждут! Его ищут. Мне нужны пленные, трупы, трофеи. Вы понимаете, полковник?

— Понимаю, герр генерал.

— Сомневаюсь, господин полковник. Я создал сильный резерв не случайно. Он должен сам, не ожидая подхода бандитов, идти в глубину созданной ловушки, навстречу им. Иными словами, действовать активно. Нам

нужны главари десантных отрядов и партизан, а не солдаты и младшие командиры. Доставьте мне хоть одного из них, и я клянусь, полковник, в тот же миг сниму с себя пожалованный мне фюрером Железный крест и лично украшу им ваш мундир. Вы меня понимаете, господин полковник?

Генерал нервничал, предчувствуя недоброе.

В дом вошел начальник разведки дивизии. С его офицерского плаща и голенищ хромовых сапог тонкими струйками стекала рыжая вода. Было похоже, что он валялся где-то в болотных канавах.

— Господин генерал! — вскинув руку, стал докладывать он.— Разведка обнаружила следы перехода через шоссе большой группы бандитов.

— Где?! — вскочил, как ошпаренный, Дрекслер.

— В одном километре восточнее Погоста.

— Не может быть, капитан! — воскликнул побелевший полковник.— Вы ошиблись?

— Господин полковник! Ваш начальник разведки никогда не ошибается. Я сам лично проверил следы на траве и канавах севернее и южнее дороги. Вот... промок с головы до ног.

— Машину мне! Машину! — закричал генерал, размахивая кулаками. Лицо его апоплексически налилось кровью.

Два «опеля» и крытый брезентом полевой легковик подкатили к залитой рыжей водой придорожной канаве. Ее края в нескольких местах были свеже обвалены. На асфальте валялись куски грязи, отвалившиеся от сапог. Да, тут прошли люди. Много людей. Но полковник, желая как-то сгладить назревающий скандал и хотя бы чем-то успокоить генерала, сказал:

— Но возможно, грязь на асфальте оставили животные... Домашние или дикие...

— Конечно, конечно,— закивал головой генерал и саркастически добавил: — Обутые в армейские сапоги. Вот их явные отпечатки!

Вдруг он осекся. Лицо его просветлело. Он сказал скрипуче, тоном, не допускающим возражений:

— На шоссе нет никаких следов. Вам померещилось, капитан.

— Да, но следы действительно имеются,— растерянно проговорил начальник штаба.

— Я повторяю: нет следов! — тихо, угрожающе оборвал генерал.

— Конечно, никаких следов, герр генерал,— спешно согласился начальник штаба.

— Совершенно никаких,— эхом повторил капитан.

Они поняли, что в этой ситуации лучше солгать себе и высоким инстанциям. Где партизаны? Бог их знает. На то они и лесные призраки, чтобы сгинуть так же неожиданно и непонятно, как и появиться там, где их меньше всего ждут.

Но факт остается фактом. Лесная банда улизнула под самым носом карателей. Если о следах пронюхает гестапо... Генерала прошиб холодный пот. Ведь это же — рядовым на фронт... Генерал сунул под язык таблетку валидола.

К счастью, в штабе его ждало приятное донесение: «На рассвете, в 5.30, противник численностью до роты сделал попытку прорваться через шоссе западнее Белыничи. Попытка отбита. Уничтожено несколько партизан. Наши потери — шесть солдат».

У генерала затеплилась надежда. «Шестеро — сущий пустяк. Важно, что атака отбита и противник не прошел. А прорыв у Погоста? Но кто знает о нем? Эти двое?.. Однако и они смертны...»

Генерал срочно вызвал к себе начальника штаба.

— Из Белыничей получено донесение. Противник появился там. Предпринял первую попытку прорваться. Не исключено повторение более крупными силами. Требуется крепкое руководство операцией отражения.

— Я понимаю вас, герр генерал. Мне надлежит выехать туда?

— Да. Это важно. Именно вы обещали мне изловить главарей лесных банд. За успех — Железный крест!

— Слушаюсь! Разрешите идти?..

— Ступайте. Хайль! Момент, полковник! Возьмите с собой начальника разведки. И пусть не сидит, а шныряет по лесу хитрой лисой. Передайте ему: лично обещаю звание майора за поимку хотя бы одного главаря. Живого!

Когда понурый полковник ушел, генерал коротко перекрестился. Он был набожным человеком.

Усакинские леса. В подпольном обкоме партии

Хороши, живописны леса между реками Березина и Друть, южнее магистрали Минск—Москва! Густы и тенисты. Местами дремучи и непроходимы. Но не уступают им и те, что восточнее Могилева, особенно Усакинские. Густо покрывают землю могучие ели. Смело под их шатром строй землянки, бани, кухни, сушилки, хранилища — все укроют зеленые кроны. Текут тут тихие лесные речушки. Болота полны клюквы, морошки. Запахом грибов пропитан воздух... Лесной простор поистине необозрим. На десятки километров раскинулись первозданные дебри, где только и встретишь сторожки лесников. Там и разместились станы белорусских партизан. Здесь облюбовал себе место и подпольный Могилевский обком партии. Словом, свой лес, свой дом, свои люди, куда путь врагам заказан. Только беспокоило одно. Кончались сутки, а от партизанских отрядов и от Сороки, никаких вестей.

Трудно было поверить, что погибли и такие опытные командиры, и такие бесстрашные испытанные бойцы. Но все могло случиться — на их пути встал серьезный, сильно вооруженный и беспощадный враг. Начальник штаба Алексеев не находил себе места. Огнивцев успокаивал его как мог.

— Не могли же они в воду кануть! Не иголка в стогу сена. Кто-либо да объявится. Подождем еще. Потом сами на поиски пойдем.

К счастью, искать запропавших не пришлось. На третьи сутки лесной лагерь огласился радостными голосами:

— Пришли. Наши пришли!

Объятия. Расспросы. Ответы. Бесконечные рассказы о пережитом, увиденном, услышанном на отчаянно трудном пути. Отхлебывая кипяток, густо заваренный брусникой, живописал товарищам один из молодых партизан:

— А мы, друзья мои, под самой вышкой часового прошли. Умаялся бедолага фашист и уснул. Руки на рукоятках пулемета — голова на руках... А мы и рванули под его арийский храп... Идем, как на параде.

— Не хвастай, если не в курсе событий,— осадил его усатый партизан.— Как ты проходил мимо вышки,

фриц на ней уже спал вечным сном: его из бесшумки по приказу нашего командира Виктора Свистунова наповал срезал десантник Миша Атапин. Вот почему и болталась у него голова, как у подбитой утки. Что же касается твоей храбрости, то видал я, каким «строевым» ты у той вышки шел. Сжался в комочек, как цыплачок перед купелью.

— Так это ж по первости,— без обиды оправдывался молодой парень.

— И в самом деле. Чего к хлопцу пристал?— вступился боец в фуфайке с прогоревшим локтем.— По первости, оно и девушку поцеловать страшно. А тут и подавно — игра в прятки со смертью. Кто ж перед этим песни поет?

— Песни, оно знамо, не поют, а себя в руках держать надобно. Не легко, небось, дрожь в коленках унять. А ты смоги! Говорится же, кто храбрость себе в душу вселил, тот и вражину повалил. Ну, а насчет девиц сдаюсь. Опыта обхождения с ними не имею, хоть и при усах.

— Так мы тебе и поверили! Усы-то для чё? Вся краса в них. Девок в полон брать.

— Да-а,— протянул молодой «оппонент».— Теперь-то успех тебе обеспечен. Вся грудь в орденах! Любая сочтет за честь.

— Не горюй, паря. Солдатская слава за каждым ходит по пятам. Авось и тебя не минет. Ты только сумей с ней подружиться.

— Скажите спасибо, что вовремя вырвались.

— Да. С такой силищей шутки плохи. Это правда, что Гитлер больше двух дивизий на нас не пожалел?

К разговорившимся подсел улыбчивый парень в матросском бушлате.

— Щедрый, щедрый сволочуга. Две дивизии с танками. Это против наших-то автоматов... И все равно у него кишка тонка. Посмотрите, стар и мал поднялись с оружием в руках против супостата. Наша Березина повидала на своем веку и шведов, и Наполеона, и германского кайзера, и польских панов, и разномастных «батьков». Всякой дряни хватало. И все же они бежали без оглядки туда, откуда пришли. А Березина спустила в Днепр всех, кто уже не мог бежать, очистилась от мути и опять осталась непокорной. Так было — так будет! И с Адольфом бесноватым тоже.

— Сама Березина не очистится. Ей помочь надо.

— Так я о том и говорю! Грязной метлой выметать!

— Скоро сказка сказывается. А пока они к Волге рвутся. Под Сталинградом. И никак их оттуда не выкурить.

— Выкурим. Как из дупла ос.

Шутливый разговор явно пошел на убыль. Вот так всегда. Начинается с веселья, а кончается тревогой за положение на фронтах, перед надвигающейся долгой зимой, раздумьями о теплых землянках, которые заиметь бы неплохо пораньше, пока не грянули морозы, о провизии, одежде и обувке и многом другом, без чего партизану жизнь — не в жизнь.

На третий день по прибытии группы на новое место и после предварительной разведки округи Огнивцев доложил в Центр: «Передислокация проведена благополучно. Потерь нет. С питанием и боеприпасами пока обходимся. Начинаем готовить новую базу. Связь с новыми соседями пока не установили. Изучаем обстановку. Настроение личного состава боевое».

Из Москвы незамедлительно пришел ответ. Центр поздравлял с большим успехом и настоятельно рекомендовал установить связь с Могилевским подпольным обкомом партии. Твердо подчеркивал задачу не прекращать боевые действия и разведку на главной магистрали Минск—Смоленск.

— Ну что ж, товарищи. Действительно пора нам и представиться местным партийным органам и Советской власти,— сказал командир Сороке и Ероцкому.— Дорогу к ним наши хлопцы уже отыскали. Так что собирайтесь в путь.

— А далеко ли?

— Ну не в полном смысле на краю земли, но далеконько. Партийный штаб — это высший наш штаб. Вспомните, в какую даль пускались делегаты к Ленину. И никогда, где бы ни находился вождь партии, связь с ним не терялась.

Лесной массив западнее Могилева — это, примерно, сорок километров с запада на восток и более шестидесяти с севера на юг. Лес девственный, не знающий топора испокон веков. Попробуй отыскать в таком урочище укромно и надежно упрятанные землянки под-

польного обкома. Ни дорог, ни указателей... Но бойцы-разведчики уже через два дня после того разговора вели свое командование в подпольный обком довольно уверенно. Примерно, в три часа пополудни на еле заметной в бруснике тропе раздался окрик часового, требующего остановиться и назвать пароль. Через километр пароль потребовался снова, но уже другой. А за ним и третий... Это привело в сущий восторг Ероцкого и Сороку.

— Вот это строгость, порядок. Молодцы обкомовцы!

— Само собой. Без строгости не будет и конспирации.

— И все равно в каждой деревне знают, что подпольный обком действует, что он вместе с народом. Советская власть тоже!

— Интересно получается... Вроде все знают, а гестапо рыскает по округе, всем ногти рвет, а докопаться не может — где именно,— проговорил один из разведчиков.

— В Борисове даже существует специальная школа гестапо по подготовке диверсантов из числа предателей. Сколько ее выкормышей засылалось в партизанские отряды для убийства командиров, отравления колодцев и ведения разведывательной работы, но главным образом — выследить обком. И всех их вылавливали! Тут и наша бдительность, и помощь местных жителей. Вот уж кого не проведешь! Глядишь, бабуся тихая, серенькая, дедок вроде совсем туг на ухо и глазами совсем слеп. А чужака нюхом чуют. И сразу сигнал нам — хватайте гада, пока не ушел!

— А как же! Народ сам охраняет свою партию и свою Советскую власть.

Работники обкома партии принимали десантников в просторной сравнительно светлой землянке. На широком столе, застланном белой, расшитой по краям белорусским национальным узором скатертью, стояли тарелки с салом, квашеной капустой, солеными огурцами, дымящейся развариcтой бульбой, черным, домашней выпечки, хлебом. Среди всего этого богатства шипел, попыхивая парком, большой самовар.

Беседа началась с расспроса о прибывших отрядах, их оснащенности оружием, участии в боевых делах. Гости обо всем рассказали откровенно, по-братски.

Огнивцев подробно изложил задачу, которая поставлена перед десантниками военным советом Западного фронта, и для убедительности показал мандат, где предписывалось командирам партизанских отрядов всеми средствами оказывать его предъявителю полное содействие в работе. Все это произвело на работников обкома большое впечатление. Потом заговорил секретарь обкома:

— Вот так мы живем и работаем. Со дня оккупации области. Трудностей немало. Особенно хватало их на первых порах. Пришлось преодолевать и растерянность, и пессимизм некоторой части людей, и распыленность партийных рядов. Начинали с создания партячеек и партийных групп. Костяк — местный партийный актив, коммунисты-армейцы, оставшиеся по разным причинам в тылу врага, и еще товарищи, прибывшие из-за линии фронта. Немало верных, преданных Родине патриотов оказалось и на местах. Их мы в партию приняли уже здесь. Ну, и результат! Если в первые месяцы нас было раз-два и обчелся, то теперь наша партийная организация — огромная сила. Ее влияние велико. Люди партии есть почти в каждом селе.

— Сейчас у нас уже есть целые освобожденные от врага районы,— с гордостью добавил председатель облисполкома.— В них созданы отряды самообороны. Не удивительно, что враг не показывает там и носа!

— А каково положение в Могилеве? — спросил Огнивцев.

— Весь в развалинах. Но борется. Там действуют несколько надежных и сильных наших подпольных групп.

— Связь с ними есть?

— Да, конечно. Без связи какое же партийное руководство.

— Значит, если нам понадобится, можно надеяться на их помощь?

— Безусловно. И тем более для вас, выполняющих особое задание военного совета фронта.

— В свою очередь, мы обещаем помогать вам,— заверил секретаря обкома Огнивцев.— У нас хорошие новейшие радиостанции, опытные связисты. На территории вашей области в среде врага ведут работу испытанные, преданные Родине люди. В самих наших отрядах собраны хорошие специалисты по подрывному

делу. Они смогут научить партизан этому нелегкому боевому ремеслу.

— Спасибо. Учтем. Мы обязательно воспользуемся вашими радиостанциями, так как у нас хороших «дальнобойных» пока еще нет. А многие отряды вообще никаких не имеют. Пригодится нам помощь и ваших подрывников.

— Хотелось бы, если это возможно, уточнить дислокацию партизанских отрядов в нашем лесу,— продолжал командир.— Нам нужно четко согласовать наши предстоящие действия с партизанами. А то вдруг случайно столкнемся с ними, чего доброго, перебьем друг друга.

— На войне как на войне. Каждую кочку надо сообща обследовать,— улыбнулся молодой чернявый с густой шевелюрой человек в кожаной тужурке.— Сообща!

— Знакомьтесь,— кивнул секретарь обкома.— Осман Мусаевич Касаев — командир 121-го партизанского отряда. Гроза фашистов и верный страж наших лесов.

— Очень приятно. Будем знакомы.

Командиры обменялись рукопожатием. Касаев сказал:

— Добро пожаловать в Могилев. Ключи от города в наших руках.

— С радостью воспользуемся,— сказал Огнивцев.— Как только вызреют обстоятельства.

Секретарь обкома наполнил кружки густым ароматным чаем.

— Будем считать, что мы приняли десантные отряды в нашу семью. Уточните районы вашего расположения у военных товарищей в обкоме и располагайтесь, как вам удобнее. Будем помогать в выполнении ваших специальных заданий всеми силами. Можете всецело рассчитывать на нас. На носу зима. Подумайте о предстоящей зимовке. Дело это хлопотное. При подготовке ничего упускать нельзя.

— А как с партизанскими отрядами? — спросил Семен Ероцкий.

— На общих основаниях. С сегодняшнего дня партизанские отряды, прибывшие из северных лесов, будут подчиняться обкому партии и действовать по его указанию.

— Как обстановка в лесах севернее шоссе Минск—Могилев? — спросил председатель облисполкома.

— Довольно сложная,— докладывал Ероцкий.— Фашисты там сосредоточили около двух дивизий, чтобы расправиться с партизанами и десантниками раз и навсегда. Едва выскользнули из их объятий.

— С местными гарнизонами и полицией около трех,— поправил Огнивцев.— Задумка у них была неплохая: зажать нас в междуречье Березина—Друть, оттеснить к шоссе Минск—Могилев и перебить всех до единого. Но мы, как видите, целы и невредимы. Шоссе перешли без больших потерь. Теперь, как нам известно, каратели штурмуют окруженный пустой лес. Не могут себе поверить, что мы провели их.

— Ну, и пусть себе штурмуют. Задержка двух дивизий с отправкой на Восточный фронт — это немалая помощь Сталинграду,— заключил секретарь обкома.— Ну, хватит пока о делах. Давайте-ка закусим и попьем чайку.

Хозяева и гости занялись обедом. Но разговор не прерывался.

— Как вы расцениваете сложившуюся в наших районах обстановку? — спросил секретарь обкома.— Ведь вы недавно из Москвы, да и постоянно получаете информацию из Центра о противнике. Последуют ли подобные карательные операции в ближайшем будущем в других лесных массивах? В частности, в наших?

— Вряд ли,— сказал Огнивцев.— Леса, что южнее магистрали Минск—Москва, они пытались очистить лишь потому, что безопасная переброска войск и техники на восток по железной и шоссейной дорогам Минск—Смоленск стала практически невозможной. К тому же задействовать против партизан резервные дивизии на длительное время фашисты не смогут, так как они нужны Гитлеру позарез под Сталинградом и на Кавказе Да и зима на носу.

— Ваши выводы совпадают с нашим мнением. Чтобы помочь фронту, обком думает в ближайшее время активизировать работу подрывников на железной дороге Минск—Бобруйск—Гомель, на дороге Орша—Быхов. Не оставим в покое и магистраль Минск—Смоленск. Только у нас плохо со взрывчаткой, да и обученных подрывников пока маловато. Я надеюсь, вы нам поможете и взрывчаткой, и советом. Ведь у вас большой опыт в этих делах.

— Нет вопроса. Поможем обязательно. Одно дело делаем. Хотя и каждый по-своему. В случае чего — попросим у Центра добавки. На эти вещи «фондов» не жалеют,— сказал Огнивцев.

— Как настроение у десантников? Экипировка и вооружение?

— Настроение боевое. Мы вооружены автоматическим оружием. Одеты и обуты хорошо. Маловато на сегодняшний день взрывчатки и боеприпасов. В северных лесах у нас был свой неплохой аэродром. Уже дважды принимали Ли-2 с различными грузами. Иметь такую же посадочную площадку и в нашем лесу — просто необходимо.

— Это нужно и нам, да все никак не соберемся с силами,— единодушно поддержали воспрянувшие обкомовцы.— Для быстрейшего оборудования площадки выделим столько людей, сколько понадобится. Давайте подыщем местечко...

— Как часто будут прилетать самолеты с Большой земли? — спросил один из руководителей обкома партии.

— Трудно сказать. Судя по опыту наших двухмесячных действий, в беде нас не оставят. Будет и оружие, и боеприпасы, и взрывчатка, и медикаменты. Все будет! В достатке. Да и раненых вовремя эвакуируют.

Все более чувствовалось, что симпатии у руководства подпольного обкома к десантникам усиливаются. Оно видело в них не только реальную боевую силу, но и просто хороших людей. Почувствовав эту теплоту, Огнивцев обратился к радушным хозяевам:

— Большое спасибо за братский прием. Надеюсь, что наша боевая дружба окрепнет в совместных действиях против фашистов. Пока мы обживемся здесь и получим с Большой земли материальную помощь, если можете, поддержите нас продуктами. С этим у нас особенно плохо. Издержались.

— Вопросов нет,— его же словами ответил секретарь обкома.— Можете рассчитывать на нашу полную поддержку. Какая еще помощь нужна от нас?

— Еще мы просим вас вот о чем. За два месяца пребывания в тылу врага мы приняли кандидатами в члены ВКП(б) несколько человек, проявивших себя как герои и патриоты в боях с фашистами. Нельзя ли их

прием официально оформить через один из подпольных райкомов или через обком партии?

— Обязательно оформим! Готовьте материалы. И ваши и наши товарищи — люди, несомненно, хорошие, верные, огнем крещенные. Жизнь экзаменует сама.

Они расстались как старые добрые друзья.

Возвращался Огнивцев со своими разведчиками на стоянку десантников в хорошем настроении. Приняли по-братски. Все вопросы утрясли. Связи наладили. О совместных действиях договорились. Чего же еще? Теперь воюй только. Дерзай!

Столкновение в деревне Васильевка

После встречи с руководителями Могилевского подпольного обкома партии десантники отряда расположились в указанных им районах и начали обживаться. Немедля приступили к строительству теплых землянок, кухонь, складов для хранения продовольствия и войскового имущества. Хозяйственники по разнарядке обкома заготовляли в окрестных деревнях картофель и хлеб. Из своего резерва партизаны выделили десантникам несколько быков и коров — для них тоже сооружалось «жилье». Все сообща с большим энтузиазмом готовили посадочную площадку для самолетов.

Не прекращалась ни на день разведка. Отряд имел пока весьма скудные и противоречивые данные о вражеских гарнизонах, расположенных в населенных пунктах между Березиной и Усакинским лесом. Нужно было безотлагательно восполнить этот пробел, изучить противника во всем районе.

Вскоре начальник штаба капитан Алексеев вызвал к себе разведчиков.

— По имеющимся данным,— сказал он,— в населенном пункте Бродец расположен вражеский гарнизон — до взвода гитлеровцев и сорока полицейских. Разведгруппе в составе шести человек во главе со старшиной Виноградом приказываю наблюдением и опросом местных жителей, а если удастся, захватом пленных, уточнить состав бродецкого гарнизона. Надо точно узнать, кто вокруг нас, каковы силы врагов, намере-

ния... Конечно, немало нам известно от партизан, но обстановка быстро меняется. Надо постоянно следить за ней, все учитывать на каждый конкретный день и момент. Короче. Это наша первая вылазка к самому ближнему к нам гарнизону противника. Постарайтесь, друзья, чтобы она была достойным визитом к недобрым соседям.

Почти в это же время комендант немецкого гарнизона в деревне Бродец ставил задачу своим разведчикам, как потом свидетельствовали они сами, очутившись в партизанских землянках отнюдь не по собственной воле, такими словами:

— Настала пора нашего решительного проникновения в леса и окончательного их очищения от банд. Этого требует гауляйтер Белоруссии. Этого ждет от нас сам фюрер!

— Но нас же до смешного мало. Что может сделать моя небольшая группа с партизанами? — сокрушался лейтенант Вернер. Ему так не хотелось искать свою смерть в каких-то паршивых болотах.

— Вы слишком много на себя берете, лейтенант. Вы не командующий карательной экспедицией, а всего лишь командир взвода. Для вас вполне достаточно на первый раз провести разведку населенных пунктов Матевичи и Колоча. Ну а если к тому же пригоните мне оттуда пять-шесть приличных баранов на мясо, буду лично премного благодарен.

— Постараемся, господин комендант.

— В путь, господа. Хайль Гитлер!

Две разведки, десантников и гитлеровцев, повстречались после полудня в деревне Васильевка. Силы их были неравны. Лейтенант Вернер вел взвод, позади которого плелись, постоянно озираясь, несколько полицаев. Старшина Григорий Виноград командовал пятью солдатами. Обнаружили они друг друга не сразу. Немцы, войдя на южную окраину деревни, тот же час полезли по сундукам, погребам, чуланам... Десантники, находясь на северней окраине, у опушки леса, увлеклись расспросами местных жителей, не отказываясь от молока и кваса из клюквы.

Весть об опасности подала Григорию Винограду девчушка лет семи-восьми, прибежавшая в избу с улицы.

Взобравшись к доброму дяде на колени и рассматривая на его груди награды, она сказала:

— А у нас дома тоже военные. Самогонку пьют и сало едят. Только у них не такие висять медали. У них кресты! На зеленых пиджаках.

Виноград вскочил:

— Зеленые пиджаки, говоришь? Кресты?!

— Да, дяденька. Зеленые. И разговаривают — не поймешь ничего.

— Маковец,— крикнул Виноград.— Володька! Живо проверить. Там, кажись, немцы.

Проверка не потребовалась. На улице сразу же сплелась перестрелка. Пули засвистели под окнами. Послышались крики и команды на немецком языке. Всполошились люди, птицы. Чья-то шальная пуля угодила в собаку, и она, истошно визжа, кинулась по деревне. В избе испуганно заголосили женщины, дети...

Старшина Виноград встретил бой без растерянности. Он, опытный боец, был уверен в своих людях, что касается оружия и патронов, то он, как чувствовал, прихватил всего с большим избытком.

— Пулеметчику Клочко залечь тут, возле хаты, и бить по околице. Не пускать немцев на окраину,— крикнул он.— Остальным — перебежками обтекать деревню справа и слева. Патронов не жалеть! Делать вид, что нас много.

Нина Шинкаренко и боец Дмитриев залегли в канаве у изгороди и ударили из автоматов по тем, которые бежали околицей. Виноград и Володя Болдин кинулись огородами в обход. Разгоралась яростная перестрелка. Сперва показалось, что внезапное открытие огня дало преимущества десантникам. Напившись самогонки, гитлеровцы возомнили, что схлестнулись с большой группой красных и с испугу долго вели неприцельный огонь. Но вот фашисты поняли: тут всего-навсего горстка бойцов. Фашисты, используя большой численный перевес, захватили инициативу в свои руки. Бой с их стороны начал принимать все более организованный характер.

Находясь в центре схватки, Виноград быстро оценил обстановку и, поняв, чем все это может закончиться для десантников, дал команду занять круговую оборону в недостроенном новом доме, что в центре деревни. Вражеская пуля сразила его. Командование груп-

пой взял на себя сержант Маковец. Пять советских десантников: Нина Шинкаренко, Дмитриев, Болдин, Клочко и сержант Маковец отражали натиск сорока фашистов.

Несколько раз гитлеровцы и полицаи пытались подойти к дому поближе и забросать его гранатами, но очереди из пулемета и автоматов косили их наповал, прижимали к земле. Озверевшие враги стали наваливаться на дом со всех сторон, взяв его под шквальный перекрестный огонь.

А защитников дома оставалось уже четверо — сержант Маковец был смертельно ранен. Таяли автоматные диски... Десантники, понимая, что они попали в безвыходное положение, решили сражаться до последнего патрона...

Вдруг фашисты шарахнулись, как ошпаренные тараканы. Ничего не понимавшие десантники наконец услышали сильную ружейно-пулеметную стрельбу. Как оказалось, партизаны отряда Баранова, находясь недалеко от деревни, услышали перестрелку и поспешили на помощь десантникам. Фашисты, оставив убитых, бежали безоглядно из деревни. Под пулями партизан и десантников полегла почти половина вражеского взвода.

С того памятного боя завязалась крепкая боевая дружба между десантниками и барановцами, как их звали в Усакинском лесу. Крепко подружились и их командиры. Кондратий Антипович Баранов до войны работал председателем Березинского райисполкома. В первые же дни войны ушел в партизаны и до самого освобождения Белоруссии Советской Армией командовал организованным им же самим 120-м партизанским отрядом. Одновременно он оставался секретарем подпольного райкома партии. Уже к тому времени грудь его украшали многие боевые награды, и Огнивцеву представлялось немало случаев, когда он мог профессионально оценить мастерство и зрелость партизанского командира.

В жаркой короткой схватке погибли, к общему великому горю, коммунист старшина Григорий Виноград, ровесник Октября, уроженец г. Лебедки, Сумской области, доблестный воин, награжденный орденом Красного Знамени и двумя медалями «За отвагу», двадцатилетний комсомолец сержант Маковец Владимир Романович, уроженец поселка Спад Крымской области,

младший командир, успевший заслужить орден Красного Знамени. Он, Володя Маковец, выдвинувшись с пулеметом из дома, занятого десантниками, занял удобную позицию в воронке от взрыва авиационной бомбы и вел такой уничтожающий огонь по фашистам, что задержал их до подхода партизан. Ценой своей жизни Володя спас своих боевых товарищей от неминуемой гибели.

Вечером погибших привезли на крестьянской подводе в деревню Жабовка. По просьбе жителей похоронили героев на самом видном месте.

Немцы больше не появлялись вблизи Усакинского леса. Бараны и куры теперь дорого доставались им. Десантники и партизаны стали желанными людьми: для них были распахнуты и в ночь, и в полночь, как говорится, двери всех изб. Жарко топились неказистые сельские бани, дымились самовары, бойцы и селяне отводили душу в долгих несмолкаемых разговорах о делах насущных, о войне, о несгибаемом и мужественном белорусском народе, о непокоренной Березине.

Партийное собрание

Погода была явно нелетная. Над лесом плыли налитые свинцовым холодом осенние ненастные тучи. В бору, на стоянке десантников, не затухая, жарко горели костры. На одном варился обед, у другого бойцы сушили одежду, у третьего собрались любители покурить и побалагурить, а возле четвертого, под густой размашистой елью, шло партийное собрание.

Собрание только что началось. С докладом выступал подполковник Огнивцев, одетый в теплую десантную тужурку.

— Товарищи коммунисты! Наше партийное собрание проходит накануне 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции,— начал он.— Наш народ и героическая Красная Армия продолжают вести ожесточенные бои на советско-германском фронте. Особенно тяжелые бои развернулись на сталинградском направлении. Для защитников Сталинграда было немало дней, когда после ожесточенных бомбежек с воздуха и минометно-артиллерийского обстрела противника

казалось, что никого и ничего больше там не осталось, ибо ничто живое не способно вынести такого адского огня. Но стоило противнику двинуться в атаку, как один за другим оживали окопы и огневые точки, а вскоре и весь передний край ощетинивался, вновь и вновь опрокидывая врага. Мы берем достойный пример с защитников Сталинграда, стараемся как можно лучше выполнять боевую задачу, поставленную перед нами военным советом фронта.

Можно сказать, что сегодня мы подводим итоги первого этапа нашей борьбы в глубоком тылу вражеских войск. Как он у нас прошел? В общем, неплохо. Наши отряды пустили под откос двенадцать вражеских эшелонов с живой силой и техникой, стало быть, внесли и свой скромный вклад в дело обороны Сталинграда. Вполне возможно, что некоторые из этих эшелонов предназначались для пополнения гитлеровских дивизий, рвущихся к Волге. Но мы не позволили им дойти до Сталинграда. Проделана большая работа по разведке. Ее важные данные систематически передавались командованию фронта. Организован ряд подпольных диверсионных и разведывательных групп в Борисове, Крупках, Орше. Фашисты уже не досчитались десяти эшелонов с горючим. Они были сожжены магнитными минами подпольных групп.

Нами проводится большая массово-политическая работа среди местного населения. Налажены деловые связи и организовано взаимодействие с партизанскими отрядами. И во всех этих делах коммунисты отряда были всегда первыми. Их мужество, героизм, сметка восхищали всех.

Вспомним боевые дела командира отряда Артура Карловича Спрогиса, Лели Колесовой, Григория Винограда, Нины Шинкаренко, Ани Куликовой... Это мужественные, героические люди. Они никогда не знали страха в борьбе и не жалели себя ради победы. Их девизом было: «Победить, одолеть, перехитрить, выведать, бить наверняка!»

Но, товарищи, надо признать, что не все у нас прошло гладко, без ошибок и потерь. В боях на героической белорусской земле мы теряли и своих дорогих боевых товарищей. Ранен командир Спрогис, погибли Леля Колесова, разведчик Березка, переводчик Озол, старшина Григорий Виноград, сержант Маковец...

Ушли от нас навсегда три отважные девушки-десантницы, трагически погиб лихой разведчик Алимхан Сандыбаев. Все они страстно хотели жить, разгромить врага и дойти до светлого дня Победы. Почтим же их память минутой молчания.

Все встали. Старая ель замерла, как часовой на посту. Тишина сбняла бор. Только потрескивали черные поленья дров да о чем-то своем лопотал вечный огонь. Угли — одни таяли, другие алели бутонами майских маков.

— Прошу садиться, товарищи,— кивнул командир.— Долг памяти отдан. Но до тех пор, пока мы живы, пока будут жить наши потомки, память о павших за Родину не исчезнет. Ей жить века!

Год тому назад, товарищи, в калининских лесах погиб украинский хлопец Ковеза. Кто он мне? Сын, брат?.. Сержант, командир танка. А я его помню. Стоит он у меня перед глазами, как живой. Я к чему обо всем этом говорю? А к тому, что память о наших боевых товарищах разжигает нашу ненависть к врагу, усиливает наши удары по нему. Мы, коммунисты,— люди особого склада. Наши слезы скупы, но ярость сильна. Враг под Сталинградом обливается кровью, но лезет к Волге. Он пока не раздавлен. И будет жить, пока бесноватый Гитлер будет посылать все новые дивизии под Сталинград из резерва. Они мчатся по железной дороге мимо нас с вами, товарищи. Наш долг...

— А, значит, наш долг — их не пропустить,— докончил за Огнивцева фразу парторг Колюпанов.

— Как видите, задача возникает как бы сама собой.

— Но мы же только что ушли оттуда, от железной дороги.

— Как ушли, так и придем к ней. Пусть меньшими по числу, но не менее крепкими по духу группами. К тому же на юге проходит столь же важная железнодорожная магистраль Минск—Бобруйск—Гомель. Будем делать так, чтобы летели под откос вражеские эшелоны как на северной магистрали, так и на южной. Уничтожая живую силу и боевую технику, горючее и боеприпасы, военное снаряжение врага, здесь, в глубоком тылу, мы будем помогать фронту.

Однако и в новом районе нашей главной задачей остается разведка и еще раз разведка противника. В ближайшее время нам предстоит создать разведыва-

тельные группы в Бобруйске, Осиповичах и Могилеве. В этом важном деле мы должны широко использовать опыт нашей работы в Борисове, Крупках.

Командир перевернул страничку записной книжки, продолжал:

— Второе, товарищи! Подготовка к зиме. Вопросы нашего, так сказать, выживания. Слово «выживание» я употребил не случайно... Некоторые бойцы, испытавшие трудности прошлой военной зимы, рассуждают примерно так: «Главное — выжить зимою, а там и на трофеях выедем». Но разве дело только в том, чтобы выжить? Запастись провизией, закрыться в теплых землянках и сидеть? Нет, товарищи. И летом и зимой мы будем вести разведку, совершать нападения на вражеские коммуникации. Этого требует Родина. Расхолаживаться нельзя. И растягивать сроки благоустройства тоже. Грянут холода — земля замерзнет. Тогда нам будет туго.

Еще страничка записной книжки.

— Третье, товарищи. Это продовольствие. Как вам известно, запасов у нас в этом районе, по сути, нет никаких.

— Всего на трое-четверо суток,— уточнил хозяйственник коммунист Паучок.

— Вот видите!.. Запасы продовольствия надо создавать. Хозяйственники должны немедля отправиться по окрестным деревням и начать заготовку картофеля и капусты. Обком партии и облисполком разрешили нам брать в счет выполнения деревнями, колхозами плановых поставок, установленных Советской властью. На первый случай, как говорят, на обзавод, нам выделено пять голов крупного рогатого скота. Это неплохо, но этого очень мало. Скотину будем брать у оккупантов и их прихвостней.

— А кормить скот чем? Надо подумать о заготовке кормов.

— Это уже продумано. Коров мы оставим у крестьян временно. Пусть они пользуются молоком от них, а когда нужно будет, мы их заберем. У них есть в наличии сено, солома, корнеплоды. По две-три коровы на деревню — продержат!

— Это хорошо придумано. Дельно.

— Далее, товарищи. Решая боевые и хозяйственные задачи, мы ни на минуту не должны забывать о по-

литическом воспитании бойцов и командиров отряда. В зимние вьюги, долгие темные ночи у нас будет свободное время. Его надо использовать для политических занятий, политинформаций, бесед, читок книг... И все это возглавить должны вы, товарищи коммунисты. Можно назначить чтецами, беседчиками наиболее подготовленных комсомольцев. Так я говорю, товарищ Юферев?

— Так, товарищ командир. Могу вам доложить, что я уже создал кружок литераторов. Ребята живо интересуются книгами, да и сами кое-что сочиняют...

— Ну, вот видите! Дело начато. Зеленую ему дорогу. Еще об одном,— продолжал докладчик.— Зима в Белоруссии, по рассказам стариков, снежная и вьюжная. Оккупанты на машинах далеко не разгонятся, дороги будут заметены. И если они куда-нибудь и попытаются сунуться, то только на лошадях. А отсюда какой вывод напрашивается?

— Обзавестись лошадьми и сделать отряд не менее подвижным, чем у фашистов и полицаев,— высказался Алексеев.

— Правильно, Николай Федорович. На первых порах посадить на сани разведку, а затем и весь отряд.

Заканчивая свое выступление, докладчик призвал усилить удары по врагу и бить его по-сталинградски. Сразу же начались прения. И у каждого коммуниста на устах — лютая ненависть к фашистам, призыв к усилению ударов по врагу.

— В трудном сорок первом, когда враг рвался к Москве, мы верили Родине, нашей партии, что враг будет остановлен и разбит,— говорил старшина Озеров.— И это сбылось. Мы убеждены, что враг будет разбит и под Сталинградом. Недалеко то время, когда заря победы поднимется над нашей Родиной. Наша задача — ускорить появление этой зари и, не жалея сил, здоровья и самой жизни, беспощадно истреблять врага и этим самым помогать фронту.

— Слово предоставляется начальнику штаба коммунисту Алексееву! — объявил председатель.

Огнивцев смотрел на Алексеева и думал: «Вот тебе и начальник штаба оперативной группы. Давно ли было, когда он командовал взводом? Думал ли кто в первом памятном походе в тыл немцев под Велиж, что Алек-

сееву придется занять такой ответственный и беспокойный пост...»

— Мой разговор пойдет вот о чем, товарищи,— начал Алексеев.— Приближается зима. Нам надо подумать об активизации наших действий в условиях зимы. Я вполне согласен с предложением докладчика сделать наш отряд маневренным, особенно нашу разведку. А раз это так, то возникает возможность расширить район боевых действий против оккупантов. Не оставляя в покое магистраль Минск—Смоленск, мы можем и должны наносить удары по врагу на железной дороге Минск—Бобруйск—Жлобин, по гарнизонам фашистов и их полицейских прихвостней в этих районах. У нас еще нет достаточного опыта боевых действий в глубоком тылу врага в зимних условиях, но это дело — наживное. Зима не менее благоприятна, чем и все другие времена года. Взять хотя бы маневренные возможности отряда. Они зимой ничуть не хуже, чем у наших врагов. Фашист на санях — и мы на них. Да, наверно, наступила пора всерьез браться нам за изменников Родины, которые кое-где подняли голову и выслуживаются как только могут перед фашистами,— продолжал Алексеев.— И навести порядок не только в близлежащих селах, пора бы заглянуть и подальше, скажем, на Гомельщину. Показать немецким прихвостням, что Советская власть достанет их везде и сумеет покарать предателей, где бы они ни гнездились. Попутно можно за счет изъятия у них награбленного колхозного скота пополнить и наши продовольственные запасы.

После того как закончил свое выступление Алексеев, слово взял парторг политрук Колюпанов:

— Мы с вами, товарищи, действуем в необычных условиях — в глубоком тылу врага. Я прошу вас еще и еще раз осознать это. Обстановка требует ежечасно и ежеминутно от каждого из нас высокой бдительности и железной дисциплины. А у нас, к сожалению, еще встречаются и ротозейство, и прямые отступления от требований воинских уставов. Почему, скажем, Озол пошел один без разрешения командира группы в село, занятое противником? Мы скажем: его повело туда беспокойное сердце воина-патриота, ненависть к врагу и жажда мщения, стремление выполнить долг разведчика. Но, с другой стороны, непонятная беспечность... Расплата последовала за забывчивость, отступление от

приказа командира. Есть у нас и другие внушающие тревогу примеры. Значит, что же? Какой вывод для нас? Почему так бывает? В сутолоке важных боевых дел мы забываем о человеке, о воспитании людей. Неверно полагать, что человек сам все поймет, до всего дойдет. Коллектив обязан влиять на каждую отдельную личность с высоты общих интересов. С этого начинается дисциплина, ответственность человека не только перед собственной, но и перед совестью всего коллектива. Наши задачи усложняются. Их нам не выполнить, если наша дисциплина не станет осознанной и крепко связанной с каждым конкретным нашим делом. Будь это всегда так — не потеряли бы мы сегодня Озола и тех славных ребят, которые увлеклись в деревне кваском так, что вовремя в Васильевке не заметили фашистов и оказались в окружении врагов.

Парторг говорил дело. Все понимали, что он прав. О воспитании чувства ответственности говорили все коммунисты. Потом разгорелись страсти по поводу мобильности отряда. Не все было тут ясно.

— Скакать с места на место зимой не будем. Это утомительно и неразумно,— уточнил командир в заключение.— Главная наша база — Усакинский лес. А вот устраивать вылазки небольшими группами, прощупывать врага на севере, на юге, на железнодорожных магистралях и в отдельных гарнизонах разумно. Это нам разрешено и даже предписано самим Центром.

Партийное собрание обсудило жизненно важные проблемы. В принятом решении указывалось, что коммунисты и все десантники в зимних условиях сделают все, от них зависящее, чтобы активно вести разведывательную работу, мешать регулярной переброске войск и боевой техники по железным и шоссейным дорогам на восточный фронт, что коммунисты, как и прежде, будут примером храбрости и мужества в боях с врагами.

Уходя с собрания, коммунисты чувствовали себя так, будто получили новую духовную зарядку перед предстоящими большими делами.

В окруженном районе

Операция «Берта» против партизан и десантников, окруженных в лесах междуречья Березины и Друти, началась точно в назначенное время. На западном берегу Березины заняли оборону воинские подразделения гарнизонов Борисова и Березино, усиленные полицейскими. Восточный берег Друти наводнили воинские части, переброшенные из Могилева. На шоссе Березино—Белыничи обосновались полки регулярной пехотной дивизии. Словом, куда ни кинь — везде клин. Главная роль отводилась, разумеется, дивизии СС. Вместе с полицейскими частями ей предписывалось «прочесать» каждый кустик от магистрали Борисов—Толочин до шоссе Березино—Могилев.

Рано утром в местечко Бобр, расположенное в центре района предстоящих боевых действий, подкатил в черном лимузине, сопровождаемом бронемашинами и легкими танками, сам генерал Штернеке — командующий карательными войсками. Здесь располагался штаб дивизии СС. Он вышел из машины в черном кожаном реглане, подергивая плечами от утренней прохлады. Командир пехотной дивизии генерал Штрассер доложил:

— Господин генерал! Дивизия готова к уничтожению лесных банд. Я и вверенные мне доблестные воины фюрера с честью выполним его приказ. Дивизия ждет вашего сигнала.

— Фюрер и я, ваш командующий, надеемся, что вы достойно справитесь с поставленной задачей,— обратился Штернеке к командиру дивизии.— Начало боевых действий в восемь часов утра. Я поздравляю вас с началом операции «Берта». Хайль Гитлер!

— Хайль!

В первый день боя части дивизии, продвигаясь от шоссе по болотам и труднопроходимым лесным массивам, углубились на юг до десяти километров и заняли деревни Выдрица, Новые Денисовичи, Шепелевичи. Находящиеся в лесах небольшие группы прикрытия партизанских отрядов, ушедших заблаговременно на юг, да отдельные диверсионные группы, возвращающиеся с железной дороги к своим отрядам, оказали яростное сопротивление фашистам. Внезапными засадами на лесных тропах и проселках они наносили большие потери живой

силе противника. Гибли десятки эсэсовцев, линейных солдат и полицаев.

Не находя в лесах убитых и раненых, не имея ни одного пленного, фашисты всю свою злость направляли на мирных жителей белорусских деревень. Уже пылали крестьянские хаты в Выдрице, Осове, Еджаре. По доносам предателей были расстреляны десятки жителей, сочувствующих и помогавших партизанам и десантникам. Погибли главным образом женщины и дети! Такая же участь постигла и деревню Гумны.

Это была жестокая, заранее разработанная политика истребления советских людей на оккупированных территориях. Сейчас ее называют политикой геноцида.

В ту осеннюю зорю нудный дождь так укачал деда Улея, что он решительно не слыхал ни близкой артиллерийской канонады, ни нарастающей трескотни автоматов... Очнулся он только тогда, когда старуха начала дергать его за бороду:

— Да очнись ты, старый! Очухайсь... Эко тя разморило. Слышь?

— Что? Ась? — проснулся старик.

— Беда, старый... Немец к Гумнам подходит. Народ у избы собрался. Совета твово просит.

Сборы старика недолги. Зипун на плечи, шапку на голову и за порог. А у крыльца, кажись, уже селяне собрались. Кто с узлом, кто с мешком иль корзиной, у кого на мутузке, веревке, домашняя скотина. Тут же, меж старыми и женщинами,— дети. Заплаканные глаза, испуганные лица, немые вопросы... У детей, как и у взрослых, в руках узелки или хотя бы что-то из покинутого дома: кружка, ведро, кувшин, одеяльце, платок, тряпичная кукла... В корзине одного мальца — серый котенок. Безвинными, непонимающими глазами смотрит он на мир, на людей, зачем-то собравшихся у ветхой, пахнущей сырым мхом избушки.

— Веди, дед Улей, выручай люд,— обратилась к хозяину избы седовласая женщина, опирающаяся на дубовую палку.— А не то беда. Всех порешит лихоимец.

— Значит, решились,— старик перекрестился.— Ну, слава богу. Еще надысь говорил: «Сбирайтесь. Не ноне, так завтра заявятся супостаты». Вон они как прут... Хрен им в дыхло!

— Ах, Улей, Улей... Да кому не жалко покидать гнездо родное. Тута вся жизнь прокатилась.

— Какое гнездо? Птице вон тоже не одно гнездо вить приходится. Главное — люд сохранить, детвору... А гнилушки энтие... — дед пнул ногой в трухлявый угол,— тьфу! Ешшо понастроим. Были б руки целы да голова на плечах.

Старик выдернул из изгороди палисадника увесистую палку, надвинул шапку на глаза и, не оглянувшись, зашагал околицей, уводящей к черному лесу. С севера на деревню наседала беспорядочная трескотня автоматов и лающие гортанные не то радостные, не то испуганные голоса иноземцев.

Старик, чуя все это, шел впереди своих гуменцев ходким шагом. Он ворчливо ругал тех, кто его не послушал, не ушел вчера еще, но подавал людям голос, полный доброты и надежды:

— Поспешай, бабоньки! Поспешай, родные... Деток на руки берите, кои устали... Нам лишь на верст пять от ирода оторваться. А там ищи нас, свищи... И оторвемся. А чему бы и нет. Они ведь не враз за нами попрут. У костров погреются, по дворам да погребам покель пошарят... А как же... Дело звестное. Так-то и хранцуз себя вел при Бонопартии...

Каратели в Гумнах задержались на несколько часов. По указанию бургомистра Станкевича они сожгли десяток избенок, расстреляли за связь с партизанами девять стариков и женщин да еще пятнадцатилетнего мальчонку... Сожгли и дом деда Улея, а его самого хотели расстрелять, но не нашли. Долговязый, очкастый обер-лейтенант в сопровождении трех эсэсовцев и начальника полиции обыскали всю деревню, близлежащие кустарники, баньки и сараи, но дед Улей исчез.

Местная полиция искала еще некоторых жителей деревни, чтобы расправиться с ними за помощь московским десантникам, но их также в деревне не оказалось.

Услышав трескотню автоматов, дед Улей, как его ни просили остановиться передохнуть, начисто запретил привалы:

— Терпите, бабоньки! Потерпите, детки. Чуток осталось. Малая малость... Минуем березняк, осинник, а там и привал. Нам бы только минуть болото.

— Это ты про какое, дед?

— Про Совье, кума, там, где журавли водились.

— Ой, матушки! В такое бучило! Утопнем с детворой.

— Бучило-намочило, эка заскулила,— обозлился дед.— Кто-то, может, и утопнет не знаючи, а коль с умом да понятием, и в целости перейдет.

— Рази дорогу знаешь?

— А то как же! Повел бы я туда такой колон... Дудки. Я еще третьего дни туда стопал да собственными ногами бучило смерил.

— Рази надоумил кто?

— Было кому. Помалкивай... Советская власть люд свой в беде не покидает.

— Ну, дай бог здоровьица тем людям.

Колонна, растянувшаяся на добрых триста метров, медленно втягивалась в хмыз, повалье, камыши... Все крепче и гуще пахло болотом. Дождь усилился. Облака опустились ниже и слились с седым туманом. Где-то в обломанных ольхах пугающе кричала сова. Дети жались к бабушкам, матерям, тихо хныкали:

— Бабушка! Бабулечка... На руки... на ручки меня... У меня так устали ножки.

— Цыц! Замолчи! Крепче за юбку держись.

— Ах, горюшко, горе!.. За что же людям страдание такое?

— Об этом знает только бог.

— И бог тож хорош. Нет бы накликать мор на супостатов.

— Накличет...

— Покель дождешься, и косточки сгниють.

— Семушка! Сема... К чему мне итить? Силушки больше нема. Оставь меня тута, под ольхою. Спокинь...

— Уймись, кому говорят! Не то по шее дам за срамоту такую. Идем!

— Ох, знают ли солдатики, сыночки наши, что мы тут переносим?

— Эй, проводник! Ну, скоро там конец этой топи?

— Скоро, бабоньки. Скоро, детки. Еще сто кочек, еще двести полкочек, три-четыре ручейка — и спасение,— отвечал старик, держаясь за кочку и передыхая по колено в рыжей жиже.

— А толк какой, коль перейдем? Все одно в холодной воде детвору погубим.

— Уймись! Торхв — он свое тепло имеет. Согреет и нас.

Пальба на какое-то время утихла, но затем снова возобновилась, кажется, все ближе, все плотнее. Справа и слева от людской цепи рвануло по мине. Одна шмякнулась в грязь, совсем близко от людей, но не разорвалась.

Треск валежника, булькота, брызги, приглушенная ругань, детский плач, слова, обращенные к богу, и все тот же бодрящий голос старого проводника:

— А ну, бабоньки! А ну, детки!..

А болото все не кончалось и не кончалось. Напротив, оно расхлестывалось все шире и неогляднее. Шумел под ветром сухой камыш, вздыхали выбившиеся из сил женщины, плакали на руках и посаженные на кочки дети. Но люди, спасаясь от фашистских пуль, молча, отдавая последние силы, преодолевали противное, но в эти минуты дававшее людям надежду, бучило. И вот, наконец, перед наступлением сумерек на горизонте показалась гривка небольшой рощи. Это был лесок на заветном небольшом сухом островке средь обширного болота, о котором знали в деревне немногие, в том числе и дед Улей. Он и привел на этот островок стариков, женщин и детей, чтобы избавить их от надругательств, пыток и смерти.

Батальон майора Краузе преследовал небольшие группы партизан второй день. Порой казалось, что недостаточно обученные военному делу партизаны уже окружены и вот-вот будут уничтожены или взяты в плен. Но каждый раз они ускользали из-под самого носа господина Краузе, нанося ощутимые потери его батальону. Уже было убито восемь и ранено четырнадцать солдат. Такое развитие событий становилось ему не по душе, и он решил за все свои неудачи отыграться на жителях белорусских деревень. Но и тут ему не повезло: большинство местных жителей заблаговременно ушли в труднодоступные леса и болота.

Майор Краузе знал, что самыми активными помощниками московских десантников и партизан были жители деревни Гумны. К ним он и решил предъявить особый счет. Но каково же было его удивление, когда он в этой деревушке не обнаружил почти никого... По доносу полицаев он знал, что крестьян из деревни увел старик по имени Улей. И это очень раздражало Краузе.

Солдаты из дивизии СС вкупе с местной полицией схватили одного больного старика. При его помощи они надеялись напасть на след деда Улея и уведенных им жителей, но безрезультатно. В дальнем бору при подходе к непроходимому болоту майор Краузе обнаружил на стоянке лишь дым гаснувших костров да огромный кусок бересты с надписью углем: «Фашистский прохвост! Лови-ка лучше Гитлера за хвост».

Сорвав с дерева бересту, Краузе в ярости растоптал ее и измученно опустился на болотную кочку. С мундира его и сапог стекала болотная грязь. Обозленные, красные от бессонницы глаза его тупо смотрели на тропинку в болотной ряске, по которой проклятый старик увел свое «войско». Конечно, если бы батальон захватил хотя бы несколько десантников или партизан, он не гонялся бы по болотам за бабами да престарелыми мужиками. Он уже дважды докладывал по радио командиру полка, что в полосе действий батальона лесных банд нет. Но из штаба полка с издевкой отвечали: «Ищите! Иначе чем вы можете оправдать потери солдат фюрера, расход боеприпасов». И в самом деле, чем?..

Темнота сгущалась. Болото дышало прелью и могильным холодом. Из олешника доносился режущий душу скрип сухого дерева. Точно так скрипел гроб с телом командира соседнего батальона, когда его опускали в могилу вчера... А может, это только казалось...

Нет! В это болото он, Краузе, не полезет. От болота пахнет могилой. Туда не лезут даже собаки. Проводники нещадно бьют их, бросают вперед, но они виновато скулят и возвращаются назад.

— Господин майор! — обратился один из проводников, державший на поводе мокрого дрожащего пса серой масти.— Собаки выбиваются из сил. Дальше идти не могут.

— Вернуться в бор! Разжечь костры! Обсушиться. Пленного старика ко мне!

Под охраной двух эсэсовцев пленного старика лет семидесяти, рослого, но очень поджарого, в деревенском кожухе и чеботах подвели к одному из первых разгоревшихся костров, где отогревался Краузе. Майор неплохо вызубрил русский язык в военной академии и поэтому начал допрос без переводчика:

— Старый человек... — вежливо, почти ласково заговорил майор Краузе.— Будем откровенны. Положение

ваше тяжелое, почти безнадежное. За связь с партизанами, а она доказана,— вы шли с партизанами, мы вправе вас расстрелять.

— Никаких партизанов я не знаю и не ведаю,— ответил старик.— Я шел со своими братами-гуменцами. Куды оны шли, туды и я шел...

Краузе пропустил слова старика мимо ушей.

— Да, да, старина. Мы можем вас пах-пах — и могила. Но мы, офицеры великой Германии, гуманны. Мы разрешим вам жить, видеть этот лес, ваша прекрасная река Березина, ваш замечательный болото,— Краузе с отвращением поморщился.— О! Мы знаем! Вы любите свои эти болота. Не так ли?

— А кто же их не любит, свои речки-то да болота,— вздохнул старик.— С ними вся жизнь наша связана.

— Вот видите. Вы тоже с нами согласны. Какая радость ходить сюда за грибами, клюквой... Вы любите грибы, жаренные в сметане, в коровьем масле?

— Отжарили,— опять вздохнул старик.

— А кисель из клюквы? О! Это наслаждение. Это высший класс витамин! И все это мы разрешаем вам, даем... Берите, пользуйтесь, наслаждайтесь.

— Отнаслаждались. Ни тебе грибов, ни клюквы... Все позабирали...

— О, старик! Германская армия забирает все только у тех, кто не подчиняется новому порядку. Но того, кто помогает нам и хорошо служит великой Германии, мы не трогаем. Вы тоже можете стать почетным и богатым стариком! Вас ждет высокая награда. Вас примет сам гауляйтер Белоруссии и вручит Железный крест от фюрера!

— Стар я ходить по вашим ляйтерам да хвюлерам... И крест, ежели деревянный... Скоро уже спонадобится. А железный мне ваш ни к чему. Я не пес, какому вешают побрякушки на шею.

— О! Я вижу, вы подумали, что мы вас покупаем, заставляем на нас работать. Ничего подобного. Нам нужна от вас ничтожная, малая услуга. Скажите нам, как называется это болото?

— Болото оно и есть болото,— ответил угрюмо, глядя куда-то в свое, старик.

— О, нет. Вы не поняли нас. В Белоруссии очень много болот, но мы знаем, что у каждого тут есть свое

название. Вот мы и желаем знать, как называется это.

— Заблудились, значить... Не знаете, куда зашли, горемышные,— покачал головой старик.— Вот оно какое дело. Вот какая оказия.

— Да, да, оказия... Подскажите... Мы это оценим. Хорошо оценим. Высоко!

— Рад бы, да кто ж ведает, как оно прозывается. У нас свое прозвание: ближнее, дальнее, глыбокое.

Краузе видел, что старик хитрит, и сам принял его игру.

— Да, да. Я охотно верю. Вы не знаете. Но скажите, клюква на этом болоте есть? Вы на этом болоте ее собирали?

— Не помню. Може, есть, а може, и нет. Скорее всего, не водится, не растет.

— Откуда вы знаете, что на этом болоте не растет?

— Запросто. Болот у нас, как сами зволили заметить, множество. А разве про все упомнишь.

— Но возможно, знает об этом тот, который увел жителей Гумны в эти болота?

— А кто ж его ведает. Можа, и знает. Ты его спроси, барин.

— Он у вас что... бывший военный? Бывший офицер?

— Можа, и охвицер. Кто ж его знает. Нам-то оно какое дело? Ведет и ведет. Лишь бы увел от беды подале...

— Какой беды?

— Да от вас же. Вы же несете нам что? Беду. Слезы. Горе... Кто ж с вами будет лобызаться? Развы выродок какой, паскуда.

Краузе выхватил у солдата, сидящего рядом, автомат и ударил старика по лицу прикладом. Старик упал. Но тут же поднялся. Кровь залила его щеку.

— Ирод ты окаянный. Не будет тебе и на том свете прощения. И всем вам, кто пришел на нашу землю, на Березину...

— Расстрелять! Живо! Утопить в болоте!!! — закричал, брызжа слюной, Краузе.

Несколько солдат подхватили старика под руки. Майор остановил их:

— Айн момент! Я даю ему последнее слово. Возможно, этот старый осел все же захочет жить и ухаживать за своими внуками. Ну! Мы ждем. Говори!

— Скажу, чего же... Плохи ваши дела, пришлые господины. Дюже плохи, коль вы дряхлого, больного старика принимаете за партизана. Ну, ладно. Стариков и старух вы побьете. А тех, что ушли на восток да за болото? Вить они вернутся! Обязательно воротятся! И за все, за все до кровинки, до спаленного бревнышка спросят с вас, паразитов!

Старик хотел сказать еще что-то, но ему не дали. Его брезгливо подхватил сам Краузе и, торопясь, точно боясь, что он вырвется и убежит или, пуще того, у самого лопнет сердце от злобы, и он не успеет рассчитаться с этим полумертвым наглецом за провал допроса, поспешил к болоту. Он пинками подогнал старика к самой воде, рыжей и затхлой.

Над болотом уже взошла луна, и та тропинка на воде — в расступившейся ряске, по которой прошло население, поблескивала, светилась, как показалось обреченному старику, слезами родной земли. И ему увиделось в последнее мгновение раннее росное утро его детства. Он шел босиком по мягкой пыли деревенской колесной дороги, и путь казался ему бесконечным.

Ушедшие из-под удара карателей гуменцы и присоединившиеся к ним жители других деревень остановились в густом ельнике на островке среди большого болота и, едва передохнув, окружили деда-проводника:

— Что дальше-то? Как?

— Ни кола, ни двора...

— Погибнем тут...

Дед сердито топнул ногой:

— Цыц! Не зуди, как комар. «Ни кола, ни двора!..» Двор те подай, избу с половыми дорожками. Ишь чего захотела! Скажи, что живы остались, вырвались из лап лиходея. А кол и двор придет. Ноне тысячи людей без ничего остались. Вокруг Минска, Могилева, Борисова, сказывали, ворог порушил десятки деревень. Так что не одни мы в таком положении. Терпи!

— Сколько терпеть-то? День, два, неделю? А ежли зиму? Померзнем ведь, как мухи.

— Цыц, баба! — опять зашумел дед.— Я те дам муху! Фашист сдохнет, как муха, а мы на своей земле не пропадем!

Дед Улей и его «войско» отсиделись на островке посреди непроходимого болота пять дней. На шестой пришли на островок пять человек партизан. У каждого из них на груди висел автомат. На головных уборах горела полоска алой ленты. Статный высокий блондин обратился к деду Улею:

— Я из подпольного райкома партии. Мы пришли разъяснить вам обстановку и помочь выбраться из этого болота.

— Вот хорошо-то! — обрадовались поселенцы болотного островка.

— Сам бог послал вас сюда. А то уж помирать решили.

— Расскажите...

— Рассказ мой будет недолог. Как вам уже известно, в наших лесах жили и активно действовали десантники и партизаны. Под ногами фашистов горела земля. И вот, чтобы расправиться с народными мстителями, фашисты бросили в бой большие воинские силы. Окружить их и уничтожить, значит, хотели. Но господа оккупанты просчитались. Могу сообщить вам, что все наши боевые отряды благополучно ушли из-под удара и сосредоточились в другом надежном месте.

— Они-то ушли, а мы? — вздохнула одна из женщин.

— Ушли и оккупанты. Дело в том, что положение на Восточном фронте у них крайне тяжелое. Под Сталинградом немцы несут тяжелые потери. Сталинград стоит! Сталинград наносит сильные удары по фашистам. Гитлеру до зарезу нужны новые дивизии. И он распорядился перебросить войска, которые воевали против партизан и десантников в нашем районе, под Сталинград.

— Вот бы их, паразитов, под Сталинградом всех положили, будь они трижды богом и людьми прокляты.

— Придет час — достанется им не только под Сталинградом! Поднимется вся Белоруссия! А пока ваша задача — с нашей помощью вернуться в родные села, беречь своих детей и внуков и, как прежде, оказывать посильную помощь партизанам и десантникам. Райком партии призывает вас, товарищи, к выдержке, терпению, стойкости, твердой вере в победу над заклятым врагом. Белоруссия живет! Белоруссия борется. Советская Белоруссия победит!

Ночь на лесном «аэродроме»

Грустен партизанский осенний лес в ненастную пору. Сумеречно, неуютно, сыро. Катятся по иссиня-черным лапам елей слезами плачущих матерей тяжелые дождевые капли, зябко вздрагивают, стряхивая с себя никчемную влагу, березки, ольха, осинки... К кустам не подходи — станешь мокрым враз! В болотца, мочажины, вчера еще вполне проходимые, не суйся — утонешь. Да и на боевые дела не то, что в погожие дни, идти. Чавкает под ногами вода, шумит на полверсты мокрая плащ-палатка.

Но и лесная жизнь — есть жизнь. Бойцы не на грибных заготовках, не на праздном отдыхе. Неустанно несут службу часовые и дозорные, хлопочут под навесами, у костров, повара и хозяйственники. В землянках идут политические занятия, беседы... Штабники корпят над топокартами — наносят новые разведывательные данные. Ни днем, ни ночью не прекращаются работы на лесном «аэродроме», сооружаемом в семи километрах от основной стоянки. Место для него выбрано удачное — песчаная поляна в бору, расчисти ее и пользуйся! Но лейтенант Паучок придирчиво осматривает взлетную площадку, бойцов заставляет там подровнять, там подсыпать...

В третий раз приехали на «аэродром» командир и начальник штаба. Они прошли по нему из края в край. Остановились на опушке леса. Сосны и ели все еще роняли капли. На полоске кое-где поблескивали лужицы.

— Площадка, как видите, готова, товарищ командир,— сказал начальник штаба.

— Да, готова,— хмуро согласился Огнивцев.— Но вот погода подвела. Хотелось на праздники в столице побывать. Не довелось. Вызов-то когда был, а самолета все нет и нет...

— Мы не одни у Центра, товарищ командир. Может, кто-то нужен был раньше нас.

— Не думаю. Мы не на второстепенном направлении. Дорога Минск—Москва — это главный нерв немецкой группы армий «Центр».

— Коль так, то и беспокоиться нечего. Будет самолет! Вон, приглядитесь-ка, на небе и голубой лоскуток высветился. Авось распогодится.

— Где? — спросил, сняв с головы мокрый капюшон, Огнивцев.

— Вон там, за болотом, на взлете берез. Видите? Как косынка, голубеет.

— А и впрямь распогоживается,— обрадованно произнес командир.— Глядишь, сегодня в ночь и повезет!

— Заждались, заждались, товарищ командир...

— Не то слово, Николай Федорович. В Москве побывать — чашу счастья испить. Какое же сердце не возрадуется встрече со столицей? Из Коми я, таежник, северянин, а вот поди ты... Прикипел к Москве.

— Да-а... Что-то вас там ждет? Зачем вызывают? Может, в Центре недовольны, что отошли от северных лесов, главной магистрали?

— Все может быть, Федорыч. Издали многое кажется не так, как складывается на самом деле. Как у нас с грузами да ранеными?

— Все подготовлено и подвезено. Да и какой там груз? Письма, кое-какие трофеи...

— Сколько раненых?

— Восемь. Пять десантников и три партизана из отряда Ероцкого.

— Да нас четверо. Двенадцать.

— В самый раз. Увезет.

— Увезти-то увезет. Но когда? Вот вопрос...

На взмыленной большеухой лошаденке прискакал гонец от радистов.

— Получена радиограмма. Ждать сегодня ночью,— доложил он с плохо скрываемой радостью — настроение командира передалось и бойцам.

Самолет действительно пришел в следующую ночь. Минувшая еще куражилась обрывками растрепанных туч, но эта была чистой и свежей. Ли-2 встретили конвертом из пяти жарких костров. Все бросали вверх сорванные с головы шапки... Летчиков и инструктора-парашютиста качали, тискали в объятиях...

— Да отпустите же, братцы! — отбивались пилоты.— Кости поломаете, не долетим...

— Вы же с Большой земли! От вас столицей пахнет!

— Дайте хоть за куртки ваши подержаться!

— Ошиблись, братцы! Мы пропахли партизанским дымом. То брянский, то смоленский, то теперь ваш...

— Приветствия окончены. Загружай!

Погрузка началась немедленно. Первыми внесли или ввели под руки раненых. Командир экипажа лично у трапа считал:

— Четыре, пять, шесть.. Сколько всех?

— Восемь.

— Пассажиры есть?

— Четверо.

— А это что?

— Коляска от мотоцикла.

— А на какой черт она?

— Так мы и мотоцикл с нею...

— И он не нужен!

— Товарищ пилот... Это мотоцикл особый. Для музея. На нем сам шеф Борисовского гестапо ездил.

— Ухлопали его?

— Так точно! Отъездился.

— Тогда кати! А это что?..

— Самый ценный груз. Любовь!

— Письма что ли?

— Так точно! Лично моих тридцать восемь,— пошутил подошедший к самолету Леня Хамченков.

— Так много?! Когда же вы их писали?

— Через день по три слова: «Любовь все разгорается».

— Васька! Мой депеш не растеряй. К теще адресованный.

— Что за такой депеш?

— Инструкция, как реконструировать мою перину.

— Зачем ее реконструировать?

— Чудак. Раньше я спал на пуху, теперь привык на лапнике да мху.

— Кончай шутки, ребята. Время загрузки истекает.

— А мы уже все и погрузили.

— Ай да ребята. Ну, молодцы!

— Так мы ж десантники!

С начальником штаба Алексеевым, который на базе временно оставался за командира, было все обговорено заранее, но не лишними были и еще кое-какие напутствия:

— Разведку не прекращать, ни ближнюю, ни дальнюю!

— Так и будет, товарищ командир.

— Подготовку к зиме продолжать, особенно заготовку продовольствия. Заметет — самолет не сядет, да

и к сброшенным грузам не так-то просто по сугробам добираться.

— Тут снега, говорят, не глубокие.

— Всякие зимы бывают.

— Учтем и это. Сколько думаете пробыть в Москве?

— Неделю, не больше. Впрочем, какая будет погода. Если возникнут осложнения, немедленно радируйте. Постараюсь тут же вернуться.

— Есть, товарищ командир!

Пилот выглянул из двери самолета, показал на часы. Командир и начальник штаба обнялись.

— Счастливо!

Самолет тяжело разбежался по поляне, подпрыгнул раз, второй и, благополучно оторвавшись от земли, поплыл над макушками деревьев, натужно забираясь все выше и выше, строгим курсом на северные звезды. Слева гибкой лентой потянулась знакомая, ставшая родной и близкой река Березина. Неспокойна, тревожна она ночью. Стелются, взметываются по ее берегам пожары, и оттого воды ее багрово кровавы. Сколько их, всполошных пожаров на горизонте! Что там горит? Казармы оккупантов, их штабы или мирные избы крестьян, землянки, подожженные карателями? Нет. Карателям уже нечего тут жечь. Они спалили на белорусской земле все, что могли спалить. Теперь на них самих обрушилась всенародная месть! Горит земля под ногами фашистских оккупантов. Не сдается, не покоряется гордая советская Березина. Как вешним половодьем, смывает она бурными водами весь хлам со своих чистых, светлых берегов. Смыты ею следы иноземных солдат Наполеона, кайзера, Пилсудского. Смоет она и следы кованых сапог солдат Адольфа Гитлера. Ведь родная Белоруссия в беде своей не осталась одна. У нее столько братьев и сестер! И каждый тянет ей руку помощи.

В темных лесах кое-где вспыхивали и сейчас же гасли, прятались, видать, огоньки костров, конечно же партизанских. В одном месте костер горел особенно жарко, и было видно, как сидят вокруг него вооруженные люди. Гул самолета всполошил всех. Люди засуетились, в два счета разбросали головешки. Знакомая картина. Наши ребята. Сушили одежду, наверно, а может, просто грелись. Ночи-то холодные.

Пилот, кажется, тоже увидал переполох у костра, помахал крыльями. «Свои, ребята! Свои! Отдыхайте спо-

койно». Но костер долго не загорался вновь. Наверно, был строг командир, а может быть, привал кончился, и бойцы ушли своей дорогой.

На линии железной дороги Минск—Смоленск самолет атаковал рой трассирующих пуль. Казалось, вот-вот они изрешетят труженик Ли-2. Особенно неистовствовал пулеметный огонь слева.

— Пролетели станцию Крупки,— сообщил, наклонившись, борт-инженер.

— Знакомая нам,— кивнул головой Огнивцев.

— А правее — Славное.

— Бывали и там... Лучше бы лететь правее Славного.

— Там зенитный огонь из Толочина. Тут спокойнее пройдем.

И верно. Прошли благополучно. Но лететь над занятой врагом территорией еще часа два. А за это время всякое может случиться. Главное, чтоб не увязались следом ночные истребители. От них трудно отбиться невооруженному транспортнику. Только за последнее время над смоленскими лесами погибло два таких вот трудяги. Пришлось командованию снять маршруты через смоленскую зону ПВО врага. Путь лежит теперь через леса Валдая, Торопца, Невеля, Полоцка, Борисова.

Железная дорога, не раз атакованная и выведенная из строя, осталась позади. Огнивцев в последний раз оглянулся. Зарево над Березиной не угасало. Вспомнилась затерявшаяся в лесах деревенька Гумны. Как там ее жители? Спасся ли кто во время облавы карателей?..

В Москву прилетели ранним ноябрьским утром. Самолет коснулся бетонной дорожки раз, два и, шустро пробежав по ней, остановился. Крутой разворот, небольшой подкат. Моторы, взревев, замолкли. Из кабины вышел улыбающийся пилот:

— Вот и все, товарищи, приехали!

— На какой аэродром?

— Вас приняли с почестями на Центральном аэродроме Москвы. Прошу!

Первым из самолета вышел пилот. За ним Огнивцев. У трапа его встречал офицер в новенькой шинели и добротной шапке-ушанке. Поодаль стояла «эмка».

— Представитель разведотдела майор Мегера! — вскинув руку к головному убору, представился он.— С благополучным прибытием вас, товарищи!

— Спасибо! Благодарим за встречу.

— Раненых — в «санитарку», сейчас отвезут в госпиталь, а вас прошу ко мне,— сказал майор.

— Повезете в штаб?

— Нет, что вы. В гостиницу. Вам предоставлен трехдневный отдых.

— Да ну! — не удержался Огнивцев.

Три дня отдыха в Москве, в родной столице. Какая это большая награда, какая несказанная радость для воина, прибывшего из далеких бурлящих белорусских лесов!

Уже в машине у Огнивцева вызревал план этого отдыха. Красная площадь. Музей Владимира Ильича Ленина. Театр. Желательно Большой. Площади. Памятники выдающимся людям.

Но уже первый его день внес свои коррективы. Рано утром в гостиницу, где остановились Огнивцев и его товарищи, ввалился радостно возбужденный Артур Карлович Спрогис. Вот это сюрприз! Объятия, поздравления и взаимные расспросы, расспросы...

— Ну, как вы там?

— Воюем помаленьку. А вы как? Рана-то зажила?

— Затянулась, затянулась, ну ее к лешему. Готов хоть сегодня на Березину. Но... — Артур Карлович грустно вздохнул,— дороги наши, как видно, разойдутся, друзья мои.

— Как? Почему?

— Принято решение усилить руководство борьбой с фашистами в его тылу в Прибалтике. Создать по белорусскому образцу Центральный штаб объединенных групп и отрядов Прибалтийских Советских Республик. В этот штаб на работу «сватают» меня. И нельзя отказаться... А мне так хотелось снова вернутся к вам, на Березину. Все эти дни, пока лечился, сердце было с вами. Думал о вас, волновался. Чертовски переживал, когда узнал о дивизиях фашистов, брошенных против вас и партизан. Как там дела? Как удалось благополучно вырваться? Хорошо ли устроились на новой базе? Да рассказывайте же, побольше, поподробнее!..

Огнивцев и его спутники рассказывали, дополняя друг друга. Спрогис слушал внимательно, жадно ловя

каждое слово. Он живо реагировал то кивком головы, то хлопком руки по согнутому колену, восхищаясь: «Ну, здорово! Ну, молодцы!» Когда зашла речь о погибших товарищах, Артур Карлович как-то враз погрустнел. В глазах его, всегда живых, задористо-смелых, увиделась боль.

— Да-а,— вздохнул он.— Потери, потери... Много еще их у нас. Много! Конечно, мы уже не те, что в сорок первом. Запросто нас не возьмешь. Обстреляны, опытны. Но все же, друзья, воевать нам и вести разведку надо расчетливее, хитрее, маневреннее. Тут, издали, как бы с высоты, мне подумалось: после всего того, что мы наделали по разведывательной работе и в диверсиях на железной дороге Минск—Орша, да и вообще в тех краях, нужно ли нам было все время торчать на одной базе и, объективно, ждать, когда нас окружат? Ведь не простаки же мы! Знали же, что наши диверсии так нам не сойдут. Зачем же, спрашивается, на одном месте сидели?

— Причин было немало. Но главное, об этом надо спросить тут — в Центре, в штабе, где было четко определено местонахождение штаба оперативной группы.

— О чем спрашивать? Разве начальство сковывало нашу инициативу? Нам указали район боевых действий, первоначальную базу. Но никто и не запрещал выбрать запасные. Когда вы ушли в новые леса, разве вас за это упрекнули?

— Мы так и действовали. Но беда состояла в том, что все эти запасные пункты для нашего штаба находились в одном и том же лесном массиве — между шоссе Минск—Орша и Березино—Белыничи. Фашисты на этот раз проводили блокаду в крупном масштабе, обложив весь этот огромный лесной массив. Уйти в другие лесные массивы не так просто. С нашим хозяйством возни немало — сразу не поднимешь. Да и удаляться на большое расстояние от объектов врага не с руки... Вот и решай, как хочешь. Скажу откровенно, когда мы вынужденно оставили магистраль Минск—Орша, то в телеграммах Центра сразу же почувствовался холодок...

— Все это ваша фантазия. А скорее всего, обостренное чувство ответственности за выполнение боевой задачи. Вы сами испытали необоснованное чувство собственной вины за то, что вам пришлось уйти от дороги.

— А мы и не уходили.

— Как не уходили?

— Диверсии, разведка на Минской дороге продолжаются. Там оставлены подпольные боевые группы.

Спрогис радостно воскликнул:

— Вот видите!.. Видите, какие вы смекалистые! Уверяю, что в штабе вам за это спасибо скажут.

— Зачем же тогда нас вызвали?

— А вот об этом мне не известно.

— Где теперь штаб фронта?

— Под Малоярославцем.

— Командующий — генерал Конев?

— Да, он. Но кто с вами будет беседовать — не знаю. Сейчас все до предела заняты. Под Сталинградом началось крупное контрнаступление наших войск.

— Какие оттуда вести?

— Добрые! Очень добрые, друзья мои. Наши войска успешно ведут наступательные бои на флангах фашистской группировки войск. Оккупанты несут большие потери в живой силе и боевой технике.

— Вот оно — возмездие! Как долго мы его ждали.

— Да, справедливое возмездие,— сказал Спрогис.— Но это, как мне кажется, друзья, только начало.

Он порывисто встал со старого гостиничного кресла.

— Да что мы все о войне, войне да службе. Поговорим-ка, друзья, о кино, театрах, девчатах... Не так уж много мирных дней нам отведено, да еще в таком чудесном городе! Завтра — снова в леса, болота, на вражеские дороги... Что может вам предложить ваш поседевший в боях командир? Большой театр, Малый, имени Ермоловой, МХАТ, кинотеатры... Все к вашим услугам. Билеты гарантируются вне очереди. Не мной, конечно, а решением Моссовета. Для фронтовиков открыты двери всех зрелищных учреждений!

— А что в них идет?

— «Фронт» Корнейчука, «Нашествие» Леонова, в кинотеатрах — вечно желанный «Чапаев». Можно сходить на повторные фильмы. У меня есть предложение: сегодня для начала посмотреть «Волгу-Волгу». Отдохнем, от души посмеемся... Ведь теперь и это можно! С началом наступления под Сталинградом да еще при встрече с вами, целыми и невредимыми, ей-богу, на душе посветлело. Итак, кто за поход на «Волгу-Волгу»?

Руку подняли все.

В штабе фронта. Встреча с командующим.

Дни отдыха в Москве промелькнули так, будто их и не было. И вот уже легковая машина разведотдела штаба фронта мчится по Минскому шоссе к Малоярославцу, увозя из столицы Огнивцева. До этого с ним беседовали начальник разведотдела полковник Ильницкий и старший батальонный комиссар Кузнецов. Они обо всем расспросили, все записали для доклада высшему начальству. Привез с собой Огнивцев и оперативную карту расположения немецко-фашистских гарнизонов, а также характеристики их начальников, важных объектов и складов, полные данные о перевозках войск и грузов, боевой техники по железным дорогам Минск—Смоленск и Минск—Бобруйск—Гомель.

Огнивцеву было известно, что с ним пожелал встретиться начальник штаба фронта. А может, примет его и сам командующий — была и такая наметка. Три месяца назад, перед отправкой в тыл врага, боевую задачу десантники получали от начальника штаба генерала Соколовского. Теперь предстояло перед ним же и отчитаться о том, что сделано, как выполнен боевой приказ. А получать, как известно, всегда легче, чем давать отчет... Вполне понятно, очень волновало Огнивцева предстоящее свидание. Кому-кому, а ему лучше, чем другим, известно, что обо всем сделанном отрядом, штабу постоянно и правдиво докладывалось. Оценки некоторым событиям тут же давались в ответных телеграммах Центра. Но какова общая оценка деятельности отряда? Это пока оставалось не ясным. Все должно было встать на свои места сегодня...

Но все обернулось иначе. Неожиданно для всех. командира оперативной группы подполковника Огнивцева первым принял командующий фронтом Иван Степанович Конев. Как сразу же стало ясно, был он гораздо веселее и бодрее, чем в сорок первом, когда его в последний раз видел Огнивцев. Прямой, подтянутый в своем неизменном кителе и хромовых, до блеска начищенных, сапогах, чисто выбритый, он смотрел с доброжелательной усмешкой.

— Проходите, товарищи, проходите. Садитесь. Рад вас видеть, «разбойников» с Березины,— сказал Конев

и пошутил: — Говорят, Гитлер подал на вас жалобу. Не даете спокойно возить войска на Восточный фронт. И воюете не по правилам. Нехорошо, нехорошо.

— Жалоба фюрера вполне обоснованна, товарищ командующий. Оперативная группа добыла и передала в штаб фронта важные разведывательные данные о группировке фашистских войск, месторасположении их штабов в районах Минск—Борисов—Орша и далеко за их пределами, о перевозках противника по железной и шоссейной дорогам Минск—Москва. Разведчиками группы подробно раскрыт гарнизон врага в Печах, о котором у нас не было достоверных данных. Минеры десантных групп и отрядов свалили четырнадцать эшелонов, подорвали десятки паровозов, вагонов, сожгли немало эшелонов с горючим... — доложил командующему начальник штаба фронта.— Все это не по гитлеровским «правилам»...

— По сравнению с общей массой грузов, идущих на восток, это, конечно, не так много. Но уже важно то, что дорога для фашистов перестала быть безопасной, что слух о крушениях эшелонов, взрывах в пути наверняка разнесся по тылам группы армий «Центр». Моральный урон, нанесенный фашистам, очень высок. И это очень ценно. По себе сужу. Когда в 1941 году мы вели оборонительные бои под Смоленском, то очень многое решал моральный дух. Наши командиры и политработники хорошо понимали это и всеми средствами вселяли в сердца бойцов неколебимую веру в нашу победу над врагом. Ни у кого ни тени сомнения не было — как ни трудно нам сейчас, но победим мы! И только мы!

Конев говорил, а разведчики внимательно слушали, смотрели на него. Ведь некоторые видели его только на фотографиях, знали о боевых действиях советских войск под его командованием только из газет. Знали о том, что части Красной Армии под командованием Конева не дрогнули перед сильным и коварным врагом, стойко, до последнего сражались на оборонительных рубежах, проявляя массовый героизм и беспредельное мужество. И вот теперь генерал Конев, командующий одним из самых ответственных фронтов — Западным фронтом, перед ними, десантниками, как говорится, во плоти своей.

— Наказать врага за его чванство — лишить его материального превосходства, выбить из его рук козырь внезапности, доказать всему миру, что советский солдат, что Красная Армия сильнее фашистов — это сейчас наша первейшая стратегическая, оперативная и тактическая задача. И противник, видимо, понимает это и нервничать начинает.

— Так точно, товарищ командующий. Нам стало известно, что за наши диверсии на железной и шоссейной дорогах Минск—Орша и разгром местных гарнизонов сняты с постов начальник гестапо и военный комендант Борисова. Получил нагоняй от Гитлера и гауляйтер Белоруссии Кубе.

— Жаль, что они все еще не взлетели на воздух вместе с их эшелонами,— посетовал член военного совета.

— В этом отчасти и наша вина,— продолжал Огнивцев.— Наши разведчики предприняли попытку уничтожить начальника гестапо. К сожалению, не удалось.

— Расскажите подробнее, как вам удалось проникнуть в фашистский гарнизон в Печах и добыть ценные разведывательные данные?

Огнивцев рассказал Коневу, как это было, о смелости и находчивости Ани Куликовой, ходившей в Печи под видом базарной торговки. Вспомнил и о подвигах Лели Колесовой, всех ее подруг. Конев слушал все до конца очень внимательно, не перебивал, потом сказал:

— Командир женской десантной группы Елена Колесова военным советом фронта представлена к званию Героя Советского Союза. Вполне заслуживает высокой награды и Анна Куликова. Мы склоняем головы перед светлой памятью всех десантников, погибших в боях с оккупантами, и особенно перед памятью девушек. Они еще раз доказали свою горячую преданность Родине и выполнили клятву, данную ими Ленинскому комсомолу, не пощадили себя ради победы над врагом.

Командующий помолчал, закрыв глаза ладонью, потом, обращаясь к Ильницкому, сказал:

— О героизме всех десантников-комсомольцев надо доложить в ЦК комсомола, а также родным погибших. Всех, кто того заслуживает, представить к наградам.

— Есть, товарищ командующий!

— Большое спасибо за активную разведку и важные данные о фашистских гарнизонах и их начальниках, за подробные сведения о перебросках к фронту фашистских войск и боевой техники. Заслуживают благодарности и подрывники-десантники. Их смелые действия на коммуникациях нанесли врагу значительные потери в живой силе и боевой технике.

— Как относится к воинам-десантникам население белорусских деревень? — спросил Огнивцева член военного совета фронта.

— Народ Белоруссии встречает нас везде очень радушно, помогает всем чем может: продовольствием, доставкой сведений, информацией. Скажу больше. Когда требуется, люди, не жалея себя и детей своих, идут на опасные задания, даже на смерть. Конечно, встречаются кое-где и уроды в образе старост и полицейских. Но их единицы. Поддержки им в народе нет. При удобном случае с ними жестоко расправляются как с предателями. Надо сказать, что силы народного сопротивления растут. Борьба с оккупантами в Белоруссии под руководством партийных комитетов приняла всенародный характер.

— Чем же тогда объяснить, что на железной дороге Борисов—Орша до вашего прихода было мало диверсий? Вражеские эшелоны шли без особых помех.

— С самого начала 1942 года партизаны значительно активизировали боевые действия на этой дороге. Они нанесли большой урон фашистам. Но у них не было радиостанций, чтобы вовремя докладывать Центру о своих боевых делах. К тому же главные силы могилевских партизан волей обстоятельств оказались значительно южнее этой магистрали. Кроме того, они испытывали серьезные затруднения со взрывчаткой, оружием и боеприпасами. Да и хороших подрывников-саперов у них до сих пор маловато. По мере наших сил и возможностей мы оказывали им посильную помощь и действовали с ними с тесном взаимодействии.

— Выходит, мы не ошиблись, послав вас на этот участок? — спросил Конев.

— Так точно, товарищ командующий. Выбор сделан правильный. Наш приход как бы подбросил новую охапку сухих дров в горящий костер,— ответил Огнивцев.

— А как у вас, десантников, со взрывчаткой, оружием, боеприпасами, медикаментами? — спросил член военного совета.

— Не жалуемся. За два с половиной месяца нас навещали два наших самолета с очень нужными грузами. Один из них прилетел с посадкой — попутно забрал раненых десантников и партизан.

— Это хорошо, товарищи. Очень приятно. А к нам вот попали такие сообщения,— и командующий протянул размалеванную немецкую листовку, на которой было изображено строительство нового крестьянского дома — возводили его крестьяне в национальной белорусской одежде вкупе с немецкими солдатами. Прямо идиллия... Под рисунком стояла подпись: «Солдаты рейха помогают жителям Белоруссии строить новую жизнь».— Видали! Не разрушают, а строят!

— Лубочная геббельсовская стряпня,— брезгливо поморщился Огнивцев.— О каком строительстве может идти речь, если тысячи белорусских селений разрушены и сожжены! Тысячи женщин, детей и стариков, спасаясь от гибели, ушли в леса, живут, а точнее, прозябают в землянках. По пути в Москву мы посмотрели на Белоруссию с высоты. Море пожаров, сплошное зарево... Темно только там, где нечего больше жечь. Все это заснять бы и показывать, показывать тем, кто еще не видел ужасов фашистского «рая».

Командующий встал и подошел к оперативной карте фронта, занявшей боковую стену рабочего кабинета.

— Десантные отряды, судя по вашему докладу, сейчас в лесах южнее шоссе Березино—Могилев, восточнее Березины. В связи с этим есть необходимость уточнить ваши задачи. Поскольку от места их дислокации почти на одинаковом удалении находятся железнодорожные и шоссейные магистрали Минск—Смоленск, Минск—Бобруйск—Гомель, военный совет фронта требует от вас, во-первых, не ослаблять активных действий на дорогах Минск—Смоленск и не оставлять в покое дороги Минск—Бобруйск—Жлобин, по которым фашисты перебрасывают свои резервы и боевую технику на брянское направление, на левое крыло нашего фронта. Эти дороги являются основными коммуникациями, питающими немецкую группу армий «Центр». Во-вторых, организовать надежные разведывательные группы, активно и успешно действующие прежде всего

в городах Минск, Бобруйск и Могилев, обеспечив их необходимыми средствами связи.

— Задача ясна, товарищ командующий,— сказал, встав, Огнивцев.

— Более конкретные задачи вам поставит начальник штаба фронта товарищ Соколовский. Вашу заявку на оружие, взрывчатку и боеприпасы, обмундирование, продовольствие, средства связи и прочее мы внимательно рассмотрим. Многое вы получите сразу же по возвращении на Березину.

— Благодарим, товарищ командующий, за заботу. Спасибо от души!

— Какие есть еще просьбы, нерешенные вопросы?

— Просьб и вопросов нет.

Конев, заложив руки за спину, прошелся молча по кабинету и, остановившись у стола, спросил, о чем-то озабоченно думая:

— Как ваше мнение, товарищи военные разведчики, собираются немцы в первой половине будущего года начать новое наступление на нашем фронте или эта их идея навсегда похоронена под Москвой?

— Бредовую свою идею взятия Москвы они, товарищ командующий, еще не похоронили. Это видно из показаний взятых в плен офицеров, а также из захваченных нами писем. Они еще верят в обещание Гитлера сокрушить коммунистов и захватить Москву. Но, анализируя переброску резервов и боевой техники, военного имущества на наш фронт за последние полгода, вряд ли следует ожидать в первой половине будущего года крупных наступательных операций в полосе Западного фронта. Скорее всего фашистское командование предпримет такие действия южнее нас,— ответил за всех начальник разведотдела штаба фронта.

— Несмотря на большие потери на советско-германском фронте в сорок первом — сорок втором годах, крупное поражение под Сталинградом, а оно уже становится реальностью,— как бы размышляя, говорил командующий фронтом,— фашистская армия еще сильна. Нам предстоят тяжелые, кровопролитные сражения с нею за освобождение нашей Родины.

Сразу же после беседы с командующим Огнивцеву пришлось пересмотреть в сторону увеличения первоначальную заявку на средства связи, магнитные мины и взрывчатку, оружие и боеприпасы, обмундирование...

В беседе с начальником штаба фронта генералом Соколовским Огнивцев прямо сказал:

— Того, что мы получали раньше, явно недостаточно для решения поставленных командующим новых задач. Они возросли по объему и по содержанию. Поэтому нам придется на месте готовить радистов для разведывательных групп. Будем подбирать из местного населения. Так же будем готовить подрывников. Увеличим численность наших отрядов, групп. Предстоит решить ряд очень сложных задач, связанных с материальным обеспечением.

Все это начальник штаба фронта принял во внимание и обещал полностью удовлетворить новую заявку. Значительная часть зимней одежды, магнитных мин, тола, продовольствия, оружия и боеприпасов была выдана Огнивцеву и его людям сразу, а радиостанции и питание к ним включались в следующий рейс. В конце беседы генерал Соколовский сообщил приятную новость: большая группа командиров и бойцов награждена боевыми орденами, а многим офицерам присвоены очередные воинские звания. Очередное воинское звание «майор» было присвоено и капитану Алексееву Н. Ф.

На Березину исполняющему обязанности командира оперативной группы Алексееву пошла радиограмма: «Родители приняли хорошо, всем снабдили в дорогу, выезжаем сегодня ночью. Везу много гостинцев. Встречайте».

И вот прощание с Москвой. Вместе с Огнивцевым летел и опытный разведчик двадцатипятилетний капитан Гниденко Алексей Степанович, родом из Киевской области. Его назначили заместителем начальника оперативной группы по разведке. Летели также бойцы отрядов, залечившие свои раны в госпиталях.

На Внуковский аэродром проводить разведчиков приехали комиссар штаба Западного фронта Казбинцев, начальник разведотдела штаба фронта Ильницкий, бывший командир отряда Спрогис. Теплое расставание, добрые пожелания бередили чувства.

— Завидуем улетающим! Слезы из глаз... — не то шутил, не то правду говорил Спрогис.— Но есть надежда: не сегодня-завтра и мы взмахнем крыльями!

— Успехов вам, Артур Карлович! Коль трудно придется на Западной Двине, милости просим к нам, на Березину!

— Нет уж! Спасибо за приглашение. С какой такой стати топать назад! Лучше вы к нам — вперед, на Запад!

— Приглашение принимается. До встречи в Берлине!

— Мирного неба вам!

Инструктор-парашютист убрал трап, дверь захлопнулась. Моторы взвыли и деловито запели свою монотонную, но бодрящую сердце песню. Скупые огоньки взлетной полосы быстро побежали назад.

Прощай, Москва! Доведется ли вернуться и снова увидеть тебя?

Зимний рейд на Гомельщину

Зима в сорок втором году, как и в предыдущем, легла на землю Белоруссии раньше обычного. В декабре выпал снег, и морозы во второй половине месяца доходили до двадцати градусов. Но к этому времени в лагере десантников уже были построены теплые землянки и кухни, овощехранилище, помещение для радиоузла, заготовлено продовольствие. Вовремя подоспел и самолет с зимней одеждой, оружием и боеприпасами. Отряды и разведывательные группы давали о себе знать как в районе Борисов—Крупки, так и на магистрали Бобруйск—Осиповичи. Но активных боевых действий они пока не вели. Зима и бездорожье, отсутствие лыж, лошадей и саней сковывали маневр. Понадобилось более полутора месяцев для того, чтобы решить все эти вопросы с помощью Могилевского подпольного обкома партии и партизанских отрядов Ероцкого, Свистунова и Яхонтова.

В начале февраля из десантников был сформирован подвижный санный отряд разведчиков. Подпольный обком партии разрешил ему совместно с группой партизан отряда Ероцкого совершить рейд на Гомельщину. В состав рейдовой группы входило сорок пять человек. Им предстояло на лошадях удалиться от места постоянной дислокации на 120—140 километров и выйти в районы Рогачева, Жлобина и юго-восточнее этих городов, разведать общую обстановку в Приднепровье. В программу входило также — уничтожить по пути небольшие гарнизоны полицейских, совершить на желез-

ной дороге Могилев—Рогачев, Жлобин—Гомель 2—3 диверсии, а также за счет личных хозяйств предателей — полицейских и старост пополнить продовольственные запасы. Общее руководство рейдовым отрядом возлагалось на начальника штаба майора Алексеева, его заместителем по политчасти был назначен политрук Колюпанов. В первой декаде февраля санный отряд разведчиков двинулся в путь.

Зимние дороги Белоруссии. Не так уж заснежены они, как, скажем, в Сибири, Новгородчине, Владимире или Костроме, где, случается, жердевых заборов не видать, где кони, чуть сбившись с пути, тонут по брюхо в сугробах. Но все же и тут — в краях Березины и Друти — для саней раздолье. Бывало, в зимние довоенные дни с синих петушиных спозаранок до звездной ночи звенят, разноголосо поют полозьями саней и санок студеные проселочные дороги. Тянутся по ним обозы с сеном, соломой, корзинами, мешками. А не то выкатит из приберезинского леса на сельский простор сыплющий весельем свадебный кортеж и понесется наперегонки с самим снежным вихрем в белую даль, и долго звучат тогда в ваших ушах разудалые скрипки, бубны, гармошки, частушки, одна задорнее другой. «В какой кут увозите березоньку, сябры?» — восхитившись редкой красотой промелькнувшего перед вами лица невесты, спросите вы. И нарядные свахи, добрые от роду и пуще подобревшие от чарки вина, не преминут назвать село: какие-нибудь Чечевичи или Годиловичи, или же вовсе какой-либо безвестный закуток в болотах Друти или Березины.

Жизнь трудолюбивая, чистая, ладная, прочная, мирная жизнь под небом родным! В синих сугробах, в шумных прибрежных ярмарках, свадебных песнях текла Березина. И вот опустели зимние дороги. Деревни и села по ее берегам погрузились во тьму. Не гудят больше под копытами коней деревянные мосты. Да и мостов тех вот уже вторую зиму как нет. Редкие сани поползут от села к селу. Впрочем, все-таки снуют на дорогах обозы. На санях те же плетеные корзины с гусями, курами, поросятами. К оглоблям и грядкам розвальней привязаны буренки. Только все это отправляется теперь не на базар, не в заготконторы потребкооперации, а на кухни прожорливых фашистских господ.

Следы мародеров тянутся в села Березинского, Бобруйского, Рогачевского районов, расположенных вдали от партизанских лесов. Сами главари карателей и командиры вспомогательных тыловых немецких частей выходят ощупывать и пересчитывать привезенных птиц и поросят. И жарко топятся печи. Повара, засучив рукава, потрошат кур и гусей, жарят и варят свинину. А потом начинаются оргии...

Стонет от пальбы и пьяных чужих песен Березина. Дух обожравшихся «завоевателей» гонит крестьян из собственных домов в бани, землянки, сараюхи — куда подальше от этой пьянки. Став на колени перед образами, старые люди просят бога сниспослать кару всевышнюю на супостатов. Молодые тайком пересчитывают патроны в дисках автоматов. Таков он, истинный фашистский «рай», а не лубочный.

Не раз вспоминали селяне о десантниках и партизанах. Знали они, что где-то в лесах затаились до поры смелые защитники Родины, что фашист боится и показаться там, а тут, в безлесных селах, партизаны что-то давно не появлялись. Это радовало карателй и их прихвостней. Комендант города Рогачева ходил петухом и хвастался:

— Наступила эра нашего безраздельного господства. Лесная Березина сдалась, покорилась! Мы тут хозяева! От Березины до Днепра.

Это хвастливое утверждение коменданта обсуждалось тихонько у колодцев, в темных банях, на печках.

— Неужто всамделе конец? Неужто все солдаты и партизаны смирились и сдались? Аль ушли куда далече?

Старики — былые солдаты, бранили за такие слова жен своих, топали сердито ногой: «Помолчи! Не клюй на брехню». Но кричи не кричи, а факт — упрямая вещь. В безлесных деревнях на берегах Березины и Друти держалась тишина. Ни единого взрыва, ни единого выстрела. Будто все напрочь сковано первыми морозами.

Как-то глубокой ночью прилетел свой — родной советский — самолет и рассыпал по селам газету «Правда» с речью Верховного Главнокомандующего маршала Сталина на торжественном собрании 7 ноября 1942 года. Газеты мигом пошли из рук в руки, из села в село. Но вскоре появился фашистский самолет и разбросал свои листовки, которые гласили: «Германское командо-

вание уведомляет всех граждан зоны Березины и Друти, что газету «Правда» подготовило и распространило с целью выявления красных пропагандистов ведомство доктора Геббельса. Поэтому просим не верить ее содержанию и о всех ее распространителях немедленно сообщить германским властям».

Растерялись люди. Где она, правда? Чья она? Но слишком правдив был портрет Сталина, зал заседаний, где он выступал, а главное, слишком близки сердцу обнадеживающие слова его доклада. Не верить им было нельзя. Еще надежнее упрятали белорусы те номера «Правды».

А тут вскорости, как ветры мчат по насту сухие трубочки листьев дуба, полетела по берегам Березины и Друти другая радостная весть. Вездесущие, всезнающие старушки передавали из ушка на ушко, будто в северных селах южнее Чечевичи объявилось цельное войско Красной Армии, которое идет на Рогачев и уничтожает всех лихоманцев».

Старухи еще усерднее молились и вслушивались в ночи в каждый звук.

Слух о целом войске, идущем с севера к Рогачеву, конечно же, был чрезмерно преувеличенным. На самом деле по безлюдным, замурованным снегами дорогам двигалось всего 12 саней. И было это не воинское подразделение, а лишь сводная разведывательная группа десантного отряда москвичей и партизан. Да и цель этой группы состояла не в том, чтобы освобождать села Рогачевского района. Была она весьма скромной.

Провожая отряд разведчиков, командир оперативной группы Огнивцев еще раз уточнил майору Алексееву задачи отряда, выделив в их числе насильственное изъятие продовольствия в хозяйствах изменников Родины. Затем он обратился к политруку Колюпанову:

— Вы сами понимаете, что в селах, через которые будете проезжать, наверняка давно уже не слыхали слова нашей правды. Да и бойцов Красной Армии, недавно прибывших из Москвы на белорусскую землю, еще не видели. Так что покажите себя! Проводите где сходки, где беседы, дайте людям послушать радио, расскажите о положении на фронтах, о героической

борьбе населения в тылу врага. Словом, несите в народ голос партийной правды, как тому и положено быть!

Уведя к себе в землянку Алексеева, командир долго и обстоятельно обсуждал с ним тактику действий при возможных стычках с бандами фашистских мародеров. Обсудили разные варианты, проработали вероятные детали встреч с противником. И уже перед самым отъездом, у саней, Огнивцев ободряюще сказал:

— Серьезных столкновений не предвижу. Крупных гарнизонов, кроме как в городах Рогачев, Жлобин, в населенных пунктах Лучки, Стрелки, Буда-Кошелево, по некоторым данным, нет. А небольшие полицейские участки громить вам не впервые. Да и условия у вас и у противника одинаковые. Дороги заметены. Автомобили не ходят. Не больно разойдется фашист: он на санях — и вы тоже. Ну а кто расторопнее, боеспособнее в снегах — это уж дело за вами. Как говорится в русской пословице: «Не зевай, Фомка, на то и ярмарка».

После указаний командира оперативной группы Алексеев и Колюпанов тщательно разработали маршрут движения. Он пролегал через Усакинские леса на Усакино, Колбово, Подселы, через железную дорогу Быхов—Рогачев на Мадору и далее, переправившись через Днепр,— на юг — на Гадиловичи, Городец. До железной дороги Быхов—Рогачев на пути следования разведчиков вражеских гарнизонов не значилось. Лишь в отдельных крупных селах заправляли старосты и по 2—3 полицая. Несмотря на это, отряд двигался, как и положено воинскому подразделению, со всеми мерами предосторожности: впереди — головной дозор, позади — тыльное охранение, в центре — главные силы с пулеметами, боеприпасами, радиостанцией.

Лесная не торная дорога петляла меж старых сосен и берез, мочажинных, занесенных снегом ям, болотец, хмызняка. Кони то по колено вязли в наметах, то вдруг вырывались на малоснежье и трусили, тихо позванивая колечками трензелей и шлей. В небе покачивались холодные звезды. Мороз, потрескивая сушняком, гулял по бору и болотам.

Алексеев, помолчав, сказал:

— Любой марш воинского подразделения — в степи, лесу, горах — тяжелое испытание. Особенно на открытой местности. Противнику виден и состав сил твоих,

и их маневр. Нападет и конницей, и танками. А с воздуха? Налетят и давай гвоздить!.. Куда от них скроешься? В полях под Сухиничами в начале сорок второго года такое у нас случилось... Белым днем налетели. За каждым солдатом гонялись... А укрыться негде. Мало уцелело нас.

— Грустная история,— оценил политрук.— И есть надежда — командир наш извлек уроки из нее. Так, Николай Федорович?

— Как не извлечь? Будем совершать в безлесных районах броски от села к селу из расчета час-два езды. За это время противник, коль и обнаружит нас, все равно не сможет в такой мороз поднять самолеты. А большие отрезки пути придется преодолевать в темное время суток с помощью крестьян-проводников.

— Ночевать в пути где лучше? — спросил политрук.— Вы как считаете?

— Ночевать будем в селах! — твердо ответил Алексеев.— Мы у себя дома, и бояться нам разной шантрапы нечего.

— А если?..

— Ну а на «если» у нас вот это...— Алексеев кивнул на ручные пулеметы и ящики с гранатами.

Первую ночь отряд провел в небольшой лесной деревушке. Но спать почти не пришлось. В хаты, где остановились бойцы, набилось столько жителей, что ни сесть, ни лечь было невозможно. И каждый что-нибудь принес на угощение. Кто краюху хлеба, кто чугунок вареной картошки, кто шмат сала. Выкладывали все свое богатство прямо на стол, за которым сидели дорогие гости, просили:

— Отведайте, родненькие наши, откушайте... Радость-то какую вы нам принесли!

— Это не та еще радость, бабоньки,— отвечал Алексеев.— Не полная... Это пока не день освобождения. Временно мы. Проездом. Рейдом по вражеским тылам.

— И на том спасибо, милые. Хуш поглядим на вас, родимые, хуш возрадуемся, что жива армия наша.

— А разве слухи о нас не доходили?

— Всякое было,— ответила хозяйка избы, согбенная старушка в деревенском сарафане и клетчатой юбке-поневе.— Кто что гомонит. Особенно германские ин-

дюки. «Русь капут! Москва капут! Сталин капут!» Вот гляньте, какого апостола нам повесили...

Старушка отодвинула в святом углу рушники. Среди нарядных в серебряной оправе икон висел в запыленной рамке из лучин осинового полена портрет Гитлера с надписью на русском языке: «Главнокомандующий германской армии».

— Зачем же вы его тут держите, бабуся? — спросил один из десантников.— На мусорную свалку его!

— Не у одной меня этот антихрист. В каждую избу водворили, чтоб молились, стал быть, на него.

— Принуждали, значит?

— И ещо как. Воспротивилась я ставить рядом со святыми. «Где это видано,— говорю,— чтоб какого-то фюлера вашего размещать рядом с апостолом Павлом? Кто он такой? Чем свят?» А немец как закричит: «Не твое дело, старая гросбаба. Молись! Инач пах, пах и капут». Вот и молимся. Во славу бога и во погибель антихриста.

— Проверяют, ироды проклятые, где он висит,— вступила в разговор другая женщина.— Коль нет в святом углу — нож к горлу...

— Кто проверяет?

— Какой-то урядник ихний с полицаем. Каждую неделю приезжает из волости, чтоб его разорвало.

— А еще кто вас обижает? Староста, полицаи в деревне есть?

— Не-е, что вы! Мы без старосты. Да и не только мы. Во многих наших селах нет ни старост, ни полицаев.

— Это чего же? Иль немцы не предлагали?

— Предлагать-то предлагали, да кому охота брать такой позор на душу. Ведь предатель, изменник — это навечное клеймо.

Сидевший на печи, свесив босые ноги и приставив к уху ладонь совком, чтоб лучше слышать, седой старикашка, разобрав, о чем разговор, живо заговорил о своем:

— Вот, вот... И я про то нашим бабам толкую. Сколько их объявлялось на нашей земле разных воронов — кайзеров, пилсудских, врангелей и прочей нечистой силы. А где они? Их нет. Все сгинули. Всех загнал в могилу наш непокорный люд.

В избу вошел радист и снял с плеч рацию. Алексеев кивнул ему:

— А ну-ка, дружище, повесели народ!

— Есть, товарищ майор. Сейчас как раз музыку передают!

— Включай!

Боец поставил рацию на лавку, расстегнул антенну, щелкнул включателем, и белорусская хата огласилась веселой песней:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

Лица женщин посветлели, в глазах заблестели слезы радости... Старикан, сидевший на печи, разгладил бороду. Детвора теснее сбивалась к чудо-ящику, втиснутому в кожаный чемоданчик. Но вот песня утихла и раздался властный голос диктора:

— От Советского Информбюро...

В сообщении говорилось, что, продолжая громить отступающего противника на краснодарском направлении, войска Северо-Кавказского фронта, форсировав реку Кубань и преодолев ряд узлов сопротивления, с ходу ворвались на южную окраину города и 12 февраля освободили Краснодар.

«Войска Южного фронта,— гремел голос диктора,— продолжали громить врага в районе Батайска и 7 февраля, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, освободили город. А 8 и 9 февраля войска фронта форсировали Дон, завязали уличные бои в Ростове и 14 февраля освободили город Ростов-на-Дону».

— А где... где эти города? — спрашивал дедок у озябшего в пути десантника, забравшегося на печку.— Далече от Белоруссии?

— Далековато еще, папаша. Этак более полсотни переходов наберется. Но вы не сомневайтесь, наши ребятки быстро их отмахают!

— Это б хорошо. Заждался народ. Каково нам тут, горемычным. А про детишек нечего и гомонить: ни школы, ни гостинцев... Сплошная маята... загубленное детство.

Люди начали расходиться только после полуночи. Алексеев посмотрел на свои ручные часы — до утра еще можно вздремнуть.

— Ну, что ж,— сказал он,— пожалуй, на боковую...

**Разведчица Лисина А. С. по кличке «Горностай».
Снимок 40-х годов.**

**Радист Ромахин Витя.
Снимок 1940 г.**

Радист Девяткин В. В. по кличке «Абрам».
Снимок 40-х годов.

Группа десантников отряда Спрогиса А. К.
Снимок 1944 г.

Десантники Дмитриев Д. М. и Маковец В. Р.
Снимок 40-х годов.

Группа девушек-десантниц. В центре — Леля Колесова. 1942 г.

Командир группы девушек-десантниц Леля Колесова. 1942 год.

Десантницы Шинкаренко Н. и Морозова Э.
Снимок 1942 г.

Майор Алексеев Н. Ф.
Снимок 1944 г.

Переводчик старший лейтенант Юферев Д. В.
Снимок 1944 г.

Старшина Хамченков Л. С.
Снимок 1945 г.

Сержант Флягин А. П.
Снимок 1945 г.

Полковник Спротис Артур Карлович.
Снимок 1945 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего подполковник тов. СПРОГИС Артур Карлович является начальником оперативной группы действующей в тылу врага.

Тов. СПРОГИС А.К. выполняет задание Военного Совета Западного фронта.

Всем начальникам партизанских отрядов оказывать полное содействие в его работе всеми средствами.

Удостоверение действительно до полной победы над врагом.

Подпись и приложением печати удостоверяется

ВОЕННЫЙ КОМИССАР РАЗВЕДОТДЕЛА
ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

30 [illegible] 1942 г.

Удостоверение подполковника Спрогиса А. К.

Капитан Вацлавский Б. Н.
Снимок 1945 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Пред"явитель сего подполковник тов. СПРОГИС Артур Карлович является начальником оперативной группы действующей в тылу врага.

Тов. СПРОГИС А.К. выполняет задание Военного Совета Западного фронта.

Всем начальникам партизанских отрядов оказывать полное содействие в его работе всеми средствами.

Удостоверение действительно до полной победы над врагом.

Подпись и приложением печати удостоверяется.

ВОЕННЫЙ КОМИССАР РАЗВЕДОТДЕЛА
ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА
СТАРШИЙ БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР
/БЕЛОВ/

30 августа 1942 г.
№ 051841.

стоверение подполковника Спрогиса А. К.

Группа десантников. В центре — Флягин А. П.
Снимок 1946 г.

Командир партизанского отряда Ероцкий С. С.
Снимок 1947 г.

Десантник Стригоцкий Г.
Снимок 1947 г.

Майор Гниденко А. С.
Снимок 1948 г.

Памятник комсомольцу Озолу Ю. К. на Новодевичьем кладбище в Москве.

Аня Куликова по кличке «Белка».
Снимок 1950 г.

Шинкаренко Н. И.
Снимок 1956 г.

Соколов И. М.
Снимок 1984 г.

Бывшая радистка Корешкова Г. И.
Снимок 1975 г.

Место дома, в котором проходила первая партийная конференция райкома КПБ (деревня Жабовка-Партизанка).

Мост через реку Березина.
Снимок 1964 г.

Встреча боевых друзей у памятника погибшим десантникам и партизанам. Второй слева — автор книги генерал-полковник А. О. Одинцов, второй справа — командир партизанского отряда К. А. Баранов.

Буташин В. С.
Снимок 80-х годов.

Подполковник Сорока Г. Я.
Снимок 1970 г.

Полковник Дмитриев Д. М.
Снимок 1979 г.

Группа бывших десантников у карты боевых маршрутов своего отряда.
Снимок 80-х годов.

Спрогис А. К. и Вацлавский Б. Н. среди бывших партизан.
Снимок 1965 г.

— А я пойду посты проверю,— сказал политрук Колюпанов.— Морозище-то какой! Долго ли до беды.

— Да-а... Крут, брат, февраль. Крут! Сквозь полушубок и валенки пробирает.

Отогнув воротник белого полушубка и взяв с лавки автомат, Колюпанов вышел из избы.

Ночь высветила небо ясными крупными звездами. Казалось, от мороза они подрагивали в вышине. Протоpенная санями дорога по заметенной до самых крыш улице села поблескивала серебристой отутюженной лентой. У саней похрустывали сеном накрытые попонами и одеялами кони военного обоза. Видать, позаботились деревенские старики.

У соседней хаты стояли боец-десантник и девчонка в овчинной коротайке. Боец грел руку девчонки у себя на груди и ласково, как своей нареченной, говорил:

— Как же ты убереглась, такая раскрасивая? Ведь они же всю молодежь угоняют в Германию.

— А у нас тут лес близко. Как наши подадут сигнал: «едут», так мы все сразу — туда.

— Кто, кто подаст такой сигнал?

— Как кто? Да мы же сами. У нас дежурство каждый день.

— Небось, и оружие есть?

— А как же...

— Ну, молодцы! Расцеловать вас за это. Разреши?

— Разрешу. Когда вернешься... С победой. Обязательно разрешу!

— А будешь ждать?

Девчонка припала к груди бойца. Политрук повернул от крыльца и захрупал по сухому снегу вдоль по деревне. На окраине его остановил окрик часового:

— Стой, кто идет!?

Колюпанов назвал пароль, подошел к часовому и не узнал его, хотя и ставил на пост сам. Тогда на нем был полушубок. Теперь же боец расхаживал в длинном тулупе пограничника.

— Откуда это у тебя роскошь такая?

— Бабуся одна принесла, вон из той хаты!

Боец, как бы извиняясь за надетую без разрешения другую форму, развел руками:

— Пристала — одень да одень... «Сын мой на границе служил,— говорит.— Наградили этим тулупом его, когда отслужил свое... Да недолго носил. Одну зимуш-

ку всего...» Не мог отказать старушке. Надел, сказал, утром верну, а она в ответ: «Насовсем, сыночек, бери! Некому теперь эту одежду носить. Погиб мой соколик. На той же границе, где и служил. А то еще полицаи отнимут». Оторопел я, товарищ политрук. До сих пор как-то не по себе...

Политрук положил руку на плечо бойца:

— Носи. Верю. что подарок матери пограничника оправдаешь.

Бросок к Днепру

Утром, после завтрака, командир и политрук отряда разведчиков собрали коммунистов и комсомольцев. Первым говорил Алексеев. Чисто вибритый, подтянутый, раскрасневшийся от холодной колодезной воды и парного духа крепко натопленной хаты, встал за столом, застланным праздничной бабкиной скатертью, осмотрел сидящих на лавке. Не много их в сводном отряде. Пять коммунистов и двадцать комсомольцев. Но это надежнейшие из надежных. С ними надо непременно поговорить, посоветоваться — впереди трудное время...

— Сегодня, друзья, мы начинаем движение к Днепру. Но до Днепра еще далеко. На первом плане пока Друть. Река, конечно, скована льдом, и большого труда перейти ее не составит. Однако должен вас предупредить: оккупанты и их прихвостни установили на ее восточном берегу в крупных населенных пунктах ряд постов и небольших полицейских гарнизонов. Наши разведчики выявили некоторые из них, но кое-какие могут появиться неожиданно. Поэтому на марше, а мы будем совершать его днем,— никакого ротозейства! Полная боевая готовность, высочайшая бдительность. По себе знаю, в дороге, особенно на мягких санях, легко укачивает и кидает в дремоту. А чтобы этого не было, давайте время от времени сходить с саней и заниматься пробежкой. Личный пример за вами! Из-за сильных морозов будем ночевать в селах. Тех, что подальше от вражеских гарнизонов. Понадобится хорошая охрана. Особенно ночью. Первая ночевка показала, что после долгой лесной жизни кое-кто из нас расслабился, почувствовал себя вольготно, по-домашнему. Сам — на печ-

ку, автомат или пулемет — на крюк у порога. Было и похуже. Но об этом вам расскажет политрук. Он сам проверял посты.

Колюпанов продолжил:

— В целом ночной караул нес службу бдительно, не нарушал устав. Ночью в мороз не прятался в затишек. И все-таки нашелся один... Он ушел с поста в хату погреться. Вроде и недолго, всего три-пять минут побыл... А что за эти минуты могло случиться?.. «Портянки в валенках отсырели. Зашел на минуту в хату переобуться»,— оправдывался боец. Пять минут... А сколько врагу нужно, чтобы добежать, скажем, от окраины деревни до штабной хаты и забросать ее гранатами? Давайте вместе прикинем.

— Две-три минуты... Если бежать от околицы.

— А если через огород прямо из леса?

— Одна-две...

— Вот в том-то и суть! Пост — это священное, неприкосновенное и непокидаемое ни при каких обстоятельствах место. Сам погибай, а пост не бросай. Приведу вам такой пример. В одном из пограничных военных городков начальник караула при отступлении не снял с поста часового — так сложились обстоятельства. Городок горел. Фашисты обошли его с двух сторон. Жители уговаривали бойца оставить пост и уйти с ними, пока не поздно. Но воин остался верен уставу и присяге. Он был голоден — вторые сутки ничего не ел. А рядом — склад с продовольствием, протяни руку и бери, что хочешь. Однако боец и тут не поддался соблазну.

— И что ж с ним потом было? — загорелся молодой десантник в теплой стеганке.

— А что было! Наши войска контратаковали противника, ворвались в городок и отбили его. Того героя снимал с поста сам командир части. Расцеловал его и в тот же день представил к награде. Брось он пост — разграбили бы склад мародеры.

Политрук помолчал, скрестив руки на столешнице, заговорил снова:

— У нас тоже есть с кого брать пример. Вчера к одному человеку подошла старушка. Приметила она еще в избе, что у него плохенький полушубок, принесла ему тулуп сына-пограничника, погибшего на заставе. «Снимай свой кожух, сынок, переодевайся».— «Нет, мамаша, не положено мне на посту отвлекаться,— ответил бо-

ец.— Вот сменюсь — тогда и переоденусь». Поняла старушка: продрог солдат, но не сойдет с места, не отвлечется. А жалко малого. Простудится, пропадет. И тогда она накинула ему тулуп на плечи.

В хату вошел старшина-хозяйственник. Его усы, брови, автомат, висевший на шее, были седыми от инея.

— Лошади накормлены, груз на санях, товарищ майор,— доложил он с порога.— Можно ехать.

Услышав об отъезде, старушка-хозяйка, вошедшая в хату со двора вслед за старшиной, забеспокоилась.

— Господи! Да куда же вы в такой морозище! Померзнете, как птицы на лету. Пообождали бы денек-другой, авось потеплеет.

Алексеев отпустил бойцов, старшину и обратился к ней:

— Спасибо, бабушка, за обогрев, приют, но теплые хаты пока не для нас. Дела ждут неотложные. Вы знаете о них. Врага надо бить, поскорее кончать с войной.

— То-то и оно! Война... Сколько людей под открытым небом!

— Мы — люди привычные, мамаша,— сказал политрук.— Огнем опаленные, морозом каленые, кострами закопченные. Родное небо — крыша отчая.

— Вы-то да. А каково бездомным матерям и детям? Каждую ночь небо в пожарных сполохах. Поглядеть — за Друтью пожар, за Березиной — пожар... А вить то не костры жгут, а хаты, людской кров.

Старушка уткнулась в конец шали, зашмыгала носом. Колюпанов повесил на плечо автомат, подошел к ней, по-сыновьи обнял:

— Не плачь, мать. Скоро уймем пожары. Всех поджигателей с родной земли сметем.

— Дай бог-то... Дай бог,— ответила старушка, утирая концом шали глаза.

Она заглянула на печку, покликала мужа:

— Дед, очнися! Уезжают гости наши.

— Так что ж тут сказать,— отозвался старик.— Им виднее, что и когда... Они — люди военные. С богом... Сухого пороха, меткого глаза...

В сенях сухо заскрипели шаги, и в хату в клубах морозного воздуха ввалился с плеткой в руке командир отделения конной разведки.

— Разрешите доложить, товарищ майор?

— Докладывайте,— кивнул Алексеев, накидывая на полушубок ремень с пистолетом и гранатной сумкой.

— Путь до Друти свободен. Господа арийцы греются аж в городе Рогачеве.

— Как река?

— Река скована льдом, товарищ майор.

— Толщина?

— Не меньше полметра.

— Прекрасно! Как накатанность дорог?

— Много переметов. Но в общем сносно. Километров десять можно рысцой.

— Так... Неплохо. Что слышно о полицаях?

— Сведения крестьян верны. До Друти — ни одного. Но ближе к Рогачеву, говорят, рыщут в поисках поросят и самогона.

Алексеев кивнул Колюпанову.

— Слыхал, политрук, чем питаются полицаи? — И сам ответил:— По-ро-ся-ти-ной... Может, прихватим одного в мешок для приманки?.. Как волкам.

— Мы их и без приманки найдем,— ответил Колюпанов.

— Ну, коль так, тогда по коням!

К вечеру следующего дня отряд десантников и партизан достиг лесной деревушки Дедово, что в пяти километрах от железнодорожной станции Тощице, в 20—23 километрах севернее Рогачева. Гуляла метельная ночь. Широко раскачивались и шумели деревья. Сухой снег больно хлестал лица людей. Даже кони гнули под ветром головы. Свернули с дороги под густые ели. Стало заметно теплее. Алексеев и Колюпанов с разведчиками направились в деревню уточнить обстановку. Затем они забрали с собой 20 человек десантников и партизан, на санях поехали к железной дороге. Оставшиеся с разрешения командира отряда завернули в деревню погреться. Ездовые возились с лошадьми: кто сунул им мешок с овсом, кто вытирал им разным тряпьем вспотевшие бока, грудь, спину.

На железной дороге и вблизи нее гарнизонов врага не было. Лишь на крупных станциях на участке Быхов—Рогачев имелась малочисленная охрана, состоящая в основном из местных полицаев.

Разведчики и партизаны из группы Алексеева, подошедшие к железной дороге, вполголоса переговаривались:

— Главное, братцы, что за эшелон пойдет? И покатит ли он вообще? Если с войсками, то хватим лиха. Следом попрут собаки. Эх, если бы с продовольствием расколошматить!..

— Жди! Так они тебе его и послали. Получай, Василий. В одном вагоне шпиг, в другом — сосиски, в третьем — ром с шоколадом...

— А чего? Может, и пошлют. Не зря же мне вчера, когда у молодайки ночевали, приснилось...

— Сбудется твой сон,— заверил старшина Докшин, вынырнувший из-под развесистой ели.— Только для начала возьмешь ящик тола и — на насыпь железной дороги! Живо!

— Есть, на насыпь!

— Остальным — в ружье! Лошадей тоже надо охранять. Поняли?

— Так точно! — ответил старший сержант Базиров.

— Смотри у меня! Чтоб все было в ажуре,— и метнулся снова под крону елки.

Посланная старшиной взрывчатка была доставлена рядовым Дмитриевым майору Алексееву. Он не знал, откуда пойдет эшелон, и потому решил заминировать железную дорогу у крутого поворота с двух сторон. Лунки под рельсами были быстро подготовлены. Минеры мигом положили в них шашки тола и заровняли землей и снегом.

— У нас все готово! — доложил прибежавший с левого фланга сержант Флягин.

— У нас тоже, — сказал, встав с рельса, младший лейтенант Соколов.

— Тогда всем с насыпи! — взмахнул рукой Алексеев.— Быстро!

— Разрешите мне остаться! — попросил красноармеец Буташин, одетый в длинный тулуп пограничника.

— Это зачем? — удивился Алексеев.

— Прислонюсь ухом к рельсу — послушаю поезд.

— Мы и так услышим.

— Никак нет, товарищ майор. Мною лично проверено — по гулу рельсов слышнее километра на три.

— Ладно. Давай! Только как услышишь — кубарем долой!

— Есть!

Бойцы спешно покидали насыпь. Алексеев и Колюпанов спустились последними, пошли по едва заметной в

снегу тропинке. Алексеев — впереди, политрук — шагах в двух сзади. Метель быстро заметала следы. В лесу, на дороге, идущей вдоль полотна железной дороги, остановились. Алексеев расположил десантников и партизан вдоль железной дороги, приказал отрыть снежные окопы, используя как укрытия толстые деревья и пни вековых сосен и елей. Заранее были выделены бойцы для освещения местности ракетами.

— Что нас ждет ночью на таком морозе, товарищ майор? — спросил один партизан из отряда Ерацкого.

— Нас ждет серьезный бой. А вот когда он произойдет и с кем — вопрос. Ребята из вашего партизанского отряда как-то рассказывали: подорвали они эшелон, а в вагонах — куры, которых везли в Германию... Вот потеха была! Сотни кур по лесу разлетелись. Долго потом их ловили. Идешь, говорят, по лесу, а они, как воробьи, на деревьях сидят.

— Нет,— сказал политрук.— Такой груз нам не нужен. Бить так бить, чтоб надолго запомнили, чтоб взрыв всю округу потряс, чтоб вшивым гадам ночью не спалось!

— Согласен. Но честно признаться, вагонов, полных солдатни, не желаю. Нас горстка, а их сотни. Правда, на лошадях мы от них можем быстро оторваться.

— Вы правы, товарищ командир: с эшелоном солдат нам не справиться. Значит, надо придерживаться правильной тактики.

— Не будем гадать, политрук. Посмотрим, как все сложится.

Метель не унималась. Где-то в районе Быхова что-то горело. Зарево тревожно вздрагивало над лесом. Алексеев поежился. Он не боялся ни темноты, ни ночного боя, а вот ночные пожары переносил муторно. Они пугали его. И началось это с той ночи, когда в крещенский мороз его, лопоухого мальчишку, разбудили крики под окнами родного дома: «Вставайте — горим! Пожар! Пожар! Соседи!»

Страшное это было зрелище. Рушился объятый пламенем, рассыпая на десятки метров трескучие искры, дом. А вокруг него с топорами, баграми, ведрами суетились, не в силах унять пламя, люди. На сундуках, узлах сидели укутанные во что попало детишки. В страшном горе рыдали женщины.

Но тогда люди хоть на время находили приют у соседей. Погорельцам приходила на помощь местная власть. А теперь... Фашисты не только не помогут, а еще и пристрелят или живьем в костер загонят. Было такое не раз.

С насыпи прибежал боец в тулупе.

— Товарищ командир! Рельсы загудели.

— Это точно?

— Как есть. Своими ушами слушал. Даже одно «обжег» об рельсу.

— Стук тяжелый?

— Не легок, товарищ майор. Слитный. Этак вагонов на тридцать!

— Уже и вагоны подсчитал.

— Так не первый же раз на железке. Плюс к тому вырос на железной дороге — батя-то мой путеобходчик.

— Ну, что ж, путеобходчик. Спасибо за добрую весть. Будем встречать. Тридцать — так тридцать. Передать команду: «К бою!»

Тревога в лесном лагере

В лесу близ Жабовки, где разместился зимний лагерь штаба оперативной группы, внимательно следили за действиями группы Алексеева. Радиограмму от него получали, как правило, поздно вечером или ночью. Ни о каких своих боевых действиях алексеевцы пока не докладывали — сообщали лишь свое местонахождение. Всего радиограмм было пять. Но шестая неожиданно не поступила. Радист продежурил на узле связи целую ночь, но «Днепр» (позывной Алексеева) молчал.

— Сели батареи питания,— предположил капитан Гниденко.— Я советовал им, предупреждал...

— Как это сели? Отчего? — вмешался в разговор лейтенант Коротков, начальник узла связи.

— А так: радиослушание устраивали для населения. Из Москвы.

— Дело это нужное,— сказал Огнивцев, сидевший на тельпухе у топящейся печурки.— Алексеев опытный человек, радиостанцию без питания не оставит. Еще в тылу врага на Валдае получил урок.

Огнивцев, не вставая, взял со стола карту: изломанная красная линия маршрута отряда Алексеева упорно продвигалась на восток, к железной дороге Жлобин—Могилев, к Днепру.

— Судя по времени, не сегодня завтра они должны подойти к железной дороге,— сказал он уверенно.

— Я тоже так думаю,— согласился Гниденко.— Но это было скорее вчера. Сегодня — либо двадцать пять километров плюс, либо столько же минус. Как сложились обстоятельства.

— Верно. Хуже всего, если они напоролись на эшелон с солдатами, воинской частью. Это мне хорошо знакомо. Уцепятся, гады,— не оторвешься от них. Хорошо, если ночью, а днем могут и авиацию вызвать. Правда, десяток подвод в любой деревушке можно укрыть.

В землянку вошел командир партизанского отряда Семен Ероцкий. Шапка и воротник полушубка были обсыпаны сухим снегом.

— Ах и морозец! Красота. Прошелся полчаса, а помолодел на три года,— сказал он, вешая шапку на вешалку.— Ну, какие новости от наших, с Днепра?

— Пока никаких.

— Не стряслось ли что?

— Алексеев и Колюпанов калачи тертые, не пропадут со своими боевыми ребятами.

— Тертые,— согласился Ероцкий.— Может, в шахматишки сыграем?

— Можно. Вот пойду только проверю посты. Вернусь — обязательно побью тебя. А пока поручаю это Алексею Степановичу.

Огнивцев надел теплую десантную тужурку и шапку, взял автомат и вышел, крепко захлопнув за собой дверь, сбитую из березовых досок и утепленную старыми одеялами.

У землянки, переваливаясь с ноги на ногу, стоял с автоматом на груди ординарец Хамченков.

— Ну, как, Леонид, не замерз?

— Никак нет, товарищ командир.

— Что слышно?

— Ничего особого. Там — ком снега упадет, там — в гнезде ворохнется белка. В Жабовке, правда, час тому назад собаки брехали.

— Долго?

— Нет. Минуты две-три...

— Значит, прошло мало людей. Может один-два человека.

— Вот и я про то подумал. Если б наведались фашисты, то собаки брехали бы до хрипоты. Это я точно приметил. И как они их узнают? Нюхом чуют?

— Что еще мудрого пришло на ум?

— Стихи, товарищ подполковник.

— Это хорошо. Ну а какие, если не секрет?

— А вот послушайте. Стихи о Березине.

Он сдвинул на затылок ушанку, начал читать:

Течет она, течет она,
Годы и века,
Березина, Березина,
Гордая река!
Через нее в седые дни
Ступали вражьи сапоги.
Но где они? Но где они,
Те озверевшие враги?
Мы били их всей силой зла,
Чтоб больше не ходили.
За их кровавые дела
В Березине топили.

Хамченков водворил шапку на место чуть-чуть набок.

— Ну как, товарищ командир? Ничего?

— А знаешь, неплохо. Патриотично. А это в таких делах — стержень, главное. Пустышки рифмуй как угодно — так и останутся пустышками.

— У меня первое такое. А больше частушки в голову лезут. Про Гитлера, Геббельса и прочую стервядь...

— Слыхал, слыхал. Ты просто гений!

Командир молча размышлял, отойдя в сторону: «Сколько славных ребят на свете! Жил себе на тихой улочке в Москве не очень грамотный рабочий паренек Леонид Хамченков. Гонял футбольный мяч по двору, играл в войну со сверстниками... Никто и не подозревал, что придет время — и в нем раскроется чудесная душа удалого человека, смелого, неунывающего солдата, сочиняющего стихи и меткие частушки про врага. И становятся они оружием смеха».

Командир вдруг лихо заломил шапку, проговорил:

— А что, Леонид, если мы твои частушки размножим и направим, кому они адресованы?

— Это как же?.. Самому Гитлеру, Геббельсу?

— Да нет. Мы их по немецким гарнизонам распространим. На дорогах, мостах разбросаем, расклеим на стенах домов. У тебя много их, частушек?

— Ну, что вы, товарищ подполковник,— застеснялся Хамченков.— Они, как говорят, очень сырые. Но если вы так считаете, тогда, пожалуйста. Я буду только рад.

Командир и старшина Хамченков были большими друзьями, несмотря на большую разницу в служебном положении. Хамченков числился ординарцем командира и отличался беспредельной храбростью, дерзостью, находчивостью в бою, за что Огнивцев любил и уважал его. Вырос Леонид в бедной рабочей семье. Его отец попал в автомобильную катастрофу и остался инвалидом первой группы. Семья была большая, и Леонид с 12 лет пошел на заработки, помогал по хозяйству матери. Школу бросил с третьего класса. За свою жизнь и прочитал-то всего пару-другую книжек, хотя страсть как любил их читать. Хорошо играл на гармошке, сочинял частушки и сам же их исполнял, когда выпадала свободная минутка. А их выпадало так мало на его коротком веку. Товарищи любили Леонида, тянулись к нему.

Перед тем как расстаться со старшиной, командир спросил:

— А как будем рассчитываться за твои проделки в Жабовке? Как же ты умудрился без разрешения хозяев взять на пасеке несколько рамок меду и две буханки хлеба?!

— Виноват, товарищ командир. А вообще хозяин сам дал. Это хозяйка шум подняла. По неведению... Лучше всего пошлите меня на самое ответственное рискованное задание. Оправдаю ваше доверие и позор смою!

Командир хмыкнул:

— Честь выполнять боевое задание во имя Родины с риском для жизни— заслужить надо, друг ты мой. Не каждому это дано.

— Пошлите на железку, товарищ командир. Застоялся я без дела, как добрый конь...— В мольбе Леонида слышался упрек.

— Подумаю,— сказал командир.— А сейчас не отвлекайся от службы. Стихи сочиняй, когда сменишься с поста.

— Есть! — обрадовался Леонид.

Переполох в Рогачеве

С декабря сорок первого года не донимали никакие особые заботы коменданта города Рогачева майора Штромбе. Зима прошла сравнительно безмятежно в Рогачевском районе. Правда, летом партизаны пошаливали, но их диверсии особой тревоги в службе комендатуры не вызывали. 17 февраля в Гомеле на совещании военных комендантов области майор Штромбе удостоился чести быть поставленным в пример всем военным комендантам со стороны шефа гестапо бригаден-фюрера Вильнера. Шеф даже вручил ему памятный подарок от гауляйтера Белоруссии за верную, безупречную службу великой Германии и фюреру.

Майор возвращался в Рогачев на своей машине в хорошем настроении. Еще бы! Ему явно светило повышение в службе и воинском звании. Подъезжая к Жлобину, он решил отметить удачу ужином в одном из ресторанов города. Из укромного уголка ресторана он услышал знакомый голос:

— Майор Штромбе! Мы вас поздравляем с успехом и просим к нашему столу.

Раскланивался с ним военный комендант Жлобина, недавно назначенный на эту должность после ранения на Восточном фронте.

— Что вам помогает в этой дикой, необузданной стране поддерживать такой строгий порядок? — спросил он у Штромбе.

— Преданность великой Германии и фюреру,— чуть высокопарно, но с верой в эту святую истину отчеканил Штромбе.

Присутствующие встретили его слова аплодисментами. Ужин затянулся далеко за полночь. Было выпито много коньяка, вина и натурального баварского пива, доставленного с родины, за фюрера, великую Германию, за новый порядок в России, первопроходцами которого, конечно же, являются они, военные комендантты. На ужине комендант Рогачева чувствовал себя именинником, много шутил и похвалялся. Герой вечера уже собрался было уехать в Рогачев, но вдруг заметил за столом шикарную блондинку. Это изменило его планы. Комендант Жлобина заметил это и попросил коллегу поддержать компанию до полуночи и уехать к месту службы завтра утром. Штромбе охотно согла-

сился и был вознагражден: ночь он провел с новой подругой. Проснулся майор в 11 часов следующего дня от какого-то тревожного предчувствия. Выпив чашку кофе, он расплатился с блондинкой и срочно выехал в Рогачев.

В комендатуре его встретил бледный, трясущийся помощник.

— Докладывайте! — рявкнул комендант, не поднимая глаз.

— Серьезные неприятности, господин майор. В нашем районе появились регулярные подразделения Красной Армии и партизаны. Вчера ночью ими в районе станции Тощице, севернее Рогачева, пущен под откос воинский эшелон, следующий из Быхова в Рогачев с продовольствием и военным снаряжением. Разбиты паровоз, тридцать вагонов и пять платформ. Погибла вся охрана эшелона. Почти все имущество исчезло...

Глаза Штромбе налились кровью.

— Откуда у вас эти данные?

— Доложил по телефону со станции Тощице тяжело раненный начальник эшелона.

— Какие контрмеры приняты Рогачевским гарнизоном?

— С рассвета из Рогачева и Быхова на автомобилях были высланы по одной роте солдат, но из-за снежных заносов они к месту происшествия добрались только к вечеру. Разумеется, поздно...

— Куда делись эти... лесные бандиты?

— Ушли в леса. Они на санях. У них хорошие лошади. У нас же пока нет ни одной подводы. Машины из-за снегов бесполезны.

Вечером того дня у майора Штромбе состоялся весьма неприятный разговор с шефом гестапо. Спасала лишь добрая прежняя репутация и клятвенное обещание как можно скорее уничтожить лесных бродяг.

Действительно, на три-четыре дня все затихло. Диверсанты бесследно исчезли. Местные жители поговаривали, что это были кадровые военные, действовавшие вместе с партизанами. Так ли это? Немцам пока не удалось узнать достоверно, кто они и откуда взялись на Рогачевщине. Выяснилось лишь одно: это были хорошо вооруженные и обученные, смелые люди.

21 февраля гарнизон Рогачева и бургомистр пышно праздновали именины коменданта города. Вино лилось

рекой. Звенели бокалы, звучали тосты в честь майора Штромбе. Особенно велеречивым был бургомистр города Богданович.

— Более полутора лет мы не знаем набегов большевистских банд. И это благодаря вам, любезный герр комендант, вашему руководству доблестными солдатами фюрера. То, что случилось недавно на станции Тощице,— это чистая случайность. Конечно же, этого больше не повторится. Я предлагаю тост за фюрера и победу великой Германии, за вас, достопочтенный герр майор!

Все присутствующие горячо поддержали этот тост, но косились на присутствующего шефа гестапо города, который воздерживался от похвальных речей, так как получил серьезный нагоняй от своего начальства за диверсию на станции Тощице. Штромбе посмотрел на него таким умоляющим взглядом, что тот не удержался.

— Мне представляет большое удовольствие работать вместе с именинником, верным и заслуженным солдатом фюрера. И я уверен, что мы и впредь будем бдительно стоять на страже нового порядка, установленного фюрером в Белоруссии, и никому не позволим нарушать...

Шеф гестапо не успел закончить свой великолепный тост. Штромбе срочно вызвали к телефону.

Звонил в усмерть перепуганный военный комендант города Жлобина.

— Уважаемый коллега! Сегодня вечером на железной дороге Жлобин—Гомель, западнее Салтановки, пущен под откос воинский эшелон,— сообщил он.— Разбиты паровоз, двадцать вагонов с живой силой, восемь платформ с артиллерией. По имеющимся у нас данным, красные бандиты пришли с севера, из лесов юго-восточнее Рогачева. То есть от вас. Вы обещали шефу после взрыва на станции Тощице уничтожить их, но этого не сделали. Я вынужден доложить в Гомель.

— Мною были приняты все необходимые меры. У нас не осталось... лесных банд,— заорал в трубку взбешенный Штромбе.— И если вы там, у себя, расплодили их, так сами и отвечайте. Я тоже умею докладывать! — И майор бросил трубку.

Торжество было омрачено. Все быстренько расходились под благовидными предлогами. Но забота была

общей и единственной: а вдруг они снова появятся в районе?

Миновал еще один день. И тут рано утром в дом, где жил комендант, нервно постучали. Вышел денщик.

— Кто там? — спросил он, пряча грудь и голову за тумбу.

— Это я, начальник караула. Прошу разбудить господина коменданта.

— Зачем он вам?

— Срочное дело. Неотложное... Бургомистр Богданович просится.

— Он же сегодня дважды был у коменданта на докладе.

— Сейчас у него особый доклад. Пожалуйста, поторопитесь.

— Подождите, сейчас доложу.

Протопали каблуки, скрипнула и затворилась дверь. В доме вспыхнул свет. В одной комнате, в другой... Денщик распахнул тамбур.

— Входите! Да быстро! Здесь холод, а господин комендант только что с постели.

Комендант был, действительно, в одних брюках и нижней рубашке. Он даже не успел натянуть на плечи полосатые подтяжки. Бургомистр города оказался совсем растрепанным, небритым, без галстука. Лохматая, дурно пахнущая борода его тряслась. И его всего било, как в лихорадке.

— Ваше благородие! Господин комендант,— упав на колени, завопил он в голос.— Сегодня ночью полицейские гарнизоны в Гадиловичах, Зборове, Мадоре разгромлены. Убиты бургомистры и двенадцать полицейских. Бандиты захватили много муки, соли, картофеля у полицейских и старост, увели весь их скот. По рассказам, о боже, что там было!..

— Да прекратите тряску! Уймитесь! Толком говорите, кто напал, на кого, когда? Откуда они взялись?!

— Рад бы радешенек уняться. Но с собой не могу совладать. Замерз и перепуган... Извините великодушно...

Комендант сердито обернулся к оцепеневшим начальнику караула и денщику.

— Да сделайте же что-нибудь, чтобы его не трясло! Старый пес... Противно смотреть.

Бургомистра подхватили под руки, увели в прихожую. Дали полстакана шнапса и вновь подвели к коменданту.

— Рассказывайте,— брезгливо воротя нос, приказал комендант.

— Сей момент, сей момент,— усаживаясь в кресло, лебезил бургомистр.— Все выложу... Обо всем расскажу. Стал быть, среди ночи, когда наши господа полицейские отошли ко сну, бандиты внезапно напали на все полицейские участки сразу и... Бедняги не успели оказать сопротивление. Почти все полегли. Лишь отдельным удалось скрыться.

— Сколько было напавших?

— Говорят, более сотни человек. Все в красноармейской форме, с автоматами и пулеметами. Разъезжают на санях. Господин комендант, они... могут появиться в Рогачеве...— с ужасом заключил бургомистр.

Коменданта не на шутку встревожило это сообщение, и он немедленно поднял гарнизон по тревоге.

— Почему не кинулись на помощь полицейские гарнизоны Турска и Стрелки? — стукнул кулаком по столу комендант.

— Да куда ж кидаться? В огонь, под пули? Ночью... И далеко к тому же. Верст десять наберется. Покель прискакали б...

— Шкуру свою жалели. Трусы! Амбарные крысы! Коммунисты бьют нас на железной дороге, вытряхивают старост и полицию с постелей.

— Так точно! Вытряхивают. Бьют... Так они же на санях, с пулеметами...

Комендант сердито сощурил глаза и резко спросил:

— Зачем пришел в такую рань?

— Доложить же! И просить вашей помощи. Надо спасать остальные полицейские участки и... бургомистров волостей, которые верой и правдой служат фюреру и великой Германии...

— Ах, вот в чем дело,— процедил сквозь зубы комендант, натягивая на плечи подтяжки.— Им, видите ли, помочь надо шкуру свою сохранить, пьяные рожи! А вот этого ты не хотел, пес старый,— сунул он волосатый кулак под нос бургомистра.— Сгинь, сейчас же! На место! На свой пост! В свою будку! И передай всем обмаравшим штаны свиньям и собакам, что рейх вас спасать не будет. Марш на место!

Комендант, выставив таким образом бургомистра за дверь, удалился в спальню. Через четверть часа он появился затянутый в теплый кожаный реглан, с автоматом на шее.

— Курт! Где мой чемодан «по тревоге»?

— Под вашей постелью, господин майор. Но он не собран...

— Как не собран? Почему?

— Вы же сами сказали, что мы остались здесь навсегда.

— Прекрати болтать, объевшийся индюк! Сейчас же собрать чемодан и быть готовым к действиям по тревоге.

— Слушаюсь! — щелкнул каблуками денщик и кинулся в спальню.

В кожанке было дьявольски жарко. Комендант расстегнул душивший его воротник, тяжело опустился в плюшевое, густо проеденное молью кресло и подумал: «Вот и кончилась тишина. И сюда добрались. О, мой фюрер! Что-то нас ждет?» Майор тут же испугался своих крамольных мыслей и посмотрел на портрет фюрера.

Из золоченой рамки на коменданта браво, щегольски смотрел Адольф Гитлер. Фотограф запечатлел его вскоре после взятия фашистскими войсками Минска. В сорок первом. Поза и вид фюрера успокоили майора. «Слава богу, он, кажется, ничего не слышал»,— подумал он.

Возвращение отряда Алексеева

Расчет Огнивцева на то, что рейд в Приднепровье и на Гомельщину будет успешным, оправдался. Через четыре дня после потери радиосвязи с Алексеевым в Жабовке появились двое саней, тяжело нагруженные тюками, мешками, ящиками с надписями на немецком языке. Притихший после метели лес огласился радостными криками:

— Наши вернулись! Ура!

— Качать их! Качать ребят.

К саням подошел Огнивцев.

— Подожди качать. Может, еще и не за что. Где остальные, старшина? Докладывайте.

Старшина Докшин, одетый в новый полушубок, с автоматом на груди, тронув пальцами едва отросшие усы, сказал успокоительно:

— Да все в порядке, товарищ командир. Все живеньки-здоровеньки. Двух, правда, задело из отряда Ероцкого. А фрицевский эшелончик — к едреной фене! Принимайте подарок: соль, сахар, мыло, консервы, галеты, шпиг! И обмундирование для всех чинов и рангов: солдатское, фельдфебельское, офицерское. Фельдмаршальского не нашли...

— Вот теперь качать их! — взмахнул рукой Огнивцев, широко улыбаясь.— На воздух!

Десятки друзей с приветственными возгласами подхватили старшину и троих бойцов, и они легко взлетели над головами.

Вскоре в жарко натопленной землянке в большом кругу бойцов и командиров пошли расспросы и рассказы.

— Где сейчас остальные? В каком месте? — подступил к старшине с картой капитан Гниденко.

— Я этого точно не знаю. После взрыва вражеского эшелона с продовольствием и обмундированием в районе Тощице майор Алексеев занарядил две подводы и приказал нам доставить захваченное в штаб, в Жабовку. Вот мы и прибыли, выполнили его приказ. Там мы расстались с отрядом. Где он находится сейчас — трудно сказать. Но их голыми руками не возьмешь! Сегодня тут — завтра там. Ищи-свищи!

— Какие намерения высказывал майор, планы? — уточнял Гниденко.

— Эге... Вы спросите сами у этого молчуна... Ребята говорили, собирался гробануть еще парочку немецких эшелончиков, а затем выпотрошить бургомистров и полицейских где-нибудь под Жлобином. Пусть все знают: жива Советская власть! Жива и крепка на руку!

— Значит, все-таки на Жлобин пошли..

— Никак нет, товарищ капитан. Я этого не сказал. На Жлобин майор Алексеев не пойдет. Силенок мало. Понимает. А будь у него хотя бы батальон с тяжелым вооружением, он бы показал им кузькину мать!

— Ладно, ладно. Понятно. Еще вопрос. Для доклада вверх. Какой эшелон? С чем? Сколько и чего разбито, уничтожено? Только чтобы тютелька в петельку, без прикрас! Не знаешь — не докладывай.

— Насчет тютельки-петельки не берусь. А вот сколько вагонов — сам лично сосчитал на месте взрыва. Полетели под откос двадцать штук. Еще восемь трупов охранников. К сожалению...

— Что к сожалению?

— Времени было мало: по железке фашисты могли подбросить к месту взрыва пару сотен солдат из Рогачева и Быхова. Потому и не успели организовать как следует ревизию в вагонах. Забрали по-быстрому самое необходимое из продуктов и обмундирования — и дай бог ноги.

Выслушав старшину, Гниденко поспешил на доклад к командиру. Радости в связи с приездом старшины и трех десантников как-то поубавилось после зрелых суждений о дальнейшей судьбе Алексеева и его бойцов. Им могло быть худо. Очень худо... Огнивцев так и сказал, внимательно выслушав Гниденко, в деталях повторившего рассказы старшины:

— Да-а. Дела неважные, Алексей Степанович. Напасть на гарнизон в Рогачеве или Жлобине — до этого он не дойдет. Нет! Кадровый командир все-таки. Умеет быть трезвым в деле. Думаю, случилась беда с радистом или радиостанцией. Помню, осенью сорок первого года под Велижем мы действовали в тылу врага без радиосвязи из-за гибели радиста почти двадцать дней. Так и перешли через линию фронта к своим. Было нечто подобное и под Волоколамском — вышла из строя радиостанция. Но боевую задачу мы тоже выполнили. И, как видишь, сами остались живы и здоровы. Фашистам холку тогда порядочно намылили.

— А может, нам что-нибудь предпринять? Хорошо бы связаться с ними...

— Подождем еще четыре-пять деньков. В случае чего, попробуем разыскать с помощью отряда Османа Мусаевича Касаева.

К счастью, все опасения были напрасными. Спустя пять дней после возвращения группы старшины Докшина припожаловал и сам Алексеев с остальными. Рейд длился двадцать суток, протянувшись по трудным зимним дорогам Приднепровья и Гомельщины более чем на две с половиной сотни километров.

Неописуемой была радость десантников и партизан. Огнивцев первый обнял Алексеева, сжав его до хруста костей.

— Наконец-то! Черти запропавшие...— воскликнул он.

— А мы и не пропадали,— улыбаясь, ответил Алексеев. Вдруг он встал по команде «смирно» и отрапортовал: — Боевое задание выполнено полностью. Подробности доложу дополнительно. Наши потери — трое убитых и пятеро раненых. За счет врага и изменников Родины продовольственные и вещевые запасы пополнены сверх нормы.

Как ни жалко было потерять троих убитыми, но горечь утраты была возмещена тем, что немцы и полицаи понесли неизмеримо большие потери в людях и технике. Да и продовольственные запасы в отрядах были значительно пополнены.

— Ну, и молодцы! Ну, и герои! — восхищались и радовались офицеры, солдаты, партизаны, отдав должное памяти погибших.

— Николай Федорович! А почему прекратилась радиосвязь? — допытывался Гниденко.

— У станции Тощице нашу радиостанцию пробила шальная пуля. Не прекращать же выполнение боевой задачи. К тому же обстановка складывалась — лучше не надо. Мы в Приднепровье и на Гомельщине навалились на фрицев как снег на голову... В последние три месяца их там мало кто тревожил. Вот мы и погуляли там на железной дороге вдоволь.

— Решение правильное,— заключил Огнивцев.

На следующий день после подробного доклада майора Алексеева и политрука Колюпанова, после тщательного изучения захваченных документов в адрес штаба фронта пошла радиограмма:

«Во время смелого рейда десантников и группы партизан в Приднепровье и на Гомельщину в честь 25-й годовщины Красной Армии пущен под откос вражеский эшелон с продовольствием и военным снаряжением в районе станции Тощице, двадцать километров севернее Рогачева. Разбит паровоз, 20 вагонов, 10 платформ. Захвачено продовольствие, военное обмундирование, охрана эшелона перебита.

Через два дня при содействии партизан из отряда Ероцкого на участке Жлобин—Гомель, западнее 2 км Шарибовка, пущен под откос воинский эшелон с живой силой. Разбиты паровоз, 10 вагонов с живой силой и 8 платформ с артиллерией. 20 февраля на этой дороге

западнее 2 км Старая Рудня взорван воинский эшелон противника. Уничтожены паровоз, 12 вагонов с боеприпасами, 9 платформ с автомобилями. Рейд был завершен разгромом волостных управ и полицейских гарнизонов в Гадиловичах, Зборове, Мадоре».

Да, это был поистине рейд отважных. Он всколыхнул весь край, переполошил врагов и доставил много радости населению.

Накануне Дня Красной Армии была получена телеграмма из Центра:

«Тов. Игорю (Псевдоним командира оперативной группы)

Поздравляем вас и ваш боевой коллектив с 25-й годовщиной Красной Армии. Своими действиями вы оказываете неоценимую услугу Родине. Продолжайте вести активную разведку. Не допускайте подвоза резервов, боеприпасов и боевой техники к линии фронта. Желаем дальнейших успехов.

Центр»

Настроение у воинов отряда было приподнятое. Добрые слова телеграммы не только воодушевляли их, но и давали конкретную программу действий. Руки сами тянулись к оружию...

После изучения опыта рейда, командование отряда решило в начале марта направить группу разведчиков-подрывников во главе с Буховым на лошадях на север, к станции Крупки, с солидным запасом продовольствия и взрывчатки.

Снаряжалась группа и на юг. Но гораздо сильнее. Ей предстояло вести разведку подступов к железной дороге Минск — Бобруйск — Гомель, завязать на станциях, полустанках и вблизи их надежные связи с местными патриотами, провести разведку наблюдением и постараться захватить пленного.

Группы разъехались. А вскоре возвратилось несколько разведчиков из южной группы, приведя с собой пленного солдата из железнодорожной охраны. Они доложили важную новость: оккупанты начали перевозку загадочных грузов, замаскированных под соломенные домики, обшитые по углам и в середине досками. Раскрыть тайну Огнивцев надеялся при помощи пленного. В тот же час он с переводчиком Дмитрием Юферевым начали допрос немецкого солдата.

— Номер вашей части и ее назначение?

— Рота железнодорожной охраны 56-го Минского железнодорожного батальона. Мы прибыли неделю назад с целью охраны железнодорожных станций, путей и воинских эшелонов.

— Каких?

— Не знаю. Нам лишь сказали: «Смотреть строго. Никого на станцию и к полотну близко не подпускать. Пойдут важные эшелоны. Переход железнодорожных линий местными жителями — строго в определенных местах».

— Сколько прошло таких эшелонов за время вашего пребывания на железной дороге?

— Два.

— Вы, вероятно, присматривались к этим домикам и вас интересовало, что в них везут?

— Да. Меня взяло любопытство, и я на станции Бобруйск забрался на одну из платформ и начал буравить штыком дырку, чтобы посмотреть внутрь соломенного домика, но мне не дали. Фельдфебель крикнул: «Назад!» — и я отошел. Он даже пригрозил мне гестапо, если я еще раз суну свой нос под плетеную солому. Он сказал мне, что в эшелонах — забота фюрера о жителях степной Украины. Он шлет сожженным селам детали готовых домов из досок.

— И вы этому верите?

— Да. Это правда. Не станет же фюрер тратить столько досок и соломы на маскировку военной техники. Раньше все везли открытым.

— А что говорят об этом другие солдаты? Ведь не могло пройти это событие без солдатских пересудов.

— Всякое болтают. Один солдат сказал, что «наш фюрер запылит русским глаза соломой». А вчера мой земляк ефрейтор Хельвиг по секрету сказал мне, что в соломенных домиках везут технику реванша.

Дальнейший допрос Юферев прекратил. Ему стало ясно, что в соломенной упаковке немецкое командование перебрасывает на фронт что-то новое из боевой техники.

В тот же час телеграмма об этом ушла в Москву. А на другой день радист принял приказ из Центра: «Организуйте крушение поездов, в которых немцы перевозят грузы, упакованные соломой и досками, с тем чтобы установить, что же в этих эшелонах противник перебрасывает к фронту».

Встреча с «пантерами»

Как явствует из воспоминаний немецких генералов Гудериана, Типпельскирха и некоторых других, Гитлер летом 1943 года вопреки неумолимым фактам считал, что война фашистской Германией далеко еще не проиграна и что тяжелое положение можно поправить в результате успешного проведения операции «Цитадель» и уничтожения на курском выступе советских войск. Враг рассчитывал сломить дух советских воинов мощной танковой лавиной.

«...Гитлеру хотелось,— вспоминает генерал Типпельскирх,— применить в этой операции большое количество танков «пантера», которые незадолго перед тем были пущены в серийное производство и на которые он возлагал особенно большие надежды». Действительно, танки «пантера», «тигр», штурмовые орудия «фердинанд» непрерывно прибывали на Восточный фронт, в район предстоящего сражения.

Известно, что вскоре после поражения под Сталинградом Гитлер еще яростнее и настойчивее требовал от военно-промышленных магнатов дать ему новое оружие возмездия и сокрушения Красной Армии. Наконец несколько систем этого оружия реванша были созданы и после ряда доводок, доделок по личному указанию фюрера пущены в серийное производство. Это были тяжелые танки «тигр» и «пантера».

В начале марта сорок третьего года в штабе оперативной группы десантников думали о том, как устроить крушение фашистских эшелонов с неизвестным грузом. Решили направить на дорогу Минск—Бобруйск—Гомель самых отважных и умелых диверсантов. Приказ Центра — раскрыть «соломенные домики» воины отряда восприняли как приказ Родины. Командиром этой группы был назначен один из самых отважных десантников Игорь Соколов, недавно получивший звание младшего лейтенанта. В его группу вошли опытнейшие подрывники: сержанты Дмитриев и Буташин, старший сержант Флягин и другие.

Эту группу инструктировал сам подполковник Огнивцев.

— Сегодня вы уходите на выполнение очень важного задания. Командование приказало нам установить, какую новую боевую технику везут на фронт фашисты в «соломенных домиках», что они замышляют. Это нелегкое задание. Вам предстоит взорвать не просто воинский эшелон, а только тот, в котором перевозится новая техника. И не только взорвать, но и установить точно, что она собой представляет. Ясна ли вам задача, товарищи?

— Ясна, товарищ подполковник,— ответил за всех Соколов.

— С вами пойдет наш фотограф. Его задача заснять все на пленку.

— А если эшелон будет подорван ночью?

— Нужно стремиться пустить под откос такой эшелон в светлое время. А если это не удастся, фотограф постарается выполнить задачу и в темное время. Имейте в виду, что охрана железной дороги Минск—Гомель значительно усилена.

Командир как никто другой знал, как важно перед уходом на серьезное задание бодрое, вселяющее уверенность в успех командирское слово, как необходимо оно для общего хорошего настроения группы. Он дал группе несколько дельных советов, ответил на вопросы и тепло напутствовал боевых друзей.

— Я надеюсь,— продолжал командир,— что этот февральский выход будет удачным. Не стремитесь завязать и выиграть бой, на этот раз бой нам не нужен. Важно добыть то, что от нас требуют. Ну а если подвернется хороший трофей в виде специалиста по новой технике или портфель с документами — Родина скажет вам еще раз спасибо. В добрый путь, товарищи! Ждем вас с удачей.

На задание ушли лучшие десантники, опытнейшие минеры, подрывники. Вера в них полная. Но может быть, надо было пойти самому, благо, сердце само рвется туда, где гудят эшелоны с таинственным оружием. Нет, все пока правильно. Это полетел лишь пчелиный иск, разведка, а вслед за ним двинется и весь рой. Вдруг да неудача, что-то получится не так. Что тогда? А тогда должна быть наготове другая группа, и поведет ее уже сам командир. Но даже, если и первой группе потребуется его личное вмешательство, он готов вмешаться по первому сигналу.

Командир прошелся по тропке. Под ногами почавкивала весенняя талая вода. Приятно пахло нагретой солнцем смолой сосен, оттаявшей местами землей, вереском. А в голову лезли все те же неотвязные думы о задании, которое надо непременно выполнить.

Только ли одна оперативная группа занимается выявлением нового оружия фашистов? Вряд ли. Сейчас наверняка поставлена задача разведывательным группам, партизанским формированиям Бреста, Гродно, Барановичей, Минска и Гомеля, брянским, смоленским, украинским партизанам. Не одна группа залегла сейчас у железных дорог, где идут гитлеровские поезда со странными «соломенными домиками». Кто же первый сорвет крышу с этих липовых домов? Кому будет сказано Родиной спасибо?

Командир прошел в землянку узла связи и запросил разведчиков, ранее высланных для визуального наблюдения в двадцати километрах западнее предполагаемого места подрыва воинского эшелона. Разведчики донесли, что пока мимо проходят лишь поезда с малопривлекательными грузами, но охрана приведена в готовность. А значит, специальные эшелоны обязательно будут. Немецкое командование повезет свое секретное оружие, никуда не денется.

Однако прошли сутки, вторые, а эшелоны с «соломенными домиками» не шли. Напрасно разведчики всматривались в даль дороги. Было похоже, что перевозку секретного оружия что-то затормозило. Так оно и получилось. К четвертой ночи в штаб оперативной группы прискакал гонец и привез листовку, снятую со стенки лесного полустанка. В ней говорилось:

«Граждане, живущие в прилегающих к железной дороге селах! Германская администрация и сам Верховный Главнокомандующий Адольф Гитлер, проявляя большую заботу о жителях оккупированных областей, начали с этого года планомерные поставки облегченного сборно-щитового жилья для пострадавших в войне. Но подлые лесные бандиты задались целью помешать заботе фюрера и взрывают эшелоны с домами.

Граждане! Выявляйте и вылавливайте саботажников. Охраняйте эшелоны с подарками фюрера!

Командование Германской армии».

Прочитав листовку, Алексеев сказал:

— Очередной брех пса Геббельса.

— И не только брех. Хитрость. Расчет на усыпление бдительности советских патриотов.

В тот же час командир отдал приказ: «Листовка врага — это его уловка. Усильте наблюдение. Эшелоны с «соломенными домиками» пускать под откос!»

На другой день, на рассвете, после получения приказа командира старший сержант Флягин и сержант Дмитриев с отрядным фотографом, дежурившие с подрывной машинкой, заметили эшелон, идущий из Осиповичей на Бобруйск. Впереди паровоза катились три платформы, нагруженные мешками с песком и другим балластом, а затем — какая радость! — десять платформ с «соломенными домиками». Десантники в светлое время такого подарка не ждали. Они тренировались и ждали удобного случая ночью, но не днем. И вдруг...

Сержант Дмитриев не поверил своим глазам, немножко растерялся и обратился к старшему сержанту:

— Саша! Ты видишь, что ползет по железке на восток? Это то, о чем говорил командир, ради чего мы дежурим уже который день!

— Вижу, Додик,— растянуто проговорил Флягин.— Главное — не упустить его, гада. У тебя все в порядке?

— В полненьком, Сашенька! Не мешай затаить дыхание...

Взрыв большой силы раздался в февральское утро в лесах восточнее Бобруйска. Десять платформ с «соломенными домиками» и три вагона с солдатами пошли под откос. Каково же было удивление десантников, когда из двух «соломенных домиков» вывалились бронированные громадины с пушками крупного калибра, увенчанными дульным тормозом. То были ставшие потом широко известными танки «пантера». То было новое секретное оружие фюрера, новая боевая техника реванша за Сталинград.

Пользуясь общим замешательством после взрыва и крушения эшелона, группа Соколова сфотографировала «пантеры» и осмотрела их. Ясно, принципиально новые тяжелые танки, у них весьма толстая броня, приземистая башня, широкие гусеницы и длинноствольная пушка.

— Да, братцы, машины не шутейные,— высказался служивший в танковых войсках Базиров,— бороться с

ними будет трудно. Экая броня!.. Возьмет ли наша артиллерия?

— Обязательно возьмет,— заверил Буташин,— почему не взять? Наши артиллеристы найдут и на них узду.

Майская блокада

Робко, пугливо, как бы с оглядкой, пришла на Березину весна сорок третьего года. Из домов, щелей и убежищ, как тараканы на тепло, вылезали, оживлялись, активизировались зимовавшие в уцелевших селах солдаты рейха, каратели, заготовители контор, чиновники управ, комендатур и другая фашистская нечисть.

Появились на опушках лесов и гестаповцы. Собачьим нюхом вынюхивали они следы десантников и партизан. Проникали и на восточный берег Березины через единственный мост между Березино и Погостом. Мост этот немцы берегли, как зеницу ока. С двух сторон его бессменно дежурили четыре вкопанных в землю танка и до двух взводов фашистов с пулеметами и автоматами, надежно укрытые в дзотах и траншеях. Как Змеи Горынычи, поливали они огнем все живое на ближних и дальних подступах к нему. Поэтому мост действовал, пока надежно служил рейху. Он позволял оккупантам и полицейским свободно маневрировать с западного берега реки на восточный.

Много раз пытались партизаны взорвать мост через Березину, но безуспешно. На этот раз уничтожить его решили десантники.

— Не буду я бывалым подрывником, если не уничтожу эту горбатую заразу,— сказал при обсуждении плана действий командир отряда Сорока.— Разольется Березина! Торчать оккупантам на том берегу, как пням горелым. А нам раздолья прибавится.

— Это очень важно, капитан Сорока,— сказал командир.— Так что благословляем вас, Григорий Яковлевич. Взорвете мост — быть вам героем Березины! Но одно прошу. На рожон не лезть. На «ура» мост не взять. Тут нужна особая хитрость.

Сорока недовольно хмыкнул в кулак.

— Что мы — лыком шиты? Только на хитрость и вся надежда.

Слова — словами. Но как подобраться к мосту, как заткнуть глотку танкам, закопанным у моста, уничтожить засевших в дзотах гитлеровцев? Была бы противотанковая пушка или, на худой конец, противотанковое ружье. Но их нет. А с гранатами к ним не подступиться. Местность открытая, как на ладони. Ночью — беспрерывное освещение ракетами.

Много воды утекло в Березине после того памятного разговора. Уже вешний разлив вошел в русло, уже кое-кто стал забывать об обещании Сороки. Не все и не всегда получается так, как хотелось бы. Но однажды, в середине апреля, Березину и ее окрестности на многие километры потряс взрыв огромной силы.

— Черт бы побрал этих фрицев! — выругался Гниденко.— Наверно, из «берты» куда-то пальнули.

Огнивцев улыбнулся:

— Да нет, Алексей Степанович. Это не «берта». Кажется, это наш Сорока сдержал свое благородное слово.

Так оно и было. Сорока, как и обещал, перехитрил врага. Вечером, в синие сумерки, десантники под его непосредственным руководством соорудили из бревен плот, положили на него три не разорвавшиеся авиационные немецкие бомбы по центнеру каждая — их специально извлекали из земли, рискуя жизнью, ящик тола и взрыватель. Укрыли все это лапником, еловой корой, поставили на плот высокий шест, прикрепленный к взрывателю, и пустили это диковинное сооружение вниз по течению Березины, примерно, в двух километрах выше моста. Теперь оставалось только ждать результата. Проплывая под мостом, шест должен был задеть за пролет, и горбатому «Горынычу» — конец. Взрывчатки хватало на то, чтобы разнести его до основания. Однако прошел час, тянулся второй, третий, а взрыва все не было.

Сорока послал двух шустрых парней уточнить обстановку. Вернулись они обескураженные и убитые горем.

— Ну что? — спросил Сорока, увидев перед собой ребят с грустными лицами.

— Плохо, товарищ командир. Плот не дошел до моста метров десять.

— Почему не дошел? Как?

— Попал в водоворот и крутится на месте.

— Ах, чтоб тебя... Что же делать? А может, подплыть и столкнуть?

— А как подплыть? Его уж заметила охрана. Стоят на мосту и тычут в него пальцами, что-то лопочут. Один охранник побежал куда-то. Наверно, докладывать начальству о странном сооружении.

— Эх! — взмахнул рукой Сорока.— Пропало столько взрывчатки! Да-а. Такого не ожидали. Но что же будут делать немцы?

Гитлеровцы к плоту сами не полезли. Помощник коменданта гарнизона вызвал к себе господина бургомистра г. Березино и сказал ему:

— Охрана моста доложила, что у моста появился странный плот с шестом. На шесте прикреплена какая-то записка на бересте.

— Это партизаны... А может, и десантники. Их выдумка. Они что-то задумали. Может, таким путем они решили взорвать мост?

— Вздор! Где они возьмут столько взрывчатки? Для того чтобы уничтожить мост, надо не менее двухсот килограммов взрывчатки. А их, по нашим данным, у десантников и партизан нет.

— Может, это и так, но полицаи боятся лезть на плот.

— А вы сами, господин бургомистр, сами покажите полицаям достойный пример.

— Ваше благородие! Как можно? Я жить хочу. У меня жена молодая. Сами знаете, только женился, обжился. Да и сам того... Только за пятьдесят.

— Ничего не случится с вами. Приказываю плот с подступов к мосту снять и записку на нем прочесть!

— Слушаюсь! Есть! Но это заведомое убийство. В случае чего, на вас грех за мою погибель ляжет.

— Господин бургомистр! Постесняйтесь. Вам ли произносить такие слова?!

— А что мне с этого стеснения? Каков прок? Легче станет, что ли? Железный крест мне на грудь повесят, что ли?

— Великая Германия в день своей победы всем, кто заслужил, повесит и кресты, и дубовые листья... А кто не выполняет приказ — того самого вешают,— сурово предостерег помощник коменданта гарнизона.— Вперед, господин бургомистр! Хайль Гитлер!

«Хайль-то хайль... Но чует сердце...» — пробормотал убитый горем бургомистр.

Помощника коменданта взорвало. Он ударил кулаком по столу и завопил, услышав кощунственные слова:

— Скоты! Жалкие трусы. Я давно это замечаю. Вы не служите Германии, а лишь спасаете свои шкуры. Я еду сам. Я — немец! Я покажу вам настоящую арийскую храбрость.

Он усадил обескураженного бургомистра в машину и помчал к мосту.

— Лодку мне! — крикнул он охранникам, посмотрев на крутящийся в водовороте у моста плот с шестом.

Охранники подогнали к мосту утлую для двух-трех человек лодку.

— Прошу! — сделал приглашающий жест рукой помощник коменданта и протянул бургомистру весла.

— Как же... Зачем же? — попятился бургомистр.— Вы же сказали, сами...

— Да, да. Я сам, но и вас поучу храбрости. Трус!

Бургомистр тяжко вздохнул, взял весла и опустился в лодку, как в свою могилу.

— Смелей, смелей, господин бургомистр! — подбадривал совсем обмякшего весельного помощник коменданта, храбро возвышавшийся на корме лодки во весь свой богатырский рост.

На мосту стояли, затаив дыхание, солдаты охраны и полицаи. Они ждали, что будет дальше. Произошло все мгновенно. Храбрый офицер ступил на край плота. Плот покачнулся и накренился чуть-чуть набок. Чтобы не упасть в реку, он ухватился за шест, и это был его последний рывок к победе. Грянул сокрушительный взрыв. Землю, воду, часть одного деревянного пролета моста тяжело качнуло, рвануло вверх и разнесло в стороны, затем обрушило с шумом и треском вниз, в водную пучину.

По берегам весенней Березины покатилось долгое громкое эхо.

Десантники и партизаны шутили после взрыва, что каблук сапога помощника коменданта гарнизона обнаружили на центральной площади города у входа в его родную комендатуру.

Повреждение моста нарушило взаимодействие немецких и полицейских гарнизонов, расположенных вдоль Березины, и создало благоприятные условия для

дальнейших действий партизан. Перед майскими праздниками партизанами отрядов Изоха, Ероцкого и Баранова при участии десантников были разгромлены несколько небольших вражеских гарнизонов восточнее Березины.

Приход весны, уничтожение гарнизонов врага, приближение майских праздников поднимали настроение партизан и десантников. Среди них царило боевое настроение, желание еще более активизировать разведку. Намечались объекты для предстоящих нападений на коммуникации и гарнизоны противника. Но этим планам не суждено было сбыться. В первых числах мая от разведчиков и партизан начали поступать тревожные разведывательные данные.

Немецкое командование, замышляя летом 1943 года крупные наступательные операции на центральном участке советско-германского фронта, решило очистить от партизан и десантников лесные массивы, расположенные между Днепром и Березиной, южнее шоссейной дороги Минск—Могилев. Для такого решения у рейха было две веские причины: во-первых, именно в этих лесах располагался Могилевский подпольный обком партии, который активно руководил борьбой советских патриотов, во-вторых, надо было обеспечить бесперебойную переброску резервов боевой техники по железным и шоссейным дорогам в районы Курска, Орла и Брянска, что пока не удавалось. На этот раз фашисты задачу уничтожения десантников и партизан попытались решить иначе: действиями моторизованных воинских частей и войск СС быстро блокировать районы, занятые ими, а затем внезапным вторжением в леса на танках и бронетранспортерах разгромить подпольный обком партии и все лесные силы.

Стояли теплые майские дни. Десантники за полгода обжили и полюбили Усакинские леса, привыкли к ним, хотя они были не такими уж уютными. Буреломье, болота, речки, крапива, хмыз. С первых теплых дней — тучи комаров и гнуса.

В один из таких дней моторизованная колонна гитлеровцев с танками, артиллерией и минометами, сбивая небольшие заслоны, ворвалась в деревню Жабовку и с ходу на бронетранспортерах пыталась переправиться через реку Дулебка. Но взорванный мост, заболоченная пойма реки помешали. Попытка же форсировать реку в пешем порядке закончилась полной неудачей.

Дружный огонь партизан и десантников охладил пыл карателей. Немцы, оставив в пойме реки более полутора десятков солдат убитыми, отказались от атаки с ходу. Это была первая пощечина спесивым воякам. Несколькими часами позже им был дан такой же достойный отпор в районе Галынки, Дулебо, Колбчанской слободы, Закутья.

Первый наскок на партизанский край со стороны Березины у фашистов сорвался, и они вынуждены были перейти к своей старой тактике: после артиллерийского и минометного обстрела вторгаться в лес в сопровождении легких танков и броневиков. Позже выяснилось, что главные силы фашистов будут наступать на Усакинский лес с востока, с рубежа реки Друть, с целью прижать партизан и десантников в безлесной местности к восточному берегу Березины. На западном берегу сравнительно небольшое количество войск выполняло второстепенные задачи.

На экстренном совещании, созванном в связи с предстоящей блокадой, первый секретарь подпольного обкома партии сообщил, что обстановка в лесах складывается весьма сложной и что придется покинуть обжитые места, а может быть, прорываться с боями.

— Я повторяю, товарищи,— сказал он,— занимаемую нами зону придется немедленно покинуть. Дело в том, что против нас враг сосредоточил втрое, вчетверо превосходящие силы. Отбить их нападение мы, конечно, не в силах. У противника — танки, артиллерия, самолеты, броневики. Да и ввязываться в затяжные бои нам нет никакого смысла. Погубим и бойцов, и местное население. Поэтому обком партии принял решение организованно отойти на юг — в леса, расположенные между Кличевом и Чечевичами. По размерам они не уступают нашим, здешним, и возможности для борьбы там такие же. Ну а конкретно, что и как, вам сейчас расскажет командир нашего головного отряда полковник Яхонтов.

С профессиональным знанием, подойдя к висевшей на стене карте лесного района Могилевщины, Яхонтов доложил обстановку. Из нее вытекало, что в ближайшие день-два начнется наступление оккупантов на могилевские леса, что противником развернуты силы до трех дивизий и наступление начнется с востока на запад с задачей вытеснить партизан и десантников из ле-

ся на чистое поле, к Березине, а там и уничтожить их. Шоссейная дорога Минск—Могилев, железная дорога Осиповичи—Могилев усиленно охраняются.

Полковник возвратился к столу и продолжал:

— Нам надо немедленно уходить или прорываться на юг. Я сказал «уходить» не случайно. Противник еще не успел закрепиться на железной дороге. Сегодня ночью, завтра утром мы еще сможем проскочить, но позже придется прорываться с боем, а это архисложно. Мы не одни, с нами раненые, местное население, обозы...

Яхонтов помолчал и заключил:

— Вот и все, товарищи. Ждем, что скажете вы.

— Мнение у нас одно: уходить!

— Если что, будем прорываться,— раздались голоса в землянке.

— А как думают товарищи десантники? — обратился к сидевшим в центре землянки секретарь обкома.

— Разрешите нам подумать...

— Как долго ждать?

— Доложим сразу после совещания.

— Хорошо,— кивнул секретарь.— Но мы за то, чтобы и вы шли с нами.

Совещание продолжалось не более сорока минут. И едва кончилось, Огнивцев подошел к секретарю обкома и полковнику Яхонтову.

— Разрешите нам, товарищи, остаться здесь?

— Вы это серьезно?..

— Да. Во-первых, мы сможем собраться в дорогу только к вечеру завтрашнего дня. Нам нужно спрятать в надежное место дорогостоящую новую радиоаппаратуру узла связи. Во-вторых, мы будем далеко удалены от вражеских объектов на магистрали Минск—Смоленск и не сможем выполнить боевую задачу. Когда мы были в Москве осенью прошлого года, кое-кто в штабе фронта еще тогда счел, что мы далеко подались на юг.

— Но ведь на вас одних обрушатся большие силы врага! — встревожился секретарь обкома.

— Ничего. Мы — народ бывалый. Мы хорошо вооружены, маневренны. Да и лес велик, мы его теперь хорошо знаем. Думаю, что найдем выход из любого положения, сумеем провести фашистов. Если уж будет очень туго, будем прорываться на север через шоссе Минск—Могилев.

— Что ж... Довод весомый,— сказал секретарь обкома.— Пусть будет так. Оставайтесь.

Учитывая боевую дружбу, неоднократные слаженные совместные действия партизан отряда Ероцкого и десантников, обком партии, по просьбе подполковника Огнивцева, разрешил остаться в Усакинском лесу и отряду Ероцкого.

Партизанские отряды по приказу подпольного обкома партии в тот же день с наступлением темноты двинулись на юг. А командир оперативной группы, вернувшись в лагерь, довел до всех подчиненных командиров сложившуюся обстановку, а также принятое обкомом и им решение. Начальник штаба Алексеев отдал необходимые распоряжения.

В короткие сроки специалисты демонтировали радиоузел и спрятали радиоаппаратуру. Десантники закопали в надежные места запасы продовольствия, взрывчатки и боеприпасов. Личный состав отрядов получил четырехсуточный сухой паек.

Оценив обстановку, командир решил оставить обжитой лагерь и углубиться в труднопроходимые леса на 10—12 километров в восточном направлении, выйти и затаиться на западном берегу небольшой заболоченной речки Цераболь. Там же внимательно изучить местность и выбрать подходящий рубеж на случай отражения удара гитлеровцев.

Лесная речка Цераболь, захмыженная поваленным валежником, текла с севера на юг и впадала в реку Ольса — левый приток Березины. Западный берег речки был высоким. А восточный, откуда ожидался враг, утопал в болотах, шумевших сухой крапивой. Молодые ее побеги еще только пробивались, и потому обзор противоположного берега был хорошим. На подходах к речке и через нее лежали старые, обросшие мхом валежники. Только по ним и можно было перейти речку.

— Братцы! Да этот рубеж нам сам бог послал,— воскликнул Сорока.— Пока господа фрицы будут подходить и перебираться по скользким кладкам через речку, мы их, как куропаток, пощелкаем.

— Не кажи гоп, пока не перепрыгнешь,— охладил Сороку Алексеев.— Они могут появиться и с другого направления.

— Какого другого? Недавно разведка точно установила, что наступать будут со стороны реки Друть на запад, то есть через наш лесной массив. Разве что еще сил подбросят и попрут со стороны Жабовки. Тогда, конечно, придется туго.

Командир слышал разговор Алексеева и Сороки и подошел к ним со словами:

— Девиз у солдата один: бить противника на всех направлениях! Откуда бы он ни появился. Но поскольку мы имеем некоторые данные о вероятных его действиях, то будем готовить позицию здесь, на Цераболи, и немедленно! Стрелковые окопы растянуть по берегу реки. Пулеметы поставить у мест перехода, используя пни, толстые деревья. На флангах окопать два тяжелых пулемета. Все это тщательно замаскировать. Вперед и в тыл выслать разведку. Это будет наша основная позиция. Подумаем и о запасной, а также путях маневра, а на всякий случай, и путях отхода.

Огнивцев вынул карманные часы, щелкнул крышкой.

— Полная боевая готовность к пяти утра завтра. Еще раз предупреждаю о маскировке, особенно от воздушного наблюдения. Костры не разводить, разговоры вполголоса, деревья не рубить, лишние хождения прекратить.

— Как быть с ранеными? — спросил военврач Дидора.

— Брать с собой. Укрыть где-нибудь в лесу — у нас не будет времени, а в деревнях — фашисты. Считаю не лишним напомнить вам, как это важно для каждого воина — позаботиться о раненых. Они будут знать, что если кого ранят, то все равно не бросят, унесут с собой. Все понятно?

— Все!

— Тогда по местам. Повторяю: готовность — пять часов утра.

Командиры, откозыряв, ушли. На урочище надвигалась странно тихая майская ночь. Даже птицы почему-то не пели.

Огнивцев встал задолго до пяти. Заря с трудом продиралась сквозь туман и деревья. Было еще сумеречно, но бойцы не спали. Кто углублял, улучшал свой окопчик, кто еще и еще раз чистил, проверял оружие, а кто

просто сидел на бруствере и занимался невесть каким делом — лишь бы чем-то себя отвлечь. Так всегда бывает перед боем. Люди даже подшивают к гимнастеркам чистые белые подворотнички, хотя наперед знают, что через какой-то час все это будет черным-черно.

Подошел с мылом и полотенцем ординарец.

— Умываться будете, товарищ подполковник?

— Почему же нет?

— Да кто его знает. Утро какое-то грустное и зябкое. Бр-р...

— Экий ты нетерпеливый! Вот сейчас развеется туман, и все заговорит, заиграет... Природа, она, браток, не подчиняется войне. У нее свои законы. Пойдем умоемся. Авось и ты повеселеешь.

— Да нет... Что-то с каждой минутой все тяжелее становится на сердце. Не тянет на хорошее настроение.

— А ты сам тяни его к себе. Не идет — бунтуй! Требуй! Помнишь, как Чапаев бодрил себя? Пули свистят, смерть рядом, а он: «Врешь, не возьмешь!»

— И пошел ко дну...

— Да. Но он так и умер с этой верой в победу. Недаром он говорил бойцам: «Коль убьют — то вперед падай».

По топкой тропинке подошли к реке. В старом и свежем дроме, в корчах и корягах ворчливо журчала угрюмая, шириной метров в шесть-семь, местами все же глубокая речка. Кусты черемухи и ивняка клонились к еще не отстоявшейся после половодья воде. Где-то вниз по течению ухал к заре удод. В сухом бору, откуда они только что спустились к реке, кому-то считала годы кукушка.

Пока умывались, завтракали, обходили позицию, туман рассеялся и сквозь густой лес проглянуло солнце. Чей-то отточенный слух уловил гул самолета.

— Летит... И как есть «рама».

— Откуда тебе известно? Может, бомбер али «мессер»?

— Я ее, эту «раму», за семь верст чую. Она мне еще с границы нервы трепала. Ох и въедливая же, зараза! Ты по ней палишь, палишь — и бронебойными, и зажигательными, а ни хрена. Только желтым брюхом переваливается, как гадюка-медянка.

Гул приближался. Команда: «Воздух!» Десантники спрятались под соснами и елями. А «рама», перевали-

ваясь с крыла на крыло, описывая круги, с ревом на довольно большой высоте носилась над лесом.

Десантники надежно укрылись под кронами вековых деревьев, а «рама» между тем все кружила, кружила, но снизиться боялась. Тем не менее было заметно, как на желтом фюзеляже ее и на крыльях могильно чернела свастика. Но вот она сделала разворот к речке и сыпанула, как снегом, листовками. Ветер-утренник погнал белую метель на северо-запад.

Одна из листовок упала прямо в окопчик, где находились командир, переводчик Юферев и ординарец Хамченков.

— Ба! Вот это новость! — подняв листок, воскликнул Юферев.— Вот это трюк! Читайте, товарищ командир, это про вас.

Подполковник взял листовку, заглянул в нее и не поверил глазам своим. В листовке говорилось:

«Болотные солдаты! Десантники! Вы все еще партизаните? А знаете ли вы, что вы окружены? Кто ваш командир? Да это же сын крупного украинского кулака — майор Гора. Отца его большевики расстреляли. Ему тоже грозила смерть. Так вот он — сынок богатых родителей — решил кровью искупить свою вину, вымолить себе пощаду. Но чьей кровью? Конечно же, вашей — солдатской. Что ему ваша кровь, ваши лесные страдания? Он спасает свою шкуру, создает себе перед большевиками репутацию. Схватите его и расстреляйте или выдайте его немецким властям. Того, кто сделает это, ждет высокая награда немецкого командования и большая будущность в вашей жизни: деньги, земельный надел с хутором, с живностью, любимыми женщинами».

— Черт возьми! — воскликнул Хамченков, прочитавший листовку вместе с командиром.— Какой я дурак, что не захватил мешок для денег.

— Ну и шарлатаны! Вот это сочинили! Липа из лип. Только круглый идиот может выпустить такую листовку! Кто может поверить в эту брехню?

— А может, зачитаем бойцам? Вдруг кто и найдется выдать своего командира,— шутил подполковник.— Эка возможность приобрести такое богатство! Да вот, кстати, наши разведчики идут.

Оказалось, что разведчики уже знакомы с этой листовкой. На шутливый вопрос командира — не желает

ли кто заработать на этом деле, они долго от души хохотали, а один из них, самый веселый, сказал:

— Всю жизнь этого дня ждали. Да вот неувязочка вышла. Не указали господа фашисты, где и у кого деньги получать. Адресок неизвестен.

— Ничего подобного,— возразил другой,— точный их адрес знаем. Берлин. Имперская канцелярия! Уж мы-то непременно туда притопаем! За все платить их заставим. Дай срок!

— Как дела, хлопцы? — спросил подполковник о самом главном.— Что обнаружено?

— Наступление от реки Друть началось в шесть утра,— докладывал старший группы старшина Анатолий Бубнов.— Идут широким фронтом. Цепь довольно густая. По дорогам, где возможно, применяются танки и броневики. Но таких направлений в наших лесах мало.

— Что за грохот был в районе Падевичи?

— Кое-где обозы партизан, уходящих на юг, не успели втянуться в лес. Их обнаружила «рама». Был налет фашистских бомбардировщиков.

— Где сейчас находятся вражеские передовые подразделения? — достав из планшетки карту, спросил командир.

— В двадцати километрах.

— Какова скорость их продвижения в лесу?

— Идут медленно, словно на прогулке. Не более двух-трех километров в час.

— Так, так... значит, «гостей» надо ждать не раньше, как завтра.

— Да. Сеть они раскинули широко. Время, видимо, у них есть. Не торопятся. Работа начата капитальная. Под каждый куст заглядывают, как гончие псы. Стараются никого не упустить. Уверены, что улов на этот раз будет большой.

— Форма одежды на них?

— В мундирах налегке... Офицеры идут следом за цепью. Собирают весенние цветочки.

— Цветочки, говорите?

— Так точно.. Ландыши, одуванчики... Нюхают, прикалывают к мундирам, фуражкам...

— Ну что ж... Будут им белорусские цветочки. Кто останется жив, тот и деткам своим закажет ходить на Березину «по цветочки». Поганой кровью своей умоются, гады. Дадим им и ягодки сразу.

О, эта русская земля! Кто бы мог подумать, что тут стреляет каждый дом, куст, камень, каждое дерево? Уже тысячи солдат, поставленных фюрером под ружье, полегли на полях России. Но тем не менее с прежним ожесточением и верой в фюрера гитлеровцы лезли в пламя войны, и оно их проглатывало, сжигало. На месте жестоких боев появлялись березовые кресты, целые кладбища, а нередко обходилось даже и без березового чурбана.

Такое же бесславье ждало и господ карателей из наступающей на леса Березины пехотной дивизии и отборных батальонов СС.

К позиции, занимаемой десантниками и партизанами отряда Ероцкого на западном берегу речки Цераболь, на другой день подошло до батальона эсэсовцев. Однако они особенно не спешили наступать на Жабовку. Перед своей погибелью они как бы решили осмотреться, подумать, а той ли дорогой пошли, тот ли след оставили на земле? Бывает и так, что перед последним часом на обреченного находит и веселая блажь.

Что-то подобное напало и на эсэсовцев, сосредоточившихся в полукилометре от речки Цераболь. Они не выслали даже разведку. Пройденные без единого выстрела двадцать километров, шнапс к обеду ополоумили эсэсовцев. Они орали, распевали похабщину, пиликали на губных гармошках, палили из автоматов, окатывали друг друга водой...

Подполковник Огнивцев, находившийся в окопе в центре засады, обратился к Юфереву:

— Ты не можешь сказать, Дмитрий, чего это они так раскудахтались?

— Еще бы! Победа! До Жабовки рукой подать, а ни партизан, ни десантников... Рассеяли. Лес очищен. Поздравляют друг друга с Железными крестами. Ведь им обещали.

— Будут им кресты. Будут! — сказал командир.— Нержавеющие. Из русской березы. Не долго уж осталось.

И в самом деле не долго. Они появились у Цераболи в мундирах с засученными рукавами и расстегнутыми воротниками. Дьявол по-прежнему распекал их веселье. Гогоча, крича, дурачась, они шли, круша сапогами бурьян и гнилую поваль. У валежников вытягивались колоннами, автоматы вешали на грудь, как

туристы, вооружались палками, чтобы не сползти с кладок, подталкивали друг друга, бодрились. Юферев едва успевал переводить их выкрики:

«Держись, Курт, как за свою Эльзу!»

«За нее держится кляйсляйтер!»

«Умолкни! Твоя Гретхен не лучше. Говорят, к ней подсоседился сам бригаденфюрер!»

«Заткнись, дерьмо!»

«Господа, господа! Ха-ха!! А где же партизаны?»

«И десантников ни духу. Хотя бы одного увидеть».

Командир припал щекой к ложе ручного пулемета.

— Сейчас увидите. Милости просим!

Десять пулеметов, более сорока автоматов ударили разом по скопившимся у речки оккупантам. На участке перед десантниками их было более двухсот. Двести насильников, мародеров, грабителей, захватчиков чужих земель, под сапогами которых стонали люди многих стран Европы. По их кудлатым, рано поседевшим головам, было видно, что это видавшее виды зверье. После первого кинжального залпа их осталось меньше половины. Более ста человек рухнули в речку, в трясину. Подходы к реке и сама речка покрылись темно-зелеными мундирами эсэсовцев. Командир видел, как валились они с перекошенными от боли и ужаса лицами, крича и вскидывая руки. Одному из них, белобрысому, шедшему в пестром маскхалате, без головного убора впереди всех, было особенно трудно прощаться с жизнью. Скошенный очередью из автомата в живот, он ухватился обеими руками за ствол дерева и долго сползал по нему, как ощенившаяся гадюка, в крапиву. Другой ухватился за окровавленную голову, пустился было бежать, но пуля не дала ему сделать и нескольких шагов. Он рухнул лицом в грязь, откинув сапоги, как конь копыта.

Тра-та-та-та... — катилось по лесу.

Вжиг! Вжиг! — свистели пули.

С сосны, стоявшей у бугра, откуда вел огонь Огнивцев, посыпалась кора и крошки ствола. Бил кто-то из уцелевших эсэсовцев, залегших в крапивнике у реки. Подбежал, запыхавшись, Алексеев, шмякнулся рядом с пулеметом.

— Что дальше, командир? Отходить?

— Куда отходить? В чистое поле? Вперед! За мной!

— А если там еще цепь?

— Вперед! — повторил Огнивцев и, схватив ручной пулемет, бросился к реке и перебежал через нее по валежням. На том, другом берегу, мелькали спины оставшихся в живых, удирающих эсэсовцев.

Десантники и партизаны дружно поднялись за командиром. Никто из бойцов не знал, что это: дорога к гибели или спасению? Их вела вперед ненависть к врагу и воля командира.

На волосок от гибели

Еще перед началом схватки с эсэсовцами на Цераболи было решено заманить врага в болото, скосить его огнем, смять и кинуться через наступающую цепь в его тылы. Одно было не ясно: какие силы находятся за первой цепью. В предыдущих боях противник не оставлял больших резервов в тылу. Там находились лишь штабные и тыловые подразделения. А как сегодня, когда войск у него достаточно? Десантникам и партизанам отряда Ероцкого так и не удалось ответить на этот вопрос. После форсирования речки они наступали так стремительно, что не обращали внимания на эшелонирование подразделений врага, уничтожали всех, кто попадался на их пути. Было ясно одно: первый эшелон эсэсовцев почти весь полег на Цераболи. Лишь немногим удалось метнуться в стороны или отойти в глубь леса, подальше от места катастрофы, от страшных воплей погибающих. Что ни говори, а своя шкура — дороже. Никто не кинулся ни с флангов, ни с тыла спасать попавших в беду собратьев. Убитые и раненые так и остались валяться, где их настигли пули.

Между тем наступали сумерки. Пальба в лесу поубавилась, а затем и вовсе прекратилась. В болоте пугающе заухали совы, тенями мертвых замелькали над камышами летучие мыши.

Пройдя несколько километров, Огнивцев дал команду на привал.

— Дальше без разведки не пойдем. Будем ночевать здесь,— сказал он собравшимся командирам.— Впотьмах можем напороться на засаду. Быстро расставить посты, без шума поесть и — отдыхать!

Огнивцев нарочито налег на слово «отдыхать». Он знал, что никто в эту ночь, полную неизвестности и смертельной опасности, не уснет. Мысли уведут всех в родные места — к близким, дорогим сердцу, и никому до самой побудки не удастся расстаться с ними. Так всегда перед боем. Как на исповеди. Обо всем передумаешь, все вспомнишь... Ведь кто знает, может, в последний раз.

Смерть. Она ва-банк пошла на десантников. Но пока повернута вспять, вмята в грязь. Смерть тоже пуглива. Она смелых боится, от смелых бежит. Да кто скажет, где она сейчас затаилась. Что ждёт завтра? Где эсэсовцы? Куда они скрылись? А может, у них был приказ лишь «прочесать лес», и они прошли своей дорогой, а остальное их не касается? Пусть, мол, одиночек ловят гестапо, полиция, полевая жандармерия.

Но нет. Рано утром Огнивцева разбудил начальник штаба.

— В двухстах метрах — фашисты. Семеро сидят у костра и пекут картошку.

— Подполковник сел на пень, раскинув руки, потянулся.

— Эх, ма!.. Чего только не бывает на войне! Оказывается, мы с ними ночевали в одной роще. Не хватало только одним одеялом укрываться...

— Как быть?

— Не трогать. Черт с ними. Пусть пекут. Без шума поднять отряд, пойдем дальше. Организуйте разведку по маршруту движения. Идем на деревню Межонку.

— Что дала ночная разведка?

— В трех-четырех километрах никого нет.

— А эти семеро?

— Дьявол их знает, откуда взялись. Видимо, отставшие от своих подразделений. Приблудные какие-нибудь.

— Потери у разведчиков есть?

— Погиб рядовой Кузнецов и ранены три партизана. Нет сведений о Викторе Буташине...

Это был лучший разведчик десантников. В сорок первом храбро сражался в тылу фашистов под Москвой, а затем в брянских лесах. В первой половине сорок второго награжден орденом Красного Знамени. Тогда же вступил в партию. Как потом выяснилось, он в боях с карателями был тяжело ранен и несколько дней пролежал в кустарнике недалеко от вражеских

позиций. Нашли и доставили его в отряд старшина Бубнов и сержант Ремнев.

— Идти раненые могут?

— Двое на ногах. Третьего понесли на носилках.

Отряд осторожно двинулся дальше.

К деревне подошли на восходе солнца. Соблазняло желание позавтракать в домах крестьян. Но едва выглянули из леса, как поняли, завтрак не состоится. У домов и сельской мельницы, гогоча и плескаясь, умывались группами и в одиночку солдаты все того же эсэсовского полка.

— Может, поможем им умыться? — кивнул Сорока, поглаживая усы.

— Заманчиво, но опасно. Нам не известно, сколько их в деревне и окопах. Идти в атаку по открытой местности на пулеметы не годится. Погубим людей.

— Да, вы правы.

Тщательно оценив обстановку, решили обойти Межонку слева и двигаться на деревню Ягодка, что в 3—4 километрах севернее ее. Но не успел командир отдать нужные распоряжения, как прибыли разведчики и доложили:

— Товарищ подполковник. В деревне фашистов нет, зато в роще, рядом с деревней, их до роты. И похоже, что это какое-то тыловое подразделение. Остановились в шалашах и палатках.

— Чем занимаются фашисты, как вооружены?

— Завтракают. Дымит походная кухня, звенят котелки и кружки... Одни карабины. Автоматов не видно.

— Вот это подходящее. Пошли, ребята! Быстро!

Завтрак у гитлеровцев был в самом разгаре. Они только что получили порции горячего и теперь, сидя и лежа под кронами деревьев, аппетитно уплетали его. Офицеры расположились в небольшой палатке.

Оккупанты явно не ожидали десантников. Пропагандисты из ведомства Геббельса уже второй день во всю ивановскую трубили об уничтожении красных бандитов в Усакинских лесах, восточнее Березины. Ликование и беспечность царили особенно в тыловых подразделениях войск, осуществляющих блокаду лесного массива. Крики «ура!» и мощный огонь автоматов парализовали фашистов. Никто из них не успел схватить оружие и выстрелить. Гранаты нападавших разнесли в клочья шалаши, палатки, кухню, повозки. Хозяев зеленой офи-

церской палатки старший сержант Флягин и ординарец командира Хамченков срезали одной очередью. Их там было трое: два обер-лейтенанта и капитан, очевидно, командир роты. Из пробитых пулями оловянных солдатских кружек медленно вытекали остатки шнапса, кругом валялись вареные яйца, ломтики масла, сыра, дымились котелки с варевом.

Налет на стоянку карателей был похож на смерч — налетел, все вскружил, смял и рассеялся... Через час десантники и партизаны уже пробирались по безымянному болоту в пяти километрах от Ягодки.

Опять появилась «рама». В редколесье она без особого труда обнаружила цепочку русских бойцов. Над болотом появилась шестерка «юнкерсов».

Туго бы пришлось измотанному боями и переходами отряду. Укрыться абсолютно негде. Помог счастливый случай: ни одна из бомб, упавших в болото, не разорвалась. Лишь от пулеметных очередей пострадало двое ребят. Одному из них царапнуло руку, другому — плечо.

На лесной дороге, ведущей на юг, отряд наткнулся на обоз из четырех повозок с боеприпасами и уничтожил его. В ранцах убитых солдат, кроме смены чистого белья, эрзац-мыла и полотенца, ничего не оказалось. Начальство не снабжало повозочных продуктами. Они обязаны были добывать себе пропитание мародерством.

Наступила вторая ночь. В небе полыхали зарницы, погромыхивало. Из болот тянуло сыростью... А рядом, в двух километрах, деревня. Как доложили разведчики, не занятая немцами.

— Да, заманчиво... Поспать бы хоть ночь в мягкой постели,— проговорил Коробков, заместитель начальника штаба.

Некоторые офицеры штаба молча зашмыгали носом. Огнивцеву реплика не понравилась, и он обрезал:

— Нам мягкие постели противопоказаны. В каждой деревне противник имеет своих агентов. Уснешь в мягкой — проснешься в какой?

Однако он приказал остановиться там на часок-другой — накормить бойцов. Пока ужинали, разведчики привели задержанного уже за деревней бежавшего мужчину.

— Кто такой? Куда бежал? — спросил сурово Ероцкий.

— Жинка заболела. За врачом подался...

— Куда? Где врач?

— В соседней деревне. Там... — неопределенно махнул задержанный.

Проверили. Никакой жинки у него в деревне, конечно, не оказалось, и вообще он здесь недавно. В конце допроса задержанный сознался, что спешил в ближайший немецкий гарнизон с доносом о появлении партизан.

Фашистского агента расстреляли. Сами же немедленно покинули деревню. Кто знает, нет ли у него напарника, подавшегося в противоположную сторону.

Как и предвиделось, вторая карательная операция фашистов в лесах восточнее Березины закончилась провалом. Партизанские отряды под руководством Могилевского обкома партии без особых потерь прорвались на юг. Оставшиеся же в Усакинском лесу десантники и партизаны отряда Ероцкого нанесли на реке Цераболь серьезное поражение одному из батальонов полка СС и благополучно перешли тщательно охраняемое шоссе Минск—Могилев.

Однако в лесу, недалеко от Жабовки, осталась вся радиоаппаратура узла связи оперативной группы, запасы продовольствия, боеприпасов, взрывчатки. Бросать все это было невозможно. К тому же там — обжитой лесной аэродром. В окрестных деревнях обосновались связные и разведчики. Учитывая все это, командир решил выждать недельку и, как только фашисты снимут блокаду, вернуться в Усакинские леса. Он и направил туда разведку с целью разузнать о противнике, проверить, не заминированы ли лесные дороги, осмотреть лагерь и восстановить связи в Жабовке.

Разведка вернулась только через трое суток. Вид у бойцов был измученный и невеселый.

— Немцы сняли блокаду, оставили Усакинский лес и окрестные деревни пять дней тому назад,— докладывал младший лейтенант Соколов.— Лагерь разгромлен. Землянки и другие постройки взорваны. Жабовка сожжена. Многие ее жители расстреляны.

Огнивцев тяжело поднялся с поваленного дерева и снял фуражку.

— Прошу встать, товарищи. Почтим память безвинно погибших женщин, стариков и детей доброй деревни Жабовки,— сказал он.

Все встали. Десятки рук стащили в скорбной тишине головные уборы.

— Мы будем помнить тебя, Жабовка,— прервал тишину Огнивцев.— За преданность Родине, за помощь ее защитникам мы впредь будем именовать тебя Партизанкой. Мы отомстим врагу за каждый сожженный твой дом, за каждую загубленную жизнь советского человека! И в этом клянемся!

— Клянемся! Клянемся! Клянемся! — троекратно повторили бойцы.

— А рации? Рации-то как? — тряс Соколова за рукав лейтенант Коротков.

— Целы, товарищ лейтенант. Не тронутые, лежат. Не нашли они их. Перерыли все, а не дотянулись лапами...

Коротков облегченно вздохнул:

— Живем, значит!

Спустя двое суток после возвращения разведчиков, десантники и отряд Ероцкого вернулись в леса, на прежнюю стоянку. Не узнать было красивого тихого бора. Эсэсовские головорезы срывали зло даже на деревьях. Сосны и ели стояли, исклеванные пулями, обожженные взрывами толовых шашек, гранат, снарядов.

Перед тем как приступить к строительству нового лагеря, Огнивцев выстроил бойцов и обратился к ним с кратким словом:

— Друзья! Мы прожили в этом лесу полгода и теперь снова здесь. Лес давал и будет давать нам приют и укрытие, тепло и свои скромные дары. Из этого леса мы уходили не раз на боевые дела и возвращались сюда, как в дом родной. Скажем за все это ему наше спасибо. Но еще большее спасибо — тем людям, которые живут здесь, в деревнях и селах. Это удивительные люди, трудолюбивые, гостеприимные и бесстрашные! Они знали, что им грозит за связь с нами, за содействие нам. Но никто не отшатнулся от нас, не отказал нам в приюте, в куске хлеба. Слава им, великая

благодарность всем живым и погибшим людям этих лесов!

Через несколько дней он и парторг отряда с группой десантников навестили жителей Жабовки. Из полуразрушенной, полусожженной землянки вышла женщина. Опираясь на палку, подошла к ним.

— Помру я скоро, сыны. Перед смертью одно хочу знать. Скоро ли наши придут? Дождусь ли?..

— Дождетесь, мать,— сказал политрук Колюпанов.— Слушайте землю на зорях. Она подрагивает в такт могучему шагу. Это наши идут. Наша армия, мать!

Ничего не осталось у согбенной женщины — ни дома, ни скота, ни птицы. В кармане шубейки лежало лишь три печеных картошки. Но она не пожалела их, протянула на морщинистой землистой ладошке бойцам.

— Возьмите, детки...

Не удержался Колюпанов. Смахнул со щеки слезу рукавом, обнял старушку.

— Спасибо, мама!

С тяжелым сердцем покинули Партизанку.

Оперативная группа десантников и партизаны отряда Ероцкого заканчивали устройство лагеря и начали снова выполнять боевые задания командования. А несколькими днями раньше была получена радиограмма из Могилевского обкома партии:

«Всем отрядам, сражающимся в лесах Друти, Березины и Днепра. Могилевский обком жив и действует. Борьба продолжается и будет продолжаться до полного изгнания врага с советской территории, до полной победы. Крепче удары по врагу! Смерть немецким оккупантам!»

Особое задание

В мае 1943 года из Центра была получена радиограмма:

«Немецкий фашизм в борьбе с великим советским народом использует презренных изменников нашей Родины. Одним из таких является бывший генерал Красной Армии Власов, забывший все, что дали ему

Родина и народ. Он открыто продался Гитлеру и теперь обманом военнопленных, насилием и другими путями пытается организовать так называемую русскую освободительную армию (РОА) для борьбы с нашей Родиной. Почетная и священная задача — уничтожить фашистского прихвостня. Для выполнения этой задачи мобилизуйте все силы и умение.

Центр.»

Эта радиограмма была не случайно адресована руководству оперативной группы разведотдела штаба Западного фронта, действовавшей в лесах, западнее Могилева. Центру и десантникам было известно, что в этом городе располагаются первые сформированные из военнопленных два полка РОА и штаб дивизии, возглавляемой бывшим полковником Красной Армии Гиль-Родионовым. Власов, усердствуя перед Гитлером, всячески форсировал формирование «своей армии», в чем в значительной степени опирался на эту дивизию, считая ее наиболее благонадежной. Он частенько навещал находящиеся в Могилеве подчиненные ему войска.

В конце мая было получено сообщение из Центра, в котором указывалось, что Власов в июне прибудет в Могилев для инспектирования частей РОА и несколько дней будет находиться в городе. Указывалось, что это время является наиболее подходящим для его уничтожения.

Задача была не из простых, и Огнивцев долго изучал ее. Подготовка к операции началась незамедлительно после получения приказа Центра. Дело осложнялось рядом обстоятельств. Не было известно, в какой день он приедет, каким видом транспорта и где на этот раз остановится в Могилеве. Правда, десантники знали, что прежде в Могилев он прилетал самолетом. По данным могилевских подпольщиков, ночевал в особняке по улице Первомайской, в центре города. Там же частенько останавливались и высокие чиновники рейха, а также немецкие генералы. Но чаще некоторые из них, в том числе и Власов, предпочитали укрываться в пригородном военном городке Пашково, где поспокойнее...

Для того чтобы быть поближе к «объекту», Огнивцев и его помощники по разведке перебрались в партизанский отряд Османа Касаева, который хозяйничал

в лесах в полусотне километров западнее Могилева. Старый знакомый и друг десантников Осман Мусаевич любезно принял их в отряд, создал им необходимые условия для работы и сам активно включился в нее. К тому же разработка предстоящей операции и ее осуществление облегчались весьма важным обстоятельством: подпольный Могилевский обком партии вынес специальное решение, обязывающее руководителей подпольного движения в городе, а также Османа Касаева всячески содействовать разведчикам Западного фронта в ликвидации изменника Родины.

Для выработки плана конкретных практических действий необходимо было установить, где же все-таки остановится Власов в Могилеве: в гостинице военного городка, в Пашкове или в особняке на Первомайской улице? От решения этого главного вопроса зависело все остальное. Приходилось внимательно обсуждать каждый из возможных вариантов. Споры были жаркими и долгими.

— Матерый шакал на виду у охотников не остановится. Уверяю вас,— доказывал Осман Касаев.— Он непременно удерет на ночь в Пашково, опасаясь диверсии.

— Чего ему опасаться, когда особняк сильно охраняется? Там и до этого останавливались десятки фашистских тузов, да и он сам тоже,— вступил в спор капитан Гниденко.

— Это не доказательство. Есть пословица: «Каждый по-своему с ума сходит». Возьмет и укатит. И рванет наша взрывчатка бесцельно.

Итог этому разговору подвел Огнивцев.

— Большинство доводов в пользу варианта «Особняк»,— сказал он.— На чем они основаны? В Пашкове безопасно, но шумно. Сотни машин, более тысячи солдат. Круглые сутки идет боевая учеба, грохочут танки. До отдыха ли тут Власову, у которого, по имеющимся у нас данным, больна печень. Он привык к комфорту, уединению. Это во-первых. Во-вторых, мы получили достоверные данные, что в особняке началась заметная суета: наводится марафет в помещениях, завозятся изысканные закуски и вина... Усилена охрана, а прислуге назначено круглосуточное дежурство. В-третьих, и это самое главное, в особняке имеются люди, которые смогут осуществить наши планы. Что же касается воен-

ного городка, то там все значительно сложнее, и вряд ли мы в такое короткое время сумеем организовать взрыв в военной гостинице.

— Значит, останется в силе вариант «Особняк»? — спросил Гниденко.

— Да. Другого не вижу.

— А может, подкараулить мерзавца в городе и угробить из засады автоматическим огнем? Ведь не так просто с доставкой взрывчатки в особняк,— предложил Касаев.

— Бесспорно, не просто. Но шансов на удачу при этом варианте значительно больше, чем в засаде. Вы же сами видите, что мы не знаем маршрутов его поездок по городу. Да если бы и знали, то как устроить засаду на виду у людей? Не лес ведь... — возразил Гниденко Касаеву.

— Согласен с твоим мнением, Алексей Степанович. Но и вариант «Особняк» — весьма сложная операция. На вас возлагается непосредственная организация взрыва особняка вместе с Власовым,— продолжал Огнивцев.— Полагаюсь на твою сообразительность и опыт в таких делах. Необходимо все продумать до мельчайших подробностей. Промашки не должно быть. Не имеем права допустить. А пока давайте выйдем на часок погулять. Эвон накурили в землянке!

— Верно! Перерыв на час,— хлопнул ладонью по разостланной на столе карте Касаев.

Разрабатывали операцию, забывая про сон, еду и отдых. Но когда выходили прогуляться, старались отвлечься, позабыть хотя бы на какие-то минуты о проклятом особняке с этим мерзавцем Власовым, которого Осман Касаев окрестил шакалом. Но и на прогулках не обходилось без разговоров об одном и том же.

— Вот если бы живым взять этого шакала,— мечтательно говорил Касаев.

— Да провались он к дьяволу, этот шакал. Давай о чем-нибудь другом поговорим, Осман Мусаевич,— отмахнулся наконец Огнивцев.— Ну, скажем, о тебе или обо мне. Воюем вместе полгода, друзьями стали, а друг о друге знаем лишь кое-что. Рассказал бы ты что-нибудь интересного о себе...

— Ой, командир! Что рассказывать? Нет ничего интересного, одна печаль. Сколько пережито, вынесено.

— А ты расскажи. Легче станет. Ты боль и печаль как бы расплескай.

— Слишком много ее... Долго придется расплескивать.

Они пошли рядом, плечом к плечу, по неширокой, петляющей меж елями тропе. День угасал. Становилось прохладнее, но июньская духота все еще держалась.

— Служба моя в армии до войны проходила в общем удачно,— начал Касаев.— К июню сорок первого я уже был начальником артиллерии полка сотой дивизии. А это совсем неплохо! Началась война — поклялся громить врага огнем, пока не сдохнет. И скажу, не хвалясь, слово сдержал. В бою под городом Лида знаете сколько мы их положили и шрапнелью, и фугасными, и бронебойными... Под Минском тоже поддали им жару. А вот за Минском не повезло... Фашисты нас начали шрапнелью стегать, да танками утюжить, самолетами пугать. А сдачи давать было уже нечем. Очнулся в какой-то крестьянской избе. Женщина надо мной хлопочет. Слезы по щекам текут. «Где я? Где наши?» — «Вы там, где и бились. А ваши на восток ушли. Мало осталось...»

Осман прижал мохнатую лапу ели, пропустил товарища и прошел сам. Лапа взвилась, закачалась.

— Вот с этой горсткой спасшихся я и начинал создавать партизанское войско. Шли к нам, на Березину, Друть и военные люди, отбившиеся от своих, и гражданские. Так велика была у всех жажда сражаться! А обо мне и говорить нечего. Бывало, как вспомню свой аул Хурзук, горький ком к горлу подступает. Как встречали меня там, когда в отпуск приезжал! В глазах горцев я был чем-то вроде доморощенного Чапаева, витязя. Как же я мог показаться им на глаза другим человеком, не в форме командира Красной Армии? Да я готов был на любые страдания, лишь бы вернуть свое доброе имя — капитана Османа Касаева. И как видите... В начале командовал взводом партизан, ротой, а теперь вот и большим отрядом.

— Дома знают, что вы здесь?

— Больше года не знали. Считали погибшим. Похоронка в аул пришла. А сейчас знают. Письма посылал и фото. Нарочито сфотографировался среди вооруженных партизан, чтоб знали — Касаев жив, Касаев бьет фашистов!

Он помолчал и добавил:

— Будет Касаев бить эту нечисть до тех пор, пока последний поганый шакал не откинет хвост на белорусской земле.

— Геройский вы человек, Осман,— сказал Огнивцев.— Завидую вашей энергии, храбрости, уму...

— А я вам по-доброму завидую. Вашим боевым орденам... Вы были не раз в Москве, видели Тимошенко, Жукова, Конева. А я вижу только вот этот лес. Впрочем, я счастлив! Я вижу ваших десантников — таких героев, каких не всякому посчастливится увидеть. Одного боюсь...

— Чего же?

— Быть убитым не в атаке, не на глазах людей. Хочу, чтобы все знали, что мой маленький народ так же горячо любит свою Советскую Родину, как и другие сыны ее, и так же честно умирает за нее.

— Это чувство, Осман Мусаевич, всем знакомо. Не зря еще в старину солдаты говорили: «На миру и смерть красна». Однако же, что это мы о грустных делах заговорили. У нас с тобой столько впереди забот! И больших и малых... Кроме этого негодяя Власова, мне лично никак спать не дает фашистский гарнизон в Пашкове. Не знаю, как ты, но я страдаю. В каких-то тридцати-сорока километрах под самым нашим носом свил гнездо фашистский центр подготовки младших танковых специалистов для Восточного фронта.

— А что мы можем сделать, дорогой? У них две тысячи штыков, танки, артиллерия. А у нас людей куда меньше! Телеги, гранаты, автоматы, винтовки... Думал я об этом Пашково и не раз. Однажды даже посмотрел на него с близкого расстояния.

— И что?

— Дурно стало от злости. Расхаживают оккупанты, как у себя дома, горланят, маршируют, гогочут. На шесту — фашистский флаг со свастикой. А чем возмешь? Как?

— Дойдет и до них черед!

— Когда?

— А вот с «шакалом» в Могилеве разделаемся, тогда и обитателями Пашкова займемся.

— Буду рад. Только своими силами нам их пасть не разорвать.

— Зачем своими! Небо в помощь призовем.

— Понятно! — улыбнулся Касаев и с каким-то необыкновенно душевным азартом воскликнул: — А что, командир! В знак нашей солдатской дружбы не обменяться ли нам сувенирами?

— Какими?

— Я тебе кожаную куртку с плеча — она у меня счастливая. А ты мне — автомат.

— У тебя что? Нет автомата?

— Сколько угодно! Но своего, отечественного, нет. Я к своему родному оружию особую нежность питаю.

Обмену памятными сувенирами помешал прибежавший посыльный из штаба отряда. Он доложил, что из Могилева пришли люди.

Горничная из Могилева

За столиком у штабной землянки сидела с кружкой чая в руках молодая красивая брюнетка — партизанская разведчица по имени Вера. До войны она окончила три курса института иностранных языков и хорошо знала немецкий. Она приходилась дальней родственницей бургомистру Могилева Филицыну и, конечно, без труда устроилась горничной в особняке по Первомайской улице. Вера неоднократно «улавливала» у фашистских генералов и офицеров, не подозревавших, что она понимает их, важные сведения. Через подпольщиков она тут же передавала их Осману Касаеву.

Увидев идущих к ней Османа Касаева и военного в форме подполковника Красной Армии, Вера приветливо улыбнулась. Спустя несколько минут в штабной землянке завязался оживленный разговор о предстоящих делах.

Первым заговорил Касаев:

— Догадываетесь, Верочка, зачем мы вас сюда пригласили?

— Нет, не догадываюсь. Расскажете, как я полагаю.

— Нас интересует ваш особняк. Мы располагаем данными, что через восемь—десять дней в нем будет гостевать важная персона,— начал подполковник.— Вам что-нибудь известно об этом?

— Да. Мы ждем его. К его приезду подбелили и подкрасили особняк и усадьбу, начали завозить ши-

карную столовую посуду, деликатесы, продукты. Усиливают наружную охрану.

— Кто же эта важная персона? — впился немигающим взглядом в лицо девушки подполковник.

Но Вера не смутилась. Отвечала кратко и спокойно:

— Я пока не знаю. Но из разговоров уяснила, что высокий гость не немец. И не из рейха.

— Спасибо. Это очень важно. Вы подтвердили наши данные и предположения.

— Значит, вы знаете кто он? — удивилась Вера.

— Да, знаем. К вам приедет предатель и изменник Родины Власов.

— Вот это да-а! — оживилась Вера.— Ну и что я должна сделать с изменником?

— Для того мы здесь и собрались, чтобы подумать и решить, что именно,— вдруг располагающе улыбнулся подполковник и подал руку: — Я не представился. Огнивцев.

Дальнейший разговор пошел неторопливо, с раздумьями, доводами и контрдоводами. Вера пока молчала.

— Как только Власов обоснуется в особняке — в первую же ночь взорвать его спальню вместе с хозяином двумя-тремя магнитными минами с взрывчаткой большой силы. Примерно, в час ночи,— сказал Гниденко.— Когда их светлость отойдет ко сну.

— Чтоб он отошел ко всем чертям...

— А как занести эти мины в особняк? — пробурчал Касаев.

— Вот об этом мы попросим совета у нашей Веры. Кстати, какие у вас взаимоотношения с охраной? Доверяют ли они вам? — спросил Огнивцев.

Вера несколько задумалась и, минуя второй вопрос, вдруг спросила:

— А можно посмотреть, что из себя представляют эти мины? Громоздкие? Тяжелые?

— Конечно можно. Они у нас с собой. Мы прихватили их, когда ехали в гости к Осману Мусаевичу.

Минут через десять в землянке на видном месте уже лежали четыре магнитные мины, окрашенные в стальной цвет. Вера изумленно осматривала их.

— Как томик «Избранного» Гоголя. Весом килограмма два будет,— вымолвила Вера.

— Полтора,— поправил ее Гниденко.— И все-таки вы не сказали, как к вам относится охрана особняка,— настойчиво допытывался он.

— Отношения у меня с охраной очень хорошие. Я у них пока вне подозрений. Мне вполне доверяют. Но пропускной режим очень строгий. Каждого служащего при входе на территорию тщательно осматривают. На проходной даже специальный «лапальщик» стоит — ощупывает каждого прохожего. Комендант особняка в последнее время тоже озверел. В каждую посудину сует свой нос, иногда каждую вещь обнюхивает, постели собственными руками обшаривает.

— Значит, шарят? — вздохнул Касаев.— Это уже хуже. Но ничего! Общими усилиями подпалим шакалу хвост. Как ты думаешь, Вера, подпалим?

— Надо бы,— проговорила Вера.

— Но при таком строгом режиме как же нам быть с минами? — спросил у Веры Гниденко.

— Дело сложное, но выполнимое. Мой родственник — бургомистр города Филицын — часто будет наведываться к нам. Ведь подготовка целиком на его плечах. С ним, на его же машине, эти «игрушки» я и завезу. Охрана в его машину не лезет. У него пропуск из гестапо. А в доме — я хозяйка! Спрячу все в надежное место. Когда же появится «шакал», буду действовать по вашей инструкции.

— Лучше не придумаешь,— сказал Огнивцев.— Предложение Веры принимаем. Мины вы можете получить в городе через три дня по адресу, который мы сообщим. Вам с собой мы не дадим. Не можем мы рисковать вашей жизнью.

Огнивцев вышел из-за стола, прошелся по землянке и остановился перед Верой, положив руку ей на плечо:

— Приговор Родины — уничтожить презренного гада Власова! Его исполнение возлагается на вас. Это почетная и священная задача. Родина и наш народ будут гордиться вашим героическим подвигом. Подробности ваших действий подскажем несколько позже, наедине.

Вера встала. По ее глазам и решительному выражению лица было видно, что она готова на все ради выполнения приказа Родины.

— Разрешите идти? — обратилась она к подполковнику.— Я в гостях у тетки только до утра. В семь часов утра я должна подавать фашистам завтрак. Ох и жрут

же! Будто век не ели. Только покрикивают: «Фроляйн, добавляйт».

— Чем вы их кормите? — спросил Касаев.

— У нас в особняке пища хорошая. Кормят их, как они сами говорят, по высшим нормам. Ну я пошла. Здоровеньки будем!

— Может, немножко подвезти на дрожках?

— Нет! Нет! Что вы! Я же пешком к тетке... У меня и в пропуске так написано.

— Тогда мы вас просто проводим.

— А вот за это спасибо,— улыбнулась девушка.— Давно не ходила с приятными кавалерами.

— Кто-то все-таки был?

— Был. Обер-лейтенант, пропахший шнапсом. Еле отшила и то благодаря родственнику.

Касаев окинул взглядом командиров.

— А ну, орлы! Кто из вас самый достойный?

Однако вопрос о сопровождении разведчицы был решен еще до ее прихода. Ее ждал Огнивцев для тщательного инструктажа наедине. Огнивцев и предложил Вере галантно свою руку. Десантники и партизаны прекрасно понимали, что за этим актом кроется святая святых — инструктаж на предстоящее задание. Пошутив для отвода глаз, они простились с Верой и разошлись. А разведчица с подполковником в сопровождении охраны углубилась в лес.

Шли вчетвером. Впереди — два автоматчика, позади, метрах в пятидесяти,— Вера и Огнивцев.

— Как работается? Тяжело? — спросил он.

— Не то слово. Просто невозможно. Их мерзкое, надменное поведение выворачивает все нутро. Порой хочется на весь белый свет кричать: «Да когда же все это кончится?! Когда же вам конец, проклятым?!»

— Скоро. Теперь уже недолго ждать. Самое страшное, можно сказать, позади. Армия наша сейчас не такая, как в сорок первом!

— Посмотреть бы... как придут, а там и умереть.

— К чему ж умирать? Тогда только и жить.

— Все так, да только...

— Что вас волнует?

— Удастся ли уйти перед взрывом?

— Взрыв произойдет в час ночи,— сказал определенно, уверенно командир.— Вы же ночью не дежурите?

— Всех не отпускают. Меня, как правило, оставляют в особняке.

— Женщины — народ изобретательный. Найдите предлог и уйдите!

— А что бы посоветовали вы?

— В данном случае надо максимально использовать вашего родственника — бургомистра города. Под предлогом навестить его больную жену или домочадцев отпроситься за пару часов до взрыва. Оставаться ни в коем случае нельзя!

— Да, конечно.

— Кто с вами работает еще? Из наших, имею в виду.

Вера назвала двух женщин.

— Никто не должен знать о полученной задаче. Но от взрыва их надо всех под разными предлогами увести.

— С ними проще. Их после восьми вечера вообще не бывает. Как правило, я остаюсь одна. Постараюсь, конечно, отпроситься.

— Ну вот и хорошо. Прошу очень осторожно обращаться с минами. Следите внимательно за прибытием вашего «гостя» и в первую же ночь заминируйте спальню. Так, как мы с вами договорились.

Огнивцев и Вера остановились. Еще долго они советовались, куда и как лучше положить магнитные мины в спальне Власова, как лучше «окрутить» коменданта и своевременно уйти. Условились также, как и когда покинуть город после взрыва. Напоследок договорились о порядке и месте встречи с партизанами.

Власов прибыл в Могилев инспектировать дивизию и несколько развеяться после очередной накачки фюрера и начальника генерального штаба вермахта. Своими бесконечными требованиями усилить помощь рейху Гитлер его измотал. Он так устал! Голова его гудела, трещала от раздвоенных чувств. С одной стороны, он — командующий русской освободительной армией и вроде бы наделен огромной властью. А с другой — он никто, пешка в руках бесноватого игрока. С него требуют, на него чуть ли не кричат. Он видит воочию, что он вовсе никакой не командующий, и немцы с него просто выколачивают то, что им нужно. А нужно им одно — защищать рейх, охранять железные дороги и поддер-

живать «новый порядок» на захваченной ими территории, воевать против своих же, русских, а это ох как не просто...

Льстило ему лишь одно, что ему воздаются почести в частях РОА. Хотя и дутые, но все же.... Он пользуется всеми привилегиями немецких генералов. Иногда его приглашают даже в высшее общество рейха...

В Могилев, как и в прошлый раз, он прибыл самолетом. В генеральном штабе предупредили, что партизаны и десантники вот-вот начнут рельсовую войну, и отсоветовали ехать поездом.

Прямо с аэродрома Власов на бронетранспортере в сопровождении немецких мотоциклистов поехал в особняк на Первомайскую улицу. Отдохнув в нем пару часов, он на этом же бронетранспортере выехал в один из полков, расположенный на южной окраине города. Его встречали натренированными криками «ура!», луговыми цветами. Но вид у него был мрачный. У него болела печень. Лицо покрылось желтизной. Из-под светлых очков на встречающих смотрели усталые, злые, неудовлетворенные всем и всеми давно остекленевшие глаза. На приветствия он отвечал с неохотой. Лишь изредка кивал головой и больше мечтал и о чем-то думал. О, многим его приближенным хотелось узнать, о чем он думает! Но это никому не удавалось. Временами ему казалось, что он настоящий полководец, но полков у него было слишком мало. Да и то, что было, состояло из разного сброда, не внушающего никакого доверия. Никто не знал, почему многие из военнопленных согласились служить в армии Власова. Не знал об этом и сам командующий. Как было установлено позже, большинство из них записались в РОА, чтобы вырваться из лагерей военнопленных и сохранить себе жизнь. А там видно будет... Конечно, среди них были и такие подонки, которые служили Гитлеру и Власову верой и правдой. Но их было очень мало, по крайней мере меньше, чем ему хотелось бы.

Проведенным смотром полка командующий остался крайне недоволен. Его омрачал довольно унылый вид и невеселый настрой командного состава полка.

Попрощавшись на ходу с командиром дивизии и его заместителями, Власов кратко бросил адъютанту:

— В Могилев. В особняк...

Не успел командующий сесть в машину, как на строевой плац военного городка влетели на большой скорости два «мерседеса» в сопровождении трех мотоциклистов. Из первой машины вышел щеголеватый молодой полковник немецкой армии.

— Имею честь представиться, господин генерал. Офицер для особых поручений командующего тыловым районом Белоруссии полковник Рундт. Мой шеф генерал-полковник Бенске просит вас пожаловать к нему в военный городок в Пэшково в качестве гостя и для решения срочных вопросов.

— Я крайне устал, господин полковник. К тому же чувствую себя очень неважно... Если можно, я прибуду к нему завтра утром.

— Я получил приказ шефа, господин генерал, без вас к нему не возвращаться. Я человек военный и должен выполнить его приказ.

Через несколько минут Власов и полковник Рундт в бронетранспортере в сопровождении легковых машин и мотоциклов мчались в Пашково.

Власов не собирался долго задерживаться в гостях у командующего тыловым районом. Но решение вопросов материально-технического снабжения его армии, ее расквартирования и дислокации в Белоруссии, получение указаний гауляйтера Белоруссии заняли уйму времени. И все же часам к девяти вечера он рассчитывал быть в особняке, где можно было спокойно отдохнуть и подлечиться. Однако пышный прием, устроенный в честь его приезда в Белоруссию, спутал все планы и намерения. Обильный стол, звуки военного оркестра, слащавые речи в адрес командующего РОА, аплодисменты, улыбки дам, цветы приободрили уставшего, больного генерала, и он сам не заметил, как оказался в плену шумного вечера. Перед ним нарочито лебезили офицеры, молодые дамы, подносящие все новые кушанья служанки. С него требовали ответных речей. Он долго молчал. Но не удержался от соблазна и, встав, одернув мундир, заговорил, поблескивая очками:

— Любезные дамы! Господа! Историю дано творить только лишь отдельным избранным судьбой личностям. Будем же к ним снисходительны. Будем их беречь, ибо то, что они свершают, несокрушимо и вечно!

Еще не затихли аплодисменты после его выступления, как к генерал-полковнику Бенске быстрой поход-

кой подошел его порученец и что-то негромко доложил на ухо. По выражению лица генерала присутствующие поняли, что случилось что-то необычное.

— Вы родились под счастливой звездой,— слегка наклонившись к Власову, сказал генерал.— Взорван особняк на Первомайской улице в городе. Тот, в котором вы хотели остановиться на ночлег.

Генерал судорожно откинулся на спинку кресла. Вот она, расплата за предательство и погубленных в болотах сотнях людей, за расстрелы всех, кто ему не подчинился, кто не пошел за ним. Вспомнились слова старика, которого расстреливали при нем: «Стреляй, белогвардейская сволочь. Народ все одно не убьешь. Он отплатит тебе. Собакой издохнешь, гад». И подох бы. Лежать бы разорванным под обломками кирпичей. Это его смерть прогрохотала в особняке.

Власов после позднего ужина, прежде чем идти в гостиницу военного городка, подошел к полковнику Рундту.

— Спасибо, господин полковник,— проговорил он, не в силах унять дрожь и озноб.— Вам я обязан жизнью.— И пошел, сутулясь и прихрамывая, к двери.

Утром следующего дня самолет с Власовым на борту взял курс на Минск. В центре Могилева что-то все еще дымилось.

В землянку Огнивцева влетел разгоряченный и взволнованный Касаев. Вместе с ним была Вера, которой прошлой ночью удалось благополучно выбраться из города к партизанам. По выражению лица Османа было видно, что случилось что-то важное, серьезное.

— Улизнул шакал,— крикнул со злостью Касаев.— Ах, как не повезло!

— Как ушел? — вскочил Огнивцев.

— А вот так и ушел. Случайность помогла. Собирался ехать в особняк, а полковник вермахта увез его почти насильно на переговоры к командующему тыловым районом Белоруссии в военный городок. Там и задержался гад.

— Выходит, все впустую. Эх!

— Не совсем, конечно. Под обломками вся охрана, комендант, пять-шесть гестаповцев, которые допоздна

пировали в соседней со спальней комнате. Мелкая сошка, но все-таки...

— Все одно неудача. Стыдно в Центр докладывать.

— Все предвидеть невозможно. Случай — он и есть случай...

— Да, конечно. Ликует, поди, заливается соловьем. Но ничего. Мы еще доберемся до тебя, гадина!

— Не повезло нам, Иван Александрович. Чем займемся теперь?

— Тем, чем занимались и раньше,— уничтожением оккупантов. По указанию Центрального штаба партизанского движения в ближайшее время мы должны активно участвовать в рельсовой войне. Вам, Осман, тоже. Надо уцепиться за ноги Гитлера, рвущегося из-под Курска и Орла на восток.

— Надо. И крепко надо схватить паразита.

Сразу же после обеда десантники, удрученные неудачей, стали собираться в свой лагерь, ближе к Березине, в дулебские леса. Касаев загрустил.

— Уходите...

— Да, Осман. Чего же сидеть да вздыхать.

— Ну а как с обменом?

— А никак. Бери вот,— протянул свой автомат Иван Александрович.— Дарю тебе. Пусть он метко косит врагов и защищает тебя. Он у меня везучий.

— Спасибо, брат! Бери и мой дар — кожаную тужурку с плеч сына Кавказа.

— Не надо. Что ты... Зачем?

— На память. Всякое может случиться. Увидимся ли?

Они больше не увиделись. Осман Мусаевич Касаев в начале 1944 года погиб геройской смертью в бою с немецкими карателями. Из-под удара гитлеровцев надо было увести обоз с тяжело раненными партизанами, женщинами и маленькими детьми. Обоз благополучно уходил, но фашисты вызвали авиацию и танки. В этой сложной обстановке надо было кому-то возглавить отряд прикрытия. Кто-то должен был остаться на верную смерть. Остался командир отряда Осман Касаев с самыми храбрыми и надежными. Он был еще очень молод. Ему шел лишь двадцать восьмой год. Он так хотел дожить до Победы и увидеть свой аул, свое Карачаево. До последнего патрона разил он из подаренного побратимом Огнивцевым автомата ненавистных чужеземцев. А потом поднялся на них с гранатами...

Таким он, Герой Советского Союза, и стоит, изваянный из бронзы, в белорусском лесу, который защищал до последнего вздоха.

Московские десантники узнали об этом уже после войны, когда приехали на Друть, туда, где стоял его легендарный 121-й партизанский полк. Одна из белорусских деревень, где когда-то размещался штаб отряда бесстрашного командира, носит имя Османа Касаева.

Разгром учебного центра

Много времени потратили разведчики Западного фронта, чтобы установить, какие же немецкие части располагаются в Пашкове. Они получали самые противоречивые разведывательные данные. Одни показывали, что там крупная ремонтная база, другие — база бронетанковой и автомобильной техники. Эта загадка была разгадана разведчиками десантников и партизан отряда Османа Касаева, которые в конце мая подкрались к военному городку и пленили обер-лейтенанта вермахта Бохдера.

Доставленный старшим сержантом Флягиным и его группой в отряд Османа Касаева, он был там допрошен.

— Какую должность занимали, что делали в военном городке?

— Я командир учебной танковой роты учебного центра. Готовим экипажи для новых немецких танков «тигр» и «пантера», штурмовых орудий «фердинанд».

— Как много ваш центр готовит танкистов ежемесячно и какой боевой техникой он располагает?

— Наш центр ежемесячно выпускает сто—сто десять танковых экипажей. Техники достаточно: тридцать «тигров» и двадцать пять «пантер», сорок танков T-IV.

— Какова общая численность военнослужащих вашего учебного центра и кто его возглавляет?

— Постоянную численность военнослужащих я назвать не могу, но в городке сейчас их насчитывается около двух тысяч. Командует центром один из офицеров армии Гудериана, потерявший ногу на Восточном фронте,— полковник Гросс.

Получив эти данные, оперативная группа сразу же доложила о них Центру. Надо было немедленно уничтожить танковую школу. И Центр с мнением оперативной группы согласился. Днем бомбового удара назначалось 22 июня — вторая годовщина вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну.

В телеграмме Центра предписывалось организовать целеуказание осветительными ракетами. Под удар поставить наиболее важные объекты немецкого учебного центра. Из десантников и отряда Османа Касаева были выделены специальные сигнальщики, вооруженные ракетницами. Чтобы действовать наверняка, они заняли свои позиции еще в ночь на 21 июня. Переодетые в гражданское десантники вместе с партизанами целые сутки, искусно маскируясь, лежали в лесу и в кустарниках — в непосредственной близости от военного городка. С наступлением темноты в ночь на 22 июня они должны были выдвинуться еще ближе к объектам военного городка и ждать бомбардировщиков.

Июньская ночь тревожно перемигивалась всполохами пожаров. Горело от ударов нашей авиации, партизан и десантников что-то под Оршей, Кричевом, Рогачевом и Быховом... А в Пашково, у Могилева держалась темь. Только на местном аэродроме время от времени вспыхивали посадочные и ориентировочные прожекторы да на железнодорожном узле в Могилеве постреливали для острастки трассирующими зенитные пулеметы. В самом Пашкове в ту ночь был большой праздник: отмечали вторую годовщину нападения фашистской Германии на Советский Союз. Из офицерских и солдатских клубов доносились звуки военной музыки, жужжание кинопередвижек, голоса в изрядном подпитии... Даже после Сталинградской катастрофы геббельсовской пропаганде удалось вселить в офицеров и солдат вермахта уверенность в реванше в предстоящей летней кампании 1943 года. Они гуляли и пили за успех предстоящих летних наступательных операций. У офицеров-танкистов учебного центра был для этого весомый повод: подготовка экипажей для «тигров» и «пантер» — оружия реванша — завершалась. Но они не знали, что в эту ночь прилетят около полусотни советских бомбардировщиков и разнесут в пух и прах их танковую школу вместе с «тиграми» и «пантерами».

Обходя в темное время посты сигнальщиков, расположившихся вокруг немецкого гарнизона, командир сводной группы останавливался чуть ли не у каждого, ложился рядом, спрашивал:

— Ну как? Что слышно?

— Гуляют, празднуют,— был один и тот же ответ.

— Это нам и надо,— отвечал командир и тревожно посматривал на часы. Самолеты что-то задерживались.

Но вот давно навостренные уши уловили знакомый, радостно колыхнувший сердце гул. Воздух надсадно зазвенел, вначале легко, потом тяжелее, массивнее. И вот уже отчетливо слилось: «Везу, везу, везу!..»

— Летят родные! Летят! — воскликнул командир, сняв фуражку и всматриваясь в небо.— Всем ли вам удалось пробиться сюда? Но ничего, ребята. Вы долетели. Вы уже у цели.

Бомбардировщики шли на небольшой высоте и потому их гул был услышан в Пашкове с большим запозданием, когда до подлета к городку оставалось очень мало времени. В офицерских собраниях и солдатских клубах гулянка продолжалась вовсю. Из ведущего бомбардировщика взлетела красная ракета. Сигнал: «Свети, ребята!»

— Огонь! — скомандовал командир группы и первым выстрелил из ракетницы.

Десятки ракет взвились в небо и, рассыпая искры, повисли над городком. Из темноты высветились деревянные и кирпичные казармы, навесы с боевой техникой, освещенные окна и колонны офицерского клуба, жилые дома, столовые, водокачка, огороженные колючей проволокой склады. Многие фашисты уже метались по городку в поисках щелей. Но их не было. Фашистскому учебному центру два года жилось спокойно. И вот как снег на голову... Свист сотен бомб. Сплошной, слившийся воедино грохот! Сразу рухнули офицерский клуб, две казармы и склад. В складе хранилось, очевидно, горючее... Оно взорвалось гигантским ярким столбом горящей смеси, которая мгновенно захватила офицерскую столовую, гараж автомобилей. Огонь ракетниц нацелился на уцелевшие дома и казармы, где размещались офицеры и солдаты. Из зданий вываливались воспламенившиеся фигуры людей. Летчики заметили это. На здания полетели бомбы. Кое-где из-под

обломков выползали, как ошпаренные тараканы, уцелевшие счастливчики...

Вслед за первой волной на военный городок навалилась вторая. Бомбы посыпались на парки с «тиграми» и «пантерами». Крыши парков снесло взрывной волной, и там запылали боевые машины. Один из прытких танкистов попытался вывести «тигр» из еще не развороченного крыла парка, но бомба, угодившая и в этот отсек, угомонила служаку. Выводить танки и самоходки больше никто не решился. Спасаясь от взрывов и огня, фашисты угорело носились по городку, бежали из него вон, лезли через колючую проволоку.

От пожаров стало светло, как днем. Ракеты теперь не нужны. Была подана команда «отходить!». И вовремя! Уцелевшие курсанты центра под командованием офицеров, стреляя из автоматов, начали переползать через проволочный забор в намерении прочесать кустарники, лес и выловить тех, кто занимался целеуказанием. В военном городке забухали и танковые пушки. Их осколочные снаряды рвались в лесу, в непосредственной близости от военного городка. В Могилеве застучали зенитные пушки. Прожекторы лихорадочно зашарили по небосклону. Один бомбардировщик попал в тройное перекрестие. Туда иглами потянулись огненные пунктиры. Самолет пытался вырваться из светового плена. Он то валился на крыло, то падал вниз, но прожектористы цепко держали его в своих лапах. Один из зенитных снарядов угодил в него, и он задымил. Пропал парень. Не дотянуть до своих... Следом взметнулся длинный шлейф дыма. Вот-вот грянет взрыв. Но нет. Шлейф вдруг оборвался, и машина выровнялась. Раздалось: «Ура! Тяни, друг, тяни к своим!»

А к Пашково подходили все новые девятки советских бомбардировщиков. Но им там уже нечего было делать. Военный городок пылал, в нем продолжались взрывы складов боеприпасов и горючего. Первая тройка еще разок прошлась для верности по паркам «тигров», «пантер», а остальные повернули на железнодорожный узел — в Могилев. Вскоре там тоже взметнулось высокое пламя. Раздался такой грохот, как будто на землю разом ссыпали тысячи тонн камня и кирпича. Земля тряслась и стонала. А над Пашковом пожар то разгорался, то угасал. К утру могильная тишина установилась над бывшей танковой школой.

1/2 11. 68.

Члены комиссии, прибывшие в Пашково из Берлина, ходили по страшному пожарищу — меж остовов зданий, крошева балок и кирпичей, развороченных, обугленных танков, разбросанных по всему городку чемоданов, матрацев, разных бумаг — молча, подавленно, разбито. Лишь шеф комиссии, низенький белобрысенький генерал, тыкал палкой в какой-либо подвернувшийся предмет и зло бросал шедшему позади забинтованному, полуобгоревшему начальнику центра: «убрать» или: «на склад».

Однако убирать и сдавать на склад было нечего: в городке все до тла сожжено, разгромлено, предано праху. И это кидало генерала в ярость.

— Вас надо судить, полковник! — потрясал палкой генерал.— И прежде всего за отсутствие элементарной противовоздушной обороны. Вы не сделали ни одного выстрела, хотя бы из карабинов, по советским бомбардировщикам. Вы погубили один из важнейших учебных центров группы армий «Центр». Убито и ранено более пятисот наших офицеров и солдат. Сожжены или искорежены большинство новых танков и штурмовых орудий. Вот к чему привела ваша беспечность! Ваши подчиненные не удосужились вырыть даже простые щели. На что вы надеялись? На что?!

— Мы свято верим фюреру. Он, как вы знаете, заявил, что в летней кампании этого года немецкая армия возьмет реванш за Сталинград. Мы готовили фюреру танкистов, и неплохо. А это — случайное несчастье... Случайный налет русских бомбардировщиков...

— Случайный! Случайный! А почему вы всех офицеров и низших чинов собрали в этот вечер на зрелищные мероприятия? Кто разрешил офицерам, даже несущим боевое дежурство, сидеть в офицерских кафе, гулять до утра?

— Но вчера был наш праздник — вторая годовщина начала войны рейха с большевиками.

Генерал споткнулся о разбитый бомбежкой остаток кирпичной стены, но не упал, удержался за обгорелый кузов грузовой машины. Вся злость его обрушилась на мертвецки бледного полковника.

— Почему до сих пор не приняты меры к ликвидации последствий воздушного нападения большеви-

ков? Стыдно, полковник, встречать комиссию из Берлина, назначенную самим фюрером, в такой разрухе.

— Виноват!

— Думать надо. Вы же не окопный болван, а начальник важного учебного центра. Сколько самолетов было брошено на вас?

— Лично я насчитал сорок пять. Мой заместитель — пятьдесят.

— А где он?

— Он убит. В последний налет.

— Кто наводил самолеты русских? Говорят, тут орудовали специальные сигнальщики с осветительными ракетами?

— Так точно. Они ракетами указывали важные цели со всех сторон.

— Откуда они взялись?

— Не могу знать. Поймать не смогли ни одного. Нам в ту ночь не до поимки было.

Генерал остановился, вытер платком вспотевшее, покрытое веснушками лицо и обратился к сопровождающему его представителю ведомства Гиммлера:

— Вы слышите, господин обер-штурмбанфюрер? Здесь, рядом с Могилевом, под носом секретного центра по подготовке танкистов для «тигров» и «пантер», преспокойно орудуют красные разведчики и сигнальщики. Вас это не волнует?

— Волнует, господин генерал. Нами будут приняты самые крутые меры.

Генерал, обходя военный городок, очень устал. Жара и мрачные впечатления от увиденного удручающе действовали на его настроение. Ему хотелось забыться от виденных им тяжелых последствий бомбового удара советской авиации. По пути к одному из уцелевших особняков, предназначенных для отдыха, он встретил работающий экскаватор. Могучая машина копала братскую могилу для неопознанных, обожженных и исковерканных до неузнаваемости трупов офицеров и солдат вермахта. Генерал поморщился и брезгливо приложил к носу надушенный французскими духами платок.

Нежданный «гость»

Несмотря на катастрофические последствия проигранной битвы на Волге, а также провал планов зимней кампании, гитлеровские политики и стратеги решили провести в 1943 году на советско-германском фронте большое летнее наступление. С его помощью они надеялись восстановить военный и политический престиж Германии, спасти от развала блок фашистских государств, захватив стратегическую инициативу.

Они считали, что самым удобным и выгодным участком фронта для нанесения удара по Красной Армии является выступ в районе Курска, получивший название Курской дуги. С севера над этим выступом нависали войска немецкой группы армий «Центр». С юга выступ охватывали войска группы армий «Юг». Противник рассчитывал срезать выступ под основание и разгромить оборонявшиеся там соединения Центрального и Воронежского фронтов. Уже в первой половине апреля план наступательной операции гитлеровцев был готов. Он получил условное название «Цитадель». Немецко-фашистское командование учитывало и то, что Курский выступ имел исключительно большое стратегическое значение для Красной Армии. Занимая его, она могла нанести сильные удары по тылам и флангам как орловской, так и белгородско-харьковской группировок вермахта.

Этот замысел немецкого генерального штаба в общих чертах был известен Верховному Главнокомандованию Советской Армии. Однако время начала самой операции оставалось неизвестным. Предстояло установить точные или хотя бы максимально приближенные сроки наступления фашистских войск. Разведывательная работа велась по многим каналам: войсковая, оперативная и стратегическая разведка, радиоперехваты, документы разгромленных штабов, показания захваченных пленных и т. д.

Трудно сказать в какой мере оказались полезными те данные, которые удалось раздобыть отряду Огнивцева. Хотя за ними и охотились каждодневно, попали они в руки десантников, можно сказать, совсем неожиданно. И помогла в этом одна из их вылазок на шоссе Могилев—Бобруйск.

Дело было так.

Командир 332-й пехотной дивизии генерал-майор Зейссер, находящийся со своими войсками западнее Белгорода, заподозрил неладное. Его адъютант капитан Фридрих Шильгверт что-то приуныл и ходил растерянным. Дела у него валились из рук. И это в славное время, когда надо только радоваться и ликовать: армия фюрера готовится к сокрушительному удару по русским! Генерал вызвал к себе Шильгверта.

— Садитесь, капитан, и рассказывайте, что случилось. Почему у вас упал боевой дух?

— Прошу не думать обо мне ничего плохого, господин генерал. Причина одна. Я три года не видел свою жену. Она молода, красива, а там в Берлине... бомбежки, тыловые кавалеры... Меня предостерегают от назойливых ухаживаний за женой...

— Вы хотите поехать к ней?

— Да, господин генерал. Я бы очень просил вас отпустить меня до начала событий.

— Так что же вы молчали?

— Не мог, господин генерал. Такое время! Армия готовится к броску, а я... Но вчера получил весьма неутешительное письмо от матери. Оно вынудило меня обратиться к вам.

— Да, капитан. Время действительно историческое. Фюрер готовит большевикам такую оплеуху, от которой уже никто из них не встанет из могилы. Но до того часа у нас есть еще время, и вы можете спокойно ехать. Кстати, свезете и мои личные письма берлинским друзьям. Еще — посылку семье. Посылать почтой не хочу. Эта глазастая цензура вырежет из них весь фронтовой колорит, всю откровенность.

— Рад буду доставить, господин генерал, куда прикажете.

— Оформляйте документы.

— Благодарю вас!

— Благодарить будете потом, когда вернетесь. В Берлин еще надо доехать. Дорога не безопасна. И в воздухе, и на земле.

— Доеду, господин генерал! — вытянулся адъютант.— Я верю в свою звезду и фюрера.

— Вера в фюрера — большое дело, капитан. Она всех нас бережет и вдохновляет. Советую ехать вам через Смоленск, Минск. Там сейчас более или менее спокойно.

— Я бы просил разрешения ехать через Гомель, Бобруйск.

— Причина, капитан?

— В Бобруйской военной комендатуре служит мой лучший друг по военному училищу. Я не видел его пять лет.

— И давно он там?

— Два года, господин генерал.

— Ну, что ж. Друг есть друг. Разрешаю. Но не задерживайтесь. Помните о нашей дивизии. Ее ждут подвиги, ждет поверженная Москва!

— И в бою, и на параде я буду с вами, господин генерал,— отчеканил капитан.

— Счастливый путь, Фридрих. Поклон вашей супруге. Мои письма получите перед отъездом. Хайль!

Фридрих вышел от генерала радостно возбужденным, но вместе с тем и обиженным. Ведь мог господин генерал выделить из дивизионных запасов и какой-либо подарок — банок пять мясных консервов, кусок шпига, несколько плиток шоколада, но пожмотничал, ничего не дал. А сам, хапуга, каждую неделю отправляет жене увесистые посылки. Вот и с ним тоже...

А раз так, то Фридриху и сам бог велел раздобыть что-нибудь в дорогу. Неплохо было бы привезти с собой в Берлин несколько кур, гуся, жареного поросенка.... И он, сев в легковую машину, поехал «поохотиться» в своем тыловом районе. Но тщетно. Поскольку промышлял он не один, в ближних селах не обнаружил ничего желаемого.

— Ладно,— утешал себя Фридрих.— В глухих белорусских деревнях найдем все, что надо. Бобруйский друг любезно обещал помочь.

Захмелевший от выпитой фляжки шнапса бобруйский друг встретил просьбу Фридриха, однако, скептически. Обнимая, он уныло бормотал ему в ухо:

— Масло, яички, сало... Пустяки по сравнению с жизнью.

— О чем ты говоришь? К чему тут философия?

— Ах, Фридрих! Если б ты знал, сколько наших полегло в этих проклятых лесах!

— Брось канючить, стыдно!

— Ты не веришь? Не верить мне, работнику воен-

ной комендатуры? А я все знаю. Все! Сколько захоронено и сколько вообще не вернулось из инспекторских поездок по близлежащим деревням.

— Что же предпринимали вы в ответ?

— Все! Усилена охрана объектов от возможных нападений партизан. Издан приказ начальника гарнизона — отдельным машинам и небольшим группам не выезжать за пределы границы бобруйского гарнизона.

— Вот теперь для меня становится ясно, почему вас тут бьют! — презрительно бросил Фридрих.— Вы обленились. Сидите на своих теплых, насиженных местах и ждете, когда побьют партизан. Вы переродились. Вы жалкие трусы! Вы позорите непобедимую армию фюрера! Мы деремся на фронте, как тигры, а вы тут дрожите, подобно загнанным зайцам...

— Брось, друг, поносить. Ты не был здесь и ничего не видел. Их тут сотни... тысячи! Они умеют воевать. Они такие же солдаты, только куда похитрее...

— Вздор! — стукнул кулаком по столу Фридрих.— Дайте мне двух-трех автоматчиков, и я докажу, что это не так.

— Хорошо. Я доложу об этом коменданту города. Думаю, что он разрешит тебе такую поездку. Но помни о моем предупреждении, Фридрих. Ради матери и молодой жены.

Рано утром следующего дня к гостинице, где остановился Фридрих, подкатили два мотоцикла. Один был с пустой люлькой для гостя с фронта. На другом сидели два автоматчика сопровождения.

Капитан вышел из гостиницы в компании мрачного своего друга. Он повесил на шею автомат, сел в люльку, но вдруг спохватился.

— О! Забыл мешки...

— Какие мешки? Зачем?

— Как зачем. Ты забыл?.. Я же хотел кое-чего припасти.

— Опомнись, Фридрих!

— Прикажи, пожалуйста, подать мешки! — упрямо повторил гость.

В люльку мотоцикла охранения были уложены мешки и вместительный из рыжей кожи саквояж для сливочного масла. Водитель первого мотоцикла предло-

жил привязать к заднему сидению корзину для гусей и кур, но господин капитан расчетливо отказался.

— Громоздко! — решил он.— Мы забьем их на месте и привезем в мешках. Вперед!

— Прощай, Фридрих,— безнадежно вздохнул помощник коменданта.

— Приготовь хорошую выпивку! — крикнул веселый Фридрих.

Бобруйский друг грустно улыбнулся.

«Жалкий трус,— подумал Фридрих.— Как же он напуган! Я докажу, что значит настоящий боевой офицер. О! Это будет звонкая пощечина всем окопавшимся здесь тыловикам».

Мотоциклы с места рванули с дымком.

«Вблизи Бобруйска, конечно, богатых деревень не может быть. Здесь давно растащили»,— рассуждал Фридрих после неудачной ревизии двух первых попавшихся сел. Всего два цыпленка были извлечены у одной старухи из-под деревянной бочки в погребе. Да и какие там цыплята! Дохлятина. Одни перья. Привезешь — засмеют.

— Куда дальше? — угрюмо спросил водитель.

— Вдоль по шоссе! — махнул рукой Фридрих.

Газуя нарочито громко, для большего самоуспокоения, мотоциклисты повели свои машины по безлюдному шоссе на восток. По обе его стороны плыли заросшие бурьяном поля. Бурьян был высок, и автоматчики опасливо озирались по сторонам. Но Фридрих держался храбро. Даже пытался подбадривать безусого своего водителя:

— Что приуныл? Партизан боишься? Пусть они нас боятся. Мы арийцы, а они свиньи. А хозяин свинью всегда бил.

— Я жить хочу,— тихо ответил парень.

— Много было случаев нападения партизан на наших солдат?

— Да, господин капитан. По этому шоссе немногие машины прошли невредимыми. Видите, сколько их валяется, разбитых и сожженных!

— А мы проедем! Нам вера в фюрера поможет.

Впереди показался синий лес, а перед ним деревня — нетронутая деревня с надворными постройками, банями, палисадниками, скворешниками на длинных шестах! На солнце поблескивали крыши из дора. Из

трубы крайнего добротного дома мирно поднимался синий дымок.

Солдат остановил мотоцикл. Рядом встал второй.

— Чего остановились?! — воскликнул возбужденный капитан.

— Рядом лес, господин капитан. Надо бы осмотреться.

— Вперед! — сурово махнул перчаткой офицер.— Сразу видно, вы еще не бывали на фронте.

В первом же доме этой чудом уцелевшей белорусской деревушки, расположенной на значительном удалении от города, гостей встретили более чем радушно.

— День добрый! Просимо, господин офицер, в хату,— поклонясь, пригласила молодая хозяйка.

Фридрих сразу же объяснил, как мог, цель своего визита.

— Мама! — воскликнула молодайка.— К нам оптовый потребитель. Накрывайте стол на четверых!

В доме задвигались стулья.

— Милости просим!

Входя в дом, Фридрих вдруг почувствовал, как чьи-то тяжелые руки легли ему на плечи. От неожиданности он чуть не потерял сознание. Придя же в себя, увидел за столом двух молодцеватых в полной военной форме русских солдат. Рядом с ними на лавке лежали автоматы и гранаты.

— Пригласите в дом своих спутников,— сказал по-немецки один из них.

О! Это был хороший шанс к спасению. Капитан Фридрих Шильгверт кинулся в сени, но чья-то сильная рука вновь спеленала его:

— Зачем же бежать? Позовите их, пожалуйста, через дверь. Спокойно.

Он позвал... Всех троих. Поняв, что случилось то, что и должно было случиться, «гости» дружно сложили оружие. Солдаты фюрера с тупым равнодушием смотрели на бравого фронтовика-капитана, находившегося в невменяемом состоянии.

В штабе оперативной группы «боевой» адъютант командира дивизии постепенно вышел из депрессии и, поняв всю безнадежность своего положения, добросовестно и подробно отвечал на все вопросы, моля взамен за откровенность сохранить ему жизнь.

— Где расположена ваша пехотная дивизия и ее состав? — спросил его подполковник Огнивцев.

— Дивизия состоит из трех пехотных полков, танкового, артиллерийского и различных специальных частей. Она входит в состав четвертой танковой армии генерала Гота и дислоцируется в районе Тамаровка, северо-западнее Белгорода,— ответил пленный и весьма подробно перечислил все боевые части дивизии, районы их дислокации.

— Как много танков в вашей дивизии? Сколько, в частности, «тигров», «пантер» и «фердинандов»?

— В дивизии около сотни танков. «Тигров», «пантер» и штурмовых орудий «фердинанд» около двадцати. Ими, главным образом, укомплектованы сорок восьмой танковый корпус и второй корпус СС нашей армии.

— Знаете ли вы что-либо о сроках начала наступления ваших войск?

— Нет. Я не знаю. Но командир дивизии перед отъездом в отпуск предупредил меня, чтобы я вернулся к нему не позднее 25 июня. «Первая неделя июля для нас будет исторической. Исход событий этих дней может решить войну»,— прощаясь, сказал мне мой генерал.

При обыске у Шильгверта были изъяты два любопытных письма генерала Зейссера, адресованных в Берлин его друзьям из генерального штаба и ведомства военной промышленности. Очень важные разведывательные данные, полученные из показаний капитана Шильгверта и писем генерала Зейссера, в тот же день были переданы по радио Центру.

«Рельсовая война»

В книге западногерманского историка Пауля Карела— псевдоним Пауля Шмидта, бывшего начальника отдела печати гитлеровского МИД — «Война Гитлера против России» (Лондон, 1970 г.) подробно описаны встречи и доклады начальника штаба ОКВ (верховного командования вермахта — вооруженных сил Германии) генерал-фельдмаршала Кейтеля с фюрером. Автор указывает, что начальнику штаба ОКВ докладывать фюреру о плохих вестях на Восточном фронте

после Сталинграда становилось все труднее и труднее. Он все более впадал в истерику, ругал всех и вся за просчеты, поражения и провалы. Но что поделаешь. Он обязан был ежедневно докладывать о положении на советско-германском фронте.

— Мой фюрер,— начал начальник штаба ОКВ очередной свой доклад,— особых изменений за сутки на фронте не произошло. Нами перехвачен приказ русских, а точнее командующего партизанским движением маршала Ворошилова.

— Приказ? Какой приказ? — потемнел глазами Гитлер и привычно уперся кулаками о стол.

— Приказ начать на всей занятой нами территории рельсовую войну.

— Что это за война? Докладывайте!

— Она, мой фюрер, преследует далеко идущие цели...

— Какие цели? Что за цели?

— Сорвать наши перевозки на фронт резервов, техники, боеприпасов, горючего, а соответственно и перевозки с востока в Германию продовольствия, сырья для промышленности, трудовых резервов...

— Вздор! Большевистская пропаганда! Очередная взбадривающая выдумка! — закричал Гитлер.— Эта задача невыполнима. У них нет сил на такую войну. Где они? Сколько?

— Готовясь к докладу вам, мой фюрер, я собрал подробные данные. Только в тылах группы армий «Центр» на территории Белоруссии действуют более тысячи отрядов и диверсионных групп партизан и десантников. В смоленских лесах — более двухсот. В брянских — около двухсот. Но помимо этого...

— Хватит! — ударил кулаком по столу Гитлер.— Вам давно было приказано покончить со всеми лесными бандами. Для этого выделялись целые дивизии. А результат? Где он? Мне опять суют под нос цифру с двумя и даже с тремя нулями. Кто их плодит, эти сотни и даже тысячи отрядов и групп партизан и десантников? Германия не простит нам этого!

— Мой фюрер! Основную ответственность за уничтожение лесных банд и, в частности, за политическую благонадежность населения оккупированных земель несет служба безопасности СД, возглавляемая рейхсфюрером СС Гиммлером.

— Я сам знаю, кто за что отвечает! Потрудитесь лучше доложить, что сделано по выполнению моего приказа об уничтожении лесных банд в Белоруссии.

— Леса очищены от них, мой фюрер. Много партизан уничтожено. Захваченное в плен мужское население расстреляно. Женщины и дети загнаны в концентрационные лагеря. Но тем не менее, мой фюрер, начатая работа не закончена. Чтобы сорвать этот опасный замысел большевиков — так называемую рельсовую войну, нам надо выделить новые силы...

— Никаких сил! Я не дам вам больше губить на этих партизан ни одной дивизии. Ни одной!

— Мой фюрер! Я горячо поддерживаю вас. Зачем, в самом деле, губить немецких солдат, великую ценность нации, если есть заменители...

— Заменители? Какие заменители? Где они?

— Армия генерала Власова, мой фюрер. РОА! Я думаю, пора бы ей...

— Да, да! Довольно им даром есть хлеб великой Германии. За дело! За дело!

— Подойдите сюда,— кивнул Гитлер Кейтелю и, когда тот приблизился, он размашисто обвел на оперативной карте синюю густынь белорусских лесов, включая и леса западнее Могилева, черным жирным овалом.— Батальоны РОА поставить здесь: в районах Минска, Борисова, Бобруйска и Могилева. Генералу Власову приказать прикрыть даже ценой жизни сотен солдат главные железнодорожные магистрали. Рельсовая война большевиков в этом районе должна быть сорвана русскими же руками!

— Слушаюсь, мой фюрер. Разумеется, ваш приказ касается и полевой жандармерии.

— Да! Полевую жандармерию отвести за спины солдат РОА — только так я могу положиться на них. Я буду ценить всех по тому, как они справятся с русской рельсовой войной.

Но ни солдатам рейха, ни предателям Родины из РОА не удалось сорвать «рельсовую войну» на оккупированной немцами территории. Она началась неотвратимо и дружно. Уже в первую ночь в августе 1943 года в нее включились десятки отрядов белорусских, украинских, ленинградских, орловских, брянских, смоленских, калининских, латышских и литовских партизан и десантников. Их удары повторялись в течение лета

и первой половины сентября сорок третьего года и в значительной степени дезорганизовали транспортную систему противника.

С 19 сентября начался второй этап рельсовой войны под условным наименованием «Концерт». Если на первом этапе в борьбе участвовало 96 тысяч партизан и десантников, то на втором — почти 120 тысяч. Особенно активно действовали они в Белоруссии. В итоге движение по железным дорогам Полоцк—Двинск, Могилев—Жлобин, Могилев—Кричев было парализовано, а по магистралям Минск—Орша, Минск—Бобруйск—Жлобин осуществлялось с большими перебоями. Когда начальник транспортного управления группы армий «Центр» полковник Теске облетел территорию на самолете, он воочию убедился в масштабах катастрофы. Все железнодорожные станции и разъезды были забиты составами, потому что двигались они со скоростью улиток...

Десантные отряды под командованием Алексеева, Сороки, Вацлавского, Бухова и других в дни рельсовой войны пустили под откос не один вражеский эшелон. От магнитных мин, ловко подложенных под цистерны подпольщиками-железнодорожниками, сгорели на перегонах два десятка эшелонов с горючим.

Не доверяя больше власовцам, немецкое командование вынуждено было привлечь для охраны основных коммуникаций большое количество полевой жандармерии. Но и это мало помогло. Взрывы, крушения на дорогах не прекращались. И тогда разъяренный Гитлер бросил на охрану дорог регулярные части вермахта. Они, как правило, несли службу ночью. Днем же солдаты отдыхали или занимались своими делами.

Одно из таких подразделений — рота обер-лейтенанта Шнайдера — охраняло участок железной дороги Толочин—Крупки на магистрали Минск—Орша. Обер-лейтенант буквально не спускал глаз с железнодорожного переезда, находящегося в чистом поле. Дело в том, что там была жиденькая охрана, и партизаны в темное время подорвали несколько воинских эшелонов. Пришлось оградить весь полевой участок колючей проволокой, а на переезде поставить железобетонную будку, напоминающую дот, с небольшими окнами, с

железной решеткой и крепкими блиндированными дверьми. В будке несло службу лучшее отделение роты под командованием фельдфебеля Финка. Шустрый, исполнительный Финк лично торчал на полотне дороги днем и ночью. На путях постоянно маячили солдаты охраны: ночью — трое-четверо, днем — один-двое. Словом, фельдфебель старался вовсю. Обер-лейтенант обещал ему: «Эта проклятая рельсовая война, фельдфебель Финк, скоро закончится. И если на твоем участке не будет никаких происшествий, я гарантирую тебе Железный крест и отпуск на Родину».

Дела у фельдфебеля шли на редкость благополучно. На других участках грохотали взрывы, а у него за полмесяца — ни одного! Фельдфебель радостно бил себя по жирным ляжкам. Теперь он часто предавался любимому занятию — играл на губной гармошке. Особенно в дневное время, когда напряженность ожидания нападений спадала. Солдаты, как обычно, обняв карабины, спали, а он, усевшись у железного порога будки, наигрывал себе что в голову взбредало.

Однажды его занятие прервало появление солдата с расквашенным носом.

— Что с тобой, Фриц? Кто тебя так разукрасил? — всполошился Финк.

— Обер-лейтенант кулаком.

— Командир роты?

— Нет.

— Так кто же? За что?

— За то, чтоб не совал нос, куда не надо.

— Куда же ты его сунул?

Фриц опустился на нары.

— Я шел по путям. Навстречу обер-лейтенант и два ефрейтора. Как требовала инструкция, я остановил их и потребовал документы. Ефрейторы захохотали, а обер-лейтенант пустил в ход кулаки.

Фельдфебель забеспокоился, почуяв недоброе.

Повесив на шею бинокль и взяв автомат, он сунулся к двери. Дверь, увы, не открывалась. Он налег на нее сильнее — не тут-то было. Дверь оказалась подпертой снаружи.

— Эй, вы! Кончай шутки! — крикнул насмерть перепуганный фельдфебель.— Что за хулиганство?..

За дверью ни шороха, ни звука. Только тревожно гудели провода.

— Тревога! К бою! — заорал, срываясь на фальцет, Финк.— Все к двери! Мы в западне...

Солдаты ринулись к двери. На нее налегло несколько рук, плеч. Фельдфебель подал команду: «Айн, цвай, драй!» Дверь заскрипела, но не подалась.

— Да она же подперта, черт возьми!

— Но чем? Палка бы сломалась.

— Наверное, в железные пробои металлических планок, опоясывающих дверь, подсунули железный лом,— высказал предположение один из солдат.

Да, фельдфебель вспомнил, что вблизи будки валялся железный лом, которым можно намертво закрыть будку. Он погубил его. Фельдфебель с ужасом представил, как на рельсах орудуют, закладывая взрывчатку, партизаны, как они хохочут над запертыми в каменной коробочке, и ноги его подкосились. Прощай мечта о Железном кресте и сорока гектарах русской земли!

«А может, дверь все-таки закрыли ради шутки? Потом придут, откроют и будут долго хохотать над беспечными болванами»,— промелькнула мысль в голове фельдфебеля.

Нет, то была не шутка. Смелую вылазку на переезд предприняли переодетые в немецкую форму старший лейтенант Бухов, старшие сержанты Жуков и Кузнецов. Это они расквасили нос охраннику и закупорили фельдфебеля и его команду в будке. Серо-зеленые мундиры, пилотки, сапоги и все прочее сохранилось в отряде еще с зимнего рейда майора Алексеева, когда десантники захватили вагон с новеньким немецким обмундированием. Кто-то предложил было Бухову нарядиться немецким офицером более высокого чина, но тот отмахнулся: «Перехлест. Старшие офицеры вермахта по шпалам не ходят. Достаточно обер-лейтенанта».

Солдат попался им настырный. Сначала потребовал пароль, потом, когда пароль не назвали,— документы. Но так как по-немецки говорил только Бухов, да и то весьма посредственно, пришлось «обидеться» и врезать наглецу в переносицу. Только после этого тот извинился и, зажав окровавленный нос, побрел, как побитая собака, в будку. За ним, не отставая, шли десантники.

Когда дверь будки была надежно подперта, по сигналу к насыпи поспешили с динамитом два подрывника...

Эшелон шел из Борисова на Оршу. Грохот колес усиливался. Паровоз, кидая космы черного дыма, миновал опасную лесную зону и набрал предельную скорость. Издали, с лесного пригорка, отошедшим десантникам была видна запертая будка у железнодорожного переезда. Пленники в ней все еще сидели.

— Загорают господа,— кивнул головой в сторону будки сержант Жуков, затягиваясь цыгаркой.

— Отдыхают перед трибуналом,— добавил Кузнецов.— Ох и влетит же им за ротозейство!

Вдруг земля тяжело качнулась, будто сбросила с себя огромную тяжесть, и загрохотала страшным, все ломающим, скрежещущим, все сокрушающим обвалом. Черный паровоз подбросило и опрокинуло вверх колесами, он закувыркался под откос. Пассажирские вагоны полезли друг на друга и стали заваливаться в разные стороны... Из немногих уцелевших вагонов и теплушек ползли по насыпи чудом спасшиеся, очумевшие от ужаса солдаты.

Старший лейтенант Бухов встал во весь рост и победно подбросил вверх немецкую фуражку.

— Пошли, ребята! Дело сделано.

На железной дороге разгорался пожар. Ухали рвущиеся боеприпасы, трещали в огне патроны. Ветер доносил стоны раненых...

Так была перевернута очередная страничка большой рельсовой войны. Для человека удивительного мужества и храбрости Бухова Алексея Андреевича, по кличке «Добрый», она оказалась последней. В начале 1944 года его не стало. Он погиб смертью героя в неравной схватке с фашистскими захватчиками.

Трудная задача

Оперативной группе разведотдела штаба Западного фронта удалось наладить сравнительно успешные действия подпольных диверсионных групп на железных и шоссейных дорогах, да и сама она громила вражеские эшелоны и колонны уже длительное время. Но создание надежных разведывательных групп в Минске, Борисове, Бобруйске и Могилеве шло не так быстро и легко, как того ей хотелось бы. Правда, в этих горо-

дах или поблизости от них были подобраны опытные и преданные Родине люди, которые добывали весьма ценные разведывательные данные о противнике, но из-за отсутствия в их распоряжении радиостанций эти сведения или совсем не доходили до штаба группы, или поступали с большим опозданием. К тому же использование связных всегда было сопряжено с большим риском. Неоднократные попытки устроить и прописать в городах радистов, направленных из Центра, как правило, кончались неудачей. Причин для этого было немало. Тут и отсутствие жизненного опыта (радисты, в большинстве своем, готовились из числа 17-18-летних юношей и девушек), и ужесточение фашистами паспортного режима, и трудности в устройстве на работу и оформлении нужных документов, и многое другое. Надо было искать новые, более надежные пути решения этой задачи. И он был найден: группа предложила готовить радистов из числа местных девушек, проживающих в городах и окрестных селах, при своем радиоузле. Центр одобрил идею и в апреле 1943 года официально разрешил осуществить ее.

Спустя несколько дней из Москвы прилетел специальный самолет с учебной радиоаппаратурой, различными учебными пособиями. Начальник связи старший лейтенант Коротков, его помощники — радисты младший лейтенант Лебедев, младший сержант Аристов — были готовы немедленно приступить к делу. Но предстояло решить главное — подобрать отважных, преданных Родине патриоток, создать и обосновать документами оккупационных властей правдоподобную легенду для ухода их на курсы радистов.

Дождливым апрельским вечером в тихую, онемевшую от сырости бревенчатую хату в деревне Вересни, расположенную в десяти километрах южнее Борисова, вместе с разведчицей «Белкой» зашел высокий стройный блондин в дождевом плаще.

— Здравствуйте! Есть ли кто дома?

Из горницы вышла пожилая бледнолицая женщина в белом платочке, повязанном по-деревенски под подбородком.

— Дзень добжий,— робко ответила она, глядя на незнакомца, но увидев «Белку», успокоилась.

Молодой человек назвал себя. Женщина заулыбалась, засуетилась, не знала, куда усадить гостя.

— Как же... как же... я много слыхала о вас. По деревням добжий сказ о ваших людях, делах иде...

— Откуда же? Я в вашей деревне впервые.

— Так земля ж слухом полна. Да и наша Ольга («Белка») много рассказывала о вас.

Заулыбался и капитан Гниденко.

— Это хорошо, что знаете нас. Значит, разговаривать будет полегче. Свататься я к вам пришел. За Аленушку.

Бровь у хозяйки дрогнула. Она на какую-то минуту смутилась, но сейчас же увидела в глазах гостя шутку и сама шуткой ответила:

— Рады такому жениху. Большая честь нам. Да только какое ж сватовство в такое время? Не до того. Выжить бы...

— Выживем, обязательно выживем. Не такое довелось нашему народу. Аленушка дома?

— Да... Недавно пришла из города и отдыхает в горнице. Сама работает в городе, но мать не забывает. Правда, сегодня она не должна была прийти, но почему-то пришла. Может быть, в этом вы виноваты, молодой человек?

— Нет, он не виноват,— подключилась к разговору Ольга.— Я виновата. Мы с ней договорились встретиться у вас...

Елена, услышав разговор в прихожей, вышла из горницы, подошла к Ольге и, поздоровавшись с ней за руку, внимательно посмотрела на незнакомого блондина.

— Здравствуйте, Аленушка! — мягко улыбаясь, поздоровался Гниденко.

Елена ответила кивком головы. Появление незнакомца в доме матери не было для нее неожиданностью. Еще вчера ей сказали, что завтра «придет человек для разговора». Пароль: «Свататься я пришел за Аленушку». Она ждала этого человека и теперь с приятным удивлением рассматривала его. Красив, строен, еще молод. Элегантно одет.

Аленушка молчала. И он молчал, рассматривая ее. Елена явно понравилась ему. По ее глазам и волевому лицу Гниденко сразу понял, что имеет дело с серьезной девушкой и ей можно доверять. В случае чего, выдержит все. Предстоял разговор о весьма серьезных и опасных делах.

— Вот посвататься пришел,— сказал он еще раз, приветливо улыбаясь.

— Ой, какая я невеста! Поздно пришли. Я уже замужем, и у нас растет малыш. А папочка наш в Красной Армии бьет фашистов,— серьезно ответила Елена.

Капитан несколько смутился от этих неожиданных слов, проговорил:

— Пусть вас не обижают и не смущают мои слова в отношении сватовства. Мне бы хотелось с вами поговорить наедине по очень важному делу.

Аленушка пригласила Алексея в горницу за стол и зашторила окна.

— Слушаю вас, товарищ капитан.

— Скажите, Елена, хочется вам быть полезной Родине и помочь Красной Армии побыстрее изгнать фашистов с советской земли?

— Да.

— Вот я и пришел к вам за тем, Аленушка. Дело у нас есть для вас. Почетное, ответственное и очень опасное.

— Какое? Что? Если куда-то из дома уезжать, то не смогу. У меня сынишка. И мама больна.

— Ехать вам на длительное время никуда не придется. Разве что отлучиться на несколько недель из дому. А потом будете работать и жить в городе и можете регулярно проведывать мамашу. Работу поручим вам, так сказать, надомную.

Ей не терпелось узнать о поручении, и она опять спросила:

— А какое дело?

Алексей Степанович подумал. Сказать сейчас или потом, когда она придет на «курсы»? Решил не тянуть. Лучше сразу ответить на все вопросы.

— Нужна радистка-подпольщица нам.

— Радистка?! Но я же...

— Знаем, не умеете, не обучены. Но мы подготовим вас. Хорошо подготовим, Аленушка. Для обучения дадим вам самого лучшего радиста — москвича.

Она, раздумывая, молчала. Бледные, белые щеки наконец тронул румянец. По лбу меж двумя упавшими прядками волос пролегла складочка — свидетельство большого внутреннего волнения.

Гниденко, не дав ей ответить отказом, вдохновенно продолжал:

— Я понимаю вашу тревогу. Поручение нелегкое, опасное. Но ведь это поручение Родины, Ленинского комсомола!

Поручение Родины. Перед глазами Елены Михайловны встал обрывок газеты, сброшенный с самолета и растрепанный ветрами. На нем — снимок героической девушки Тани, совершившей подвиг во имя Родины. Ее схватили фашисты и казнили при народе. Ее больше нет. Она погибла. Но о ней летит слух от села к селу. Вспомнился и рассказ матери о бесстрашной московской разведчице Леле Колесовой, о которой она услышала в соседней деревне. Леля тоже погибла, но люди помнят ее. Говорят, что на ее могиле и зимой зеленеют венки.

— Если вы согласны, то послезавтра мы должны с вами еще раз встретиться на окраине вашей деревни и подробно обговорить все дальнейшие ваши действия.

Аленушка молчала. Что-то волновало и тревожило ее. Это было заметно по рукам, которые беспрестанно мяли носовой платок.

— Так как же, Аленушка? «Да» или «нет»?

Она тихо ответила:

— Да...

Через день капитан Гниденко и Елена Синкевич встретились еще раз. Стоял теплый весенний вечер. Алексей подъехал к смолокурке, на опушке леса, недалеко от деревни, в сопровождении двух автоматчиков. Она уже ждала его.

— Здравствуйте, Аленушка! Признаться, мы опасались, что вы одна побоитесь прийти на нашу встречу в такой поздний час,— сказал капитан.— Но вы оказались молодчиной, храброй девушкой.

— Иначе поступить не могла. После нашей встречи я все обдумала и решила, что и я должна, как могу, бороться с оккупантами.

— Ну, вот и хорошо. Но чтобы стать радисткой, нам с вами придется преодолеть ряд трудностей.

— Какие же?..

— Прежде всего получить на работе двухмесячный отпуск, необходимый для обучения. И, во-вторых, заручиться надежными отпускными документами от окку-

пационных властей. Сможете ли вы сами решить эти вопросы, без нашей помощи?

— Думаю, что да. У меня неплохие отношения с начальницей мастерской и гарнизонными военными чинами.

— Ну вот и прекрасно. Еще одна просьба к вам. Отныне мы в эфире будем звать вас не как Елену, а как нашу разведчицу по кличке «Ребус».

Еще до встречи с Гниденко, работая в гарнизонной портняжной мастерской в Борисове, Елена по квитанциям и нарядам устанавливала нумерацию частей различных гарнизонов и эти сведения передавала десантникам через «Белку». После повторной встречи с Гниденко она сразу же обратилась к начальнице мастерской с просьбой предоставить ей отпуск, чтобы выходить жениха-полицая (разумеется, выдуманного), якобы пострадавшего в бою с «лесными бандитами» и ныне пребывающего в отдаленной больнице. Начальница мастерской, немка по национальности, выслушав Лену, обратилась в комендатуру и получила благосклонное согласие посодействовать «невесте полицая». Таким образом, Лена вооружилась свидетельством о двухмесячном отпуске и надлежащими пропусками.

Куликова привела ее к перевалочному пункту связи оперативной группы с городским подпольем. Оттуда Лену препроводили на базу десантников — в «университет». Июнь и июль она посвятила курсу обучения под руководством начальника связи Короткова, радистов Аристова и Ромахина. В конце июля «выпускница» Лена получила вместе с портативной радиостанцией и комплектом батарей справку с подлинной печатью больницы и подписью врача (работавшего в контакте с партизанами и десантниками). В справке удостоверялось, что вышеозначенная девушка 20 лет от роду в течение июня—июля ухаживала за раненым, ныне выписанным из больницы для дальнейшего прохождения службы во вспомогательном подразделении вермахта.

Когда она вернулась после учебы с радиостанцией «Север» в Борисов, «Белка» представила ее опытному разведчику Красной Армии Ивашкевичу, по кличке «Бодрый». Работал он в городе на лесопильном заводе.

Имея теперь в своем составе опытных разведчиков, эта группа в конце 1943 года установила появление в Орше 286-й охранной дивизии, а в начале 1944 года в районе Могилева — моторизованной дивизии СС «Фельдхернхалле», командиром которой в то время был генерал Штейнкеллер. Несколько позже группа «Бодрого» доложила командованию оперативной группы о перемещении штаба 4-й немецкой армии в район деревни Хлусово, в 25 километрах северо-западнее Орши. «Ребус», являясь помощницей Ивашкевича, регулярно передавала эти и другие важнейшие разведывательные данные командованию Красной Армии.

В апреле 1944 года группа «Бодрого» была направлена в Барановичи, где продолжала выполнять опасную, но очень нужную для Родины работу вплоть до освобождения города нашими войсками.

«Катя» и «Костюковский»

В конце мая 1943 года вслед за «Ребусом» на курсах радистов оперативной группы оказалась Галина Ивановна Веселовская, полька по национальности. Она была родом из поселка Колодище, Минского района. Ей исполнилось всего 18 лет. Работала она поваром в немецкой офицерской столовой «Харчук» на восточной окраине Минска.

Когда эта красивая, стройная и смышленая девушка появилась в лагере, среди десантников пошли пересуды:

— Да! Вот это невеста нашему подполковнику!

— Не думаю,— скептически возразил ординарец командира,— наш подполковник закоренелый холостяк.

— А чья ж она будет? Разве ж засидится такая красивая?

— Поживем, посмотрим,— усмехнулся Хамченков.

У десантников сомнения не рассеялись и после того, как Галю поместили в отдельном закутке землянки старшего лейтенанта Короткова.

— Надо же, как повезло связисту! — завидовали бойцы.

— Ну и что? Хорошая пара,— заключил сержант Васильев.— Оба что надо.

— Как бы это того... Не послужило дурным примером,— пожал плечами рядовой Атапин.

Весь этот разговор происходил в присутствии самого Огнивцева у лагерного костра, на котором готовилась наваристая пшенная каша на ужин. Командир что-то помалкивал да усмехался. Зато переводчик Дмитрий Юферев забеспокоился и проявил болезненный интерес ко всему сказанному. Он потихоньку отправился в землянку, где размещалась девушка.

— Клюнул наш Димка,— потер руки сержант Васильев.— На смотрины потопал...

Дмитрий Юферев, в душе своей писатель, лирик, был строгих нравственных правил. Как это так! Мужчина и женщина, да еще необычайной красоты, в одной землянке! И куда это командир смотрит! Молча ест кашу и посапывает... Не хватало еще нам здесь свадеб!..

Дмитрий Владимирович деликатно постучал в дверь, сколоченную из сосновых досок и, не ожидая разрешения войти, переступил порог землянки. Первым, что бросилось ему в глаза, была разобранная рация на столе, возле которой мороковала девушка. Рядом с ней сидел Коротков и что-то старательно объяснял ей, держа в правой руке электролампу. Увидев Юферева, начальник связи оторвался от беседы и спросил:

— Ты чего, Дмитрий?

— Я?.. Попозже зайду. Извините...

Выскочив из землянки, он лег на траву и расхохотался:

— Черти! Скалозубы! Так провести!!

И только тут он вспомнил потаенную улыбку на лице командира, сидевшего у костра. Конечно же, он тоже участвовал в ловком розыгрыше. Не зря же он вставил реплику: «Я не разрешал жениться никому. Но раз такая сильная любовь... Придется смириться». Собственно, эти-то слова и подхлестнули его, Юферева. «Ах, Дима, Дима! Как же ты опростоволосился?! — укорял себя Юферев.— Теперь будут ребята хвататься за животы при каждой встрече со мной. Но как же быть? Погодите же! Хорошо смеется тот, кто смеется последним!»

Юферев, как ни в чем не бывало, вернулся к костру, когда десантники допивали чай. На их лицах напускная серьезность и только что унятый смех.

— Ну, как, Дмитрий Владимирович, поздравили?

— Поздравил. А как же!

— Хороша?

— Не то слово. Толстовскую героиню Наташу Ростову себе представляете?

— Ну как же. Сказка! Мечта!

— Так вот и она почти такая же. А может, и получше. Не вовремя к молодым ввалился... Как раз легли отдыхать...

Десантники повскакивали с мест. Кто-то поперхнулся. А Дима с достоинством удалился.

История с появлением Гали Веселовской («Кати») в лагере была не простая. Однажды «Белка» доложила, что она познакомилась с симпатичной девушкой из офицерской столовой и подчеркнула, что в нее без памяти влюблен водитель легкового автомобиля, обслуживающего минское гестапо, Казимир Конвински, тоже поляк, уроженец Варшавы. Он хорошо знает русский язык, свободно говорит по-немецки и по-французски.

По данным, которыми располагали десантники, девушка ответила взаимностью Казимиру. Перед разведчиками встал вопрос: можно ли доверять ей? И что из себя представляет Казимир, ефрейтор войск СС? Не попадутся ли они сами на удочку гестапо, привлекая Галину на курсы?

Рассеяла сомнения сама Галя. В беседе с «Белкой» на очередной встрече она еще раз подтвердила готовность стать радисткой-подпольщицей и уверила, что и Казимир будет помогать ей в работе. Он ненавидит фашистов и проявляет лояльность к Красной Армии. На вопрос «Белки»: «Чем вы можете подтвердить это?» Галя ответила: «Казимир знает о советских десантниках, ищет контакты с ними и готов встретиться».

Предложение Галины было интересным и заманчивым. Иметь такую разведывательную группу, как Казимир и Галя, в самом логове врага — об этом можно только мечтать! На встречу решено было послать хорошо знающего польский язык заместителя командира оперативной группы по разведке капитана Гниденко. «Белка» своевременно предупредила Галю о предстоящей встрече. Та, убедившись, что переговоры будут вести военные, незамедлительно согласилась и обещала привести Казимира.

В апрельскую ночь в крайней хате одной из лесных белорусских деревень, расположенной южнее станции Колодище, при свете керосиновой лампы сидели десантники и ждали гостей, которые почему-то задерживались.

— Вряд ли придет Казимир,— усомнился старший сержант Базиров, сопровождавший Гниденко.— Ефрейтору войск СС отлучиться на продолжительное время не так-то просто.

— Поживем — увидим,— успокоил его капитан.— Я верю нашей «Белке».

Не успели они выпить по чашке кипятку с брусникой, как в дверь постучали. В хату вошли красивая девушка и высокий статный молодой человек в штатском. Их сопровождала «Белка».

— Товарищ капитан! — доложила она.— Ваше задание выполнено. Гости прибыли на переговоры.

Хозяйка дома, почуяв, что в ее доме находятся, знать, важные люди, засуетилась и начала ставить на стол нехитрые деревенские закуски. Появилась даже чудом сохранившаяся довоенная бутылка водки.

Гниденко отставил ее и перешел к делу:

— Уважаемый Казимир! Мы давно знаем вашу подругу Галину, и она во многом помогает Красной Армии приближать победу над врагом. А сейчас нам нужна и ваша помощь.

— В чем эта помощь заключается? — осторожно уточнил Казимир.

— Вы поляк по национальности. Вашу родину топчут кованые сапоги солдат Адольфа Гитлера. Сожжены сотни польских городов и сел, тысячи людей расстреляны и замучены. Предается огню и мечу все святое и дорогое сердцу поляков. Но наступает время возмездия немецким оккупантам!

— Все это так. Но я пока ефрейтор рейха. Я давал присягу.

— Неужели звание ефрейтора фашистской армии выше звания сына родины с ее многовековой историей, культурой, традициями? Неужели это сильнее любви поляка к своей родине? — спросил капитан.

Казимир не ожидал такого вопроса. Он как-то растерялся, опустил глаза, затем взял со стола рюмку водки и залпом выпил ее. В комнате воцарилась тишина. Казимир напряженно думал.

— У нас, извините, очень мало времени для разговора,— сказал прямо Гниденко.— Мы должны услышать от вас конкретное «да» или «нет».

Галя подошла к Казимиру, села с ним рядом, о чем-то шепотом заговорила с ним. Десантники вышли покурить на кухню. Осталось неизвестным, о чем разговаривали влюбленные, но когда десантники вернулись в комнату, то заметили, что настроение у Казимира улучшилось. Опять все уселись за стол. Капитан Гниденко поднял рюмку, произнес тост:

— За боевую дружбу между русским и польским народами!

Казимир заявил:

— Я согласен. Буду помогать. Ради счастья Галины и во имя победы наших народов. У меня с оккупантами особый счет, хотя у меня мать по национальности и немка. Они спалили и разгромили имение моего любимого дяди, расстреляли моего племянника. Прошу уточнить мои обязанности.

— Подробно обо всем договоримся на следующей встрече.

— Хорошо. Понял... Я впервые встречаюсь с представителями регулярной Красной Армии. Галя мне много рассказывала о вашей армии. На этой встрече я убедился в правоте ее слов. Вы можете отныне считать меня своим боевым товарищем.

— Спасибо за добрые слова,— сказал Гниденко.— Но перед тем, как попрощаться с вами, у нас есть еще одна просьба. Мы знаем ваши большие возможности и просим «отпустить» Галину с хорошими документами на два месяца на курсы радистов. А потом она вернется с радиостанцией, и вы будете вместе работать.

— Вопроса нет. Я все сделаю, чтобы исполнить эту просьбу. Но...

— Никаких «но». За ее здоровье и безопасность ответственность беру на себя,— сказал Гниденко.

Казимир согласился регулярно давать сведения о немецко-фашистских войсках, расположенных в Минском гарнизоне, и тут же без каких бы то ни было колебаний, решительно передал Гниденко сведения о составе Минского гарнизона. Это было его первое донесение, подтверждающее готовность помогать Красной Армии. В тот же вечер будущий разведчик получил новую фамилию «Костюковский».

Следующая встреча с Казимиром состоялась через неделю в деревне Глебковичи, недалеко от Колодище. Во время беседы Казимиру был задан капитаном Гниденко вопрос:

— Кого вы обслуживаете, как часто приходится выезжать в командировку и куда?

— Как водитель и переводчик русского языка я обслуживаю группенфюрера войск СС Гертенштейна. Два-три раза в месяц мы бываем на машине в командировках не только в России, но и в Польше. Часто летаем и на самолете, так как мой шеф побаивается нападения партизан. В этих случаях я выполняю роль денщика и переводчика.

— В каких городах довелось уже побывать?

— В Витебске, Смоленске, Могилеве, Орше, Бобруйске...

— Бывают ли у вашего шефа встречи с крупными начальниками и кого вы знаете из них? Назовите.

— В Минске Гертенштейн часто встречается с начальником СС и полиции обер-группенфюрером Карлом Ценкером. В Смоленске — с комендантом города генералом Эрихом Денеке. На днях в Минске был нанесен визит представителю ставки по борьбе с партизанами генералу Миллеру.

— Что за встреча? О чем шел разговор?

— Об уничтожении партизан и десантников, находящихся в лесах западнее Могилева. Эта операция начнется в ближайшее время с задачей очистить тылы группы армий «Центр» перед наступлением на Курской дуге.

— Понятно. Спасибо за новость.

Костюковский встал, слегка поклонился.

— Рад, что услужил! Что еще вас интересует?

— Бываете ли вы в штабах армий, входящих в состав группы армий «Центр»?

— В штабе группы армий «Центр» да. Он располагается в десяти километрах западнее Смоленска. В штабах армий нет. Но где они находятся — я знаю.

— Назовите,— попросил Гниденко.

— Штаб третьей танковой армии размещается в деревне Сосновка, двадцать километров южнее Витебска. Командующий армией генерал-полковник Рейнгардт.

— Так. Понятно,— отметил в своем блокноте Гниденко.— Четвертой?

— Штаб четвертой армии находится в деревне Шумячи, тридцать километров юго-западнее Рославля. Командующий армией генерал Хейтниц.

— Что знаете о штабе девятой?

— Штаб девятой дислоцируется в Орле. Раньше командовал армией генерал Модель. Теперь — генерал Гарпе.

Еще до знакомства с Костюковским штаб оперативной группы различными способами собирал сведения о штабах и войсках вермахта и располагал значительными разведывательными данными. Теперь же для сбора таких сведений появилась более широкая возможность. Дело в том, что Костюковский был, что называется, на колесах — в непрерывных поездках, и имел большие возможности для разведывательной работы, общаясь с довольно высоким начальством войск СС и фашистской армии. Сведения о дислокации армейских штабов и штаба группы армий «Центр», о командующих армиями были весьма ценными. Теперь Гниденко хотел знать и о появлении перед Западным фронтом новых частей и соединений врага. Он понимал, что Костюковского эти перемещения ранее вряд ли интересовали, но все же спросил о них.

— Если бы я имел раньше связь с вами, я непременно бы подробно узнавал о перемещении дивизий,— ответил Казимир.— А так мне известно лишь кое-что.

— А именно?

— Шел разговор между друзьями группенфюрера о появлении первой пехотной бригады СС и одной пехотной дивизии в третьей танковой армии. В район Бобруйска откуда-то прибыла танковая дивизия. Но когда и откуда — не знаю. Надо уточнить, проверить...

— Можете назвать номера появившихся соединений?

— Нет. Не запоминал. К чему они мне раньше были?

— Но теперь-то уже ничего не пропускайте мимо ушей. Теперь вы наш разведчик!

Казимир подхватился.

— Благодарю за доверие! Буду стараться... Разрешите отбыть? Мне надо вовремя вернуться. Опаздывать нельзя. У нас очень строго...

— Да, разрешаю,— понимающе кивнул Гниденко.— Будьте осторожны. Мы с вами не скоро увидимся. Разведывательные сведения до возвращения Галины передавать, как мы договорились, через ее родственницу.

А с возвращением Галины с «курсов» она будет вашей радисткой для связи с Центром.

В тот вечер Казимир получил боевую задачу по разведке противника не только в Минске, но и в Бобруйске, Орше, Смоленске. А Галина с его разрешения по надежным документам отправилась за Березину, к десантникам, на «курсы» радистов.

Костюковский — большой патриот Польши и друг советского народа — до последних дней своей жизни по заданию Центра регулярно сообщал и передавал командованию Красной Армии через радистку Галю («Катю») самые различные, но всегда весьма важные разведывательные данные. Погиб он в боях с фашистами на территории Польши в 1944 году.

Адам Фердерер

После разгрома фашистских войск под Курском и успешного контрнаступления Красной Армии летом 1943 года моральное состояние солдат и офицеров вермахта и их прислужников в тыловых гарнизонах на территории Белоруссии резко упало. Особенно это было заметно у чиновников гражданской администрации оккупационных властей, железнодорожных служащих. Некоторые из них в разговорах с русскими коллегами открыто выражали недовольство фюрером и оказывали на всякий случай небольшие услуги местному населению, набиваясь в друзья, чтобы потом, в трудную минуту, заручиться взаимной поддержкой для смягчения своей вины перед советскими людьми.

Начальник железнодорожной станции Смолевичи Адам Фердерер был одним из таких. Разгуливая по платформе, он часто вступал в разговоры с работающими на полотне железной дороги ремонтниками, шутил с ними на ломаном русском языке. Особенно любил Фердерер беседовать с молодыми девушками, которые часто по разным делам бывали на станции. Ему особенно нравилась среднего роста, стройная, красивая блондинка. Симпатии постепенно переросли в любовь.

Родители девушки, живущие в лесной деревушке южнее железной дороги Минск—Орша, не думали и не гадали, что к ним в зятья станет набиваться оккупант. Но так уж получилось. Высмотрев ее среди подруг, Адам стал допытываться, откуда она, где проживает. Девушка обманула его, назвала не свою деревню. Влюбленный не обиделся. В следующий раз потащился за ней следом. Чтобы как-то угодить возлюбленной и ее родителям, он прихватил для них чаю, сахара, соли и сигарет...

— О, господи! За что же нам такое посрамление? — ломала себе руки мать.

— Гони его прочь! Пускай подавится своим добром,— шумел отец.— Я не хочу позора на свою седую голову!

Девушка, конечно, не могла сказать родителям, что познакомилась с немцем на станции по заданию партизан и вынуждена будет и впредь встречаться с Адамом.

Высокий, поджарый, с красивым лицом Адам Фердерер продолжал свои ухаживания и вскоре предложил Марине, как звали девушку, в ближайшее время сыграть свадьбу.

Марина тонко играла роль невесты, одновременно передавая партизанам данные о воинских перевозках по железной дороге. Но надо было что-то предпринимать дальше, и Огнивцев решил попытаться через Марину привлечь Адама Фердерера на свою сторону и уговорить его работать в пользу Красной Армии.

Встреча с Мариной состоялась через несколько дней в одной из лесных деревушек. В темный сентябрьский вечер за столом, в чистенькой горнице сидели двое: Марина и старший лейтенант Кругликов Ф. П. Марина говорила:

— Я аккуратно выполняю все задания партизан, а вот чем я могу помочь десантникам — не понимаю... Ведь вы так далеко от нас, говорят, где-то за Березиной. Ума не приложу...

— Расстояние для нас не играет никакой роли. Нам стало известно, что вы в очень хороших отношениях с начальником станции Смолевичи немцем Фердерером. И мы бы хотели...

— Чтобы я вышла за него замуж? — улыбаясь, договорила Марина.

— Насчет замужества вам с партизанами самим виднее. Мы же просим вашей помощи устроить нам свидание с Фердерером.

— Мд-а... Тут у нас с вами едва ли что получится.

— Почему?

— Адам очень осторожный человек. Он ни за что не покинет Смолевичи ни на час. Хотя он и пользуется доброй репутацией, но все же побаивается гестапо.

— А если использовать его любовь к вам и все же попробовать его «вытащить»?

— А как? Какой повод придумать?

— Ну, скажем, ваше обещание выйти за него замуж и, естественно, сватовство в вашем доме, у ваших родителей.

— А что ж после сватовства? Я и на самом деле должна выйти за него замуж? — напугалась Марина.

— Неволить не станем, Марина. Но разыграть его сватовство необходимо.

— Если так, то ваше предложение принимаю,— согласилась девушка.

«Сватовство» было назначено на середину октября. На него в деревню приехал Алексей Гниденко в сопровождении старшего лейтенанта Щербакова и пяти десантников. Они устроились в крайней хате, неподалеку от опушки леса, рядом с домом Марины.

В назначенный день жених, видимо, из осторожности, не явился. Но десантники терпеливо выжидали.

И вот однажды к вечеру в деревню прикатил тарантас с разукрашенной дугой. В нем сидели Адам и два полицейских из Смолевичей с полотенцами через плечо. Родители буквально в полуобмороке слегли на печке. Такого позора в деревне отродясь не видали.

Первым вошел в избу Адам. За ним полицаи. Адам довольно сносно говорил по-русски и, смущаясь, объяснил цель своего визита.

Жениха и сватов принимал молодой мужчина с лукавыми глазами. Мать и отец с печи не слезли. Полицаи поставили бутыль самогона, бутылку шнапса, выложили на стол буханку хлеба, десяток яиц, куски сала и колбасы, немного шоколада. Невеста дополнила закуску солеными грибами и огурцами, квашеной капустой.

— А где же маты и тата невесты? — спросил один из полицаев, ставя у порога винтовку.

— Они больны, гостюшки дорогие. Хворы,— ответила невеста, кланяясь.

— А с кем же сговор вести? Кто нас принимать будет? За стол усаживать?

— Дядюшка вот родный,— представила невеста бедового энергичного мужчину.— Дядюшка, примите гостей, поговорите...

«Дядюшка» дополнительно водрузил на стол чугунок вареной картошки в мундире, кувшин клюквенного квасу.

— Чем богаты, тем и рады. Прошу к столу, господа! Поснедайте с дорожки, повечеряйте.

— А мы не вечерять приехали. Разве не видишь полотенце на плечах?

— Примерно догадываюсь, но сомнение берет.

Полицаи уселись за стол. От них уже изрядно несло сивухой. Адам шмыгнул под занавеску к невесте. Так положено при сватовстве.

— Это какое же сомнение? Что за сомненье такое? — спросил рябой полицай, нетерпеливо вытаскивая из бутылки длинными зубами тряпичную пробку.

— Да как же... Такая честь оказана крестьянской семье! Батя ее пастух, неумытый пахарь, бульбовоз... И вдруг становится родственником защитника германского рейха! Так я говорю? Не ошибся?

— Хватай выше! — вскинул палец над плешивой головой осоловевший полицай с хохолком над заплешиной.— Аж члена партии самого Гитлера! Выпьем же за жениха, нами сопровождаемого!

Выпили за жениха. Потом за невесту. За полицаев, что б им лучше жилось. За новый порядок в Белоруссии...

Полицаи, размягченные самогоном и теплом, пьяно запели. Адаму это не понравилось, и он вытолкал их вон из хаты, сказав, чтобы они проветрились и ожидали его у старосты.

Десантники из-за дома внимательно следили за Адамом и полицейскими. По приказу Гниденко они решили не трогать полицаев — пусть себе допивают самогон у старосты, не до них сейчас.

За столом в избе остались трое: жених, невеста и «дядюшка». Адам, изрядно выпивший, убеждал «дядюшку»:

— Я прошу не беспокоиться, мы будем жить оченно хорошо. У нас все будет.

— Где вы собираетесь жить, господин Адам?

— Как это где? Здесь, в Белоруссии.

— А кто вам разрешит?

— О! Это решено. Фюрер будет давать каждому солдату и служащему администрации сорок семь десятин земли.

— А вы в это верите, Адам?

— А как же? Я должен верить. Я — член национал-социалистской партии.

— А известно ли вам, что Красная Армия уже вплотную подошла к Белоруссии?

— О! Это временно. Фюрер готовит реванш и за Сталинград, и за Курск.

— Ну а если не будет этого реванша? Что тогда?

— О! Европа большая. Мы найдем место в Бельгии, Франции, Польше, Югославии... Там, где фрау Марина пожелает. В конце концов, у моего отца хороший особняк...

— Ну а если и в Европе для вас не останется места? Для фашистов, значит?

— О! Вы очень злой дядя. Не надо так. Я могу обижаться... Давайте, как это... по-родственному.

— Да, да... поговорим по-родственному. Для регистрации брака с иностранцем, как вы знаете, требуется разрешение соответствующего правительства. В данном случае Советского.

Светлые брови Адама взметнулись на лоб:

— Какого еще советского? Мы здесь хозяева. Мой фюрер!

— Ваш фюрер преступник. А вы, Адам Фердерер, оккупант. Сидите спокойно! Без шума! Именем Советской власти вы задержаны. Сватовство отменяется. Речь пойдет о другом, более серьезном деле.

— Кто вы? — простонал немец, валясь спиной к простенку.

— Капитан Красной Армии.

— Как вы здесь оказались?

— Мы всегда здесь. Мы на своей земле. В отличие от вас. Вы зачем сюда пришли? Убивать, грабить, увозить в Германию наших девушек!

— Я никого не убивал, не ограблял... Я только нес службу на станции. У меня хорошая репутация...

— Если бы было по-другому, вы были бы давно убиты,— жестко сказал «дядюшка».— Вы — наш враг. А у врагов одна репутация. Но разговор сейчас не об этом. Вы должны помочь нам.

— Я сделать этого не могу,— обливаясь холодным потом, промямлил Адам.— Я национал-социалист.

— Можете! Вы можете жить и без сумасшедшего Гитлера, как жили ваши предки. Если, конечно, захотите этого.

Адам закрыл глаза. Все кончено. Смерть. Он попал в западню. И зачем он приехал сюда, в эту паршивую деревушку? И вообще... Зачем ему Россия? Чтобы вот так умереть, сидя за столом перед русским офицером, который хлещет наотмашь жестокими словами? Зачем же я, чистокровный ариец, полюбил простую славянку? Постой, Адам! Это же большое человеческое чувство... А может, в словах офицера тоже есть истина? Гитлер звал к завоеванию жизненного пространства. Но разве у нас его не было? У отца тридцать гектаров земли. А у Геринга, Лееба их тысячи! Может, можно было обойтись своим и не лезть в Россию? Об этом ему не раз говорила и Марина, но он отшучивался, наперед уверенный в своей правоте и в том, что она, будущая его жена, в конце концов поймет его и согласится с ним. Видать, и вправду чужим добром богат не будешь... А тут еще Сталинград, Курск...

Лихорадочно работал мозг Адама. Еще многое было не ясно, однако выбора нет...

— Сохраните мне жизнь и скажите, что я должен вам для этого сделать,— сказал он, вытерев тыльной стороной ладони холодный пот со лба.

— Вы должны выполнять наши задания,— ответил Гниденко.— Точно и неукоснительно.

— Я сделаю все, только не убивайте меня. Я национал-социалист, но не фашист!

— Это одно и то же. Но мы знаем, что немец немцу рознь. Есть фашистские убийцы, грабители. Есть честные немцы, хотя и обманутые национал-социалистами. Мы, советские люди, с уважением относимся к немецкому народу, к труженикам, к искренним друзьям Эрнста Тельмана.

— Благодарю вас. Я еще буду много думать...

— Благодарите Марину. Она и ее товарищи усмотрели в вас искорку честности, доброты. С нами идут

тысячи настоящих сынов Германии. Они, не жалея себя, борются против Гитлера. Им и новую Германию строить. Идите к ним!

Адам немножко повеселел. На глаза его навернулись слезы. Он глотал их и говорил, говорил, будто хотел излить свою душу:

— Я верю, я знаю, что вы все, все русские,— добрые, хорошие люди. Мы для вас, наш фюрер принесли много горя, реки крови! Но мы будем искупать вину... Лично я, Адам Фердерер, хочу дружбы, мира. О, я бы просил вас выслушать один вопрос, господин офицер...

— Слушаю вас.

— Чтобы никто не знал наш разговор, кроме Марины. Пусть это будет большой секрет между нас. Я буду выполнять ваши задания. Если об этом узнает еще другой — мне капут. Гестапо...

— О нашем разговоре никто знать не будет. От вас, Адам, требуется немного: два раза в месяц передавать нам данные о перевозках войск, боевой техники, боеприпасов и горючего по железной дороге Минск—Орша через Смолевичи, об изменениях в численности воинских гарнизонов в городах Минск, Борисов.

— Я буду вести разведку?

— Да. Станете нашим разведчиком. За это вам сохраняется жизнь. За наиболее ценные донесения мы отблагодарим вас настоящими немецкими марками. Не оккупационными.

Адам молча кивнул головой.

— А теперь напишите все, что знаете о составе немецкого гарнизона в Минске,— сказал Гниденко.

Адам долго морщил лоб над бумагой, которая от него требовалась. Когда он закончил, Гниденко внимательно перечитал все и протянул ему руку:

— Будем друзьями, Адам. Вы еще долго будете вспоминать добрым словом этот час. Вам просто повезло, что вы встретились с Мариной. Судьба! Успеха вам, «господин Эрих». Это ваше новое имя.

Адам выпил рюмку водки и спросил:

— Господин офицер! Можно повидать Марину? Я ее сильно люблю. Это правда, господин офицер. Правда...

Гниденко, игравший роль «дядюшки», улыбнулся:

— Я думаю, можно. Если, конечно, Марина не возражает. Но хочу, чтобы вы знали! Марина сегодня поедет ко мне погостить.

— Она вернется? — обеспокоился Адам.

— Непременно вернется месяца через два. Постарайтесь за это время твердо решить: за новую Германию вы или за старую.

— Яволь...

«Эрих» оказался на редкость обязательным. Он аккуратно собирал данные о гарнизонах в Минске и Борисове. До мелочей учитывал воинские и другие перевозки по железнодорожной магистрали Минск—Орша и два раза в месяц передавал сведения десантникам. Командование оперативной группы благодаря этим донесениям имело возможность ежемесячно следить за изменениями в численности немецких гарнизонов в указанных городах, располагало абсолютно точными данными о перебросках живой силы, боевой техники, горючего и других грузов на фронт. Анализ воинских перевозок врага за несколько месяцев позволял разведотделу штаба фронта определять характер предстоящих боевых действий группы армий «Центр», в частности, 4-й армии, которая снабжалась всем необходимым в основном по этой железной дороге. «Эрих» не только занимался разведкой, но и оказывал помощь в направлении советских разведчиков в глубь фашистской Германии. Многие из них с надежными документами с помощью Адама садились на пассажирские поезда оккупантов на станции Смолевичи и благополучно добирались до места назначения. Это был у десантников первый немец-разведчик, член национал-социалистской партии, работавший против гитлеровской Германии. За добытые сведения и услуги, оказанные десантникам, он регулярно получал солидные суммы настоящих немецких марок. Не отказывался.

* * *

За пять месяцев (май—сентябрь) 1943 года благодаря умелой и энергичной работе офицеров-разведчиков оперативной группы во главе с капитаном Гниденко Алексеем Степановичем была решена нелегкая задача, поставленная Центром. В городах Могилеве, Борисове, Минске действовали надежные разведывательные группы. Для этих групп за три месяца в сложных условиях

из числа советских девушек-патриоток были подготовлены, устроены, прописаны и работали в указанных городах наши замечательные радистки «Ребус», «Катя» и «Вера». Рискуя ежеминутно быть схваченными гестапо, они, члены Ленинского комсомола, беспредельно преданные Родине, с честью выполняли свой долг перед советским народом. Это они помогли оперативной группе десантников решить одну из самых трудных задач — создать в крупных городах устойчивые и надежные разведгруппы со средствами связи.

С помощью партизанской разведчицы Марины был завербован и работал на десантников начальник станции Смолевичи Адам Фердерер.

Прощай, Березина! Мирных лет тебе!

Контрнаступление под Курском уже в начале августа 1943 года стало перерастать в общее стратегическое наступление Красной Армии. К началу октября войска Западного фронта продвинулись на глубину до 250 километров, завершили освобождение города Смоленска и области, вышли к границе Белоруссии. Войска Брянского фронта 17 сентября освободили Брянск и Бежицу. Преследуя врага, в конце сентября они вступили на территорию Белоруссии и заняли районный центр Могилевской области Хотимск, а 30 сентября во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта — город Кричев.

В октябре—ноябре 1943 года советские войска, действовавшие в тяжелых условиях местности и при неблагоприятной погоде, очистили от врага ряд восточных районов Белоруссии. 26 ноября был освобожден первый областной центр Белоруссии город Гомель, в котором в марте 1944 года состоялась VI сессия Верховного Совета республики.

К началу 1944 года линия фронта в Белоруссии проходила в 15—60 километрах восточнее Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска и далее по Припяти до Ковеля и местами вплотную приблизилась к районам дислокации десантных отрядов.

Временами, особенно ночью и на зорях, разведчики оперативной группы отчетливо слышали артиллерий-

скую канонаду и грохот бомб в низовьях Березины, в районе Паричи и за Днепром.

— Идут наши! Поспешают братья-славяне! — безмерно радовались бойцы.

— Давно бы пора.

— Скоро сказка сказывается, а дело — оно эвон какое! Гитлер со всей Европы, стервец, собрал металл на нашего брата.

— Ничего... Выдюжили. Хотя хлебнули лиха.

— Теперь пусть расхлебывают они... Вчера парня одного встретил из Смоленского партизанского отряда, прибыл на связь с нашими партизанами. Рассказывал, как драпает ноне фашист. Те, что на машинах, еще ухмыляются. А те, что пехом, еле ноги волокут. Грязные, вшивые, ободранные, все в бинтах... Страх поглядеть. Запаршивели, как крысы с помойки.

— Э-э, не скажи, брат. Еще будут по-волчьи огрызаться. Я помню, на облаве подбил одного. Подбегаю — кровь хлещет из брюха, хвост откинул, а клыки скалит. Сунул ему приклад — он угол так и отхватил.

— Да,— вздохнул сержант Флягин.— Трубить «отбой» пока рано. Интересно, где еще обживутся? Может, тут, на Березине? Или под Минском? Тогда нам туго придется.

— А ты, паря, у Гитлера спроси,— отозвался из угла землянки старшина Хамченков.— Он тебе на ушко скажет.

— Ни хрена тот Гитлер не знает. Мылят ему холку.

— Тут уж как наши с силами соберутся...

Много было их, разговоров. И шуточных. И серьезных. Судили-рядили, гадали-предсказывали. А конец один: только бы поскорее она пришла, родимая Красная Армия, только бы где не задержалась.

Огнивцев с добрым сердцем слушал эти байки, улыбался, радовался хорошему настроению бойцов и думал о своем. Сумеет ли Красная Армия с ходу прорвать сильные укрепления врага под Витебском и Бобруйском, форсировать Днепр и занять Оршу и Могилев? Видимо, нет. Слишком тяжелые бои пришлось вести ей на центральном участке советско-германского фронта.

Как показали последующие события, предпринятое наступление силами трех фронтов не достигло своих целей. Войска 1-го Прибалтийского фронта в феврале

1944 года во взаимодействии с Западным фронтом возобновили кровопролитные бои под Витебском, нанесли тяжелые потери фашистским дивизиям, но овладеть городом не смогли. Войска Белорусского фронта в январе—феврале овладели Мозырем, Калинковичами, Рогачевом, форсировали Днепр и захватили плацдарм на противоположном берегу. Занять же Бобруйск и развить наступление на Минск, как это от них требовалось, они оказались не в состоянии.

Зима 1943/44 года застала десантников в тех же Усакинских лесах, между Друтью и Березиной. Как и прежде, они вели непрерывную разведку, активно действовали вместе с партизанами Могилевщины, Бобруйского и Борисовского районов на коммуникациях врага. Однако их боевая деятельность значительно осложнилась, так как немецкие гарнизоны западнее Днепра непомерно разбухли и ощетинились...

В феврале 1944 года, в связи с приближением линии фронта к районам дислокации московских десантников, Центр принял решение расформировать штаб оперативной группы. Часть офицеров во главе с Огнивцевым была отозвана в Москву, а капитан Колюпанов, старший лейтенант Кругликов, лейтенант Котельников получили новые боевые задания и ушли на запад, на самостоятельную работу. Десантные отряды и группы Сороки, Вацлавского, Гниденко, Науменко и другие подвинулись поближе к советско-польской границе. Переместились на запад и разведывательные группы со своими радиостанциями, успешно действовавшие в Могилеве, Борисове и Минске.

В ходе Белорусской операции советских войск летом 1944 года московские десантники соединились с наступающими частями Красной Армии. Во многих районах они совместно с партизанами освобождали населенные пункты, узлы дорог и удерживали их до подхода регулярных войск.

Бесстрашные и мужественные разведчики, имея надежные документы, ушли западнее, обосновались в различных городах и продолжали свое трудное и опасное дело, верой и правдой служа Советской Родине.

Эпилог

Вот и завершилась боевая эпопея московских десантников. Они стояли на берегу Березины плечом к плечу в десантных тужурках, износившихся, местами прожженных, в облинялых пилотках и измятых фуражках, с автоматами на груди, гранатами, фляжками, наполненными лесной ключевой водой, и молча смотрели на неспокойные вечные воды.

До Усакинского леса, деревни Жабовка-Партизанка каких-то десять—двенадцать километров. Можно бы пройти туда и там, прощаясь с лесными полянами, проститься со всей, ставшей для них родной Белоруссией. Но они пришли на Березину, материнскую колыбель их подвига. Лесные же поляны — их партизанский дом при Березине.

Сколько же их было, когда купола парашютов опустили их сюда, в прибрежные леса Березины? Десантировались дважды. Первый раз это были группы Лели Колесовой, Бориса Вацлавского, Григория Сороки, Алексея Бухова. Всего более сотни отважных сынов и дочерей Родины. Они прыгали в неизвестность. Затем уже прибыли к ним воины штаба оперативной группы — еще 38 человек, наполовину — офицеры. Восемнадцать коммунистов, двадцать — с комсомольскими билетами. Маленькая, но железная гвардия!

Командиры всех знали поименно. Знали, что они молоды, жизнелюбивы, но готовы умереть за самое прекрасное — счастье и свободу Отчизны. И когда бил суровый час, они умирали, как патриоты, как герои.

Сколько же их осталось теперь? Из состава оперативной группы погибло двенадцать, тяжело ранены и отправлены на Большую землю шестеро. Значит, осталось двадцать. Понесли ощутимые потери и десантники Вацлавского, Сороки, Бухова... Большинство из оставшихся в живых летом 1944 года влились в наступающие части Советской Армии и продолжали храбро сражаться с ненавистным врагом. Не все из них дожили до светлого Дня Победы...

А где же одиннадцать из двенадцати девчат? В строю только Нина Шинкаренко, одинокая и печальная... Навсегда остались на берегах Березины командир девушек-десантниц Леля Колесова, Зина Морозова, Надя Белова, Тамара Махонько, Вера Ромащенко, Тать-

яна Ващук, Ариадна Фанталова, Аня Минаева, Настя Алексеева. Сима Лисова и Алевтина Лапшина, будучи в разведке, были схвачены полицаями, и их судьба оставалась неизвестной.

В белорусской земле лежат замечательные русские парни капитан Бухов, старший лейтенант Михайлов, старшина Озеров, разведчица Тася Лисина, украинцы лейтенант Паучок, старшина Виноград, сержант Маковец, белорус рядовой Березка, казахи старший сержант Базиров, младший сержант Сандыбаев и многие другие.

Помни этих героических парней и девушек, Березина! Люди, которым доведется тут жить или приезжать на Березину, не забывайте никого!

Когда вы будете проезжать по железной дороге Москва—Минск через станции Славная, Крупки, Смолевичи, Колодище, выгляните в окно вагона и отдайте дань благодарности тем бесстрашным юным патриотам, которые днем и ночью громили тут врага и отдали свою жизнь, чтобы через эти станции катили не эшелоны с пушками и танками, а мирные поезда на Минск, Брест, Варшаву и Берлин. Не забывайте и отважных девушек-подпольщиц, которые ежеминутно, рискуя своей жизнью, глухими ночами сидели за радиостанциями, выстукивая морзянкой до зарезу нужные для Красной Армии разведывательные сведения. А когда поезд, прогрохотав по мосту через Березину, быть может, остановится в тихом городе Борисове, выйдите из вагона и поклонитесь земле, где геройски действовали удивительные девушки-комсомолки Леля Колесова, Елена Синкевич — «Ребус», коммунист Аня Куликова. Представьте себе на минуту город, набитый гитлеровской солдатней, гестаповцами, натасканными собаками-ищейками, и среди этой мрази — идущую по городу с пистолетом под плащем легендарную народную мстительницу с Волги — Лелю Колесову, быть может, вам выпадет счастье пережить хоть тысячную долю того, что пережила она.

Чуть дальше, в сосновом бору, промелькнет полустанок Печи. Тут было гнусное осиное гнездо — штаб гестапо. Здесь вырабатывались самые изуверские формы и методы борьбы со всеми теми, кто не соглашался с «новым порядком» бесноватого фюрера. А в самих Печах витали пытки и смерть на каждом шагу. Но нашлась девушка, презревшая муки и смерть. Она много

раз проникала сюда с поддельными документами, с фальшивым кузовком торговки и добывала так нужные Родине данные о врагах. Будете в Минске — вспомните самоотверженных разведчиков Галину Веселовскую и Казимира Конвински, работавших на Красную Армию под боком у штаба группы армий «Центр», на виду у начальника упразления войск СС и полиции.

Проезжая по сказочно красивой, богатой земле, вспомните, что белорусский народ в дни оккупации подвергался страшной опасности полного физического истребления, или, как теперь принято говорить, геноцида. Гитлеровцы уничтожили в Белоруссии свыше 2200 тысяч мирных жителей и военнопленных. По плану «Ост» намечалось выселить три четверти жителей Белоруссии в Западную Сибирь и онемечить остальных.

Но никакие зверства немецко-фашистских захватчиков не сломили волю народа. Он оставался гордым, непокоренным. Советские патриоты вели непримиримую борьбу против иноземных поработителей. Эту борьбу направляла Коммунистическая партия Белоруссии, ее Центральный Комитет на основе указаний ЦК ВКП(б). В республике существовала широко разветвленная сеть партийного и комсомольского подполья. К лету 1944 года здесь действовали 7 подпольных обкомов партии, 4 межрайонных партийных комитета, 125 райкомов и горкомов, 237 подпольных территориальных организаций, 543 первичных организации в партизанских бригадах и отрядах.

В течение трех лет оккупации на белорусской земле неугасимо бушевало пламя партизанской борьбы. В партизанских бригадах и отрядах насчитывалось свыше 440 тысяч бойцов. Они истребляли гитлеровских солдат, офицеров, генералов, чиновников и их прихвостней — предателей народа, громили штабы оккупантов, нарушали вражеские коммуникации, вели «рельсовую войну», срывали административные и хозяйственные мероприятия германского командования. Своими активными действиями партизаны держали немецкую армию в постоянном напряжении и страхе. Гитлеровцы вынуждены были охранять каждую железнодорожную будку, каждый мостик и переезд. Они не решались оставить без охраны ни одно учреждение. Но ничто не могло спасти оккупантов. Всюду их подстерегало справедливое возмездие. К лету 1944 года партизанские отряды и брига-

ды в тылу врага, несмотря на понесенные потери, представляли собой внушительную силу. На оккупированной части республики сражались 150 бригад и 49 отдельных отрядов.

Весь народ, от мала до велика, поддерживал партизанское движение. Он питал его материально и духовно. Белорусы знали, что Красная Армия придет. С востока, откуда восходит солнце, со стороны Москвы, люди ждали свое освобождение, и оно пришло к ним летом 1944 года.

Московские разведчики-десантники — это лишь очень маленькая частица огромной армии народных мстителей Белоруссии, действовавшей на Березине. Но и она внесла свой немалый вклад в разгром врага, в обеспечение командования Красной Армии важными разведывательными данными.

...Прогремел прощальный оружейный салют. Тишина обняла Березину. Счастливые минуты тишины — предвестницы той, большой, которая должна прийти сюда с Днем Победы. Где-то на западном берегу реки вздрогнуло зарево и сейчас же, словно испугавшись, померкло.

Прощай, Березина — гордая, не покоренная врагом река! Полноводья тебе, тишины. Да поют тебе соловьи! Да выходят на твои берега парни и девушки с луговыми, лесными цветами.

Оглавление

Первая военная зима 5
Подбор людей 11
До свидания, родная Москва! 23
На белорусской земле 28
Хозяева мнимые и истинные 33
Встреча с командирами десантных отрядов и групп . . . 40
Старший лейтенант Сорока 48
Девичий «атаман» 57
Борис Вацлавский 71
Алексей Бухов 78
Бургомистр Станкевич «вербует» полицейских 88
Девичий «атаман» в городской управе 94
Первые удачи 100
На шоссе Минск—Москва 111
Это случилось в Выдрице 114
Допрос карателей 122
Последняя дерзость Спрогиса 128
Телеграмма из Центра 136
Переполох в Борисове 146
Гибель переводчика Озола 155
Решение на выход из ловушки 159
Через шоссе — в южные леса 166
Усакинские леса. В подпольном обкоме партии 173
Столкновение в деревне Васильевка 181
Партийное собрание 185
В окруженном районе 192
Ночь на лесном «аэродроме» 202

В штабе фронта. Встреча с командующим 210
Зимний рейд на Гомельщину 217
Бросок к Днепру 226
Тревога в лесном лагере 232
Переполох в Рогачеве 236
Возвращение отряда Алексеева 241
Встреча с «пантерами» 247
Майская блокада 251
На волосок от гибели 265
Особое задание 271
Горничная из Могилева 277
Разгром учебного центра 286
Нежданный «гость» 292
«Рельсовая война» 298
Трудная задача 304
«Катя» и «Костюковский» 310
Адам Фердерер 317
Прощай, Березина! Мирных лет тебе! 325
Эпилог 328

Одинцов А. И.

О11 Непокоренная Березина.— М.: ДОСААФ, 1985.— 333 с., 8 л. ил.

В пер.: 1 р. 40 к.

В предлагаемой книге генерал-полковник А. И. Одинцов рассказывает о героических делах разведчиков Западного фронта, действовавших рука об руку с партизанами в Белоруссии, в оперативном тылу немецкой группы армий «Центр». Разведывательно-диверсионный отряд во главе с прославленным командиром А. К. Спрогисом и сменившим его И. А. Огнивцевым с риском для жизни добывал важные сведения, необходимые командованию фронта для планирования и проведения операций, организовывал крушения воинских эшелонов, уничтожал автоколонны, участвовал в развертывании «рельсовой войны», громил гитлеровские комендатуры и полицейские участки, стойко и мужественно отражал налеты карателей.

Для массового читателя.

О $\frac{4702010200—083}{072(02)—85}$ 75—85

ББК 84Р7
Р2

Александр Иванович Одинцов

НЕПОКОРЕННАЯ БЕРЕЗИНА

Заведующий редакцией И. Д. Носков
Редактор Н. Г. Стасенко
Художник В. П. Васильев
Художественный редактор Н. Д. Михайлин
Технический редактор З. И. Сарвина
Корректор Л. И. Логункова

ИБ № 1833

Сдано в набор 08.02.85. Подписано в печать 02.07.85. Г-83684. Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. п. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 20,06. Уч.-изд. л. 19,12. Тираж 150 000 (1-й завод —01—75 000) экз. Заказ № 68. Цена 1 р. 40 к. Изд. № 1/е-196.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР.
129110, Москва, Олимпийский просп., 22.

Областная книжная типография.
320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20.

Магазин «Военная книга» принимает предварительные заказы на интересующие Вас издания по годовому плану выпуска литературы Издательства ДОСААФ СССР. Здесь Вы можете получить необходимые справки о вновь выходящих и имеющихся в наличии книгах нашего Издательства.

Покупатели, проживающие в населенных пунктах, где нет магазина «Военная книга», могут направить заказ в ближайший отдел «Военная книга — почтой».

Адреса отделов «Военная книга — почтой»:

480091, Алма-Ата, ул. Кирова, 124
690000, Владивосток, ул. Ленинская, 18
252133, Киев, бульвар Леси Украинки, 22
443099, Куйбышев, ул. Куйбышевская, 91
191186, Ленинград, Невский просп., 20
290007, Львов, просп. Ленина, 35
220029, Минск, ул. Куйбышева, 10
113114, Москва, Даниловская наб., 4а
630076, Новосибирск, ул. Гоголя, 4
270009, Одесса, ул. Перекопской дивизии, 16/6
226011, Рига, ул. Крышьяна Барона, 11
344018, Ростов-на-Дону, Буденновский просп., 76
620062, Свердловск, ул. Ленина, 101
700077, Ташкент, Луначарское шоссе, 61
380007, Тбилиси, пл. Ленина, 4
720001, Фрунзе, ул. Киевская, 114
698038, Хабаровск, ул. Серышева, 42
672000, Чита, ул. Ленина, 111а

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190